

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 79.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Октября 4 дня, 1855 года.

«Смоприте, батюшка, дико-на какая:
Тамъ прицать гирь, а здѣсь одна пажель ихъ!»
—То фунпы, милой другъ, а эшо пудова...—
Мудрецъ важнѣй толпы въ сужденіяхъ своихъ.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОДНО СЛОВО.

Одно слово! Сколько заключается въ эшомъ *словѣ!* Сколько выражено пятью буквами!.. *Однимъ словомъ* можно занять филолога на цѣлыя супки, не испощая предмета: споль оно можеть бытъ разнообразно, многосложно; споль неисчерпаемо для наблюдателя!

Одно слово имѣеть пысячу измѣненій въ смыслѣ. Оно многозначуще и ничего не значить. За *одно слово* два человекъ дерупся на смерть, цѣлыя арміи сражаються. За *одно слово* судяцца; за *одно слово* миряцца. Главное состоишь въ значеніи сего слова.

Иногда желаніе сказать острое слово заставляеть сказать дерзкое слово.

Иногда говорятъ (тѣ, которые пользуются особою привилегіею) *словеско* на ухо начальнику, и эшо словечко часто бываеть вреднѣе для нѣкоторыхъ, нежели пысяча словъ, сказанныхъ о нихъ вслухъ. Въ неприѣмный день проситель являеться къ судѣ, желая сказать ему полько *одно слово*, и ему

отказывають. Какая жестокость! Для *одного* полько *слова* судья не имѣеть времени! Важнаго же или богапаго просителя судья принимаетъ на *одно слово*—и нѣсколько часовъ слушаеть эшо *слово*; бѣдные же, ниче-го незначащіе испцы, ждуть, пока кончипся эшо *слово*, и не дождавшись, должны иппи обратню.

Острое слово болѣе всего имѣеть свою выгоду и невыгоду: нерѣдко случается, что за такое слово выходятъ въ люди; чрезъ *одно слово* дѣлаются извѣстными, и за *одно* же *слово* перяютъ мѣспа, уѣзжаютъ на пельды воды, изъ гласной буквы разжало-вываються въ безгласный ъ.

За *однимъ словомъ* поэтъ просиживаеть цѣлыя супки, и оно не даеться, между тѣмъ, какъ пысяча ненужныхъ словъ приходишь ему въ голову. Одно слово украшаеть періодъ; одно слово порпипъ всю пьесу.

Изъ всѣхъ злоупотребленій наибольшее состоишь въ употребленіи словъ.

У дѣшей свое *слово*; нѣкоторыя женщины имѣють свое *гестное*, собспвенно имъ при-

надлежащее слово; у купцевъ свое *последнее слово*; у карпёжныхъ игроковъ свое *благородное слово*. Но кто же вѣрится эпимъ словамъ?..

Словомъ, пѣтъ ничего прекраснѣе, ужаснѣе, умнѣе, утѣшительнѣе, и вмѣстѣ способности привести въ опчаяніе, — какъ *одно слово*, сказанное во время, или некстати, вслухъ или на ухо, въ веселомъ расположеніи духа или съ угрюмымъ видомъ, днемъ или ночью, послѣ обѣда или напоощакъ. Для иныхъ это *слово* есть самая вредная, а для другихъ самая полезная вещь въ свѣтѣ; для иныхъ оно слишкомъ непріятно, а для другихъ слишкомъ восхитительно; инымъ придаетъ, у другихъ опнимаетъ апешитъ.

Я бы могъ сказать вамъ еще нѣсколько *словъ*; но боюсь, чипапели, чпобъ вы не поймали меня *на словъ*.

П—к—67.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МЫЗНИКЪ БРАСФИЛЬДЪ.

Въ Пульней-Бриджѣ, близъ Бирмингама, въ Англіи и теперь еще сохранилось одно замѣчательное зданіе, въ которомъ окна замѣнены продолговатыми бойницами, а стѣны образуютъ множество угловъ, выступовъ и впадинъ. Зданіе сіе было построено въ послѣдніе годы царствованія *Карла II*, по плану и подъ руководствомъ небольшой конгрегаціи Римскихъ Капюликовъ. Монастырь по внутреннему расположенію и крѣпость по наружному виду, оно заключало въ себѣ множество тайныхъ переходовъ, выходовъ, опускныхъ дверей, попаенныхъ лѣспилицъ, и толщина стѣнъ его, крѣпость желѣзныхъ воротъ, многочисленныя опверстія, которыми была усѣяна его ограда, дозволили бы Папистамъ выдержатъ продолжительную осаду, еслибы происшествія оправдали ихъ надежды и подвигли къ смертному бою двѣ сильныя религіозныя партіи, на кои раздѣлялась въ то время Англія.

Въ 1821 году жилъ въ этомъ зданіи мизникъ *Брасфильдъ*. Довольно широкій вну-

ренній дворъ, колодезь, фонпанъ, кладовыя, наполненныя хлѣбомъ и разными припасами, представляли тому, кто захопѣлъ бы поселиться въ семь убѣжищъ, почти всѣ жизненные удобства. — Освободясь отъ дневныхъ прудовъ и надзора за рабочими, *Брасфильдъ* запираетъ за собой желѣзныя ворота, и съ тѣхъ поръ ни малѣйшій шумъ не обнаруживалъ присутствія живаго существа во внутренности мрачнаго зданія. Мизникъ не допускалъ въ свою бесѣду ни одного изъ своихъ собратій; онъ мало говорилъ, исправно платилъ долги, ни съ кѣмъ не входилъ въ короткость, и, по видному, ни мало не заботился о пошлой общей непріязни, которую пипали къ нему въ околodкѣ. Владѣя довольно безплодными землями, онъ употребляетъ для обрабатыванія ихъ много работниковъ, и хотя доходъ, который онъ приносили, былъ весьма незначителенъ, но въ образѣ жизни его замѣненъ былъ избытокъ. Никогда нищій не опходилъ отъ дверей его, не получивъ подавнія; подаши, налоги и даже десятинная пошлина, которую Англіійскіе земледѣльцы платятъ такъ неохотно, всегда бывали уплачены *Брасфильдомъ* прежде истеченія срока. За то всѣ мизники, его собратія, на десять миль въ окружности, громко осыпали его ругательствами и проклятіями. Онъ былъ вдовъ и жилъ одинъ съ своею дочерью, *Жанеттою*. Это была мимовидная, добрая и тихая дѣвушка, никогда не покидавшая своего отца, но въ глазахъ своихъ сосѣдокъ виновная въ ужасномъ преступленіи. Она имѣла фортепіано, купленное *Брасфильдомъ* съ аукціона послѣ одного разорившагося банкира. Вообще, онъ далъ своей дочери отличное воспитаніе; у неѣ была хорошо составленная библіотека; она училась верховой ѣздѣ, какъ знатная дама, и, казалось, была единственнымъ въ мірѣ существомъ, къ которому *Брасфильдъ* чувствовалъ нѣкоторую привязанность.

Въ физиогноміи и приемахъ *Брасфильда* было что-то удивительно отвратительное. Его военная осанка, высокій лысый лобъ, прямыя и нависшія на впалые глаза брови, суровый взглядъ, пренебреженіе, выражаемое

сжатými его губами, обличали въ немъ пвердоспъ духа и даже силу души, но такую пвердоспъ и силу, которыхъ не успрашаетъ и пресупленіе. Онъ дѣлалъ въ окрестности много добра; каждыя двѣ недѣли его рабочіе получали извѣстную сумму сверхъ положеннаго жалованья; по испеченіи года, каждый изъ нихъ могъ пвердо надѣяться, что его не оставятъ безъ награжденія. Не смотря на то, всѣ его ненавидѣли по какому-то внушенному инстинкту, часто обманчивому, но иногда довольно вѣрному и основательному. Одни говорили, что онъ служилъ, и за дурное поведеніе былъ выключенъ изъ списковъ арміи; другіе почитали его старымъ конспрабацисмомъ, избѣжавшимъ опасностей своего гибельнаго промысла; претѣи, бывшимъ членомъ мошеннической республики Ботани-Бел; наконецъ иные называли его дѣлашемъ фальшивыхъ ассигнацій, производившемъ пѣхъ подложныхъ банковыхъ билетовъ, которые наводняли въ то время Англію.

Долго слухи сіи казались неосновательною клеветою; никакіе доводы не говорили въ невыгоду *Брасфильда*, ибо нельзя было почестъ достапочными доказательствами спрапность его характера, любовь къ удивленію и довольство, которыми онъ пользовался. Онъ всегда расплачивался наличною монетою; каждому изъ музыковъ, враговъ его, случалось получать иногда фальшивые банковые билеты, но никто не помнилъ, чтобы подобный билетъ вышелъ когда-либо изъ рукъ *Брасфильда*. Тѣмъ болѣе его ненавидѣли, и пѣмъ хуже отзывались о немъ, чѣмъ менѣе онъ заслуживалъ нареканіе, будучи исправнымъ въ плажеѣ, вѣрнымъ своему слову, оспорожнымъ въ разговорѣ, и оказывая, по крайней мѣрѣ наружно, спражайшее благочестіе. Честность, увѣренная въ самой себя, можетъ иногда освобождать себя отъ сихъ наружныхъ изьявленій вѣры; но законѣный порокъ обыкновенно прикрывается личиною лицемерія.

По несчастію, *Брасфильдъ*, который, при всей своей молчаливости, иногда позволялъ себѣ дерзости и лишкомъ занощивыя выраженія, навлекъ на себя одною подобною

выходкою неудовольствіе мѣстнаго полицейскаго чиновника. Чиновникъ сей назывался *Гаврелемъ Дирлоди*. Ему непосредственно было поручено начальствомъ изслѣдовать источникъ пропиво законнаго сославленія банковыхъ билетовъ, пайное средоточіе котораго заключалось, какъ полагали, въ Бирмингамскомъ округѣ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ было пущено въ обращеніе болѣе пидцати тысячъ фальшивыхъ билетовъ разнаго достоинства; бѣдники, которыхъ увеличи въ это мѣ, были повѣшены, но истинные виновники по прежнему остались свободными отъ припязаній правосудія. Выгоды ихъ были чрезвычайны, способы сообразны съ годами, а вліяніе на подвластныхъ имъ агентовъ довольно сильно; чтобы совершенно обезопасить ихъ отъ наказанія, чрезъ пожерпование немногими бездѣльниками, которыхъ они сами предавали въ руки правосудія.

Гаврель Дирлоди встрѣтилъ однажды *Брасфильда* на Бирмингамскомъ рынкѣ, куда онъ постоянно являлся по разнымъ домашнимъ дѣламъ. Опношенія, существовавшія между ними двумя людьми, долго оставались неизвѣстными. Вопросъ, съ которыми *Дирлоди* обратился къ музыку, былъ встрѣченъ со спороны сего послѣдняго вспышкою досады.

— Вамъ на ней женитесь? — вскричалъ *Брасфильдъ*.

«А почему-жъ не такъ?»

— Женитесь на моей дочерѣ? —

«Я васъ прошу за меня выдать еѣ.»

— Я не хочу вамъ отвѣчать на это. —

«А я не заставлю васъ ждать отъ меня возраженія...»

— Это въ вашей волѣ. —

«Берегитесь. Таковъ ли вашъ рѣшительный отвѣтъ?»

— Да! —

Краткій разговоръ сей происходилъ въ воскресный день, въ Апрель 1821 года. Въ слѣдующій понедѣльникъ, небольшою, хорошо вооруженною опрядъ, состоявшій изъ десяти конныхъ солдатъ, подъ предводительствомъ сержанта и въ сопровожденіи

полицейскаго чиновника, медленно слѣдоваль по дорогѣ изъ Бирмингама въ Пульпней-Бриджъ. Заранѣе было извѣстно, что въ этотъ день *Брасфильдъ* долженъ будетъ оплутиться въ Ловбарнъ, деревушку, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Пульпнея. Блюспипели правосудія надѣялись въ его опсупствіе захватить орудія его пресупнаго промысла, а однажды овладѣвъ сими важными средствами улики, они могли бытъ увѣрены, что человекъ, которому въ сосѣдствѣ никто не захотѣлъ бы дать приспанища, неминуемо попадетъ къ нимъ во власть. При всемъ помѣ, рѣшимость, мужество и физическая сила мызника внушали имъ сполько опасенія, что они сочли за нужное выполнить свое предпріятіе вооруженною рукою. Два или три работника, преданные *Брасфильду* и сходные съ нимъ по своему характеру, жили подлѣ спараго зданія, и потому можно было ожидать, что они помогутъ ему опразить силу силою. *Гаврель Дирлоди*, заплѣвшій эту юридическую осаду, сдѣлалъ всѣ распоряженія съ благоразуміемъ врага, который спарается не упустить своей добычи.

Драгуны сначала разсѣялись по большой дорогѣ, чтобы удачнѣе скрыть свое намѣреніе, но приблизившись къ пропикѣ, ведущей въ жилище *Брасфильда*, помчались во весь опоръ, и въ двѣ минушы очутились у главныхъ воротъ, которыми обыкновенно бывали отворены. На этотъ разъ оказалось противное. Куча большихъ древесныхъ пней загораживала ихъ извнѣ; дадѣе пустыя бочки и двуколесныя крестьянскія тележки образовали предъ ними родъ вала. Ни одного живаго существа не видно было подлѣ дома, и тишина, которая царствовала вокругъ, нарушалась только глухимъ шумомъ кузнечныхъ мѣховъ, раздававшимся въ спѣнахъ зданія; изъ длинной трубы высоко поднимался въ воздухѣ сполбъ густаго дыма.

«Кой чортъ помогъ ему узнать о нашемъ прибытіи?» сказала *Гаврель* сержанту.

— Я закладъ держу, что онъ и не выходилъ отсюда, — отвѣчалъ сержантъ.

«Такъ мы до него доберемся.»

Очиспивъ себѣ дорогу сквозь цѣпь описанныхъ укрѣпленій, начальники опряда разспавили въ нѣкоторомъ располнн другъ отъ друга часовыхъ, которые должны были остановить *Брасфильда*, если бы онъ вздумалъ бѣжать; двое драгунъ, сержантъ и *Дирлоди*, съ своимъ *warrant* (приказъ о взятіи подъ спражу), подошли къ воротамъ. Вооружась дубовою просью съ мѣднымъ крючкомъ на концѣ, которая служила признакомъ его званія, *Гаврель* попытался было отворить тяжелыя ворота, но просья переломилась у него въ рукѣ. Сержантъ поднялъ пень орѣховаго дерева, лежавшій на землѣ, и, схвативъ его обѣими руками, ударилъ въ ворота; желѣзныя веревки издали пропьяжный звонъ, но все осталось на мѣспѣ по прежнему.

Недалеко отъ воротъ стояла лѣспница; сержантъ приставилъ еѣ къ спѣнѣ и взобрался къ одной изъ бойницъ, чрезъ которую освѣщалась внутренность сей крѣпости. Кромѣ пого, что отверстіе было чрезвычайно узко, пять или шесть желѣзныхъ полосъ пересѣкали его горизонтально извнѣ, а изнутри оно было заспавлено крѣпкимъ дубовымъ спавнемъ. Сержантъ хотѣлъ вырвать одну изъ сихъ полосъ, и успѣлъ въ этомъ, но успѣхъ сей не принесъ ему ни малѣйшей пользы; спавень, также окованный желѣзомъ, пропивился усиліемъ сержанта, и онъ съ неудовольствіемъ и досадою на неудачу, принужденъ былъ сойти съ лѣспницы.

— Чортъ побери ремесло сыщика! вскричалъ онъ. Я прежде имъ не занимался, да и впередъ никогда за него не возьмусь. —

«Дѣло ясное, что *Брасфильдъ* заперся изнутри, возразилъ *Дирлоди*. Слышите ли, какъ скрипятъ мѣха въ его комнапахъ: вѣрно онъ жжетъ свои бумаги и инструменшы.»

Онъ подумалъ съ минушу, и увидѣвъ каменщиковъ, работавшихъ не вдалькѣ, позвалъ ихъ къ себѣ на помощь. Эти люди пособили ему перенести и приспавить къ спѣнѣ большую лѣспницу, по которой онъ влѣзъ на крышу дома, гдѣ нашель отверстіе, довольно широкое, и защищенное од-

ною только рамою. Нагнувшись въ это опверстіе, *Гаврель* скоро осмотрѣлъ большую темную комнату, въ глубинѣ которой видѣлся кузнечный горнъ. Передъ огнемъ сидѣлъ *Брасфильдъ*, по видимому, совершенно спокойный. Правую рукою онъ раздувалъ огонь мѣхами, а лѣвою бралъ небольшими щипчиками пакеты банковыхъ билетовъ, уложенные въ пяти или шести ящичкахъ, споявшихъ на полу у ногъ его. Онъ ждалъ, чтобы одинъ пакетъ совершенно исплѣлъ и потомъ уже принимался за другой, подвѣргая его той же участи. Взоры его нечаянно обратились къ опверстію въ потолокъ, и онъ увидѣлъ блѣдное лице *Дирлоди*, но не пронудся съ мѣспа.

«Ты мой пльнникъ,» вскричалъ полицейскій сыщикъ, разбивъ стекло дуломъ пистолета, который онъ вынулъ изъ кармана и зарядилъ.

— Очень радъ, но только не сей часъ,—опвѣчалъ *Брасфильдъ*, нимало не смупившись. Нельзя ли подождать немного.—

«Именемъ закона и короля, сдайся и сію минушу опвори воропа...или я въ тебя выстрѣлю.»

— Спрѣлай и убирайся къ чорпу, — возразилъ мызникъ рѣшительно и спокойно. Если убьешь меня, такъ мнѣ не быть повѣшену, а промахнешься, такъ тебя самого повѣсятъ.—Хладнокровіе *Брасфильда* възбѣсило *Гавреля*. Онъ выстрѣлилъ, но намѣреніемъ его было только испугать мызника и, если можно, разбить чугунную трубу, въ которую выходилъ дымъ.

— Ха! ха! ха! Видно, что тебѣ не часто достається управлять оружіемъ, — сказалъ *Брасфильдъ*.

«Сожги еще хопя одну бумажку, и тебѣ не быть живому,» возразилъ *Гаврель*, высылая въ дымящееся дуло своего пистолета весь оспальной порохъ и кладя три пули, которыя наполнили его по самые края. «Ну! продолжалъ онъ, взводя курокъ, слышишь ли? Еще свертокъ этихъ билетовъ, и тебѣ не жить больше на свѣспѣ.»

— Если бы я вздумалъ оставить хопя одинъ свертокъ этихъ билетовъ, мой лю-

безный *Гаврель*, такъ тогда мнѣ конечно не быть бы живому. Спрѣлай, если есть охоша.

Дирлоди хопѣлъ уже выстрѣлить, но собственная польза удержала его, и онъ прибѣгнулъ къ просьбамъ и увѣщаніямъ.

«Дѣлать нечего, господинъ *Брасфильдъ*, вамъ надобно сдаться. Скажите, къ чему послужитъ вамъ сопротивленіе? Вы знаете, что я люблю при случаѣ услужить пріятелю. Если только мнѣ будетъ возможно сдѣлать вамъ что нибудь полезное, то я употреблю для этого всѣ силы.»

— Пошелъ къ дьяволу, продавецъ крови человѣческой! Уволь себя опъ этихъ хипростей. Ты доведъ до висѣлицы *Томаса Винниетона*, *Геориха Голдбрел*, *Вилліама Ринлея* за какую нибудь сопню шиллинговъ, бездѣльникъ! И ты думаешь, что я тебѣ повѣрю! Ты также глупъ на слова, какъ не ловекъ на руку. Я пожалуюсь на тебя начальству; ты безчестншь свое званіе. —

При сихъ словахъ разсерженный *Дирлоди* не выперпѣлъ и спустилъ курокъ, но опъ необыкновенно большого заряда лопнуло дуло и разможило несчастному сыщику кисть правой руки. Онъ зашапался, хопѣлъ ухватиться за лѣспницу, но не успѣлъ и упалъ на землю въ самомъ жалкомъ состодніи.

Послѣ этого снова воцарилась тишина, прерываемая лишь однообразнымъ скрипомъ мѣховъ. Солдаты, отвлеченные заботами о несчастномъ *Гаврель*, забыли уже о цѣли своего прихода; но *Брасфильдъ* опворилъ одинъ изъ внутреннихъ спавней, которыми закрывались бойницы.

«Сдаешься ли ты?» закричалъ сержантъ, увидѣвъ его.

— Еще пять минушь, а прежде не опопру.—

Опрядъ, въ которомъ оспалось только шесть человекъ, ибо прочіе понесли умпрающего *Дирлоди* въ ближнюю деревушку, принужденъ былъ ждать еще нѣсколько времени; наконецъ *Брасфильдъ*, не оппцрая воровъ, сказалъ сержанту :

— Теперь я къ вашимъ услугамъ. Но прегубю опъ васъ честнаго слова, что вы поступите со мною, какъ я желаю. Я хочу, чтобъ вы не надѣвали на меня ни колодокъ, ни цѣпей, а просто отвели къ судѣ, и я спокойно пойду за вами. —

« Пожалуи, отвѣчалъ сержантъ; ручаюсь въ эпомъ солдатскою честью. »

— Такъ спускайте сюда. Будь васъ сто человекъ, то и тогда бы вамъ не удалось войти силою. Покорно прошу, господа. —

— Гдѣ-жъ *Дирмоиди*? — вскричалъ онъ, когда солдаты вошли въ комнату. — Гдѣ онъ? —

« Умираетъ; » опривисто отвѣчалъ сержантъ.

Радость показалась на лицѣ *Брасфильда*; онъ покраснѣлъ; глаза, ноздри и всѣ мускулы его расширились; какое-то торжество выразилось во всѣхъ чертахъ его. Онъ съѣлъ; свое солдаты его окружили. Прочіе начали дѣлать самые спрое поиски; они сходили въ погреба, перерыли всѣ бумаги, обыскали всѣ сундуки, осмотрѣли всю мебель.

« Нѣтъ ни одного билета! » вскричалъ сержантъ.

— Вотъ здѣсь ихъ цѣлый пакетъ, — отвѣчалъ *Брасфильдъ*.

Въ самомъ дѣлѣ порпфѣлъ, на который онъ указалъ, былъ наполненъ настоящими банковыми билетами, но имъ не по было нужно. Разрыли золу въ печи; сержантъ самъ опрокинулъ наковальню, обжегъ себѣ пальцы, роель въ горячей золѣ; велѣлъ разломать печь и разбить въ куски чугунную трубу. Мызникъ смѣлся надъ сими бесполезными поисками; всѣ ихъ усилія и старанія не вознаграждались ни однимъ клочкомъ фальшиваго билета, ни однимъ лоскуткомъ бумаги, опъ котораго зависѣла жизнь человека.

« На коней! » сказалъ наконецъ сержантъ. « Чортъ возьми! Я никогда еще не встрѣчалъ такой неудачи. »

— Все ли? — спросилъ *Брасфильдъ*, сложивъ руки: не хотите ли еще осмотрѣть чердаки или погреба? Будьте сполько милосивы. —

« Поѣдемъ, » повпорилъ сержантъ съ клятвами и ругательствами.

Съ досады, онъ сильнымъ ударомъ носка опшполкнулъ часть трубы, которая подкапилась ему подъ ноги и загораживала дорогу. Восемь или десять лоскутковъ пожелтѣвшей бумаги опшпуда выпали. *Брасфильдъ* поблѣднѣлъ, схватилъ эпи клочки, и шупъ, между нимъ и его спражами, завязалась опчаянная драка. Для него здѣсь шло дѣло о жизни или смерти. Одинъ изъ солдатъ былъ имъ израненъ, но успѣлъ однакоже вырвать изъ рукъ *Брасфильда* два клочка фальшиваго билета; пресступникъ изорвалъ и проглотилъ остальное. Истощенный неравною борьбою, съ пѣною на губахъ опъ ярости, онъ опустилъ руки и не оказалъ болѣе ни малѣйшаго сопротивленія. Его связали и увели.

Какъ случается нерѣдко при жении бумаги, нѣсколько полуиспѣвшихъ билетовъ, поднявшись въ трубу опъ дыма, оспались въ сажѣ, копорою она была наполнена. — Безмолвная покорность и упорное молчаніе были единственными средствами, избранными *Брасфильдомъ*, изъясвившимъ въ семъ случаѣ удивительную твердость духа. Но на дорогѣ въ Бирмингамъ онъ встрѣпилъ дочь свою *Жанетту*, которая верхомъ, въ сопровожденіи слуги, возвращалась на мызу. Увидѣвъ её, *Брасфильдъ* не могъ сохранить своей спонческой твердости. Бѣдная дѣвушка, въ слезахъ и опчаяніи, бросилась въ объятія своего отца. Солдаты остановились.

— Дочь моя, — сказалъ онъ: моя участь рѣшена. Я забочусь сполько объ одной пещѣ. Живи, будь щаслива, помни не о жизни и не о смерти моей, но о воспитаніи, которое ты опъ меня получила. —

Его повели далѣе. Эпомъ желѣзный человекъ заливался слезами. Последнее свиданіе *Брасфильда* съ дочерью раздирало душу. Осужденный на смерть, какъ дѣлапель фальшивыхъ ассигнацій, онъ продолжалъ изъясвлять сильную гореспь единспвенно о предстоящей разлуцѣ съ дочерью, нимало не забочясь о смерти.

Въ день казни, въ ту мину, когда прислужники палача связывали *Брасфильду* руки, онъ вскричалъ:

— Именемъ Божиимъ умоляю васъ, господа, чшобы вина моя, какъ бы ни была она велика, не падала на дочь мою. Она ничего не знала о моемъ преступленіи, и чъмъ болѣе я чувствовалъ его важность, тѣмъ болѣе старался сохранить чистоту и невинность этого ребенка. Я вижу предъ собою самыхъ богатыхъ владѣльцевъ нашего графства... Сжалось, милостивые государи, будыте челоувколюбивы... Между вами также есть опцы... Неужели не найдется ни одного изъ васъ, который бы позаботился о сиротѣ, о моей бѣдной *Жанеттѣ*! —

Тогда священникъ Англиканской церкви, который былъ при этомъ, возвысилъ голосъ:

«Ты не признался въ своемъ преступленіи и не изъявилъ никакого раскаянія, а потому умрешь какъ безбожникъ. Слова священнаго Писанія сбудутся надъ побою: грѣхи твои падутъ на тебя и на чадъ твоихъ.»

— Дочь моя!—вскричалъ *Брасфильдъ*.

Тутъ съ судейской скамьи поднялся высокий, согбенный старикъ, съ сѣдою и полубнаженною опъ волосъ головою. Онъ опшполкнулъ жестокаго служиваго алпаря и подошелъ къ осужденному:

«Г. *Брасфильдъ*, сказалъ онъ ему: мнѣ во семдесятъ лѣтъ и я не имѣю дѣтей; я принимаю на себя попеченіе о вашей дочери. Нѣтъ, нѣтъ, Богъ не наказываетъ невинныхъ... Вы дурной челоувкъ и дурной Христіанскій священникъ;» продолжалъ онъ, обращаясь къ сему послѣднему.

— И Богъ васъ благословитъ за это!—сказалъ *Брасфильдъ*, споя на колѣнахъ предъ старымъ судьей, сложивъ руки, громкимъ торжественнымъ голосомъ, который долго потомъ раздавался въ сердцахъ тѣхъ, кто его слышалъ.

Палачъ былъ гошовъ. Мызникъ умеръ съ твердостью, и послѣдними его словами было: дочь моя!

Пер. *Ил. Г—въ*.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУССКАГО КУПЦА.

Русскій купецъ, съ которымъ одинъ мой знакомый спалъ на Спраспной недѣлѣ порговаться, съ негодованіемъ сказалъ ему: *и говыю!*

Это *высокое*, Sublime!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛОДОСТЬ.

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятыхъ;
И прижму природу
Къ шрепстному сердцу,
И она желанью
Сердца опзовется
Юною любовью.
Въ ней все дышетъ страстью,
Все кипитъ и блещетъ,
И ничто не дремлетъ
Хладною дремопой.

*

На землѣ пылають
Грозные вулканы;
Съ шумомъ льются рѣки
Къ безднамъ Океана,
И въ лазурномъ морѣ
Волны рѣзво плещутъ
Бурною игрою.
И земля и море
Свѣплыми мечпами,
Радостью, надеждой,
Славой и красою
Смертнаго дарятъ.

*

Звѣзды въ синей шверди
Мчатся за звѣздами,
И въ попокахъ свѣпа
Льется по ээпру
Тайный страсти голосъ,
Тайное призванье.
И вѣка проходятъ,

И вѣка родятся,—
Вѣчное боренье,
Пламенная жизнь.

*

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана:
Я хочу природу,
Какъ любовникъ спрашнѣй,
Радостно обнять.

А. Хомяковъ.

О М О Н И М Ъ.

Въ Европѣ лучшею спраною я владѣю:
И въ Азїи я обласни имѣю:
Паскевичъ съ *Дибичемъ* опъ нихъ
Мечемъ кой-что опмежали;
Однако я еще богатырь, могущъ и лихъ.
Меня же видѣше, увидѣше, видали
На головѣ у егерей,
Драгунъ, гусаръ; шо ешь: у Офицеровъ.
И было нѣсколько примѣровъ,
Что я съ ума сводилъ дѣвицъ . . . не лгу, ей, ей!
Какъ снѣгъ—блистаю близною,
Или какъ ночь—я хмурюсь черношою.

III.

Въ No 78, помѣщенная шарада значить: *Ragoût*.

М О Д Е С.

Le dentelle noire que nous reprenons à nos grand'mères, envahie par les maillots, nous paraît une idée ravissante! Mme Rome a voulu la leur donner aussi, et, comme il était difficile de les associer aux mantelets ou aux pierrots, elle a imaginé, pour eux, les plus jolis, les plus charmants bonnets qu'ils aient jamais portés.

La forme n'est pas précise; toutes les formes de lingerie déjà connues leur conviennent. Celles à coulisses ou plates, également; doublées entièrement de gros

de Naples. Devant, la garniture est formée par trois rangs de dentelle auxquels se trouvent mêlés de petites faveurs de satin rose ou bleu de ciel; sur le côté est une petite cocarde de faveur; par derrière une plus petite semblable; des brides de satin nouent sous le menton.

Une nouveauté de dentelle noire, que nous devons aussi aux magasins de Mme Rome sont les cols retombant en trois rangs de garnitures, et montés sur un fichu en tulle de blonde.—Ces cols ne seront très-certainement qu'une fantaisie; mais dans ce moment ils sont extrêmement distingués et vont achever d'ôter aux rabats le peu de faveur qu'ils avaient conservé.

Pl. No 28. Un ut de parade.

М О Д Ы.

Чёрныя кружева, взятыя нами опъ нашихъ бабушекъ, употребляемыя для дѣшей въ пеленкахъ, кажутся намъ прелестною мыслію! Г-жа *Rome* хошѣла также нарядить ихъ въ оныя и, какъ шрудно было приспособить къ нимъ маншилю и *pierrots*, она выдумала для нихъ самыя прелестныя чепчики, какіе онѣ когда либо носили.

Форма ихъ неопредѣленна; всѣ уже извѣстныя формы простыхъ чепчиковъ имъ приличны; все равно, гладкіе или на вздержкахъ, подложенные гроденапемъ. Спереди, оборка состоить изъ прехъ рядовъ кружевъ, съ копорыми перемѣшаны узенькія апласныя ленты розовыя или небесно-голубаго цвѣта; на боку небольшая кокарда изъ узенькихъ лентъ; сзади шакаля же по меньше; на подбородкѣ завязанъ апласнымъ лентами.

Новость изъ чёрнаго кружева, за которую мы также обязаны магазину г-жи Rome, это ворошники, опкинутые съ према рядами оборки, пришипые къ косыночкѣ изъ блондоваго шюля.—Эти ворошники конечно будутъ не что иное, какъ минушная прихоть; но въ сію минушу они весьма опличны, и заспавяшъ совершенно опбросить rabats, копорые уже весьма не въ большомъ употребленіи.

Карп. No 28. При номерѣ 77-мъ раздана третья прибавочная каршинка; на ней представлена нарядная кровашъ съ занавѣсами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 80.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но.,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 7 дня 1833 года.

Иному, до чего нѣтъ дѣла,
О томъ подкушетъ онъ охотнѣ всего;
Что будетъ съ Индіей, когда и опъ чего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь—у самаго
Деревня между глазъ сгорѣла.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРОДАЖѢ ТЕАТРА.

Господинъ *Д...*, содержапель зрѣлищъ въ *Н.*, симъ извѣщаетъ почтенную публику, что принужденъ будучи обстоятельствомъ перемѣнить свое мѣстопребываніе, намѣренъ онъ продать, въ скоромъ времени и за весьма сходную цѣну,—большой дворецъ съ великолѣпными садами, нѣсколько крѣпостей на весьма выгодныхъ мѣстоположеніяхъ; лѣса, рощи, луга и многіе увеселительные дома съ прекраснѣйшими видами; также разныя мебели и вещи, а именно:

1. Море, состоящее изъ 12-ти большихъ валовъ, изъ которыхъ самый огромный, девятый валъ, немного поврежденъ.
2. Полпоры дюжины облаковъ, выкрашенныхъ по краямъ чѣрною краскою, за самую сходную цѣну.
3. Другія полпоры дюжины облаковъ, съ молніями и съ фалбалою.

4. Радугу, немного полинявшую.
5. Прекрасный снѣгъ, въ большихъ охлопкахъ, изъ веленовой бумаги.
6. Еще два снѣга, попомнѣ упомянутого, изъ обыкновенной бумаги.
7. Три бугорка молніи.
8. Заходящее солнце, за самую умѣренную цѣну, и молодой мѣсяцъ, немного уже обвѣшалый.
9. Позолоченную и почти новую колесницу, съ двумя драконами и съ упряжью; все вообще за дешевую цѣну.
10. Царскую мантію, шипую для *Селиралиды*, и которую послѣ неѣ надѣвали попеременно: *Агалелмонъ*, *Вльнцеславъ* и король щасливаго оспрова.
11. Новое платье, сдѣланное на заказъ для перваго представленія... Оно было надѣто одинъ только разъ, да и то, какъ извѣстно почтеннѣйшей публикѣ, на нѣсколько лишь минулъ: ибо пьеса не была окончена.

12. Полный нарядъ для мерпвеца, состоящій изъ окровавленной рубашки, разорванной фуфайки и савана съ премою на груди кружками, выстеганными краснымъ шёлкомъ.

13. Ящикъ или фуфляръ съ чернымъ парикомъ, съ сожженными пробками и съ прочими принадлежностями, нужными для соспаваденія физиогноміи смертоубійцы.

14. Пукъ перьевъ для шлема, принадлежавшій *Эдипу* и графу *Эссексу*.

15. Плапокъ *Отелло* и усы Турецкаго пашы.

16. Аспидъ *Клеопатринъ*, немного подержанный.

17. Скланку съ передвоенною водкою, весьма пригодною для представленія мерпвецовъ и производящую прекрасное синее пламя.

18. Полбупылки прекраснѣйшихъ румянъ для употребленія актрисамъ. Сія румяна оставались отъ двухъ коробовъ, привезенныхъ изъ чужихъ краевъ прошедшею зимою.

19. Три горы, шуго набитыя шерстью, и двѣ дерновыхыя софы изъ сосноваго лѣса.

20. Двѣ дюжины воиновъ, сплеменныхъ изъ прупьевъ, съ оружіемъ и со всею аммуниціею.

21. Прекрасный большой медвѣдь, подбитый новымъ холстомъ и двѣ овечки, набитыя деревянными опилками.

22. Косперъ, горящій со всѣхъ концовъ, который служилъ уже около десяти лѣтъ.

23. Полный обѣдъ, состоящій изъ чепырехъ перемѣцъ и сладкаго пирога, сдѣланнаго изъ картонной бумаги, изъ пулярды пакого же вещеества и дюжины бупылокъ съ восковымъ десертномъ. Спатъя сія не можеть быть продана дешево по причинѣ пош, что она необходима во всѣхъ нынѣшнихъ драмахъ.

24. Пяты аршинъ жестяныхъ цѣпей, которыхъ звукъ удивителенъ, ибо испоргаетъ источники слезъ изъ глазъ чувствительныхъ зрителей.

Здѣсь же можно найти полную коллекцію масокъ, опускаемыхъ дверей, веревочныхъ лѣсп-

ницъ, большихъ споловъ, накрытыхъ коврами, висящими до земли и необходимыми для дѣйствія и развязки въ новыхъ пьесахъ.

Тутъ же находится большое собраніе разныхъ мечей, копей, посоховъ; также чалмы, шапки, колпаки и проч. и проч. Сверхъ того колыбель, висѣлица, жертвенникъ *Юпитеровъ*, колодезь и другое-прочее, сему подобное.

Всѣ вышеупомянутыя вещи можно ежедневно видѣть въ театръ N., съ 6 до 9-ти часовъ вечера.

N. N.

ДЕШЕВЫЕ ЧАСЫ.

Покупщикъ приходитъ къ часовому мастеру и проситъ его показатъ хорошіе часы. Часовщикъ подаетъ двое: одни во 150, другіе въ 300 рублей. — «Я беру первыя;» сказалъ покупатель, опощипавъ деньги, взялъ часы—и ушелъ. На другой день онъ опять является—и проситъ перемѣнитъ вчерашніе часы на лучшіе. Мастеръ соглашается и подаетъ прехсопрублевые. «Вы,» сказалъ покупатель, опущивъ ихъ въ карманъ: «вчерашній день получили отъ меня 150 рублей: да-съ?»—*Да*; оповѣчалъ часовщикъ.— «Ну, вотъ вамъ еще ваши часы; они стоятъ 150 рублей: да-съ?»—*Да*; сказалъ часовщикъ.— «Всего же будетъ 300 рублей: да-съ?»—*Да*; примолвилъ мастеръ, кивнувъ головою въ знакъ согласія.— Покупщикъ ушелъ.

Черезъ нѣсколько минулъ часовщикъ догадался, что ему надлежало сказать: *нѣтъ-съ*, а не *да-съ*. Поздно!

ЗАБОТЛИВАЯ ЖЕНА.

Одна женщина пришла къ священнику своего прихода жаловаться на то, что подѣлъ мужа ея похоронили женщину, умершую отъ оспы, а на покойномъ, по словамъ челобитчицы, не было никогда ни прививной, ни натуральной оспы.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГИБЕЛЬНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ.

(Картина современныхъ нравовъ).

Спраннаго рода была связь, соединявшая Альбертину *Дорсанъ* и *Леона Рошуа*, дальняго ея родственника.

При самомъ рожденіи *Леона* опчаявались въ его жизни; едва достигнувъ двадцати шести лѣтняго возраста, онъ казался уже человѣкомъ лѣтъ тридцати пяти. Еще съ опроческихъ лѣтъ боролся онъ съ неизлечимою болзнію въ груди, и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ единственно удивительно правильному образу жизни, а особливо той постоянной заботливости и нѣжной привязанности, какую оказывала ему *Альбертина*.

Любовь ли по была?... Въспъ, что опспавалось неизвѣспнымъ для всѣхъ, не исключала самаго *Леона*; но, можетъ спаться, по была болѣе, чѣмъ спраспъ; по была привычка, а привычка печувствивтельно спановитса необходимостью. Онъ дѣлилъ время между чпеніемъ и бесѣдою *Альбертины*, между учеіемъ и опдыхомъ. Ей приходилъ онъ опдавать опчетъ въ прудахъ своихъ, по никогда не упоминалъ еѣ разговоромъ, слишкомъ важнымъ, такъ же какъ она всегда умѣла прдавать занимательность своей бесѣды, даже говоря съ нимъ о бальныхъ нарядахъ. Заранѣ опказался съ опъ всѣхъ првеогъ и волненій жизни, опъ всѣхъ ея сильныхъ опщепеній. Вполнѣ предавшись уединенію, погрузившись душою въ свои занятія и склонности, онъ спомрѣлъ на свѣспъ сообразно пѣмъ впечатлѣніямъ, какія испытывала въ немъ *Альбертина*. *Леонъ* каждый вечеръ былъ свидѣтелемъ, какъ опправлялась она, блистая красотою и уборомъ, на балы и праздники; хвалилъ нарядъ ея, съ важноспію судилъ, болѣе или менѣе идепъ къ бѣлому платью красный цвѣтокъ; на другой день со вниманіемъ выслушивалъ рассказы о ея веселоспяхъ, побѣдахъ, о пѣхъ небольшихъ романахъ, изъ которыхъ соспавляется въ свѣспъ исторія сердца. Онъ былъ покоенъ,

если несовершенно шаспливъ, и ограничившись пѣми немногими вещамъ, копорыя его плѣняли, спомрѣлъ на всѣ прочія не иначе, какъ чрезъ посредство *Альбертины*, служившей какъ-бы призмою, украшавшею ихъ въ глазахъ его.

Не смотря на по, что печаль, неизбѣжная на землѣ, закрадывалась иногда и въ сердце *Леона*, онъ почелъ бы себя шаспливымъ, если бы это соспояніе навсегда могло опспаться неизмѣннымъ. Можетъ быть, привязанность его несильно волновала сердце *Альбертины*, но и ни для кого другаго не билось оно живѣе обыкновеннаго. Между пѣмъ время лешло, и какое-то неопредѣленное чувствво внушало *Леону*, что онъ долженъ овладѣть эпимъ свободнымъ сердцемъ, или предоспавить занятъ его другому.

Мать *Альбертины*, г-жа *Дорсанъ*, видѣвшая въ *Леонѣ* богатаго и спепеннаго молодаго человека, не разъ, хопя и поспороннимъ образомъ, предлагала ему руку своей дочери. Но онъ всегда уклонился опъ прмаго на это опвѣспа; онъ не хопѣлъ сдѣлать изъ *Альбертины* прислужницу свою въ болзнии; ему казалось жестокииъ превратить пышный цвѣтокъ въ лекарспвенное распеніе. Къ тому же онъ чувствовалъ, что органамъ его недоспаетъ силы перенести сполько шаспія.

Одинъ падушый, чинный господинъ, принадлежавшій къ числу людей, копорыхъ друзья называютъ умными, а поспороніе или враги пустыми, ничтожными, щедрѣ на дѣленный опъ судьбы богатспвомъ, нежели разсудкомъ, вообразилъ себя влюбленнымъ въ *Альбертину*, и спалъ искапъ руки ея.

Не было никакою побудительной причины принять его предложение, и правда, не было еѣ, чпобы опказатъ ему. Но г-жа *Дорсанъ* чрезвычайно боялась, чпобы всегдашнее дѣвичество не сдѣлалось удѣломъ ея дочери. *Альбертина*, хопя была еще и въ цвѣспѣ молодоспи, но спановилась уже богатѣ лѣтсами, нежели приданымъ. Ей не предспа-

влялось другаго союза и другаго выбора, какъ между *Леоноль* и г. *Кастильи*. Г-жа *Дорсанъ* въ послѣдній разъ, по прежнему не прямо, но уже гораздо яснѣе, возобновила *Леону* старое предложеніе, которое почти подтвердила съ своей стороны и дочь ея: ибо не будучи спраспно влюбленною въ своего родственника, она со всѣмъ пѣмъ была готова сдѣлаться женою друга своего дѣшспва, нежели человека незнакомаго, и по просподушію, не поспигала причины, удалившей отъ неѣ *Леона*.

Тогда ужасное недоумѣніе расперзало *Леонново* сердце; онъ любилъ *Альбертину* до обожанія, но чувспвовалъ, что союзъ съ нею, представляя ему одну только гибель, не сулилъ щаспія и самой *Альбертины*; онъ чувспвовалъ, что ему на ней женился, значило повести её къ алпарю вдовою или на всю жизнь приковать нѣжное и прелестное созданіе, служившее украшеніемъ для свѣта и общества, къ своему болѣзненному одру, слишкомъ пѣсному для нихъ обоихъ.

Съ другой стороны, отъ него зависѣло сдѣлаться ея мужемъ; ему сподло только протянуть руку, чтобы вспрѣшли руку *Альбертины*. Какія причины не представлялъ онъ себѣ, какъ ни спарался убѣдить себя, но все ему казалось безразсуднымъ, при возможности быть мужемъ *Альбертины*, не искавъ эпаго званія. Мысль о предстоящемъ щаспіи приводила его въ спраспный восторгъ, отъ котораго румянецъ выступалъ на блѣдныхъ щекахъ его, и кровь начинала быспрѣе обращаться въ его жилахъ. Онъ приподнималъ голову и повпорялъ въ жару, который казался ему дѣйствіемъ здоровья и крѣпости силъ: Я не опжилъ еще и половины жизни, я молодъ, мнѣ двадцать шесть лѣтъ; что же мѣшаешь мнѣ быть мужемъ *Альбертины*? И вдругъ болѣзненное препеманіе сердца, сухой и удушливый кашель напоминали ему, что не всегда поспъ, кто старѣе, бываетъ ближе къ могилѣ.

Онъ потребовалъ пятнадцать дней срока для рѣшительнаго опвѣта, и не успѣлъ его дать, ибо въ пятнадцатый день лежалъ

въ постель добычею жестокой горячки. Г-жа *Дорсанъ*, узпавъ всю степень опасности, какой болѣзнь сія подвергала жизнь *Леона*, приняла предложеніе г. *Кастильи*; день брака былъ назначенъ и свадьба опспразднована.

Отъ того ли, что болѣзнь *Леона* прервала его сношенія съ *Альбертиною*, или увлекаясь новостью своего положенія, но она позабыла на нѣкоторое время своего друга. Скоро однакоже, одаренная умомъ и чувспвомъ, *Альбертина* по достоинству оцѣнила новаго своего спутника въ жизни, умѣвшаго служить ей только мужемъ, и опять почувспвовала нужду въ обществѣ *Леона*.

Эпимъ она возвратила его къ жизни. И пора было объ эпомъ подумать. *Леонъ*, угнѣпленный печалію видѣлъ себя забытымъ, пересталъ оспоривать жизнь свою у врага, котораго носилъ онъ въ груди. Хроническая болѣзнь съ каждымъ днемъ все болѣе въ немъ усиливалась отъ разслабленія, которое произвели въ немъ минувшій переломъ и настоящая горестъ. Положенія его никто не щипалъ смертельнымъ, но онъ самъ называлъ всякую надежду несбыточною. Ему подали письмо *Альбертины* — и онъ спалъ върптъ въ свое исцѣленіе.

Природа человѣческая испинно удивительна въ обилии вспомогательныхъ средствъ своихъ. Кто изъ насъ въ печеніе жизни не былъ въ одномъ изъ пѣхъ положеній, когда всякая надежда кажется безразсудною, когда на пространспвѣ цѣлаго горизонта, покрытаго тучами, не видимъ мы ни одного голубаго уголка, который бы предвѣщалъ благопріятную перемену; когда почпшаемъ себя навѣки погибшими, когда какъ-бы опказываемъ Провидѣнію въ возможности избавить насъ отъ сей гибели? И чтоже? вдругъ неожиданный свѣтъ просіяваетъ во мракѣ, нечаянная надежда опкрывается вдали; умъ нашъ какъ будто яснѣетъ, кровь какъ будто измѣняетъ свое обращеніе, и зашпхшее сердце снова начинаетъ биться.

Таково было дѣйспвіе, произведенное нѣжнымъ письмомъ *Альбертины* на умирающаго

Леона. Скоро его здоровье, хопя по прежнему оставявшее весьма немного надежды, позволило ему съ нею свидѣться. Онъ нашель её блѣдною, задумчивою; она сдѣлала въ жизни одинъ лишній шагъ, но шагъ этотъ не повелъ её къ счастью. Съ своей стороны она увидѣла *Леона* съ тѣмъ важнымъ, грустно-сладостнымъ чувствомъ, которое цѣнился дороже удовольствія. Слабый и вышедшій изъ могилы по ея призыву, *Леонъ* почувствовалъ въ себѣ новую жизнь, когда услышалъ прогательные звуки ея голоса, встрѣпилъ нѣжный привѣтъ ея взоровъ. Онъ почувствовалъ, какъ запрепеталя въ его рукъ рука *Альбертины*; сладостное волнение пропекло по его жиламъ, и онъ понималъ, что въ этотъ водненіи, для него, немощнаго и умирающаго, сосредоточивалось теперь все чувство любви.

Тогда пріянь ихъ возобновилась, и въ продолженіе двухъ лѣтъ нѣжность и попеченія, распочаемыя *Леону Альбертиною*, претяпствовали ему завидовать ея мужу. Безъ сомнѣнія, если только существовала связь, которая заслуживала бы уваженіе *Свѣта*, то это была связь между *Леономъ* и *Альбертиною*. Но *Свѣтъ* уважаетъ ли чтобы-то нибыло? Мудрено ли, что эта великая школа клеветы и разврата, называемая обществомъ, спарается мстить тѣмъ дерзкимъ пварямъ, которые не добиваются ея одобреній, равно несправедливыхъ и непостоянныхъ, и которые умѣютъ быть щасливы, не прибѣгая къ ея пособію? Мудрено ли, что она отбрасываетъ зарево своего униженія на все, что есть въ мірѣ благороднаго и возвышеннаго, и подводитъ подъ уровень приличій всякое чувство, ведущее къ любви и счастью? Сначала заговорили въ *Свѣтѣ* слѣдующимъ образомъ: Замѣтили ли вы?.. Скажите, не знаете ли... Право, мнѣ кажется, безъ малѣйшаго злословія... Помомъ спали прибавлять: дѣло ясное, шуптъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Надобно быть слѣпому, чтобы этого не видѣть... И наконецъ говорили: это старья вѣсти... кто этого не знаетъ... Тогда одинъ услужливый пріятель взялся обо всемъ увѣдомить супруга: *Альбертины*.

Сему послѣднему всего короче были вѣстны оба предмета этой клеветы, и онъ, хопя внутренно не повѣрилъ ей, но воспользовался симъ случаемъ, чтобы опмстивъ *Леону* за то духовное преимущество, которое бралъ онъ передъ нимъ, возвышеннымъ умомъ своимъ, въ глазахъ *Альбертины*.

Однажды упромъ, г. *Кастильи* попросилъ *Леона* послѣдовать за собою въ кабинетъ, и тамъ, безъ предварительныхъ объясненій, прямо коснулся сего вопроса.

— Очень жалѣю, мой милый *Леонъ*,—сказалъ онъ ему: но необходимость вынуждаетъ насъ распаться съ вами.—

«Разпаться?» спросилъ *Леонъ*; «Зачѣмъ это?»

— За тѣмъ, что *Свѣтъ* клевететь на ваши отношенія къ моей женѣ.—

«И вы вѣрите?»

— Ничему не вѣрю, но надобно покоряться *Свѣту*, даже когда ему не вѣришь. Къ тому же, при распроествѣ вашего здоровья, *Баденскія* воды были-бы вамъ, я думаю, чрезвычайно полезны.—

«Ошибаетесь, отвѣчалъ *Леонъ*; дни мои изочтены заранѣе, я это знаю... Срокъ, мнѣ назначенный, близокъ, и нѣтъ способа опдалить его до обыкновеннаго предѣла человѣческой жизни... Но за то есть средство не приближать его; а вы хотите лишить меня и этого послѣдняго средства.»

— О! если вы такъ упорно желаете здѣсь остаться, то мнѣ поневоля придется вѣришь тому, что говорятъ въ *Свѣтѣ*.—

«Я никогда не умѣлъ лгать, сказалъ *Леонъ*; жизнь моя заключается въ моихъ привычкахъ, а первая и самая драгоценная изъ моихъ привычекъ есть любить жену вашу, любить её, можетъ быть, болѣе чѣмъ сестру, но не иначе. Я клянусь вамъ въ томъ передъ правосуднымъ Богомъ, а не передъ людьми, которые способны вѣривъ только худому. Лишить меня мой доли нѣжности, которую удѣляетъ мнѣ *Альбертина*, не нарушая тѣмъ вашихъ правъ, значить лишить послѣдней опоры несчастнаго, который едва влачитъ свое плачевное

существованіе... Разсудите: опъ меня зависѣло гораздо прежде васъ на ней жениться, но рѣшился ли я на это? Не уступилъ ли я еѣ вамъ?»

— Все такъ, любезный *Леонъ*, и я вамъ совершенно вѣрю... Но, знаете ли, свѣтскіе полки. Если-бы вы поѣхали путешествовать, хопя на годъ, не больше... Ну много ли значить годъ?—

«Годъ! вскричалъ *Леонъ*; цѣлый годъ не видашь еѣ!... Спросите у цѣвѣшка, прожи-ветъ ли онъ цѣлый годъ безъ солнца? Надѣюсь, что вы не желаете быть причиною моей смерти. Я буду ждать вашего отвѣта. Подумайте, это было бы убійство.»

Леонъ вышелъ, оставя г. *Кастильи* въ ужасной нерѣшимости, по обыкновенію людей, которыми управляють другіе, и которые не знаютъ собственной воли. Но онъ повидался съ услужливымъ пріятелемъ, и поспѣ пробудилъ въ немъ самолюбіе, а самолюбіе всегда удерживаетъ за собой побѣду. Такимъ образомъ и г. *Кастильи* написалъ къ *Леону*, что, при всемъ его сожалѣніи, онъ находить себя вынужденнымъ не опспутать опъ прежняго своего намѣренія, и что хопя опъ несомнѣнно увѣренъ въ его честности и добросовѣстности, но долтъ въ оппошеніи къ обществу заставляеть его запереть для *Леона* двери своего дома, если онъ не рѣшился уѣхать.

Леонъ безъ ропота сдѣлалъ всѣ приготовления къ опъѣзду, и опсправился проспшиться съ *Альбертиного*, какъ прощаются съ близкими сердцу на одрѣ смертномъ.

Невозможно выразить негодованія, овладѣвшаго сею послѣднею, когда она узнала нелѣпую клевету, какю люди спарались очернить характеръ, котораго чистоту и высокое самооптверженіе такъ высоко она цѣнила, и связь, бывшую едва ли не единственнѣмъ средствомъ, предохранявшимъ еѣ допоздъ прошивъ блиспательныхъ и леспныхъ искушений, цѣлью коихъ была она въ Свѣтъ.

— Мужъ мой,—сказала она: не король для того, чтобы присвоивать себѣ право изго-

няль васъ изъ опечества, и не Богъ, что-бы имѣть власть разлучить насъ. Я люблю васъ какъ брата съ самаго младенчества. Мы не разспанемся... Я буду приниматьъ васъ по прежнему, не смотря ни на кого.—

«Нѣтъ, возразилъ *Леонъ*, все щастіе нашей склонности заключалось въ ея спокойствіи и безопасности; у меня недостанеть силъ бороться прошивъ обстоятельство.»

— Такъ я заставляю его опказатьсь опъ своего намѣренія, — съ живостию прервала *Альбертина*.

Напрасна была ея надежда... Необдуманная, хопя и невинная пылкость, съ которою вступилась она въ защиту *Леона*, не произвела другихъ послѣдствій, кромѣ того, что внушила мужу ея подозрѣніе въ томъ, въ чемъ сначала онъ видѣлъ одну лишь предосторожность. Пылкость эта положила первое основаніе несогласія между ею и г. *Кастильи*, ни сколько не послуживъ въ пользу *Леона*.

Опъ уѣхалъ, не смотря на просьбы и слезы *Альбертины*.

Сходно съ совѣтомъ ея мужа, опъ опсправился къ *Баденскимъ* водамъ. Здоровье его съ тѣхъ поръ спало примѣнно ослабѣвать. Единственными днями облегченія были для него тѣ, въ конорые приходила почта, ибо онъ ожидалъ письма опъ *Альбертины*. Если же письма не было, онъ снова впадалъ въ прежнее изнеможеніе.

Мало по малу спали рѣже и рѣже приходили письма *Альбертины*, и съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе оставляло надежды положеніе *Леона*. Наконецъ, онъ такъ долго долженъ былъ ждать одного изъ сихъ писемъ, что когда явилось оно, было уже поздно; *Леонъ* еще въ состояніи былъ прочесть его адресъ, но не могъ уже распечатать его.

Смерть умилосердилась, удержавъ его опъ сего послѣдняго дѣйствія... письмо дышало холодноспью и принужденіемъ.

Нужно ли сказывать сему причину?... Опасаться ли намъ разочаровать нашихъ

читательницъ, которыя сославили себѣ мечтательное понятіе о взаимной привязанности *Леона и Альбертины*. Привязанность эта, какъ ни была сильна со стороны послѣдней, но никогда не выступала изъ предѣловъ дружбы. Въ послѣдствіи *Альбертина* встрѣпила въ Свѣтѣ молодого человѣка, живаго, пылкаго, остроумнаго, влюбливаго. Она встрѣпила его въ ту минушу, когда правѣ ея мужа потеряли надъ нею прежнюю силу, въ ту минушу, когда онъ разорвалъ ея свящую связь, которая одна имѣла бы силу поддержать её, которая украшала и занимала жизнь ея, если не наполняла оную собою совершенно.

О премудрый супругъ!.. Къ чему послужило тебѣ убійство?

Съ Франц. *Ил. Г—въ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Х О Л Е Р А.

Къ крестьянину на дворъ закралася холера!
И припаясь въ углу, сидишь;
Крестьянинъ въ ужасѣ глядишь,
Не знаешь, что начать?—Вскипѣла вѣра!
Перекрестился! — что робѣшь,
Сказалъ: однажды умереть!
Я съ ней по своему сражуся,
Вѣдь сила крестная со мной!
Съ крестомъ я зла не устращуся, —
Пойду съ невѣдомою въ бой!—
Идешь,—подшелъ: Что ты за гостя здѣсь явилась?

Въ углу безъ спросу припаялась?—
Нѣтъ мѣста здѣсь, — долой съ двора!
Не то, дойдешь до шопора!
Холера съ нимъ заговорила:
Я домъ твой посѣпила,
Но не надѣлала вѣдь зла.

Крестьянинъ.

Молва вездѣ у насъ прошла,—
Что всѣхъ ты губишь, заражаешь!

Холера.

Оставь, вѣдь ты меня не знаешь;
Я странница—и въ торопяхъ
Спѣшу набрать дурныхъ неряхъ,
И то не всѣхъ, а по разбору,
И ошдохнушь прижалась у забору.

Крестьянинъ.

Знаешь, ты нечистой духъ!

Холера.

Не говори такъ громко вслухъ,
За болтовню вѣдь будетъ худо!

Крестьянинъ.

Смотри пожалуй, что за чудо!
Какая невидаль пришла!
И страхъ и грозу навела;
Не съ неба ли, или ты изъ ада?

Холера.

Я кара злыхъ, добру пощада,
Бью пѣхъ, что все безъ мѣры пьютъ, ѣдятъ,
Душой кривятъ,
Въ порокахъ упоаютъ,
Пословъ и праздниковъ не знаютъ,
Безчинствуютъ въ церквахъ,
Сидятъ при сундукахъ, какъ бы совы починил,
Не любятъ свѣта! — Сплетни злыя
Заводятъ у друзей въ домахъ:
Вотъ я того караю!
И тамъ и сямъ летаю,
Подъ небомъ въ воздухѣ живу;
Творца велѣнье исполняю,
Огнемъ, мечемъ, бичемъ слыву.

Крестьянинъ.

Теперь легко ужъ догадаешься
Кто ты... Холерой ты слывешь,
Но здѣсь поживы не найдешь,
Проспи голубушка!—

Холера.

Щаспливо оставашься.

Ф. Салтыковскій.

L O G O G R I P H E.

Je suis, avec ma tête, inconstante et frivole,
Et, sans ma tête, aux Dieux je porte la parole.

Въ No 79, помѣщенный омонимъ значить: *Султанъ*.

M O D E S.

C'est à présent que les mantelets de soie doublés doivent être appréciés et adoptés, non plus comme nouveauté, mais comme utilité. Ces mantelets, que nous avons annoncés il y a plus de trois mois, à l'époque où les premiers ont paru au magasin de M. Gagelin, ne sont pas devenus communs, en raison probablement de ce qu'ils ont de peu ordinaire et de simple. Il est nécessaire que l'un des côtés soit noir, l'autre d'une couleur claire, si ce n'est cependant le violet *évêque* qui est fort distingué. Autour il est infiniment plus élégant de placer une dentelle plutôt qu'une blonde.

C'est aux robes d'étoffe d'automne que les blondes ou les dentelles noires sont jolies comme hautes garnitures.

Le pou de soie, pour robes simples et peu apparentes, a repris toute la faveur qu'il avait acquise au printemps, toujours de préférence au châlis.

Le satin du Levant, dont nous avons parlé dans un de nos derniers numéros, a pris une vogue de célébrité que nous lui avons annoncées. Les rubans de satin à fleurs vont admirablement avec cette étoffe d'une luxueuse élégance, et qui convient si bien au précédent des froids d'hiver. Ce sont encore des fleurs vives et éclatantes sur un fond gai, mais c'est un tissu soyeux et soutenu, vraie parure du sérail; suivant l'ombre ou les reflets du soleil, on ne sait si l'on a près de l'œil du satin ou du cachemire.

Avec ce genre de robes demi-toilette d'automne, il faut un mantelet de dentelle, de préférence à ceux de taffetas.

Comme demi-toilette, nous ne pouvons assez appuyer sur l'élégance et l'excessive faveur des capotes de crêpe doublées, avec ou sans voile de blonde.

On peut rendre tout-à-fait ces capotes d'un *négligé recherché* en y plaçant un demi-voile de tulle blanc ou noir, bordé d'une blonde très-basse.

M O Д Ы.

Теперь шелковыя маншильи на подкладкѣ должны войти въ употребленіе не какъ новостъ, но какъ вещь полезная. Маншильи сіи, о копорыхъ мы говорили назадъ тому при мѣсяца, въ то время, когда первыя показались въ магазинѣ г. Gagelin, не сдѣлались общими, вѣроятно по тому, что въ нихъ мало обыкновеннаго и простаго. Необходимо, чтобы одна сторона была черная, а другая свѣтлаго цвѣта, если однако не фиолетоваго *Епископскаго*, который весьма отличенъ. Вокругъ несравненно щеголевашье обшивать кружевами, нежели блондою.

На платьяхъ изъ осеннихъ матерій красивы черныя кружева и блонды, какъ широкія оплѣлки.

Матерія *pou de soie* вошла въ такое же употребленіе, какъ весной, и всегда предпочтительнѣе шали.

Левантскій атласъ, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ, вошелъ въ ту славу, какую мы предсказывали. Атласныя ленты, съ цвѣтами, удивительно хороши съ этою роскошно-щеголеватой матеріей, столь приличной къ преддверію зимняго холода. Это яркіе блестящіе цвѣты на свѣтломъ грунтѣ, но ткань шелковистая и плотная, настоящій нарядъ для серала; смотря по оплѣчкамъ или оплѣскамъ солнца, не знаешь, что предъ глазами: атласъ или кашемиръ.

Съ этими платьями осенняго полу-наряда приличнѣе кружевная маншильи, нежели тафетная.

Мы не можемъ довольно говорить о щеголеватости и чрезвычайномъ употребленіи креповыхъ капотовъ на подкладкѣ, для полу-наряда, съ блондовымъ вуалемъ или безъ онаго.

Можно сдѣлать сіи капоты совершенно *négligé recherché*, пришивъ къ нимъ черныя или бѣлыя плюшевыя полу-вуаль, обшитыя весьма узкою блондою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 81.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 11 дня, 1833 года.

За крипику моихъ стиховъ я не сержуся:
Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОУТРУ И ВВЕЧЕРУ.

1.

Отъ чего новый мой начальникъ, принявъ меня *поутру* оплично вѣжливо, обласкавшій меня, подписавшій всѣ бумаги, копорыя я подносилъ ему, *ввечеру* былъ какъ звѣрь, припрыгивалъ, бросался на всѣхъ, кпо ему на глаза попадался, употреблялъ слова, порядочными людьми неупотребляемыя, рвалъ бумаги, грозилъ отпасть подъ судъ и отрѣшиться отъ должности?

2.

Отъ чего врачъ, пользующій дочь мою отъ горячки, *поутру* запрещаетъ ей всё, кромѣ бульѣна и лимонада, а *ввечеру* позволяетъ ѣсть чѣрный хлѣбъ, виноградъ, апельсины, и даже пить квасъ?

3.

Отъ чего N. N. *поутру* бываетъ блѣденъ какъ мерпвецъ, молчаливъ какъ рыба, робокъ какъ монашпырка, *ввечеру* же красенъ какъ жареный ракъ, болтливъ какъ шорговъ.

ка доскупнаго рынка и наглъ какъ иной журналистъ?

4.

Отъ чего M. M. *поутру* ничего написать не въ состояніи, а *ввечеру*, надѣвъ колпакъ на бекрень, въ халатъ и подпоясавшись кушакомъ, въ красной рубашкѣ съ распѣгнутымъ воротомъ, просиживаетъ до упренней зари и безпрестанно погоняетъ перо, копорое бѣжитъ у него иноходью?

5.

Отъ чего мой сослуживецъ L. L. *поутру* не заикнется о своихъ военныхъ подвигахъ, а *ввечеру* хвастаетъ что естъ мочи, увѣряетъ, что при отступѣ изъ подъ Смоленска, онъ съ своимъ эскадрономъ 56 часовъ удерживалъ напискъ всей Французской конницы, а подъ Лейпцигомъ взялъ съ боя 60 пушекъ въ глазахъ *Наполеона*?

6.

Отъ чего N. N. *поутру* благоразумно умалчиваетъ о своемъ управленіи —скою губерніею, а *ввечеру* ораторствуетъ о золотомъ вѣкѣ, копорый онъ водворилъ памъ, о томъ, что при немъ исправники своимъ хлѣбомъ

кормили неимущихъ крестьянъ, застѣдали изъ своего кармана плавили за нихъ подапи, секретари пеклись о примиреніи тяжущихся, а приказные падали въ обморокъ отъ виннаго запаха?

Отъ чего? Отъ чего?

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАНАРЕЙКИ.

Родясь подъ очаровательнымъ небомъ Канарскихъ или Щасливыхъ острововъ, онѣ освоились съ климатомъ странъ, совершенно различныхъ съ ихъ отечествомъ. Тироль доставляетъ ихъ Европѣ въ числѣ болѣе полудюрой пысячи; въ Инспрукѣ также вскармливаютъ ихъ значительное количество. Инспрукскія канарейки утѣшаютъ прелестную Одалиску въ скуку ея жизни, въ которую рѣдко вкрадывается чистая нѣга сердечная, и которая оживляется только впечатлѣніями суетности и ревности. Къ пшичкѣ этой обращается она съ искреннею улыбкою; ей распочаетъ она нѣжныя слова любви. Когда дочь востока освобождается отъ легкихъ покрововъ, окружающихъ ея ложе, когда сонъ покидаетъ ея опягченныя вѣжды, она встрѣчаетъ взоры своего маленькаго любимца. Онъ привѣспвуетъ ея пробужденіе громкими звуками, выводя ихъ съ гармоническою протяжностію; онъ возвращаетъ ей ея ласки и поцѣлуи, и умножаетъ ихъ, чптобы усладить для неѣ первыя минуны дня. Она не опасается дать ему полную свободу, и онъ всегда возвращается къ той, которая дорожитъ имъ. Одинъ писатель рассказываетъ слѣдующую прекрасную чершу: пара ручныхъ канареекъ, вырвавшись изъ клѣтки, поселилась въ одной, довольно опдаленной рощицѣ и свила тамъ себѣ гнѣздо; отшуда самецъ постоянно прилеталъ по два раза въ день нѣтъ близъ прежняго своего жилища и запасался кормомъ, чптобы потомъ раздѣлять его съ своею подругою; но онъ никакъ не допускалъ поймать себя, хотя подде-

палъ очень близко къ своей хозяйкѣ, и, казалось, находилъ удовольствіе порхавъ надъ нею, повторяя напѣвъ, которому она его научила. Наконецъ однажды онъ вдругъ прекратилъ свои воздушныя путешествія. Безпокоясь о судьбѣ его, ища и нигдѣ его не находя, госпожа его думала уже, чпто онъ спалъ добычею хищной пшичцы; но послѣ десяти-дневныхъ безуспѣшныхъ исканій, крылатая чета явилась вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, и снова водворилась въ прежнемъ жилищѣ, гдѣ самую нѣжную привязанностію какъ будто хотѣла испребить память о безпокойствѣ, нанесенномъ ея крапковременнымъ отсутствіемъ. Чпто можетъ быть прогательнѣе сей вѣрности?

Замѣчательно, чпто въ клѣткѣ канарейки пріобрѣтаютъ особенную звонкость голоса, котораго мелодія и чистота чужды канарейкамъ, никогда не перявшимъ свободы. Весьма пріятно видѣть домоводство канареекъ; оно представляетъ все, чпто есть добраго, нѣжнаго и плѣнительнаго: это безпрерывное сцѣпленіе ощущеній, утѣшительныхъ для сердца. Самцы безпреспанно забавляютъ самокъ своимъ пѣніемъ, облегчаютъ ихъ въ тягостномъ трудѣ высиживать лица, понуждаютъ уступать имъ мѣста свои и сами сидятъ на гнѣздѣ по нѣсколькучасовъ въ день; они кормятъ также своихъ малютокъ. (*Гюбфонъ*).

Какъ для противоположности свѣту необходима тѣнь, такъ и между канарейками есть нѣкоторыя, созданныя какъ-бы единственно для того, чптобы лучше выставить щасливыя свойства своихъ собратій. Одни оказываютъ мрачную молчаливость; пѣніе ихъ уныло и однообразно; нѣсколько не заботясь о себѣ, они не думаютъ объ опряжности и всегда являются запачканными и опцианными; кромѣ того оставляютъ совершенно безъ вниманія своихъ самокъ. Другіе же дѣлаютъ собою рѣзкую съ ними разницу; будучи далеки отъ того, чптобы на все сморгнуть равнодушными глазами, они входятъ въ малѣйшія подробности, мучатъ подругъ своихъ ревностію и жестокостію, разбиваютъ лица, на которыхъ тѣ сидятъ

съ такую нѣжностью, и въ своемъ себялюбивомъ бѣшенствѣ, убиваютъ ихъ малюпковъ, за то, что они отвлекаютъ отъ нихъ матерей своихъ. Третьи, жеманные, щеголеватые, оболъщаютъ сердца канареекъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы устоять противъ искушеній сихъ пернатыхъ *Ловласовъ*: тогда нѣжность и довѣренность навсегда превращаются между супругами.

То же различіе замѣчено и между самками.

Жонкилевая канарейка всегда пиха и прелестна; она еще не супруга; взгляните на неё: очаровательная своею скромностью, она отвѣчаетъ желаніямъ любовника не прежде, какъ выслушавъ все, что имѣютъ сладостнаго изъясненія любви; и тогда только пихими и нѣжно-тайнственными звуками шепчетъ она своему другу: я согласна тебѣ ошаспливить. *Агатовья* канарейки обыкновенно бывають причудливы, своенравны и въпрены; жадныя къ удовольствіямъ, они забываютъ свои семейства для прихотливыхъ и безпрестанно перемѣняющихся связей. *Полосатая* канарейка любящъ своихъ малюпковъ и вся жизнь ихъ предпавляетъ рѣдкій примѣръ самоотверженія. *Жонкилевья* и *полосатая* канарейки пѣмъ болѣе заслуживаютъ похвалы, что мужья ихъ водятъ по двѣ и по три семьи, и что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ часто составляетъ предметъ соблазнительной хроники для канареекъ-всповищицъ и спленищицъ.

Хотите ли доставить канарейкѣ большое наслажденіе: поставьте къ ней блюдечко снѣга и она тотчасъ спанетъ капаясь въ немъ съ пискомъ удовольствія.

Ликуръ установилъ въ Спартѣ общественыя прапезы, чтобы приучить народъ свой къ воздержности; канарейки, започенныя въ клѣткѣ, имѣютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ великимъ законодателемъ; когда одна изъ нихъ пѣла слишкомъ много, всѣ другія на неё нападаютъ.

Канарейка, также какъ и щеголь, легко выучивается разнымъ фокусамъ; она спрѣляетъ, падаетъ замертво, поднимается и становится на часы; преодолевая повинове-

ніемъ боязню, которую внушаетъ ей кошка, сей естественный врагъ ея, она летаетъ, кружится надъ нею, и оставляетъ не прежде, какъ удостовѣрившись ея ласки или поцѣлуя.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

М. И. ЛЕ.....ВОЙ.

Вотъ вамъ шепадь моихъ спиховъ:

Собранье чувствъ, былыхъ мечпаній,

Надеждъ, несбыточныхъ желаній,

Веселыхъ и печальныхъ сновъ;

Начальныхъ сердца ощущеній,

Плохаго знанія людей,

Судьбы привѣтовъ и гоненій,

Моихъ причудъ, моихъ заштѣй.

Въ томъ возрастѣ юный и прекрасный,

Когда душа и сердце ясны,

Своей невинностью святой,

Какъ ясенъ свѣтъ луны молодой!

Когда стремленья мыслей живы,

Какъ тока быстрые порывы;

Когда невѣдомыхъ спрасстей

Въ душѣ сокрытому волненью

Лишь нуженъ мигъ къ освобожденью:

Тогда, какъ радость свѣтлыхъ дней,

Еще ничто не омрачило,

Мечпаній легкое въприло

Вилось въ чудесной споронѣ—

И миръ казался красенъ мнѣ.

Съ какой отрадою свяжою,

Я пѣлъ хвалы Творцу мировъ

За лучшій изъ Его даровъ—

Умѣнье чувствовать душою!

Луна-ль возпанетъ надъ рѣкой

И съ хоромъ звѣздъ въ неё глядился

И небо дышетъ шишиной,

Иль съ ревомъ грозный вихрь промчился,

Застелетъ мракомъ небеса

И громъ прясетъ мировъ пвердыни:

Какал дивная краса

И блескъ могущества свяпыни!

Благоговѣнья полнъ душой,

Я просдирамся предъ Тобой,

Незримыхъ помысловъ Свидѣтель,
 Мой Богъ, мой Царь, мой Благодѣтель!
 Я не взывалъ къ Тебѣ: скажи,
 Откуда силы почерпаешь,
 И пошъ источникъ покажи
 Откуда жизнью испекаешь!
 Нѣтъ! я лепѣлъ къ тебѣ душой,
 Исполненъ весь благоговѣнья!
 И перлы чувствъ — благодаренья
 Текли съ живительной слезой.

Я пошъ же все, пѣ-жь чувства нѣтъ;
 Но пошъ ли огонь въ душѣ моей?
 Я такъ же вѣрую святынь;
 Но такъ ли-жь вѣрую въ людей?
 Нѣтъ! опылъ хладный, хопъ опасный,
 Разсѣялъ сладкую мечту;
 Мнѣ, сполько въ юности прекрасный —
 Свою утратилъ красоту.
 Но какъ и чѣмъ разочарованъ —
 Я не хочу воспоминашь.
 Довольно — мнѣ душѣ дарованъ;
 На прошломъ — таинства печатъ.
 И если бурею жестокой
 Я встрѣченъ былъ въ моей веснѣ,
 Я щасливъ: благоспѣю высокой
 Оспавленъ даръ завѣтный мнѣ:
 Мнѣ благоспѣ дружбу сохранила,
 И смѣ душа не уронила;
 И данный мнѣ чрезъ васъ залогъ —
 Гроза времянь сразилъ не смѣетъ,
 И все цвѣтеть, и все алѣетъ —
 Завѣтный дружества цвѣшокъ.

Но если па, кого не должно
 И не хочу воспоминашь,
 У васъ прочтеть мою пепрадь
 И вспомнитъ съ горестію ложной
 О всемъ, что радость намъ даритъ,
 Что въ жизни свято и прекрасно —
 О, какъ мнѣ чувства оскорбилъ
 Ея участвъ взоръ ужасной!
 Ея вниманіе ко мнѣ
 Меня впревожипъ душой чѣрной,
 И въ опдаленной сторонѣ
 Услышу голосъ я припворной.

Въ ней прочныхъ чувствъ, въ ней сердца нѣтъ!
 Проникъ я внутрь души коварной;
 Моихъ мечтаній чадъ угарной
 Уже разсѣялъ опылъ лѣтъ.
 Такъ блещетъ пѣною янтарной
 Въ бокалъ свѣтлая спруя
 И рѣзво бѣшетъ за края,
 Но пише, вопъ покойнѣй стала, —
 И вопъ уже совсѣмъ опала.
 Не повѣряйте чувствъ моихъ,
 Плода досуговъ вдохновенныхъ,
 Въ веселый или грустный стихъ,
 Моею Музой облеченныхъ,
 Не повѣряйте ей одной!
 Кто чувствъ, кто сердца не имѣетъ,
 Того забавитъ не умѣетъ
 Своею Музой молодой
 Пѣвецъ съ чувствительной душой.
 Смотрише-жь! а не то угроза:
 Заянешъ дружбы нашей роза,
 Сей постоянно-мильй цвѣтъъ,
 Лелѣанный двѣнадцать лѣтъъ.

С. Степановъ.

3 Сентября
 1855 года.

Ш А Р А Д А.

Съ косою острою, съ песочными часами
 Иду я за годами въ скокъ —
 И шарикомъ являюсь передъ вами:
 Шарады я начальный слогъ!
 Второй же: злой Янины обладатель,
 Рабъ Порпы, врагъ, предатель,
 Поносно кончившій жизнь звѣрскую свою.
 Я црльмъ облегчу шараду вамъ мою;
 Вы оптадаете еѣ безъ затрудненья:
 У Римлянъ въ спарь, подъ именемъ его,
 Свершалось празднество въ честь перваго значенья.
 Чего-жь яснѣй сего?

Доломановъ.

Въ No 80, помѣщенный логогрифъ значить: *Mode, ode.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О бенефисъ г-на Карашыгина мл., 4-го Сентября 1833 года, — на Большомъ Театрѣ.

Бенефисъ г-на *Карашыгина* мл. составленъ былъ изъ четырехъ новыхъ переводныхъ пьесъ: трагедіи, комедіи, водевиля и опермедіи, окончившейся панцами. Кажется, болѣе пѣтъ матеріаловъ, кои можно бы было подбавить въ театральнѣйшій бенегресъ! Вообще объ этомъ спектаклѣ надобно сказать, что матеріалы его приготовлены гораздо съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ выполнено г-ми актерами. Это на здѣшнихъ театрахъ часто повторяется, и доказываетъ, что у насъ круглымъ числомъ современная драматическая литература, не исключая и переводной, гораздо ниже искусства драматическихъ артистовъ. Последніе быются около старыхъ пьесъ, по хватаясь за всякую новинку, то переводя сами, какъ умѣютъ, и заслуживаютъ полное извиненіе, если въ бенефисы иногда подчиваютъ Публику не всегда вкусными блюдами.

1. Начался спектакль трагедіей въ одномъ дѣйствіи: *Парія, или отверженное племя* (соч. *Бера*, перев. съ Нѣмецк. стихами); въ ней Германскій писатель вывелъ на сцену семейство Индѣйцевъ. *Адги*, изгнанный изъ среды людей за непринесеніе жертвы Брамъ, скипаясь около мѣстъ родины, встрѣтился съ *Маею*, уже замужнею женщиной. Любовь взаимная запылала, и *Мая* уморила старика-мужа, чтобы принадлежать *Адгю*. Для вдовы, по обычаю Индѣйцевъ, готовился кострець; но разъ—преступный *Адги* еще нарушилъ законъ своей страны: похитилъ любимицу сердца и поселился съ нею въ глубинѣ лѣсовъ, куда не заходила нога ненавидимыхъ имъ людей. Вопль предварительнаго происшествія трагедіи, объясненный въ разсказѣ.

Дѣйствіе драмы состоитъ въ томъ, что на хижину отверженцевъ набрелъ раненый пугромъ Индѣецъ *Бенескаръ*, братъ *Маи*, котораго разлучилъ съ сестрою въ мало-

лѣтствѣ, и почти не помнилъ еѣ. Онъ, еще передъ входомъ въ хижину, видѣлъ *Маю* и пораженъ былъ ея красотою. Изъ повѣсти хозяевъ, узнавъ сеспіру и ея преступленіе, *Бенескаръ* хочетъ умертвить соблазнителья. Но встрѣпя защиту жены его, слагавшей всю вину на себя, онъ вырвалъ изъ рукъ родителей сына и пошелъ за жрецомъ, чтобы рукою служителя вѣры принести *Парію* въ жертву Брамъ. Между тѣмъ, отверженные супруги рѣшаются предупредить гонителей, и составивъ изъ ядовитаго плода питье, принимаютъ его и умираютъ.

Въ ученое мѣръ до сихъ поръ не явилось трагедіи въ одномъ дѣйствіи, которая бы удочерена была *Мельпоменю* для сцены. Это не комедія, гдѣ довольно получаса, чтобы сорвать улыбку съ лица самаго угрюмаго. Напротивъ, опыты доказываютъ, что пребудется продолжительное время, для того, чтобы актеръ самъ разгрузился и расположилъ къ печали зрителей. Впрочемъ, така пьеса, теряя силу на сценѣ, могла бы имѣть достоинство литературное: могла бы, по совершенству сложенія, по обилію ума и изощренности слога, быть прекрасною драматическою повѣстью. Она могла бы возродить тѣмъ болѣе любопытство, что съ *Индіей* и *Паріями* мы соединимъ живыл, романтическія мечты, образы и дѣйствія, вовсе несходныя съ тѣми, къ которымъ привыкли и холодно по ежедневнымъ встрѣчамъ. *Парія* Нѣмецкаго сочинителя и Русскаго переводчика не суждена ни на то, ни на другое, а пущена ими въ свѣтъ для хилой, безвѣстной жизни.

Новая трагедія замѣчательна тѣмъ, что въ ея маленькой рамѣ удивительно много заключено несообразностей: въ сдѣленіи происшествій, въ изображеніи характеровъ и мѣстныхъ нравовъ! *Бенескаръ*, войдя въ хижину *Паріевъ*, ужаснулся грѣха быть въ ней, почти выгналъ своихъ служителей, а самъ между тѣмъ оспается и даже принимаетъ лекарства изъ рукъ отверженцевъ! *Адги* представленъ сначала человекомъ, имѣющимъ внушительную силу, мечтающимъ о бибвахъ за опечесиво; потомъ великодушнымъ, ко-

гда онъ роняетъ стрѣлу, направленную имъ въ *Бенескара*; даже спарается исцѣлить раны эаго пришельца-врага, и въ то же время сноситъ оскорбленія одинокаго *Бенескара*, позволяетъ ему при себѣ изъяснить любовь къ *Матъ*; и оба отверженцы подставляютъ грудь ему, чтобы пошь убилъ котораго угодно. Мать допустила опорвать опъ себя своего ребенка; *Бенескиръ* щадитъ её не потому, что она сестра его, но потому только, что прежде въ неё влюбился; несчастливцевъ губитъ эаоть родной братъ, не представленный, впрочемъ, ни злодемъ, ни религиознымъ фанатикомъ! Еще спрашивается, что черезъ нѣсколько минушь, въ лесу, куда прежде люди не заходили, является по зву *Бенескари* жрецъ, съ цѣлымъ полкомъ служителей, и готовится принести въ жертву *Брамъ Парія* тогда, какъ, по вѣрью *Индѣйцевъ*, отверженцами гнушаются даже люди, не только Брама, пребующій жертвъ чистыхъ! Довольно: иначе, подробный разборъ недостатковъ новой трагедіи составишь книгу.

Если бы г. *Каратыгинъ* сп. (*Адги*) еще не поправлялъ мимикою недостатки сочиненія, выражая несмѣлыя ненависть и гнѣвъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Адги* осужденъ на молчаніе, то мы видѣли бы эаго *Индѣйца* попеременно: то великодушнымъ, то низкимъ человекомъ, то мужчиною, то слабою женщиною. Замѣтно было, какъ затруднялся г. *Каратыгинъ*, созидая характеръ изъ несцѣпляющихся матеріаловъ. Онъ лучше *Бера* выразумѣлъ положеніе *Парія*, представляя его униженнымъ предразсудками человекомъ, — который ничего не смѣетъ предпринять противъ людей-враговъ, имѣвшихъ право его проклясть, — и сохраняя между тѣмъ внупреннее достоинство. Сочинитель необходимо сбивалъ его, влача будто по косягорамъ и выбоинамъ нашихъ *Маршовскихъ* дорогъ. При всемъ томъ, г. *Каратыгинъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ прекрасенъ, какъ и естественнo, что первокласный артистъ во всякой, даже пустой драмѣ, проявляетъ блескъ своего таланта. Г-жа *Каратыгина* (хотя тому, кто видалъ её въ комедіяхъ, она въ трагедіи не совсѣмъ нравилась) такъ

же по мѣстамъ выполнила роль свою (*Матъ*) съ опытнымъ искусствомъ.

Изъ выражений г. *Каратыгина* остались въ душѣ, какъ черты изящнаго, его описанія бѣдствій отчужденія и начала любви къ *Матъ*. Её встрѣтилъ онъ на могилѣ ея матери. Прекрасная женщина познала нѣжную спрасъ, но оспавалась безответною. «Она молчитъ, но понялъ я молчанье!» Слова сіи произнесъ г. *Каратыгинъ* превосходно, и еще лучше, поднося къ устамъ чашу съ ядомъ, сказалъ: «Не смерть, а блаженство!» Внупренія спраданія, по выпитіи яда, и конвульсіи смерти выражены г. и г-жею *Каратыгинными* съ высокимъ искусствомъ! Это была карпина пакой кисти, копорой не заслуживаетъ трагедіи *Бера*.

2. Комедія: *Женская ненависть, или наслѣдство и любовь* (перев. съ Франц.) основана на частномъ случаѣ *Парижскаго* семейства. До молодой вдовы *Матильды*, скрытно влюбленной въ *Леона*, который напропивъ влюбленъ въ неё явно, дошли невѣрные слухи, что эаоть молодой человекъ имѣетъ связь съ другою дамою, и гордая вдова спала показывать къ нему ненависть. Она богата, *Леонъ* бѣденъ. Старый учитель послѣдняго, профессоръ *Менаръ*, знающій чудесно *Греческій* языкъ и ни сколько прихоти женскаго сердца, какъ ни хлопоталъ женишь своего любимаго воспитанника, однакоже всѣ дѣвицы на опрѣзь отказали бѣдному жениху, а ревнивая *Матильда*—первая. Неожиданно *Леонъ* получаетъ огромное наслѣдство, непринятое *Матильдою*, и всѣ дѣвицы сами на перебой начали свататься за богача; гордая же *Матильда* спала еще упряме въ мнимой ненависти, чтобы не подумалъ онъ, будто она ненавидѣла въ немъ бѣдняка. По спрасъ *Матильды* тѣмъ болѣе разгорается, и она успѣваетъ оянь сдѣлать бѣднякомъ *Леона*, предъявивъ свои права на его наслѣдство. Любовники мирятся къ радости другихъ невѣстъ, кои снова упрямятся идти за бѣднаго *Леона*, и къ несказанному восхищенію *Периклова* современника—профессора! Вы сами, милостивые государи, знаете, что это конецъ комедіи.

На такой канвъ можно бы создать комедію совершеннѣйшую, чѣмъ создана новая комедія. Бѣдностію мыслей и сухостію разсказовъ, она не далеко уходитъ отъ прагедіи *Бера*. Одно преимущество комедіи то, что въ ней меньше несообразностей и не сбивалась въ игрѣ представлявшая главное дѣйствующее лицо (*Матильду*) г-жа *Каратыгина*. Она царствовала здѣсь, какъ обыкновенно царствуетъ въ комедіи, какъ мужъ ея—въ прагедіяхъ. Спранно, что г-жа *Каратыгина* часто беретъ за прагическія роли, въ коихъ она поже, что г. *Каратыгинъ* въ комедіи: играетъ отчепливо, съ глубокимъ знаніемъ сценическаго искусства, но въ чужой стихіи. Надобно жалѣть, что по эпои спрасти г-жа *Каратыгина* является рѣже, чѣмъ бы желалось, на прошивоположенной сценѣ. Въ новой комедіи соперница дѣвицы *Марсъ* играла свободно, будто распоряжалась дома, была благородная, умная дама, немножко смѣшная, но не отъ дурачества, а отъ спеченія случаевъ. Въ эпои комедіи, не заключающей въ себѣ почти ни одной оспрой, хотя бы спарой мысли, г-жа *Каратыгина* казалась даже оспроумною: пакъ много помогла сочинителю наша знаменитая артистка искусствомъ измѣнять голосъ и сапирическою мимикой!

3. Перейдемъ къ водевилю (а): *Молодыя ключницы у старыхъ холостяковъ, или обоглись въ рацѣтъ* (перев. съ Франц.) Пьеса эпоа основана на положеніи двухъ старыхъ холостяковъ: *Дорвалля* и *Дидѣ*, питающихся преимущественно: первый лекарствами, а послѣдній виномъ, и кои имѣли у себя ключницъ въ совершенной благонадѣянности на ихъ вѣрную любовь. На повѣрку вышло немного не такъ: ключницы сами имѣли у себя запасныхъ любимцевъ, помоложе своихъ господъ-холостяковъ. Дѣло обнаружилось, и спарики сначала, одинъ послѣ другаго, трунили другъ надъ другомъ, а послѣ увѣрились, что они оба въ дуракахъ, и согласились на бракъ своихъ ключницъ съ ихъ молодыми любовниками.

(а) Въ представленіи водевилъ сыгранъ прежде комедіи.—П.

Водевиль эпопъ хотя наполненъ полюко подогрѣтыми оспропами на лекарей, вино и женатое соспояніе; но въ немъ блещутъ многія мысли изъ числа тѣхъ, которыя не новы, но кажутся всегда новыми, отъ того, что умное не спарѣется и никогда не наскучиваетъ. Также въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, особенно обоихъ холостяковъ и слуги, глупаго *Жака*, много забавнаго, которое показалось еще забавнѣе на сценѣ отъ очаровательнаго искусства нашихъ артистовъ. *Дорвалль*, пляшущій по дудкѣ по друга, по ключницы, весело и безъ большихъ дурачества, (которыя не по вкусу образованныхъ зрители) представленъ г. *Величкинымъ*; *Дидѣ*, повпоряющій шалости юныхъ лѣтъ, что называется молодой спарикъ, забавно и со вкусомъ выраженъ г. *Григорьевымъ*, и г. *Шемасовъ* (въ роль *Жака*) не уступилъ бы первымъ, если бы уже не слишкомъ пересаливалъ, сзывая съ высотъ непомѣрный смѣхъ. Вообще, водевилъ шелъ очень весело, и конечно есть лучшая пьеса изъ разыгранныхъ въ бенефисъ г. *Каратыгина* мл.

4. Окончился спектакль почти неизбѣжною омегою бенефисовъ—интермедіей. Названіе ея: *Пожинки, или неожиданный гость лучше жданаго*; а содержаніе то, что деревенскій паренъ, бѣднякъ *Сеня*, вздумалъ полюбить племянницу своего хозяина, крестьянина *Терентья*. Однакоже ему сказано честнымъ манеромъ, что бѣдняки не женятся. На счастье *Сени*, неожиданно воротился со службы братъ *Терентья*, унперъ-офицеръ *Денисъ*, и эпопъ уговорилъ своего брата обвѣнчать полюбовниковъ.

Крипиковать интермедію — значитъ занятья предметомъ важнымъ. Наспоящая оживлена была пѣснями г. *Воротникова*, играващаго *Сеню*. Русскія пѣсни и напѣвъ испинно изящны, по крайней мѣрѣ для Русскаго слуха, а г. *Воротниковъ* эпоими пѣслими господствуетъ неограниченно надъ нами. Часто на Петербургскихъ театрахъ поютъ Русскія пѣсни другіе, извѣстные оперные артисты, и слушая ихъ, чувствуемъ удовольствіе; но зацсетъ тотчасъ за ними *Воротниковъ*: какъ-то совсѣмъ иначе — и дро-

жптъ Русское сердце! Для иногородцевъ, кои нашего пѣвца не знаютъ, легко объяснить его напѣвъ: послушайте самаго проспаго деревенскаго парня, который не понимаетъ, что есть на свѣтѣ искусство и голосисто поетъ по обычаю предковъ,—вопть *Воротниковъ!* Искусство его такъ велико, что встрѣчаясь въ природѣ съ подлинникомъ, сравниваемъ оный съ искусствомъ! Кто слышалъ г. *Воротникова*, тотъ не удержится отъ восклицанія: «*Точно Воротниковъ!*») когда повстрѣчается извощикъ или крестьянинъ, который не смотритъ на блескъ *Пальмиры*, а заложивъ ухо, поетъ себѣ ни съ горя, ни съ радости! Какъ пріятно въ театръ, наполненномъ людьми, отъ коихъ вѣетъ пышною, образованною Европою, вдругъ услышать сладкій голосъ деревни: будто зимою входимъ въ оранжерею, гдѣ зеленьюшъ расшенія и пышно распустились природныя цвѣты, которые отъ того еще милѣе, что мы давно ихъ не видали!

Пр.

MODES.

La mode des ruches autour des passes se soutient.

Nous avons remarqué un de ces derniers soirs une jolie toilette de spectacle dans laquelle se trouvait un chapeau ainsi disposé: en crêpe gris doublé, bordé autour d'une ruche de tulle noir, des brides de tulle noir en double ruche; sur la forme était posée une coquille, en blonde noire qui formait *le chou*. Tout cet ensemble était parfaitement doux, surtout seyant fort bien au visage blanc et blond qu'il accompagnait.

M. Lavigne, boulevard Poissonnière, a composé sur des formes de chapeaux des capotes en tulle doublé de crêpe, qui sont d'un joli effet; le dessus en tulle noir est brodé de soie plate noire, la doublure intérieure de la passe est en crêpe de couleur tendre; celle que nous désignerons était doublé de crêpe vert pomme. Le bord de la passe se terminait par une ruche noire; sur le côté de la forme était posé un bouquet de paquerettes vertes.

Une des plus jolies dispositions que M. Lavigne ait faites en ce genre était le tulle noir doublé de crêpe rose pâle, et un bouquet de pois de senteur.

Un charmant meuble de campagne sont les étagères de salle à manger sur lesquelles on pose tout ce qui est porcelaine de prix ou de fantaisie pour le service de la table. Elles sont beaucoup plus grandes que celles destinées à l'appartement, et se placent ordinairement ou vis à vis un autre grand meuble, ou deux semblables en pendant.

Pl. No 29. A Paris le 10 Octobre n. st.

МОДЫ.

Употребленіе рюшей около полей поддерживается.

Мы замѣтили въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ красивый нарядъ для спектакля; между прочимъ была шляпка, сдѣланная такимъ образомъ: изъ дикаго крепа на подкладкѣ, обшита вокругъ чѣрнымъ рюшемъ; завязки съ двойнымъ чѣрнымъ рюшемъ; на пулѣ пришилена была раковинка изъ чѣрной блонды, сославляющая ренеекъ. Все вмѣстѣ это было чрезвычайно нѣжно, и шло особенно хорошо къ бѣлому и бѣлокурому лицу, которое оно прикрывало.

Г. *Lavigne*, на бульварѣ *Poissonnière*, сшилъ весьма красивые капоты на манеръ шляпокъ изъ тюля, подложеннаго крепомъ; верхъ изъ чѣрнаго тюля, вышитаго чѣрнымъ несученымъ шелкомъ; внутри поле подложено крепомъ нѣжнаго цвѣта. Та, которую мы описываемъ, подложена была крепомъ цвѣта *vert-pomme*. Край поля обшитъ былъ чѣрнымъ рюшемъ, съ боку на пулѣ букетъ изъ зеленыхъ *paquerettes*.

Самая красивая вещь, какая вышла изъ рукъ Г. *Lavigne* въ семь родѣ, это шляпка изъ чѣрнаго тюля, подложена блѣдно-розовымъ крепомъ, съ букетомъ душистаго горошка.

Прелестная деревенская мебель,—это этажерки для столовой, на которыхъ спавялся самыя дорогія или прихотливья фарфоровыя вещи для столоваго сервиза. Онѣ гораздо болѣе назначенныхъ для другихъ компань, и спавялся обыкновенно противъ какой либо большой мебели, или двѣ одинакія въ сошвѣшпвенность одна другой.

Карш. No 28. Въ Парижѣ 10 Оклября нов. сл.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 82.

Цѣна годовому изданію,
состолщему изъ 104 Ло,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 14 дня 1855 года.

Въ младія лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, НЕЖЕЛИ НИКОГДА.

1.

Исправникъ *Подъсѣркинъ*—за то, что при поимкѣ бѣглыхъ рекрутъ подучалъ ихъ оговаривать зажиточныхъ крестьянъ, коихъ обиралъ, забирая подъ спражу; за то, что бѣлаго рекрута нарочно впуская на пчельникъ къ достачочнымъ поселянамъ и, потомъ, окружая оный понятными, ловилъ его и заставлялъ показывать въ допросъ, что онъ ночевалъ свѣдома хозяина, вязалъ ему руки, бросалъ въ шѣлегу, вымучивалъ богатые срывы; за то, что онъ бѣглыхъ рекрутъ водворялъ въ казенныхъ селеніяхъ, перемѣняя ихъ имена именами умершихъ тамошняго селенія обывателей, давалъ паспорта и бралъ оброкъ—опданъ подъ судъ. Онъ раскаивается въ своихъ преступленіяхъ и божится, что другу и не другу закажетъ воровать: поздно! Однако же *лучше поздно, нежели никогда!*

2.

Засѣдатель *Подлизалкинъ*—за то, что будучи посылаемъ для сбора недоимокъ, ни-

когда не собиралъ ихъ, а бралъ малую—полюку съ крещенаго міра и отсрочивалъ взносъ податей; потомъ недѣли черезъ двѣ, а иногда и ближе, если чувствовалъ пушицу въ карманѣ, опять завѣрщивалъ въ то же селеніе за шѣмъ же, опять довольствовался маленькимъ приносомъ и, такимъ невиннымъ ремесломъ, умѣлъ собирать съ крестьянъ болѣе денегъ въ свою пользу, нежели сколько имъ приходилось платить въ казну, — опрѣшенъ отъ должности. Онъ горько плачется на свою участь и раскаивается: поздно! Однако же *лучше поздно, нежели никогда!*

3.

Секретарь *Наглинскій*—за то, что подкаблывалъ судейскія резолюціи, выдиравъ изъ прополовъ страницы и подшивалъ новыя, по три года не исполнялъ указы; за то, что фальшиво подводилъ законы, криво толковалъ указы и скрывалъ правду подъ безконечными безтолковыми періодами, — опданъ подъ уголовный судъ. А онъ обзавелся было домкомъ, оженился было на бездушномъ дворянкѣ съ 30 душами. Онъ чистосердечно раскаивается впередъ подбираться

законы, какъ карты: поздно! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

4.

Пригоженькая невѣжда и въпреница, Маргарипа Михайловна *Шиповникова*, поперяла любовь мужа, уваженіе родныхъ, добрую славу въ Свѣстѣ, красоту, здоровье, состояніе, а въ слѣдствіе вышешисаннаго и подлипалъ, и волокипъ, и обожателей. Скучая вдвоёмъ съ неугомонною совѣстью, она оплакиваетъ грѣхи молодости: поздно! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

5.

Уланскій корнетъ *Забудавевъ*—за долговременную просрочку, происшедшую отъ того, что завеселясь въ Москвѣ, позабылъ щипать дни, выключенъ изъ службы, а за распраспу аршельныхъ денегъ, арестованъ и преданъ военному суду. Онъ сѣлался угрюмъ, сидя на гауптвахтѣ, и проводитъ время въ постѣ, молитвѣ и покаяніи: поздно! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

6.

Молодой шалунъ, графъ *Дьяволосъ*—за немѣспныя шупки надъ храбрымъ офицеромъ, получилъ оплеуху. Заклейменный какъ преспуникъ, онъ весьма сожалѣетъ о своемъ проспункѣ, даетъ зарокъ держать язычокъ на привязи: поздно! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

7.

Капитанъ *Отгьянмовъ*, проигравшись въ карты, безпрестанно требовалъ изъ Казѣнной Палаты денегъ на продовольствіе рекрутъ, которыхъ всегда показывалъ въ излишнемъ количествѣ и, возбуждая въ вице-губернаторѣ подозрѣніе, уличенъ въ семь злоупотребленіи. Онъ до того пораженъ участіемъ, его постигшею, что не разъ готовъ былъ заспрѣлипиться. Не ѣстъ, не пьетъ, ни съ кѣмъ ни слова: поздно! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

8.

Студентъ *Безстыжко*, за сочиненіе проповионравственныхъ спихопвореній и паск-

вилей, за пьянство и буянство, опданъ въ солдаты до опличной выслуги. Онъ прокликаетъ даръ поэзіи, прокликаетъ поварищей, которыхъ сладко-ядовитыми похвалами подспрекали его на пакоспи: поздно! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

9.

Журналистъ *Наглецовъ*—поперемѣнно, по превозносившій до небесъ, по низвергавшій въ адъ одного и того же поэта; писавшій и за такова-то писателя и противъ его; признававшій образцовыми такія сочиненія, которыхъ накануне были имъ разруганы; предававшій анаемъ такую книгу, которую вчера еще окуривалъ еиміамомъ; объявлявшій себя сего дня на сторонѣ таково-то писателя и бросавшій завтре въ него ѣдія спрѣды крипки; называвшій чѣрное бѣлымъ, а бѣлое чѣрнымъ; подбиравшій подъ масп къ себѣ соспрудниковъ; наконецъ уличенъ, забросанъ грязью, не смѣетъ никуда глазъ показатъ; однакожь не кается. Жаль этаго; хопя оно было бы и шеперь позденько, однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

10.

Сумасшедшая отъ приспраспіа къ Французамъ госпожа *Лѣтова* недавно возвратилась изъ Парижа, гдѣ чуть, чуть не попалась за долги въ шюръму св. *Пелагеи*. Она промотала памъ все свое имѣніе, и шеперь, живучи на хлѣбахъ у брата, прокликаетъ и Пале-Рояль, и Большую Оперу, и Тиволи, и улицу Сентъ-Оноре: позденько! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

11.

Дѣвица *Красоулькина*, браковавшая жениховъ, какъ ремонтёръ лошадей, отказавшая генераль-маіору, двумъ полковникамъ, чепыремъ надворнымъ совѣтникамъ, осьми маіорамъ, досидѣлась въ дѣвахъ до тридцати пятилѣтняго возраста. Она дѣнно и ноцно съ тяжкими воздыханіями воспоминаетъ, что не кспати была спѣсива, не къ лицу разборчива, не въ пору брезглива. Она готова выпши за перваго популярнаго совѣтника, который будетъ просипъ ея руки: позд-

новапо! Однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

12.

Надо, далькинъ два года лоцилъ полъ въ переднихъ у знатныхъ баръ, добиваясь мѣста предсѣдательскаго; годъ напрашивался въ совѣтники. Теперь упрекаетъ себя, что не взялъ мѣста — губернскаго спрянчаго, которое ему неоднократно предлагали: поздно, ибо нѣтъ вакансiи: однакожь *лучше поздно, нежели никогда!*

А. Кораблинскій.

ЛОШАДИНЫЙ РОМАНЪ.

Одинъ простакъ читалъ книги для того, чтобъ читать, даже не понимая ихъ содержания. Случилось ему заснуть надъ однимъ *романомъ*: прiятель подмѣнилъ книгу — *Конскимъ лебеникомъ*. На другой день онъ продолжалъ чтенiе. На вопросъ: какая эта книга? онъ отвѣчалъ: «*Романъ!*» — Какъ онъ вамъ нравится? — «*Недурень, только что-то въ немъ слишкомъ много толкуютъ о лошадяхъ.*»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦХЕНИ И ДЖЕМБУЛАТЬ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ.

(Посвящено К... С... Е... М... кой).

Область Кабардинская, лежащая на юго-западъ отъ Моздока, преимуществуесть предъ всеми прочими областями Кавказа плодородiемъ почвы, обширностию лѣсовъ и необыкновенною красою своихъ жителей. Её населяютъ колѣна Горскихъ народовъ, присвоившія себѣ фамилии прежнихъ князей своихъ, и называющіяся: *Атажуками, Туа-Султанами и Гелесланами*. Защищаемые отъ непрiятельскихъ набѣговъ сполько же природою, сколько собственною храбростию и плѣсною силою, Кабардинцы жили бы ша-

спливо, еслибы частыя междоусобiя не возмущали тишины прекраснаго ихъ края.

Въ 1804 году одно колѣно Кабардинцевъ, согласясь съ нѣкоторыми изъ сосѣдей, объявило войну Киспинцамъ, обитающимъ на сѣверо-западной сторонѣ горъ, близъ береговъ рѣки Сунджи. Князь *Атажукъ*, владѣтель одноименнаго съ нимъ народа, выступилъ съ 2,000 наѣздниковъ, оставя въ разсѣянныхъ среди проспанной долины аулахъ своихъ, однихъ только плѣтниковъ, женъ, дѣшей и караульчиковъ. Княжескiй аулъ опличался отъ прочихъ большимъ числомъ саклей и огромнымъ табуномъ лошадей, пасомыхъ на близъ лежащемъ дугу.

Атажукъ, не задолго предъ тѣмъ овдовѣвшiй, имѣлъ одну только дочь, семнадцатилѣтнюю *Цхени*, которая была прекраснѣ всѣхъ Черкешенокъ: ослѣпительная бѣлизна, стройность стана и привлекательная округлость формъ, еще болѣе придавали красоты правильнымъ чертамъ прелестнаго лица ея.

Прошло пять дней, — отъ *Атажука* не получено никакого извѣстiя. На шестой день, когда солнце первыми лучами своими позолотило пѣну около береговъ сердитой Кубани, красавица *Цхени*, съ сердечнымъ безпокойствомъ, въ сопровожденiи прислужницъ, вышла подъ чинары, осынявшiе ея саклю. Бросивъ взоръ на ручей, змѣившiйся около аула, увидѣла она вдали нѣсколькихъ Черкесовъ, въ молчанiи приближавшихся къ аулу: подъ прикрытiемъ четырехъ панцирниковъ, они несли кого-то на сплеченныхъ древесныхъ вѣтвяхъ. Невольный трепетъ овладѣлъ сердцемъ *Цхени*; съ воплемъ горести бѣжитъ она къ нимъ на встрѣчу: можетъ быть, это отецъ ея!... Но въ раненомъ, котораго между тѣмъ вносили уже въ саклю княжескую, она узнаетъ *Джембулата*, молодаго узденя, всегда безоплочно находившагося при *Атажукѣ*. «*Радуйся, княжна! сказалъ тихимъ голосомъ Джембулатъ, ослабѣвшiй отъ испекшей крови: мы побѣдили! Князь здоровъ, и сего же вечера ты его обнимешь.*» — Я тогда только обрадуюсь, отвѣчала *Цхени*, когда увѣрюсь,

что рана своя не опасна; а между пѣмъ побѣгу приказать, чтобы тебѣ скорѣе подали помощь.—

Старая женщина, извѣстная познаніями своими въ правахъ и распеніяхъ, поспѣшъ перевязала рану *Джеслубулата*, и дала ему составленное ею снадобье, которое повергло его въ глубокой сонъ. Вечеру, передъ пѣмъ, какъ почъ покрывала землю сумракомъ, военные звуки возвѣстили возвращеніе князя. Онъ, въ сопровожденіи дочери, — немедленно пошелъ навѣспить раненаго, и узнавъ отъ лекарки, что рана больнаго не смертельна, и даже не опасна, въ восторгѣ вскричалъ: да будетъ славенъ пророкъ! Дочь моя! воздай благодареніе *Джеслубулату*: онъ заслонилъ меня собою, и принялъ ударъ, опредѣленный отцу моему. Храбрый юноша! даю тебѣ прехъ лучшихъ коней моихъ, полный панцырь, и рука моя всегда открыта будетъ для пожатія руки твоей!

Джеслубулатъ опличился во многихъ уже сраженіяхъ; но можетъ быть въ послѣдней бившъ и не оказалъ бы споль неуспрашаемаго самоопроверженія для спасенія князя, если-бъ не любилъ спрасно его дочери. Таа любовь свою, онъ никогда не осмѣливался открытъ еѣ предмету, имъ обожаемому, и едва повѣрлялъ еѣ самому себѣ. Рука княжеской дочери могла ли принадлежать узденю? Мѣстные обычаи не допускали подобнаго союза; а у народовъ варварскихъ обычаи сіи сохраняются съ большею святостію, чѣмъ письменные законы у народовъ просвѣщенныхъ. Такимъ образомъ, ни малѣйшій лучъ надежды не проникалъ въ печальную душу *Джеслубулата*. Ръвая *Цхени* до пѣхъ поръ, смотрѣла на него глазами равнодушными, хотя онъ былъ и прекраснѣйшій мущина изъ всего колѣна; къ которому принадлежалъ. Но юная княжна любила нѣжно отца своего; она видѣла грудь *Джеслубулата*, распоронную пѣмъ самымъ желзвомъ, которое успрямлено было въ сердце виновника днѣей. Томная блѣдность раненаго преслѣдовала еѣ даже въ сновидѣніяхъ: любовь, подъ скромнымъ видомъ благодарности, закралась въ сердце княжны. Выгну минушу; когда раскрылась предъ нею эта истина, она вздох-

нула, заплакала, содрогнулась. *Цхени!* сказала она сама себѣ: неодолима преграда раздѣляетъ тебя съ пѣмъ, кого ты любишь: ты слишкомъ знаешь обычаи, свято хранимые князьями и ихъ подданными, богатыми и бѣдными, спариками и молодыми. Несчастливая! ты можешь умереть, но не можешь быть женою узденя, спасающаго жизнь отцу моему!

Атажукъ въ ближней долинѣ осматривалъ своихъ навздниковъ. *Цхени*, не будучи ни кѣмъ замѣченъ, идетъ въ рощу, пересѣкаетъ ручьемъ; туда же, случайно, придитъ и выздоравливавшій *Джеслубулатъ* подышать свѣжимъ воздухомъ и предаться мечтамъ о той, которую любилъ. Вспрѣвшись съ нею, онъ хочетъ бѣжать; но силы ему измѣняются: онъ блѣднѣетъ, шапается, падаетъ къ ногамъ княжны. Зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня, когда я люблю тебя?— говоришь ему *Цхени*, увлеченная сосираданіемъ и нѣжностію: дважды деревья перемѣнили свою одежду съ той минушы, какъ я увидѣла тебя въ первый разъ, и однакожь я не мечтала о тебѣ; но ты спасъ моего родителя: съ тѣхъ поръ грудь моя, когда о тебѣ думаю, волнуется слыше, чѣмъ волны нашего озера. Не уходи, *Джеслубулатъ!* зачѣмъ бѣжать отъ меня!—«Могу ли въришь!» вскричалъ молодой узденъ: «въ прошлую ночь я видѣлъ тебя въ мечтахъ моихъ, княжна, точно такую же, какъ вижу теперь, и то же говорила ты мнѣ: скажи, не сновидѣніе ли это опять? И ты меня любишь? И ты дозволяешь мнѣ любить тебя?»—Такъ, я люблю тебя, и прощаю;—сказала *Цхени*: по увѣ! никогда не сождемъ мы другъ друга въ супружескихъ объятіяхъ: ты знаешь, кому обѣщана рука моя!—«Ахъ! не произноси элаго ненавистнаго имени,»—вскричалъ *Джеслубулатъ*: кровь моя взволнуется, рана раскроеется!»—Лучше смерть, чѣмъ эптокъ ненавистный бракъ!—сказала *Цхени*: опкроюсь родителю; умолю его положить руку на сердце мое: онъ узнаетъ, для кого оно бѣется. Я скажу ему: *Атажукъ!* назови спасителя твоего сыномъ своимъ, опкрой ему родительскія свои объятія, или гробъ раскроеется для твоей дочери!—

Выговоривъ слова сіи, молодая Черкешенка прикоснулась устами къ груди *Джелбулата* и скрылась быспрѣе, чѣмъ серна, чѣмъ лань, убѣгающая опъ спрѣлы охотника.

Дни пропекали, а *Цхени*, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе спрадавшая, не осмѣливалась открыть любовь свою опцу: *Атажукъ* видя, что дочь его увядаеть, какъ цвѣтъ пустынный, сказалъ ей однажды: «Дитя мое! Богъ прогнѣвался на тебя! Откройся мнѣ, опъ чего иекушь слезы твои? Я опдамъ всѣ спада и табуны мои, опдамъ лучшій свой папцырѣ и оружіе, чтобы улыбка по прежнему цвѣла на устахъ твоихъ, чтобы щеки твои по прежнему покрылись румянцемъ, чтобы опять веселый голосъ твой раздался на горахъ и въ долинахъ нашихъ!»

— Увы, родилель мой! — отвѣчала *Цхени*: къ чему мнѣ богатства? Бѣдности жалаеть дочь твою: онъ бѣденъ, спасилель дней твоихъ! «Какъ? *Джелбулатъ*...» вскричала *Атажукъ*.

— Его любилъ душа моя, и эта любовь сведеть меня въ могилу! — тихо сказала *Цхени*.

Послѣ этихъ словъ своей дочери, *Атажукъ* закрылъ руками лице: *Цхени* подумала, что она раздражила его, но онъ былъ только распротанъ симъ неожиданнымъ признаніемъ. Князь и прежде былъ хорошо расположенъ къ *Джелбулату*, а съ того дня, въ который сей мужественный красавецъ спасъ ему жизнь, любилъ его какъ сына, и не имѣлъ смѣлости оуждаць чувства своей дочери. Онъ спалъ также задумчивъ, печаленъ, какъ и она, и подобно ей, искалъ уединенія. «Молодой человекъ!» — сказалъ онъ *Джелбулату*, вспрѣпившись съ нимъ однажды: «зачѣмъ не допустишь ты меня пасть подъ кинжаломъ непріятельскимъ! Ты спасъ мнѣ жизнь, а жизнь дочери моей въ опасности: и кто же прокладываетъ ей путь въ жилище мертвыхъ? ... ты!»

— Благородный князь! — отвѣчалъ испугавшійся *Джелбулатъ*: я сяду на коня, помчусь въ лѣса непроходимые, и ты не увидишь меня болѣе. — «Дочь моя послѣдуетъ за побоею!» — Такъ повели, и я, благословляя

родилель *Цхени*, низвергнусь въ волны Кубани. — «Дочь моя послѣдуетъ за побоею! Она тиха, какъ горлица, но ея душа смѣлѣе взора ординаго. Нѣтъ! поздно уже: никогда не услышу я брачныхъ пѣсень моего дѣппца!» — Прикажи, *Атажукъ*, и я исполню волю твою, какъ громъ повинуется молніи. — «Что могу я приказать? *Цхени* поражена спрѣлою, которую никакая рука не вырветъ уже изъ ея сердца и, горе мнѣ: рука ея обѣщана сыну союзника нашего, князя *Бекъ-Мирзы*. *Бекъ-Марза* силенъ: число наѣзниковъ его превосходитъ число нашихъ, какъ воды широкой рѣки превосходятъ спруи ручья. Уже близокъ день, въ который долженъ я буду выполнить данное мною обѣщаніе, или подвижная стѣна нашихъ и кинжаловъ заблеститъ вокругъ моего аула. *Джелбулатъ*! князь твой слышитъ комъ злополученъ! Къ чему избавилъ ты его опъ смерти?» — Ахъ! если смерть моя... — «Нѣтъ: дочь моя живетъ побоею, *Джелбулатъ*! Но для чего я не могу назвать тебя моимъ сыномъ?»

Они разстались, поселивъ въ душахъ своихъ чувство глубокой горести, которую не могъ облегчить ни малѣйшій лучъ надежды. *Атажукъ*, властію своею и тѣмъ уваженіемъ, коимъ пользовался опъ своихъ подданныхъ, можетъ быть и могъ бы, вопреки обычаямъ Горцевъ, соединить дочь свою съ просшимъ узденемъ, спасшимъ ему жизнь, тѣмъ легче, что былъ уже подобный примѣръ въ прежнія времена между Черкесами: по какъ вооружить противъ себя союзнаго князя, имѣвшаго всѣ средства къ ужасному мщенію?... Какъ пожертвовать годами опчизны выгодамъ семейства?

Когда Черкесы не воюють между собою, или съ Русскими, они сражаются съ звѣрами: прерогии и опасности жизни ратной сдѣлались необходимыми для сего воинственнаго народа. *Атажукъ* съ придатною человекѣмъ отправился на кабанью охоту. *Джелбулатъ*, совершенно уже выздоровѣвшій, сопровождалъ его. Преслѣдуя звѣрей сихъ, они нечувствительно заѣхали за предѣлы своихъ обыкновенныхъ поисковъ, и вспрѣпились съ

опрядомъ казаковъ, превосходившихъ ихъ въ числѣ. Мѣстное положеніе препятствовало бѣгству: дѣло завязалось, и съ первымъ выстрѣломъ *Атажука* палъ, пораженный нѣсколькими пулями. Пальба уступила мѣсто опчаянному рукопашному бою. *Джембулатъ* дѣлаешь чудеса храбрости, чтобы увести тѣло князя, и не прежде успѣваетъ въ помъ, какъ сразивъ собственною рукою презъ казаковъ. Черкесы, подобно героямъ *Илліады*, тѣлъ поварищей своихъ не оставляютъ побѣдителямъ. *Джембулатъ*, пользуясь безпорядкомъ, въ который привелъ онъ непріятелей своею неуспрашимостию, кладетъ тѣло *Атажука* на коня своего, и удаляется съ оставшеюся горстью наѣзниковъ. Ничто не можетъ сравниться съ быстротою Черкесскихъ коней: казаки, упомленные преслѣдованіемъ по опаснымъ, неизвѣстнымъ для нихъ пропінкамъ, не гнались далѣ за Кавказскими наѣзниками.

Подъѣзжая къ аулу, *Джембулатъ* посылаетъ одного изъ поварищей предупредить князю о постигшемъ ея несчастіи, и спешно у источника, омываетъ тѣло князя, покрытое пылью и кровію. Вскорѣ жгители аула, съ плачемъ выбѣжавшіе изъ саклей, спешатся по пропінкѣ, ведущей къ источнику: женщины, дѣти, спарики, молодые, всѣ наполняютъ воздухъ стenanіями. Среди рыдающей толпы сей, *Цхени*, во всемъ безпорядкѣ опчаяніа, возвышается, какъ прекрасный дубъ, пораженный громомъ. Она кинулась на тѣло отца, толико ею любимого, и вскричала: «*Джембулатъ!* гдѣ была твоя храбрость? въ этотъ разъ ты не защитилъ груди своего князя!»— *Цхени!* отвѣчалъ ей юный герой: пуля быстрѣе кинжала. Зачѣмъ роковой свинець поразилъ не меня, а родителя моего! Но я оптимсиль за моего князя и сберегъ себѣ упѣшеніе— проливать слезы на его могилѣ.

Медленно возвращалась въ аулъ печальная церемонія: всякой спорилъ о чести—неспи въ свою очередь смертные останки храбраго *Атажука*. Наканунѣ похоронъ назначенъ былъ совѣтъ, долженствовавшій рѣшить судьбу двухъ любовниковъ. Спаршины собрались, и рѣшеніе поспѣше же сдѣ-

лалось извѣстнымъ: въ слѣдствіе обѣщанія, даннаго покойнымъ княземъ, положено, чтобы *Цхени*, не медля ни мало, соединилась бракомъ съ сыномъ *Бекъ-Мирзы*, котораго и признавъ попомъ преемникомъ *Атажука*. Тщепно возставала княжна проотивъ произнесеннаго рѣшенія, объявляя, что не можетъ обмѣнить такъ скоро пѣсни смерти на пѣсню брачную: спаршины, видя сопротивленіе ея, доказали ей необходимость въ начальникѣ, представляя опасность внезапной войны съ сосѣдними Горцами. Наконецъ *Цхени*, казалось, уступила убѣжденіямъ, и суровый *Арслангиръ*, женихъ ея, запрепечалъ отъ радости, почитая уже себя обладателемъ прекраснѣйшей изъ всѣхъ дѣвъ Черкесскихъ, власпелиномъ богатыхъ владѣній и преемникомъ могущества *Атажукова*. Близокъ былъ день брака, назначенный совѣтомъ спаршійши. Завтра спаринная дружба двухъ колѣнъ должна была утвердиться еще болѣе союзомъ, основаннымъ на общихъ желаніяхъ, на общихъ выгодахъ. Уже Черкешенки украшаютъ саклю *Цхени* вязями изъ цвѣтвъ, уже панцырники, съ музыкою и брачными пѣснями, развѣзжаютъ по ауламъ; но мракъ ночи прерываетъ шумныя приготовленія къ торжеству, долженствовавшему начаться съ разсвѣтомъ дня: первый лучъ солнца освѣтитъ юныхъ супруговъ, благословляемыхъ эфендіемъ въ присутствіи родителей жениха, ближайшихъ родственниковъ, съ обѣихъ сторонъ гостей и ясырей.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

М Ы С Л И.

Назадъ тому пятнадцатъ вѣковъ, вышла въ Свѣтъ любопытная Кипайская поэма, подъ заглавіемъ: *Терру-Ванлаверъ-Куддаль* (Океанъ мудрости). Первый стихъ оной заключаетъ слѣдующую мысль: «женщина, когда спитъ, пробудившись отъ сна, посвящаетъ «первое свое помышленіе мужу, еспъ существо споль превосходное, что дождь пошелъ бы съ неба, еслибъ она попросила о «помъ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВА ЖРЕБІЯ.

Во дворць своемъ богапомъ,
 Съ поржеспвующимъ лицомъ,
 Средь рабовъ, сіяя злапомъ
 И волниспымъ багрецомъ,
 Ликоваль въ дыму куреній
 Щасстья баловень молодой.
 Между пьмъ, гонимый геній,
 Съ пляжкой спранника клюкой,
 Изнуренъ поской неволи,
 Скорбной дуюмо помимъ,
 Чшобъ взглянуть на Капишполій,
 Тихо брель въ державный Римъ.

*

Эпомъ спранникъ—быль *Торжвато*.
 Кто-жь—блеспящій и молодой—
 Кто былъ шомъ, который злапо
 Лилъ широкою рькой?
 Онъ забытъ съ его судьбиной;
 Имя гордаго давно
 Темпой времени пучиной
 Навсегда поглощено...
 Но распѣтъ въ сіяньи славы
 Имл дивнаго пьвца,
 И звучать его октавы,
 И горятъ опъ пихъ сердца!

A. K.

С. П. б. 25 Апрель
 1850.

ИТАЛІАНСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Въ свьшлой Ипалім нашей,
 Подъ небомъ сафирнымъ своимъ,
 Мы, въ жизни безпечной, хопимъ
 Радость пипъ полною чашей.
 Сладокъ онъ, южныхъ цвьшовъ аромашъ;
 Сладокъ онъ, юга красавицы взглядъ.
 Въ померанцовыхъ сьняхъ,
 Въ нашихъ ночныхъ пиршеспвахъ,
 Роза у насъ—на главахъ,
 Красота—на колѣняхъ.

N. N.

L O G O G R I P H E.

Dans mes sept pieds, lecteur, je t'offre le tableau
 Et le miroir de cette vie.
 Je pleure rarement, et je suis le fléau
 De la sottise et de l'hypocrisie.
 En Grèce on place mon berceau;
 Un Grec en me jouant se barbouilla de lic.
 Parfois je prends un noble essor ;
 Le moude entier est ma patrie:
 Je suis Russe, Allemande, Anglaise, et suis encor
 Espagnole, Chinoise, et tel est mon mérite
 Que l'on me voit cosmopolite.
 En me décomposant, je présente à tes yeux
 L'ouvrage de Solon; l'inconstante déesse
 Qui soumet jusqu'à la sagesse;
 Un impôt, un héros, un chant aimé des Dieux;
 Un monument qu'avec orgueil étale
 Plus d'une riche capitale;
 Un lac italien, un vin délicieux;
 De Junon l'aimable rivale;
 De plus, un bipède fameux,
 Fort honoré dans Rome et dans notre cuisine;
 Enfin si ton esprit déjà ne me devine,
 Je veux bien ajouter que tu peux dès ce soir,
 Dans un temple brillant, et m'entendre et me voir.
 J'habite la taverne, ainsi que le salon.
 Je suis parfois grivoise, et parfois de bon ton,
 Et pour finir enfin par un trait de satire,
 Ceux dont je blâme les défauts,
 Les fats, les fripons et les sots,
 De leurs portraits dans mes tableaux
 Sont souvent les premiers à rire.

Въ No 81, помьщенная шарада значить: *Сатурн-алій*.

M O D E S.

Au sortir de l'Opéra, sous le péristyle où se réunissent les femmes qui attendent leur voiture, on peut remarquer les toilettes à loisir et dans tout leur entier, ce qui n'est pas possible dans une loge.

La semaine dernière donc, une femme y fut vue, se présentant armée de son élégance et chaussée en *bas bleus*. Jusqu'à présent les *bas bleus* nous don-

наient idée d'une *savante* anglaise, ou tout modestement d'une villageoise Française. A ce mot, nous joignons dans notre esprit une plume ou des sabots.

Aujourd'hui les bas bleus ont fait un pas et ils ont envahi la *fashion*. Les bas bleus se mettent dans de petits souliers de satin, et chaussent de jolis pieds appartenant à nos jeunes femmes les plus à la mode.

Les bas bleus ne sont pas les seuls qui se voient; les gris, les chamois, les roses même ont été remarqués également. Ces bas sont d'un travail très-léger, à mailles lâches, laissant beaucoup de transparent. Les dessins sont ordinairement faits avec des jours, et non pas des broderies.

Lorsqu'il y a des coins brodés, ils le sont souvent ainsi: une flèche sur chaque côté brodée en soie noire.

Le travail que l'on préfère, de même que pour les bas noirs, est une maille de tulle sans aucun dessin ni broderie.

Les gants de soie noirs, longs, de ce même genre, sont jolis comme fantaisie.

Les mitaines de blonde ont remplacé les mitaines de filet.

М О Д Ы.

При выходѣ изъ Оперы, на подъездѣ, гдѣ собираются дамы въ ожиданіи карешъ, можно замѣтить наряды вполне, что невозможно въ лонжахъ.

На прошедшей недѣль была видима тупь одна дама, вооружившаяся всею щеголеватостію и обувая въ голубые чулки. До сихъ поръ голубые

чулки давали намъ мысль объ *ученой* Англичанкѣ, или гораздо скромнѣе, о Французской кресьянкѣ. Къ сему слову мы присоединили въ умъ перо или деревянные башмаки.

Теперь голубые чулки завладѣли модою. Они надѣваются съ маленькими апласными башмаками и обуваются красивыя ножки самыхъ первыхъ щеголихъ.

Не одни видны голубые чулки, но также сѣрые, верблюжьяго цвѣта, замѣчены были даже розовые. Чулки сіи весьма легкой работы, пепли слабыя, опъ чего они чрезвычайно прозрачны. Узоры обыкновенно прозрачныя, а не вышитыя.

Есть также много съ вышитыми спрълками: съ каждой стороны спрълка вышита чѣрнымъ шелкомъ.

Предпочитаются сдѣланные, какъ и чѣрные чулки, шюлевой пеплею, безъ всякаго узора и шпилья.

Чѣрныя шелковыя длинныя перчатшки, въ такомъ же родѣ, красивы какъ прихоть.

Блондовые митены замѣнили филейныя.

Поправка.

Въ № 77-мъ Литерап. Прибавл. къ Русскому Инвалиду на стрн. 611-й, во 2-мъ столбцѣ, сверху въ 14-й спрокѣ, ошибкою *напечатано*: воздухъ береговъ Нормандіи, болѣе живописный; слѣдуетъ *читать*: болѣе живописныхъ;—на стрн. 615-й, въ 1-мъ столбцѣ, снизу въ 7-й спрокѣ, *напечатано*: Аллегръ; слѣдуетъ *читать*: Амалии;—на той же стрн. и столбцѣ, сверху въ 20-й спрокѣ, *вмѣсто*: они приготовились, должно *читать*: они приготовился.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1854 году. Планъ и содержаніе остаются прежнія, то есть: каждую Среду и Субботу будетъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Каждые 9 дней, т. е. чаще, нежели 3 раза въ мѣсяцъ, господа Подписчики получаютъ картинку новѣйшихъ, съ послѣднею заграничною почтою или пароходомъ полученныхъ модъ; всѣхъ же картинокъ будетъ въ годъ 40.

Исправность, съ какою выходили въ Свѣтъ *Новости Литературы и Славянскія* до 1851 года, и *Литературныя Прибавленія* въ 1851, 1852 и 1853 годахъ, ручается почтенной Опечисленной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе ею листковъ сей газеты саширической, крипической, модъ, псапровъ и словесности.—С. П. Б. 13 Октября 1853.—

Издатель А. Воейковъ.

С. Петербургъ.—Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій.—

Печатать позволено: 9 Октября 1853 года. Цензоръ А. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 83.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 18 дня, 1833 года.

Какъ я великъ! дышя со споллика вскричать.
А нянька говоришь: сниму, такъ будешь малъ.
Богачъ съ надменною душою!
Смѣжай заранѣ; урокъ передъ побою.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗНАКОМСТВО

или

СВѢТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Хоть честный челоувѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.

Грибоедовъ.

—Сдѣлай одолженіе, введи меня въ кругъ своихъ знакомыхъ,—я тебѣ буду очень благодаренъ. Ты знаешь, какъ мы на безлюдьи мучимся скучными сосѣдями; и завидуемъ вамъ, щастливцамъ въ способахъ выбирать людей по вкусу и нраву. Удостои же пожалуй видѣть своихъ избранныхъ, я думаю, опличныхъ;—сказалъ уѣздный госпъ сполличному жителю *Березину*, идучи съ нимъ по Вознесенской улицѣ.

«Э, эхъ! *Пахомъ Силигъ!*» отвѣчалъ его спунникъ: «какъ мы привыкли вѣрить, что памъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, и не помнишь пословицы, что въ чужой рукъ ломать больше! Васъ привлекаетъ Пепербургская жизнь;

мы умираемъ по Парижской; а памошніе, вѣроятно, предпочитаютъ Американскую. Не ужели ты въ провинціи не слыхалъ, что и въ споллицѣ нашей, по общему порядку вещей, такъ же добро перемѣшано со зломъ! Не спорю, *Пахомъ Силигъ*, здѣсь людей много,—но кто не ошибался въ выборѣ ихъ?... Чье чувствіе не оскорблялось расположеніемъ къ такому челоувѣку, который выжидалъ чернаго дня, чтобы обнаружить черную душу? И кто, вздохнувъ, не говаривалъ: «О люди, люди!» Это значить, что вездѣ жалуются на православный родъ челоувѣчскій! Возьми большую часть элегій—всѣ онѣ написаны по этому случаю! и спроси: Гдѣ живутъ поэты? Въ споллицахъ, обширномъ полѣ для выбора людей! Чѣмъ кто чувствительнѣе, чище въ намѣреніяхъ, тѣмъ шопъ больше найдетъ и причинъ сердиться на слабосп людскія. Окаменѣлые приближены къ блаженспву—и проживаютъ сполщпнл. У васъ, въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, характеры больше развиты: худъ ли кто или хорошъ—скорѣе видно; здѣсь же, условенныя приличія, заранѣе подготовленныя вѣжливости,

лице, улыбающееся по заказу, рука, пожимающая чужую руку по приказу и искусство казаться не такимъ, каковъ естъ — напропивъ, скрываютъ внутреннiя свойства. Наружность всегда обманчива: эта истина у насъ живо подтверждается на каждомъ шагу; и я, къ сожалѣнiю, скажу вмѣстѣ съ спариками, что дружба признана обветшалымъ словомъ; любовь — чиста только въ поэзи; а честь — всякой понимаетъ разное. Вотъ, по этимъ причинамъ, у меня въ знакомствѣ чудный порядокъ. Хотя ты знаешь, что я не пужаюсь въ объѣдъ у знакомыхъ, но еще самъ могу накормить другихъ; числюсь уже семьяниномъ — значить, уволенъ опть холодныхъ связей съ бапюшками и прочей роднею — для инприжекъ (всегда во множественномъ числѣ!); ненавижу пропекци, искапелства, пресмыкапелства и, такимъ образомъ, кажешся, имѣю способы разбираться людей, но не пользуюсь этимъ: сплошь люблю *Адамовыхъ* попомковъ, и допускаю въ знакомство всѣхъ — только не вредныхъ. Это правило, при всей спраннысти, не лишено одинаковъ и нѣкоторыхъ выгодъ. Всякiй человекъ на что нибудь полезенъ. Но для исполненiя своего желанiя, мы вотъ теперь же заѣдемъ къ пѣпушкѣ на вечеринку; пать, думаю, будетъ нѣсколько моихъ знакомыхъ, и пать я тебя опрекомендую нѣкоторымъ.»

— Прежде скажи, кому: ты такъ дурно оппозвался! —

«Изволь, я предупреду тебя!»

Между пѣмъ, они вошли въ домъ.

«Здравствуйте пѣпушка!» — сказалъ *Березинъ*, пробравшись сквозь толпу гостей, и подходя къ карточному столику, за которымъ сидѣлъ предметъ его привѣпствiя: «какъ васъ Богъ милуетъ?»

— *Très-mal*, mon chѣr neveu! Такое горе: удержала шестъ и поставила колонну въ четыре цифры. Садись-ка съ милымъ гостемъ. Третiй боспонъ! *Петръ Ильицъ*, выпустъ. —

«Пойдемъ, *Пахомъ Силицъ*! не будемъ мѣшать пѣпушкѣ: она и безъ того играетъ

пыхо, не смотря, что начала заниматься карточнымъ искусствомъ еще въ дѣвцахъ. Сядемъ лучше въ попь уголь, и займемся, по обѣщанiю, разговоромъ о знакомыхъ. Я тебѣ опишу ихъ съ пою искренностию, которая въ спарину называлась злословiемъ, теперь же составляетъ особую науку — *Святская философия*.»

— Кто это такой *Петръ Ильицъ*? — спросилъ *Пахомъ Силицъ*, усаживаясь на стулъ: не подручный ли мущина съ плоскими широкими глазами, примѣтною опкровенностию? —

«Просто, брапецъ, смиренный дуракъ, котораго пѣпушка сажаетъ вѣчно съ собою въ боспонъ для того, чтобы во время крику и спора ея, число огрызающихся было однимъ меньше, и чтобы самолюбiе ея не такъ горячилось. Для этого человека пѣпушка — наспопщiй кладъ: потому, что всякая партия въ виспъ, въ боспонъ, въ мушку, въ пикетъ и въ экарпе — кончится для него непремѣннымъ выигрышемъ. Этопъ человекъ — кладъ пѣпушкѣ! Брани его — онъ опмалчивается, думая про себя, что брань на вороту не виснетъ. Доказывай ему, что онъ играетъ, какъ дуракъ, а онъ себѣ козыряетъ, да козыряетъ, благоразумно полагая, что дурно играетъ попь, кто проигрываетъ; доказывай ему, что онъ умышленно упопилъ поварища, онъ улыбается, проситъ прощениа — и дѣлитъ ремизъ, который попь поставилъ. Скажи ему, что луна для земли нужнѣе солнца, онъ не заспоритъ. И я, изъ уваженiя къ такому достоинству, принимаю его въ домъ, можно сказать, какъ опводъ, избавляющiй другаго опъ вѣрной неприапности въ продолженiе карточной игры съ почтенной моей пѣпушкой. Признаюсь, я желалъ бы познакомиться еще съ двумя такими же испыпаннаго терпѣнiя особами, для полного числа въ боспонъ, и чтобы, какъ можно рѣже, быть жерпвою вздорнаго нрава моей пѣпушки; — но никакъ не могу опыскать: такихъ людей хватаютъ! Они дороги, какъ перлы!»

(Окончанiе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВА ВИКТОРА ГЮГО.

Викторъ Гюго о нынѣшней и прежней Французской словесности говоритъ: «Напрасно малое число умовъ ограниченныхъ (?) пышается привести общія понятія снова къ жалкой (?) литературной системѣ минувшаго столѣтія. Эта почва, опъ природы безплодная (?), давно уже засохла.

«Впрочемъ, нельзя приниматься за *Доратовы* мадригалы послѣ *Робертсеровыхъ* гильёпинъ, и не въ вѣкъ *Бонапартоволъ* можно продолжать *Вольтера*.»

ПОДДѢЛЬНЫЯ ПРЕЛЕСТИ.

Греки и Римляне знали полько, какъ украшать лицо; но нимало не были свѣдуши въ великомъ творческомъ искусствѣ, которое, преображая черты лица, надѣляетъ людей орудіями чувствъ и цѣлыми новыми членами. Бумажныя икры, пуховыя груди, стеклянные глаза, эмалевые зубы изобрѣнены новыми народами.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Римлянинъ *Децій* пожертвовалъ отечеству своею жизнію: великое дѣло! Корсиканецъ *Бонапартъ*, изъ любви къ отечеству своему—Франціи, пожертвовалъ цѣлыми арміями. Одну изжарилъ въ Египтѣ, другую заморозилъ въ Россіи: это гораздо славнѣе!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦХЕНИ И ДЖЕМБУЛАТЬ.

(*Ожоганіе.*)

Наступила полночь. Подруги *Цхени*, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ, собрались въ саклю невѣсты: онѣ одѣли её въ брачное платье, наложили ей на голову вѣнокъ невинности,

проводили её въ особую горницу, и, расположась въ передней комнатѣ, заплѣли свадебныя пѣсни. Пѣніе сіе, по древнему обычаю, донынѣ существующему у Горскихъ народовъ, продолжается до самой зари. Между пѣтмъ, *Цхени* набрасываетъ на себя большое покрывало, прячетъ книжалъ въ складки платья и, оспорожно выскоча въ окно, бѣжитъ къ пропінкѣ, ведущей въ глубокой лѣсъ. Въ быспромѣ бѣгъ своемъ, она едва прикасается къ правѣ, боясь, чтобы малѣйшій шорогъ не измѣнилъ ей. Ночь была темная: одни опголоски свадебныхъ пѣсенъ нарушали тишину ея. Уже пробѣжала она рощу, уже поперяла изъ виду аулъ, уже достигла лѣса: широкая пропа ведетъ въ глубину онаго, гдѣ дубовыя вѣтви, плотно другъ съ другомъ вѣтками сплеленныя, образовали сводъ, непроницаемый для лучей солнечныхъ. Съ прудомъ прокладываетъ она себѣ путь между деревьями, и вдругъ рука ея вспрѣчаетъ руку *Джембулати*. «*Цхени*, другъ души моей, супруга моя! вскричалъ *Джембулатъ*: бѣжимъ; минуны дороги!»—Онъ беретъ её на руки, выноситъ изъ густаго лѣса, сажаетъ на коня, дрожащаго отъ неперпѣнія, несется вихремъ, и скоро достигаетъ вершины скалъ, господствующихъ надъ аулами. Конь, казалось,—чувствовалъ опасность предпріятія благороднаго своего повелителя: подъ двойною тяжестью мчался онъ быспрѣе, чѣмъ когданибудь. *Цхени* обвилась руками вокругъ своего любезнаго: сильно билось сердце его подъ милою рукою.

Съ тѣхъ поръ, какъ любовники замыслили побѣгъ, *Джембулатъ*, подъ видомъ поисковъ надъ звѣрями, опыскалъ самую ближайшую дорогу къ первому Русскому посту, и тогда не колебался уже нимало въ исполненіи предпріятія.—На восточной сторонѣ побѣлвшій небосклонъ возвѣспилъ разсвѣтъ. *Джембулатъ*, щадя силы неустрашимой своей спусницы, останоилъ коня, и сказалъ ей: мы спасены, отдохни, *Цхени*! Поговори со мною, моя возлюбленная! Подруги твои не ранѣе войдутъ въ твою опочивальню, какъ съ первымъ лучемъ солнечнымъ, а мы уже далеко отъ нашихъ пре-

слѣдовапелей: на два часа ѣзды оспались они за нами. *Цхени*, прижми меня къ сердцу цивоему! Съ вершины скалы, откуда мы спустились пеперь, я видѣлъ волны Кубани, и мой быспрый конь, мой опдохнувшій Янирь, какъ пища перенесеть насъ на Русскій берегъ. — *Цхени* улыбулась; рука ея сжала руку *Джембулата*. Вдругъ онъ соскакиваетъ съ коня, ложится на землю, прикладываетъ къ ней ухо, обращая взоры на путь, имъ пробѣханный, — и глухой шумъ поражаетъ слухъ его. «Эпо шумъ нагорнаго источника, сказала *Цхени*; въ пишинѣ ночи онъ далеко слышенъ.» — Знаю; но въ эпомъ шумъ я различаю особенные звуки. — Снова ложится онъ на праву; прислушивается, и вдругъ вскакиваетъ съ ужасомъ. — Я не ошибся: эпо конскій попопъ; за нами погоня. Въ путь, Янирь! въ путь: умри, ежели пельзя иначе, но прежде спаси *Цхени*! — Сказавъ сіе, *Джембулатъ* чрезъ широкую долину успремился къ рѣкѣ.

Но пѣни ночи поспепенно уступаютъ мѣсто выходящей денницѣ, и *Цхени* ясно различаетъ уже преслѣдовапелей. «*Джембулатъ!*» вскричала она замирающимъ голосомъ: «вопъ они! мы погибли!» — Молодой узденъ смопритъ, видитъ неизбѣжную гибель: никакая быспропа коня не можетъ спасти ихъ; еще нѣсколько минушь, и они въ рукахъ люпыхъ своихъ враговъ. Онъ рѣшается на послѣднее средство: направляетъ коня на высокую скалу, почти на десятип сажень возвышенно насупившуюся надъ величественными волнами Кубани. Въ опчаянномъ испуупленіи измѣряетъ *Джембулатъ* своими взорами пропасть, обращаетъ ихъ на возлюбленную, и вдругъ одушевляется внезапною мыслію, достойною любви его и неуспрашимости. «*Цхени!*» говоритъ онъ: «ты видишь эпо грозную скалу, опдѣляющую насъ отъ рѣки; всѣ надежды наши на берегу пропивуположномъ: осмѣлишься ли съ твоимъ любовникомъ низринуться въ пучину? Взгляни! *Арслангиръ* уже близко:» — Смерть! смерть! — вскричала мужеспивенная Черкешенка: предпочитаю еѣ люпому! *Арслангиру*. Не медли! съ побою низринулась бы я и въ огненные воды! —

При сихъ словахъ, произнесенныхъ пламенною любовью, *Джембулатъ* не колеблется болѣе. «Обойми меня, говоритъ онъ подругѣ своей: пусть пѣла наши соспавяптъ одно пѣло, какъ души наши соспавляютъ одну душу.» Длиннымъ поясомъ своимъ обвиваетъ онъ *Цхени*, и концы его крѣпко завязываетъ себѣ на шеѣ; потомъ оборачиваетъ коня и подается назадъ. Черкесы, подымавшіеся на упешъ, думаютъ, что онъ оробѣлъ, и хотятъ сдатьсь, но *Джембулатъ*, подавшійся назадъ для эпого единспивенно, чтобы усилить порывъ коня, вдругъ поворачиваетъ его, лепитъ на крупизну, накидываетъ ему на голову бурку, и, вскричавъ: «*Цхени!* закрой глаза!» пизвергается въ Кубань... Бухъ!... Волны скрыли ихъ... но пипомецъ спешей Кавказскихъ поржеспивуетъ надъ ужаснымъ опыпомъ: онъ выбивается на поверхность, дрожитъ отъ мивнушаго спраха; но дивная сила его оживляется: онъ плыветъ, онъ борется съ бысприною печенія. О чудо! спремительность паденія не разлучила любовниковъ! Черкесы, изумленные такою опважностію, осыпали ихъ градомъ пуль, но пищетно: милосердный Богъ прикрылъ щитомъ своимъ чепу, споль неуспрашимо бросившуюся на вспрѣчу смерти! Наконецъ, при послѣднихъ усиліяхъ богатырскаго коня, они достигли берега. *Джембулатъ* и *Цхени* падаютъ на колына! — Увы! новая опасность угрожаетъ имъ. Казаки услышали пальбу Черкесовъ; линейныя войска спали всѣ подъ ружье. — Во весь опоръ, съ приклоненными пиками, мчитъ опрядъ къ берегу. Между пѣмъ *Цхени* срываетъ съ головы бѣлое покрывало, прикрѣпляетъ его къ попавшемуся ей суку, и машетъ симъ знакомъ мира. Начальникъ опряда подѣзжаетъ. При видѣ очаровательной красоты, умоляющей его о пощадѣ, онъ приказываетъ спѣшиться своимъ казакамъ, спрыгиваетъ съ лошади и подходитъ къ бѣглецамъ, копорые знаками спираются обратитъ на себя его великодушіе. Является переводчикъ: объясняетъ повѣспивованіе любовниковъ, и удивленіе поражаетъ Русскихъ, успремившихъ глаза на грозную скалу. Туть казаки обспупили вѣр-

наго коня: они наперерывъ ласкають его, не могутъ наглядѣться на него, не могутъ достойно выхвалить его силу, отважность, и разговаривають съ нимъ, какъ будто съ поварихею. Благородное животное посмапривало на сѣдока своего, и, казалось, гордилось своимъ подвигомъ.

Джесмбулатъ и *Цхени*, пробывъ сутки у казачьяго офицера, на другой день представлены были дивизионному начальнику, который тотчасъ же донесъ блаженной памяти Императору Александру Павловичу о чудесномъ прибытіи двухъ Горцевъ; и по желанію *Джесмбулата*, испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на опредѣленіе его въ конницу.

Императоръ, принявъ съ благосклонностію желаніе *Джесмбулата*, соизволилъ опредѣлить его въ Нижегородскій драгунскій полкъ прапорщикомъ, повелѣвъ, чпобы сохраняемо было полное уваженіе, какъ къ обонмъ симъ новымъ подданнымъ, такъ равно къ обрядамъ ихъ и обычаямъ. Въ непродолжительномъ времени любовники приняли Христіанскую вѣру, и ревность новообращенныхъ очень скоро превозмогла всѣ трудности въ изученіи языка Русскаго. Ничто, какъ увѣряють, не могло бытъ прогнать ихъ въ нѣдра Православной церкви: въ одинъ и тотъ же день воспріяли они крещеніе, святое причащеніе и вѣнецъ брачный. Смотря на сіи два существа, столь юныя, столь прелесныя, столь ревностныя къ вѣрѣ Православной, можно было подумать, чпю это два Ангела, въ видѣ человѣческомъ слепившіе съ лучшаго міра на землю Русскую, дабы явить собою образецъ невинности, любви и преданности къ Богу.

П. С. въ.

О НОВѢЙШИХЪ РОМАНАХЪ.

Много написано пропивъ фантастическаго романа; много наговорено и въ его защиту. Остаеяся рѣшить: копорая сторона права? По моему, ни одна изъ нихъ не взя-

ла рѣшительнаго перевѣса. Одна справедлива, и другая не слишкомъ виновата. Крипика съ доспапочною основательностію говоритъ писателямъ фантастическихъ романовъ: «Намъ не нравятся ваши сумазбродные вымыслы, сверхъ-естественные ваши герои, созданія искаженного воображенія: дѣйствія ихъ вовсе не согласны съ здравымъ смысломъ. Ваши спраспн, выходятъ изъ области вѣроятнаго; это спраспн не человѣческія; они не могутъ насъ прогнать; ваши черпн и черпеныта, ваши силыы и гномы, вѣдьмы и домовые, колдуньи и мерпвецы, — все это заставляетъ насъ только пожимашъ плечами. Вы походите на того добродушнаго *сумазброда*, который видитъ нечиспныхъ духовъ вездѣ, даже на носу важнаго и спепеннаго судьи, и копорый, побѣдивъ уже ихъ около прцццани прехъ милліоновъ, держитъ закупоренными въ спаканѣ. Къ тому же слогъ вашъ достоинъ сожалѣнія; онъ неправиленъ, краски его лживы и грубы. Вы почитаете себя художниками только потому, что берете на удачу нѣсколько чудныхъ лицъ и начинаете свои рапсодіи музыкальными и живописными терминами, копорымъ придаете самое спранное значеніе, ибо вы ихъ не понимаете. Вы воображаете себя поэтами и думаете, что васъ вдыхаетъ гений, тогда какъ безумныя произведенія ваши по большой части пахнутъ пьяною вечеринкою изъ винныхъ паровъ: вишь вы обыкновенно пишете при блескѣ пуншеваго пламени, въ облакахъ табачнаго дыма. Вы говорите о любви, и представляете небывалую и неслыханную и невозможную. Вы отъ чистаго сердца увѣрены, что смасперили нѣчто образцовое, нѣчто дивное, выведя на сцену *молодую дѣвицу, блѣдную, эфирную, какъ свѣтъ луны, и любовника съ Вельзевуловскиль лицеиль, съ сатанинскаго улыбкаю*. Все это разряжено по модѣ XV-го столѣтія и изъясняется, какъ изъясняются развѣ обитатели луны, а не люди, живущіе на нашей планетѣ. Вы прибавляете къ эпому всклокоченные волосы, копорые вспали дыбомъ, нѣсколько сладковучныхъ скрежетаній зубами, приправленныхъ хриплыми проклятіями, и положивъ всему

вѣнецъ какимъ нибудь волшебнымъ похищеніемъ, (если, впрочемъ, вамъ не вздумается заключить свое швореніе сценою, въ копорой любовникъ съ сатанинскою улыбкою и желѣзными зубами пожираетъ эфирную любовницу, или на оборотъ), вы почитаете не сочиненіе ваше образцемъ совершенства. Невольно вздохнешь, когда подумаешь о пакомъ состояніи литературы!»— И въ подтвержденіе своихъ выводовъ, кришка указываетъ на множество помовъ, наполненныхъ фантастическими повѣстями, которыя возбуждаютъ жалость къ ихъ авторамъ.

Съ своей стороны защитники обвиняемаго рода также приводятъ убѣдительныя доказательства, и довольно справедливо отвѣчаютъ: «Упреки, которые дѣлаете вы фантастическому роману, не могутъ на него падать. Вы судите о родѣ по самымъ ничтожнымъ образцамъ онаго. Развѣ вы не читали *Трильби* и *Смарры*? Не ужели вы упрекаете эти два восхищительныя созданія въ недостаткѣ поэзіи? Пожмете ли вы плечами, читая очаровательныя описанія *Карла Нодде* въ его *Аргальскомъ доломѣ*? И эпопѣ гармоническій, неподражаемый слогъ называете ли вы достойнымъ сожалѣнія? *Байрона* ли, сего ли мощнаго и спрастнаго гения, огненными чертами изображавшаго бури стихій, также какъ бури сердца; шворца ли *Гяура* и *Вампира* изберете вы для поно, чшобы оправдать свою ненависть къ фантастическимъ сочиненіямъ? О немъ ли скажете вы, что онъ не имѣетъ дара васъ прогнать? Жалю о васъ, если вы сравниваете *Нодде* съ сумазбродомъ, гонимелемъ нечистой силы, и если вы не знакомы съ *Байрономъ*!

«Намъ оспается *Гофманъ*, который доставилъ фантастическому роду такое развитіе, какого онъ не могъ надѣяться ни отъ кого другаго: ибо *Гофманъ* былъ существо оидѣльное, котораго самая жизнь нѣкоторымъ образомъ фантастическая, а эпо рѣдко вспрѣчается.»

Здѣсь защитники принуждены уступитъ нападающимъ. Упрекъ сихъ послѣднихъ фантастическимъ романистамъ въ томъ, что

они пишутъ при блескѣ пуншеваго пламени и въ табачномъ дыму, падаетъ прямо на *Гофмана*. Нѣтъ средства избѣжать удара; онъ самъ признается, что въ сихъ двухъ наслажденіяхъ почерпалъ онъ свое вдохновеніе. Не одну сію уступку принуждены сдѣлать поборники фантастическаго рода; они должны еще согласиться, что *Гофманъ* иногда сумазбродствуетъ изъ доброй на то воли, что нѣкоторые изъ его сверхъестественныхъ героевъ проповѣствуютъ здравому смыслу. *Царь блохъ* и еще нѣсколько повѣстей гошовой, чшобы заспавили ихъ въ эпопѣ соизнаваться. Но скоро заспунники опять занимаютъ поле боя, съ котораго едва не сбила ихъ кришка. «Рядомъ съ немногими безразсудными и неистовыми страницами, продолжаютъ они: вы находите несравненно болѣе другихъ, достойныхъ удивленія. Если вы проповѣдываете намъ *Царя блохъ*, то мы назовемъ *Маіоратъ*, *Кремонскаго скрипака*, *Sanctus*, и пр. Не *Гофмана*, не сего великаго художника, высокаго музыканта и живописца, упрекаете вы въ томъ, что онъ начиняетъ свои повѣсти выраженіями, для него непонятными. Не ему скажете вы: ты лишенъ воображенія, ты не поэтъ. Еще менѣе можете вы обвинить его въ томъ, что онъ не понимаетъ любви! — Не судите же такъ поверхностно о фантастическомъ родѣ. Читанное вами есть ничто иное, какъ пародія. Не призывайте его къ отвѣту за тѣ литературныя неистовства, которыя породилъ онъ, когда попалъ въ руки людей безталанныхъ, неистовыхъ. *Гофманъ*, шворецъ сего рода, не отвѣтствуетъ за дурныя повѣсти, начканныя его подражателями; эпо было бы въ высшей степени несправедливо (*).

«Повторяю, что, по моему мнѣнію, обѣ стороны правы. Красоты не чужды фантастическому роду, когда онъ обработанъ съ успѣхомъ, но въ немъ бываютъ также и рѣзкія спраннысти. Иногда можно принять

(*) Не грѣхъ ли обвинять *Карамзина*, котораго книга: *Письма Русскаго путешественника*, произвела несчастное *Путешествіе въ Малороссію и Новое путешествіе въ Малороссію*? — В.

за насмѣшку надъ чинапелами — выводимыхъ фантаспическими писапелами чудесныхъ героевъ, копорымъ могли еще вѣрять, въ средніе вѣки, предки наши, но копорые, въ наше время, пользуются вѣрояніемъ развѣ только немногихъ сумазбродныхъ головъ. Не смотря на то, родъ сей имѣетъ своихъ ревностныхъ починапелей, и надобно уважать ихъ вкусъ, не лишая ненавистниковъ фантаспическаго рода права указывать на ихъ несообразности, зажимать имъ ротъ, когда они занесутъ дичь и обрѣзывать крылышки, когда залепятъ за придевящъ земель въ тридцатое царство, въ небывалое государство. Главною цѣлюю каждаго писателя должно быть, какъ я думаю, сближеніе двухъ противныхъ въ семь дѣлъ спонрь.»

Л. Л.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖУРНАЛЫ.

Къ М. П. Погодику.

(1827.)

Я получилъ билетъ зазывной;
Онъ мнѣ вдохнулъ бы прежній жаръ,
Когда-бъ сонъ лѣни непрерывной
Не оковалъ мой слабый даръ.
Какъ бышь! Развычкой со стихами
Я шакъ себя избаловалъ,
Что *Водевильныи* грѣхами
Веду всеневный свой *журналъ*.

*

Но *Водевиль* — картина свѣта:
Онъ смѣсь и прозы и стиховъ;
И, если правда не одѣта,
Она и въ немъ найдетъ враговъ.
Такъ пусть журнальные клеветы
Кричатъ, что вздоръ я вамъ послалъ,
А *Водевильныи* куплеты,
Какъ смѣсь, прокрадутся въ *журналъ*.

*

Что жизнь людей? — Чужое бремя,
А наша жизнь — лишь смертный часъ.
Мы убиваемъ гуртомъ время;
Оно по мелочи бьетъ насъ.
Иной спо лѣтъ крахпѣлъ подъ ношей
И наконецъ подъ нею палъ,
Ни мысли, ни черты хорошей
Не записавши въ свой *журналъ*.

*

Попавши въ кругъ судей извѣстныхъ,
Такъ къ нимъ поддавался *Хантовъ*,
Что безъ доводовъ полновѣсныхъ
Не склоняетъ ужъ вѣсовъ.
Не кончивъ плясбы безъ напьяжекъ,
Тьму дѣлъ у правды опшлягалъ:
И спо бумагъ и спо бумажекъ
Всеневно вносилъ въ свой *журналъ*.

*

Съ какою радостью *Людмила*
Журналъ побѣдъ своихъ ведетъ!
Романъ начавъ, она забыла,
Что въкъ исторіи придетъ.
Черезъ годъ бѣдняжка подурнѣла,
Рой обожателей пропалъ;
Опа, вздохнувъ, за карты съла
И въ печь опсправила *журналъ*.

*

Всему великому причаспенъ
Смышленный, бодрый нашъ народъ:
Къ познаньямъ, къ славѣ, онъ приспращаспенъ;
Захочетъ лавровъ — и пожнетъ.
Въ Москву вломилась вражья скопы:
«*Гори Москва!*» — онъ провѣщаль,
И кровью на поляхъ Европы
Писалъ побѣдъ своихъ *журналъ*.

*

Признашья, я люблю куплетомъ
Журналы изрядка задѣшь;
Они бранятся съ цѣлымъ свѣтомъ,
Такъ сами брань должны шерпѣшь.
Но кто ушелъ отъ общей порчи,
Подписокъ леспью не искалъ,
Хвалилъ умно, бранилъ безъ жѣлчи,
Къ шому я попрошусъ въ *журналъ*.
Писаревъ.

Ш А Р А Д А.

Кто знаетъ музыку, мое начало знаетъ;
А безъ втораго здѣсь нипко и не бываетъ.

У модныхъ дамъ и у дѣтей
Онъ и слабѣе и нѣжнѣй.

И если ихъ случайно раздражише
У пѣщи иль жены: шо обморока ждите
Иль лома головы.

Последній въ азбукѣ ищите;

Богиню древности найдете въ цѣломъ вы.

III.

Въ No 82, помѣщенный логогрифъ значить: *Comédie*
(où l'on trouve: *Code, mode, dime, Cid* (le) *ode, dôme,*
Côte (le lac de) *Médoc, Io* et oie.)

M O D E S.

Maintenant que vient la saison de rappeler les châles, nous allons demander l'attention de nos abonnées pour les *gigots en baleine*, de *Boudier*, rue Saint-Denis. Ils consistent en une carcasse de petites baleines délicates et flexibles qui forment le ballon et soutiennent parfaitement la manche sans jamais se déformer.

Les ruches de tulle noir autour du cou se voient en grand nombre; ordinairement on ne les porte pas avec une cravaté; on les dispose pour qu'elles soient un peu plus justes que le tour du cou, de manière à être nouées par un ruban qui fait rosette au milieu.

Les guimpes plates montantes, en blonde noire, se portent en demi-toilette le soir; Mme *Gleizal* a des charmantes formes toutes nouvelles.

Un bien joli fichu habillé que nous avons remarqué dans son magasin, devant faire partie d'une corbeille, était en blonde noire, doublée de marceline *souci*. Il retombait en pélerine plate et ronde dans le dos et sur les épaules. Par devant, il faisait une pointe arrondie, descendant assez bas et garnie de nœuds en gaze *souci*. Un peu plus bas que le cou, était placée une espèce de bande plate, en blonde qui garnissait

le haut, et venait retomber par devant, en deux bouts qui se mélaient au premier nœud de ruban.

M. Jules *Mauvages*, rue des Vieilles-Audriettes, qui a si bien réussi cet été, à l'imitation des éventails en laque de Chine, s'occupe en ce moment de nouveaux éventails d'hiver qui nous ont paru charmans! Ils sont montés de toutes façons et tendus en satin *Pompadour*.

M O Д Ы.

Приближается время года, гдѣ начинаютъ носить шали, и мы просимъ чипапелей нашихъ обратишь вниманіе на рукава на коспочкахъ, избрѣшенные г-мъ *Boudier*. Они состоятъ изъ основа изъ тонкихъ коспочекъ, легкихъ и гибкихъ, которыя составляютъ шаръ и поддерживаютъ совершенно рукавъ, никогда не измѣнясь.

Рюши около шеи изъ чѣрнаго шюля въ большемъ употребленіи; обыкновенно ихъ не носятъ съ галсучками; ихъ дѣлаютъ немного поуже шеи, чшобъ можно было завязывать лентою, которая составляетъ въ срединѣ розетку.

Гладкія, высокія шемизетки, изъ чѣрной блонды, надѣваютъ въ полу-нарядъ вечеромъ. У г-жи *Gleizal* есть прелестныя, совсѣмъ новыя фасоны.

Красивая, нарядная косынка, которую мы замѣтили въ одномъ магазинѣ, назначенная для корзинки въ приданое, была чѣрная блондовая, подложена марселиномъ цвѣта *souci*. Она лежала какъ гладкая пелеринка, округленная на спинѣ и плечахъ. Спереди, она составляла округленный мысокъ, довольно длинный и опдѣлана была газовыми банпами цвѣта *souci*. Немного пониже шеи положена гладкая полоска, изъ шой блонды, которую опдѣлано было сверху, и висѣла спереди двумя концами, соединявшимися съ первымъ банпомъ.

Г. *Jules Mauvages*, успѣвшій такъ хорошо нынѣшнимъ льномъ въ подражаніи Кипайскимъ лаковымъ опахаламъ, занимается теперь новыми опахалами къ зимѣ, которыя намъ показались прелестныя; они всякихъ фасоновъ, и обшянулы апиласомъ *Pompadour*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 84.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 21 дня 1833 года.

«Что вижу, кумь! ты всѣмъ въ деревнѣ насолил!»
Сказалъ копь Васька полку:
«Какую-жь ты себѣ защишу здѣсь сулить?
Нтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало полку,
Чтобъ на свою бѣду тебѣ спасли они;
И правы, самъ себѣ вини.
Что ты посялъ—то и жни.»

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗНАКОМСТВО

или

СВѢТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

(Окончаніе.)

«Видишь ли,» продолжалъ *Березинъ*: «еще вонъ молодецъ, на цыпочкахъ, въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами? Это паркетный филологъ; человекъ, который говоритъ на многихъ языкахъ разныя глупости, и вмѣсто модника, какимъ онъ себя щипаетъ—согласись, что онъ больше походитъ на шуша или на обезьяну. Стырастъ, казаться не Русскимъ—сдѣлала его настоящею композиціею: изъ Нѣмца, Англичанина и болѣеи частіи Француза. Отверщеніе же его къ Русскому—рѣшительно прослѣрается до невѣжества: *Карамзина* исторію читаетъ онъ въ переводѣ, съ увѣренностію, что она превосходитъ подлинникъ. Душа его спре-

мится къ Парижу! Онъ только и думаетъ о галспукахъ, понныхъ жилетахъ, танцовальныхъ вечеринкахъ. Съ этимъ образцемъ нынѣшняго вѣка, я знакомъ для примѣра моимъ дочерямъ. Онъ получили отъ меня полное понятіе о его качествахъ: замѣчаютъ его странности, пагубный образъ воспитанія, нравственное ничтожество—и не принимаютъ мишуры за золото. Порокъ для глазъ разсудка не привлекателенъ.—Для нихъ же полезенъ въ кругу знакомства, вопль и эполтъ уланъ съ полу-рыжими усиками. Безъ него бы дочери мои думали, что всѣ военные храбры, умны и способны къ семейственному счастью; но теперь видятъ, что эполеты, чары нѣжныхъ сердецъ, и шпоры съ магическими звуками, могутъ принадлежать (хотя, конечно, рѣдко) человѣку съ противными свойствами. Эполтъ герой принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые безпреспанно хвастаются своими бранными подвигами: пупъ изрубилъ онъ цѣлую пѣхотную колонну, тамъ сорвалъ бапарею,

здѣсь вырвалъ изъ рукъ непріятеля своею рукою шпандартъ. Если ему вѣришь: по онъ одинъ завоевалъ Польшу, а другіе спояли, сложа руки, только для того, чтобы быть свидѣтелями его побѣдъ и мужества.»

— Не уже ли твои дочери не обойдутся безъ эпихъ примѣровъ?—

«Молчи, *Пахомъ Силивъ!* ты не живалъ въ столицѣ!—Посмотри лучше на эту худощавую дѣвицу, оплечающуюся своимъ замысловатымъ головнымъ уборомъ. Видишь ли противъ ней, на двухъ спульяхъ, женщину, украшенную также въ при ряда черными гарусными буклями и прикрытую овалнымъ чепцомъ: это ея grand-maman. Первая по своему легкомыслію и спраспи къ кокетству, а вторая по неумѣстному важничанью и модному образу мыслей, чрезвычайно оригинальны. Я люблю ихъ: онѣ мнѣ полезны и служатъ женѣ и дѣтямъ моимъ спасительными образцами, опвращающими ихъ отъ многихъ золъ порочнаго свѣта.»

— Да развѣ знакомые твои все актёры, которые занимаютъ значительныя роли въ комедіи большого Свѣта, имѣющей непосредственное вліяніе на исправленіе нравовъ?—возразилъ *Пахомъ Силивъ.*

«По крайней мѣрѣ они все таки полезны. Я вопъ тебѣ высказываю эпаго чудака, въ черномъ спаромодномъ фракѣ. Онъ проспирраетъ патріотизмъ до педантизма: негодуешь, за чѣмъ эспампы, работанцы въ Петербургѣ Русскими художниками, и изображающіе подвиги нашихъ воиновъ, имѣютъ подпись Французскую: (Assaut de Brahamoff; Assaut du bastion à Varna и проч.), что нѣкоторые Русскіе артисты означаютъ свои музыкальныя произведенія не на отечественномъ языкѣ, что нѣкоторые природныя Россіане печатаютъ свои имена на визитныхъ карточкахъ по Французски, что нѣкоторые Русскія дамы разговариваютъ по Русски только съ своими горничными, прачками и лакеями; что нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на процвѣтаніе нашей фабричной промышленности, даже бѣлье для себя выписываютъ изъ Парижа; что Русской публикѣ, для входа въ маскарадную залу (въ

домѣ *Энгельгардта*) раздавались билеты на Французскомъ же языкѣ,—будто бы въ Парижскую большую Оперу. Старый грубиянъ относитъ это къ дурному направленію, противному народной гордости. Случается однакожь—изъ устъ его выходитъ и дѣльное. Напримѣръ, онъ утверждаетъ, что причина холодности образованныхъ людей (по невоспитанныхъ: это синонимъ) къ Русскому языку—женщины. Онъ говоритъ: если бы онѣ полюбили отечественный свой языкъ, то оспальная половина человеческого рода, по Европейскому обычаю, изъ угожденія имъ, непременно бы стала подражать имъ. По этому случаю, я обязалъ дочерей своихъ подпискою читать чаще комедію *Крылова*: Урокъ дочкамъ, и подъ опасеніемъ моего гнѣва, не говоритъ безъ нужды на чужомъ языкѣ, чтобы, по выраженію нашего нравственнаго писателя, не дѣлалъ изъ Россіи—кляпки съ попугаями! Эпоть заслуженный, честный грубиянъ не принадлежитъ къ числу пѣхъ людей, которые, хотя по совѣсти и званію, могли бы доказать какую бы то ни было нелѣпость въ дѣлѣ или мнѣніи, но никогда эпаго не дѣлаютъ: онъ чистосердечно выскажетъ тебѣ въ глаза недосапки, не обидится такими же замѣчаніями на себя, и слыветъ, бѣдняжка, полуумнымъ! Всѣ любятъ опкровенность, только не на свой щѣтъ.»

— А не знакомъ ли тебѣ тотъ, кто съ нимъ разговариваетъ?—

«Ахъ! это жалкой бумагомаратель, который промышленяетъ литературою, употребляя къ тому непозволенные средства: онъ публикуетъ о предположеніи своемъ издавать какое нибудь періодическое сочиненіе, соберетъ деньги и оставитъ своихъ пренумерантовъ при одной только пышно-безтолковой программѣ, или выдастъ нѣсколько NNо своего изданія (пока продолжается подписка), не составляющихъ даже и половины того количества, которое обещано было въ публикаціи. Любители словесности, подписывающіеся на журналы, не ожидая подъ литературною выѣскою какого либо обмана, неоднократно уже попа-

далсь въ его сѣни. Не понимаю, какъ это можетъ дѣлаться, однакожъ къ стыду нашему дѣлается (*). Между тѣмъ, онъ, не смотря на дурное свое липературное поведеніе, запрогиваетъ еще другихъ. Смѣшно и досадно! Чппая являющіяся на него во всѣхъ журналахъ довольно рѣзкія, но справедливыя выходки, я не нахожу никакого возраженія; а онъ своими оправданіями удословляетъ, что дѣлаемая ему журнальная увѣщанія не дѣйствуютъ на него, и что они пишутся слабо и снисходительно. Такова логика и въ антикрипическихъ его спашьяхъ! Вотъ уже, если его присовокупишь къ числу полезныхъ знакомыхъ, по развѣ въ томъ только отношеніи, чтобъ, глядя на него, не забывать, что и въ липературѣ существуютъ спекуляціи, которыхъ надобно остерегаться.»

— Позволь спросить, что это за важная особа, подлѣ него? Орлиный носъ, взлизы, высокій лобъ, почтеніе, ему всѣми отдаваемое, заспавляющъ меня думать, что я вижу передъ собою одного изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ. — «Какъ же просить, дорогой землякъ по Арзамазу! Ты не ошибся, что это особа важная, но совсѣмъ въ другомъ родѣ: это записной карпѣжный игрокъ, имѣющій до полумиліона наличныхъ денегъ, да каменный домикъ пысячь въ подпораста.»

— Понимаю, это шулеръ! Чортъ же разберетъ это! Онъ глядитъ большимъ бариномъ, говоритъ свысока, какъ вельможа, размахиваетъ руками, какъ славный вашъ *Каратыгинъ* въ роль графа *Эссекса*! —

Тутъ подошелъ къ *Березину* одинъ изъ гостей съ какимъ-то вопросомъ; потомъ приспалъ другой, и такимъ образомъ прервался дѣльный разговоръ, или *Сетьская философія*. Только, въ продолженіе вечера, *Пахомъ Силичъ* ни слова не упомянулъ *Березину* о

обѣщанной имъ рекомендаціи, и уже, возвращаясь домой, замѣпилъ ему, что онъ, къ удовольствію его, не похожъ на *Фалусова*, копорый

Знакомить, не спросясь,
Пріятно ли намъ, нѣтъ ли;

а *Березинъ*, въ утѣшеніе *Пахома Силича*, общалъ ему показавъ на другой день хазовый конецъ изъ круга своихъ знакомыхъ.

Иванъ Освидицевъ.

КОКЕТКА И ТЩЕСЛАВНЫЙ.

Кокетка не развратна, она ищетъ не сладострастія; ея цѣль блистать, удивлять, влечь за собою толпы плѣнниковъ, возбуждать зависть въ соперницахъ.

Тщеславный не честолюбивъ, не славолюбивъ. Ему нѣтъ дѣла до потомства; онъ не дорожитъ ни спраницею исторіи, ни листочкомъ лавра. Ему нуженъ золотомъ шитый мундиръ, генеральская петлица на шлпѣ, звѣзды и ленты только для того, чтобъ ослѣпить завистниковъ и заспавить толпу разинушь ротъ отъ изумленія.

ЖИДЪ, ПРИНЕСЕННЫЙ ВЪ ЖЕРТВУ ВОЛКАМЪ.

Управитель генерала *И—ва* везъ о Рождествѣ по дремучему лѣсу Минской губернии поросятъ, которые визгомъ своимъ скликали голодныхъ волковъ. Цѣлая спая напала на нихъ двоихъ съ Жидомъ-проводникомъ. Низенькія обшеви были для нихъ плохую защитою. Управитель бросилъ имъ сперва одного поросѣнка, потомъ другаго и прешьяго. Когда же звѣри всѣхъ разорвали: то оспервѣнились еще болѣе. Управитель, видя бѣду неминуемую, бросилъ волкамъ Жида!!!

(*) Это писано за три года передъ симъ. Съ того времени приняты правительствомъ мѣры противъ сего злоупотребленія. Журналисту, не исполнившему своего условія съ подписчиками, не будетъ позволено продолжать свое изданіе на слѣдующій годъ. — В.

МѢСТО КРАСИТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Грабилинь наконецъ опредѣленъ къ должности. Многие увѣряють, что онъ худой судья, что мѣсто ничѣмъ хорошимъ не будетъ ему обязано.—«Какая до этого нужда; онъ будетъ многимъ обязанъ своему мѣсту.»

ТЕАТРЪ ОЧИЩАЕТЪ ПРАВЫ.

Театръ есть училище нравовъ: Первое представленіе комедіи *Картузъ*, на Лионскомъ театрѣ, до того исправило нравы зрителей, что при разъѣздѣ украдено десятеро часовъ и пять пабакерокъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

К О К Е Т К А.

(Повѣсть).

Une femme de corps belle, et de coeur difforme.

V. Hugo, *Marion Delorme*.

Есть два характера и два существа, которыхъ, каждое относительно къ своему полу, кажутся мнѣ совершенно соотвѣтствующими другъ другу. Это записной дуэлистъ между мужчинами и кокепка между женщинами. Дѣйствительно, съ той и другой стороны замѣтно одинакое презрѣніе къ жизни и спокойствію людей, одинакая жестокость и низость въ нападеніяхъ: ибо одинъ находитъ защиту въ своей физической силѣ, а другая въ своей холодности. Дуэлистъ, можетъ быть, еще менѣе достоинъ обвиненія въ низости: ибо въ томъ неравномъ размѣнѣ опасностей, который предлагаетъ онъ всѣмъ своимъ противникамъ, легко можетъ встрѣпиться искусно и ловкостью, не уступающія его собственнымъ; въ немъ всегда остается сердце, изъ котораго польется кровь, если его ранятъ. . . . Но есть ли сердце у кокепки?

Тому, кто жилъ въ самой великолѣпной части города Пармы, въ концѣ минувшаго столѣтія представилась бы возможность повѣрить на опытъ справедливость сего сраженія. Тамъ встрѣчалась одна женщина, которую природа одарила всеми качествами и пороками, нужными для выполненія роли кокепки самымъ блистательнымъ и самымъ опаснымъ образомъ. Рано сдѣлавъ ее вдовою, судьба доставила ей свободу, и надѣливъ богатствомъ, подала съ тѣмъ вѣсть средство всегда сохранить свою независимость. Красота ея превосходила всякое описаніе. Она была несчастлива въ супружествѣ, неравною въ отношеніи къ лѣтамъ и, вслѣдствіе того, какъ бездушная женщина, находила удовольствіе прешапствовать благополучію тѣхъ, кто былъ ея счастливецъ. Она обладала удивительною гибкостью формъ и чудесною способностію пзмѣняя по произволу свою наружность, чтобы въ одно и тоже время пзмѣнять людей самаго различнаго и самаго противоположнаго характера. То являлась она прихотливою и рѣзвою, какъ ребенокъ; то спыдливою и задумчивою, какъ молодая дѣвушка; то важною, скромною и разсудительною, какъ женщина; но всегда равно неуязвимою: ибо въ ней не было ни разсудка, который можно было бы пзмѣнить, ни сердца, которое бы можно было пронуть.

Въ числѣ главнѣйшихъ жерпъ ея кокепства были: одинъ студентъ, который, оставивъ для неѣ свои занятія, въ послѣдствіи принужденъ былъ сдѣлаться комедіантомъ; молодой офицеръ, который для неѣ же упустилъ явиться къ своему послу въ сраженіи, и съ безчестіемъ былъ опшавленъ отъ службы; наследникъ одной знапной фамилии, который за неѣ былъ убитъ на дуэли, и много другихъ, которые, также единственны изъ любви къ неѣ, покидали свои семейства, родителей, невѣсть и любовницъ. Нѣкоторые благоразумно утѣшались, встрѣпивъ съ ея споры неожиданную суровость, которая внезапно погашала ихъ надежды, какъ порывъ вѣтра задуваетъ пламя. Иные опдѣльвались тѣмъ, что сначала попили свое опчаяніе въ винъ, а потомъ успо-

копвались; но не одному суждено было лишиться въ этой пагубной игрѣ своей чести, спокойствія и даже самой жизни.

Съ нѣкотораго времени она открыла новую забаву, которая чрезвычайно ей нравилась, и соспола въ помѣ, чтобы дурачить семнадцатилѣтняго мальчика, родившагося съ необыкновенно пламенною и чувствительною душою и съ искренностию, которая препятствовала ему удерживать въ себѣ порывы спраспей. Ничто такъ не веселило *Франгеску*, какъ ежеминутно вызывая сей пылкій нравъ изъ предѣловъ, поставляемыхъ для него свѣтскими приличіями. Она не заботилась о томъ, что отъ слишкомъ сильной игры могли порваться струны клавирина; это кипѣніе чувствъ казалось ей зрѣлищемъ, довольно пріятнымъ, и она иногда забавлялась имъ цѣлую четверть часа!!!

Ничто не въ состояніи было сравниться съ ея радостью, когда она могла указать на юношу, съ жаромъ прижимающаго къ устамъ перчатку ея горничной, которую она отдавала ему за свою, или предавъ его, страстнаго и воспламененнаго, холоднымъ насмѣшкамъ своихъ обожателей, исполненныхъ ревностию, какъ будто бы они могли надѣяться когда нибудь успѣть въ своихъ исканіяхъ.

Но къ счастью его, *Леонціо* имѣлъ добрую и милую сестру, которая любила его такъ, какъ-бы у ней не было обожяемаго ею мужа, и которая знала Свѣтъ, какъ будто бы бѣдствія обогатили её горькимъ опытомъ. И однако же, до тѣхъ поръ, ея счастье, казалось, опровергало мысль, что злополучіе неразлучно съ судьбою человечества. Никакія бури не омрачали для неё горизонтъ жизни, и она едва подозрѣвала, что кромѣ спрдаданій физическихъ существуютъ еще въ мірѣ спрдаданія инаго рода.

Съ живѣйшею горестію увидѣла она своего брата, любимаго ею съ маперинскою нѣжностію, преданнымъ посмѣянію, которое всего пагубнѣе въ Свѣтѣ. Она предупредила его на щепѣ опасности, коей онъ подвергся; но ослѣпленный юноша ничего

не хотѣлъ слышать. Наконецъ, щасливый случай доставилъ въ руки *Лукреціи Пизани* (такъ называлась сестра *Леонціо*) одно письмо *Франгески*, въ которомъ она такъ живо осмѣивала бѣднаго ребенка, что сомнѣваться въ томъ болѣе было невозможно.

Лукреція показала это письмо *Леонціо*; онъ заплакалъ, хотѣлъ умертвить себя, думалъ также убить *Франгеску*, но сестра посоветовала ему только написать къ ней нѣсколько насмѣшливо-учтивыхъ спрокъ, которыя она сама ему продиктовала, почитая ихъ лучшимъ способомъ мщенія женщинѣ, привыкшей къ постоянному ласкательству. Послѣ сего, она отправила *Леонціо* къ другому своему брату, который еще въ дѣтствѣ ухажалъ искавъ счастья на другомъ полушаріи.

Средство это достигло своей цѣли: *Франгеска* крайне оскорбилась симъ суровымъ урокомъ, еще впервые ею полученнымъ; всего больнѣе было для неё то, что урокомъ симъ плашилъ ей ребенокъ, которымъ она надѣялась играть по произволу. Но она угадала, чья рука водила перомъ *Леонціо*, и тогда первая спраспѣ одушевила ея сердце; спраспѣ эта была—мщеніе.

Теренціо Пизани, мужъ *Лукреціи*, былъ молодой человекъ суровой паружности и постояннаго права. До женитьбы своей онъ не пользовался тѣмъ счастьемъ, какого, по видимому, заслуживалъ. Дважды обмануемый женщинами, заплакившими ему несчастіями за любовь, онъ предался унынію, возненавидѣлъ самъ себя, и удивился, когда, спустя нѣсколько лѣтъ, увидѣлъ, что *Лукреція* пламенно отвѣчаетъ чувствованіямъ, не имѣвшимъ уже прежней силы въ его охладѣвшемъ и изнуренномъ спрдаданіями сердцѣ.

Между тѣмъ, это неожиданное утѣшеніе освѣжило его душу, какъ роса оживляетъ увядающій цвѣтокъ. Онъ почелъ умиленіе и благодарность свою любовію, и *Лукреція* раздѣлила его заблужденіе. Состояніе маперіи еще болѣе увеличило ея блаженство. Тогда *Теренціо* заключалъ себя въ сѣть предѣлахъ спокойствія, которыхъ онъ не хотѣлъ далеко распространять. Онъ охотно за-

крыль бы для Свѣта глаза и загнуль уши, чтобы не видать и не слыхатъ ничего, могущаго отвлечь его отъ принятыхъ имъ на себя обязанностей. Онъ вспрѣшилъ въ нихъ миръ душевный, если не нашелъ того пламеннаго и превознаго блаженства, о которомъ мечпалъ нѣкогда.

Франческа, взоромъ опытной кокешки, и кокешки, которая думаетъ о мщеніи, безъ труда угадала въ *Теренціо* то, чего не видала въ немъ сама *Лукреція*. Она поняла, что все благополучіе этого человека было ничто иное, какъ скрыпная покорность своей участи. Она часто вспрѣчалась съ сею чешою въ обществѣхъ, ибо *Лукреція*, щасливая какъ дитя, хотѣла сдѣлать всѣхъ свидѣтелями своего блаженства и искала для сего большаго свѣта. Что же касается до *Теренціо*, онъ слѣдовалъ за нею попому, что слѣпо довѣрилъ ей дни свои.—Не проспыми уловками, не обыкновенными пособіями кокешства спала *Франческа* искать дороги къ сердцу *Теренціо*. Сначала она старалась только изъяснять, когда помъ могъ это замѣпить, отвращеніе отъ свѣтской лести и угодлиности своихъ поклонниковъ. Часто она смотрѣла на него по цѣлымъ часамъ; когда же вспрѣчалась съ нимъ взорами, то пощупляла глаза и краснѣла. *Теренціо* былъ пакъ скромнень, что долго и не думалъ объ этомъ обстоятельстве; иногда, однакоже, по прощивъ воли, чувствовалъ смущеніе.

Наконецъ, однажды послѣ бала, гдѣ *Франческа* заппила всѣхъ своею прелестію, и гдѣ всѣ женщины были забыты, гдѣ всѣ алкали ея взглядомъ, на которые никогда еще не видали еѣ споль скупю, она оспалась въ числѣ немногихъ гостей, между коими были и двое супруговъ. Тогда хозяйка дома предложила одну изъ пѣхъ пощыхъ свѣтскихъ игръ, которые, сравнивая насъ съ дѣшми, не придаюшъ намъ, однакоже, ихъ чистосердечной веселости. Въ игрѣ этой спрашивали у каждаго самую тайную мысль его.

Когда пришла очередь *Франчески*, то она рѣшительно отпказалась отвѣчать; надъ симъ упорствомъ общество посмѣялось и потомъ позабыло;

Въ минушу отвѣзда, *Франческа*; не находя своего вѣра, прибѣгла къ *Теренціо* съ просьбою отыскать его; сей послѣдній, подавая ей вѣрь, примолвилъ:

— Самю тайною мыслию вашею, сударыня, было конечно опасеніе потерять свой вѣрь?

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

ЖУКОВСКІЙ.

Когда въ одну изъ пѣхъ минушъ печали и унынія, которые овладѣваюшъ иногда самими пвердыми душами, человекъ, уединенно прогуливающийся, нечаянно слышитъ издали голосъ, коего сладостное, мелодическое пѣніе выражаетъ чувствованія, соощвѣспвующія его чувствованіямъ: тогда душа его полнится нѣкою благопворною симпатіей. Онъ чувствуетъ, что струны его сердца, ослабленныя уныніемъ, вновь сопряются; и если сей голосъ, изображающій его спраданія, поспешенно примѣшиваетъ къ пому надежду и упѣшеніе, тогда жпзнъ какъ бы снова возрождается въ спрадалѣцѣ. Уже онъ привязывается къ невѣдомому другу, который возвращаетъ ему оню; уже онъ желалъ бы схватъ его въ своихъ объятіяхъ, и отъ полнопы души высказать ему все, чѣмъ ему обязанъ. Таковъ нашъ *Жуковский*, указывающій намъ на небо, проповѣдывающій вѣру въ Провидѣніе, надежду на награду въ будущей жпзни и любовь.... безконечную, числѣйшую, святѣйшую.

МЫСЛИ.

Говорятъ, что опытъ дѣлаетъ человека хипрѣе, потери умнѣе, несчастія скромнѣе. Но повѣришь ли этому помъ, кто хотя по слуху знаетъ, какъ пощупаюшъ нынѣ люди?

*

Многимъ не удаются предпріятія отъ того, что начинаютъ ихъ не въ пору; для

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 85.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 25 дня, 1853 года.

Хочу чесаться такъ, всѣмъ модникамъ на зло,
Чтобъ было головѣ покойно и тепло;
Носить хочу всегда сертукъ, просторно сшитой,
Который бы служилъ отъ выпра мнѣ защитой;
Хочу ходить въ большихъ, широкихъ сапогахъ,
Чтобъ полную имѣть свободу мнѣ въ ногахъ;
А кто такой нарядъ хвалы не удоспоитъ,
Что нужды до него? Пустьъ онъ глаза закроетъ!

Дуинъ-Боржовскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОСИТЕЛЬ.

Хотя искусство получать мѣспа день ото-дня всё болѣе совершенствуется, но еще ни одному просителю не приходило въ голову употребить, для достиженія своей цѣли, то средство, къ какому прибѣгнулъ некогда аббатъ *Буароберъ*, чтобы исходайствовать у кардинала *Ришелье*, котораго онъ былъ любимецъ, мѣспо для своего племянника.

Нѣсколько разъ уже аббатъ напоминалъ его преосвященству о мѣспѣ, обѣщанномъ кардиналомъ его племяннику, но *Ришелье* всегда о томъ позабывалъ. Однажды, когда кардиналъ прогуливался съ многочисленною свитою въ саду своего дворца (нынѣшняго Пале-Рояля), аббатъ явился туда съ своимъ племянникомъ. Не надѣясь продраться сквозь толпу, окружавшую министра, онъ ведетъ молодаго человѣка на край одного водоѣма,

и спалкиваетъ его въ воду, лишь только его преосвященство подошелъ на такое разстояніе, что могъ замѣнить сей мнимо-нещасный случай. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ обрѣвши на то вниманіе и сбѣжались къ бассейну. Между тѣмъ *Буароберъ* выпатилъ племянника изъ воды, и подошедъ съ нимъ къ кардиналу, сказалъ ему: Вотъ попъ молодой человѣкъ, за котораго я не разъ имѣлъ щасіе ходатайствовать предъ вашимъ преосвященствомъ.—*Ришелье* очень смѣлся сей хитрой выдумкѣ, а особливо забавной фигурѣ молодаго человѣка, который, не будучи заранѣе предупрежденъ своимъ дядею, съ прудомъ пробормоталъ какую-то несвязную фразу.

На другой день, *Ришелье*, какъ и ожидалъ того *Буароберъ*, самъ заговорилъ о племянникѣ аббата и пожелалъ знать о его здоровьѣ. Кажется, не нужно прибавлять, что тогда же мѣспо было дано ему.

РУКА РУКУ МОЕТЪ.

Къ торгующему мебелью купцу, человекъ, почтенной наружности, приносить картину, на которой хотя съ трудомъ можно было различать предметы; но за то она казалась произведеніемъ древности, а это одно уже не маловажное достоинство. Незнакомецъ, заказавъ сдѣлать къ своей картинѣ раму, ушелъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ него входящъ въ лавку два молодыхъ франца и торгующая мебель, вдругъ видящъ помнящую картину: они разсматриваютъ её съ удивленіемъ, хвалящъ живопись съ видомъ знатоковъ, и обращаясь къ купцу, убѣдительно просятъ его продать имъ оную. Хотя тотъ сначала и отказывался исполнить ихъ желаніе, говоря, что чужою собственностію располагать не можетъ, но прельстившись предлагаемою ему высокою цѣною, наконецъ согласился на продажу. Картина была споргована за пять тысячъ рублей и покупщики тогда же оплатили за неё тысячу, обѣщавшись въ непродолжительномъ времени приплатить за покупкою и принести остальныя деньги. На другой день поутру является хозяинъ картины и спрашиваетъ заказанную раму. Купецъ, не могши обѣщать удивлительнымъ на его требованіе и желая выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія, спалъ также просить знакомаго, чтобы продалъ ему картину. Сей послѣдній сперва никакъ не соглашался на эту просьбу, говоря, что картина его не продажная и что она дорога для него по многимъ отношеніямъ, какъ для любителя живописи и древностей; когда же купецъ спалъ давалъ ему три тысячи рублей (растопывая, что онъ все-таки останется въ знатныхъ барышахъ), то нашъ антикварій и любитель живописи, вѣроятно любившій деньги болѣе всего на свѣтѣ, безъ дальнихъ переговоровъ принялъ назначенную плату и ушелъ. Но купецъ напрасно ждалъ своихъ покупателей, и догадался, хотя уже поздно, что всѣ эти любители изящнаго принадлежали къ одной шайкѣ, или по Русской пословицѣ, въ эпозѣ дѣлъ *рука руку мыла*.

НЕ ВЫГОДНО ОДНОМУ, ПРИБЫЛЬНО ДРУГОМУ.

Репейковъ выбранъ въ застѣватели: просителямъ *отъ него ожидать нечего!* кричатъ и дворяне и купцы, и посадскіе и крестьяне. «Согласенъ,» сказалъ узданный спрятчій: «да онъ многое *отъ своего застѣвательства ожидаетъ.*»

ТѢМЪ ЛУЧШЕ!

Одинъ врачъ, посѣщая больного, спрашивалъ, что онъ чувствуете? И при всякомъ отвѣтѣ его приговаривалъ: *тѣмъ лучше.* — Больной, потерявъ терпѣніе, сказалъ ему: «Мои наследники говорятъ по же!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОКЕТКА.

(Продолженіе.)

Франческа вдругъ переѣхалась въ лицѣ и устремила на *Теренцію* пламенный, сожигающій взоръ, взоръ, который, будучи брошенъ съ престола, принудилъ бы самыхъ упорныхъ мятежниковъ преклонить колѣна, а на театръ заставилъ бы зрителей разразиться въ оглушительныхъ рукоплесканіяхъ.

— Я не могу объявить самую тайную мысль мою, отвѣчала она въ полголоса; угрызеніе совѣсти соснавляетъ её. Кпо самъ не дорожилъ спокойствіемъ другихъ, тотъ, по справедливости, долженъ наконецъ лишиться собственной свободы. Но я молчу; вы слишкомъ худо обо мнѣ думаете, слѣдственно, не можете понимать меня, если бы даже вы эпаго и хотѣли.—

Она умолкла и оставила *Теренцію* въ невыразимомъ изумленіи отъ словъ ея.

Ожиданіе счастья преслѣдуетъ душу гораздо неумолимѣе и неопустимѣе, чѣмъ страхъ опасности. Принявъ извѣстныя мѣры, мы можемъ загладить постигшее насъ несчастіе, но какъ опказаться отъ счастья,

которымъ хопя и не обладаемъ мы, но не пераемъ надежды достигнуть?

На завтра *Теренціо* во весь день былъ мраченъ и недоволенъ; пропивъ обыкновенія, онъ не приласкалъ своего сына и въ первый разъ еще нашель, что *Лукреція* дурна, глупа, несносна. Невольный препепъ овладѣвалъ имъ при мысли, что женщина, служившая предметомъ обожанія для столь большаго числа людей, можетъ быть, любитъ его; что онъ успѣлъ разрушить силу очарованія, вооружившаго ея холодноспью и равнодушіемъ. Напрасно твердилъ ему разсудокъ, что, по всей вѣроятности, онъ не выдешъ побѣдипелемъ изъ борьбы съ сею коварною женщиною; разсудокъ не представляеть такихъ доводовъ, на которые бы не нашло отвѣта самолюбіе.

И совсѣмъ тѣмъ, постыднымъ почипалъ онъ измѣнить *Лукреціи*, которая такъ его любила, которая такъ чистосердечно полагалась на его вѣрность, которая была такъ далека отъ подозрѣній, отъ ревности, что скорѣе спала бы искашь въ самой себѣ причины своей печали, нежели предполагать въ *Теренціо* измѣну и клятвопреступленіе.

— Не за то ли, что я была на балѣ, ты недоволенъ мною, *Теренціо*? говорила она. Если такъ, то мы никогда студа не поѣдемъ. Балъ, какъ нибудь онъ блиспапеленъ, безъ тебя никогда не плѣнишь меня! Ты и безъ бала замѣняешь мнѣ все собою! —

Въ эту минушу *Теренціо* почувствовалъ всю важность своей вины. Онъ усполялъ пропивъ порыва, его увлекавшаго, и заключилъ въ свои объятія *Лукрецію*, подобно упоающему, который ищетъ спасенія, хватаясь за прибрежные утесы.

«Согласенъ! мы больше не поѣдемъ на балъ, — сказалъ онъ пронупымъ голосомъ: никогда не поѣдемъ!»

Въ домъ, гдѣ они встрѣтили *Франгеску*, скоро данъ былъ новый праздникъ, но они отъ онаго отпказались.

На другой день, одинъ изъ знакомыхъ *Теренціо* пришелъ разсказать имъ о семъ праздникѣ, за завпракомъ.

Теренціо не осмѣливался заговорить о *Франгескѣ*, но довърчивая и просподушная *Лукреція* сама произнесла ея имя.

— Прелестная *Франгеска* вѣрно одержала много новыхъ побѣдъ? —

«Она была очень печальна,» отвѣчалъ знакомый; «сначала приписывали эту перемену отсутствію графа *Монте-Кавалли*, который, съ нѣкотораго времени, пользуется, какъ кажется, преимуществвомъ разсѣивать ея скуку, но онъ явился, и все это не помѣшало ей уѣхать довольно рано, по еспь часовъ въ одиннадцать. Опѣздъ ея разстроилъ праздникъ.»

Въ этотъ день, *Теренціо* опять не приласкалъ своего сына и опять былъ суровъ съ *Лукреціею*.

Сія послѣдняя, думая, что мужъ ея имѣеть нужду въ разсѣянн, побжала съ нимъ въ театръ. Во весь вечеръ *Теренціо* не спускалъ глазъ съ одной ложи, которая обыкновенно привлекала къ себѣ взоры зрителей. Но, на сей разъ, она оставалась пустою, и *Франгеска* болѣе мѣсяца не являлась ни въ театрѣ, ни въ домахъ, въ которыхъ постоянно привыкли ея видѣть.

Возвращаясь домой поздно вечеромъ, *Теренціо* замѣнилъ, что неизвѣстная женщина, подъ покрываломъ, слѣдуетъ за нимъ издали. Присутствіе *Лукреціи* не допустило его, однакоже, объяснить догадку, внушающую ему симъ страннымъ явленіемъ.

Въ другой разъ, идучи одинъ, онъ опять увидѣлъ ту же незнакомку, которая, по прежнему, шла по слѣдамъ его.... *Теренціо* вдругъ остановился.

«Зачѣмъ вы преслѣдуете меня, синьора?» сказалъ онъ.

— Оставьте меня, — отвѣчала она чуть слышнымъ голосомъ, и въ то же время, освободивъ свою дрожащую руку изъ руки *Теренціо*, надела ему на палецъ богатый перстень и открылась.

Теренціо узналъ кольцо, которымъ восхищался онъ на прекрасной рукѣ *Франгески*.

На другой день *Франгеска* получила слѣдующія спроки:

«Зачѣмъ вы меня вчера преслѣдовали? чего вы опять меня хотите? Оправдайте! Любите ли этому причиною?... Ненависть или?... Или то и другое вмѣстѣ? Объясните!... Возвратите мнѣ спокойствіе, котораго вы меня лишили. Неужели вы меня любите?»

Скоро потомъ принесли *Теренцію* оправданіе, написанный примѣнно дрожавшею рукою и безъ подписи.

«Вы спрашиваете, люблю ли я васъ, а сами не говорите, любима ли я вами? Какъ же хотите вы, чтобы я вамъ оправдала? И къ чему бы послужило мнѣ любить васъ? Развѣ вы не имѣете обязанностей? Развѣ можете, развѣ захотите забыть ихъ? Я ничего опять васъ не требую. Зачѣмъ вамъ знать причины, побудившія меня за вами слѣдовать? Я могу желать васъ видѣть, но не иначе, какъ издали. Не приходите спрашивать другаго оправданія на письмо свое. Я не могу болѣе съ вами видѣться, и скоро ъ умру, чѣмъ соглашусь на это.»

Черезъ часъ, *Теренцію* былъ уже у ногъ *Франчески*.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и въ продолженіе онаго, *Теренцію* забылъ весь свѣтъ для хитрой притворщицы, съ которою онъ былъ почти неразлученъ, и которая умѣла придавать видъ опасеній и терзаній совѣсти своему хладнокровному сопротивленію.

Часто изображали намъ на театрѣ невѣрность жены, ея боязнь, ея волненія, ея внутреннюю, душевную борьбу; но рѣдко выставляли извѣстнаго мужа и всѣ послѣдствія, еѣ сопровождающія; рѣдко поучали насъ примѣромъ семейства, остающагося безъ главы, какъ корабль безъ кормчаго, покинутой жены, принужденной поглощать свои слезы во избѣжаніе позора, и не находящей, подобно мушкетеру, опоры въ законѣ и мщеніи въ поединкѣ.

Общій голодъ и молчаніе *Теренцію* открыли наконецъ *Лукреціи* всю бездну ея нещастія. Съ ужасомъ узнала она о бѣдствіи, котораго доподлинно не подозрѣвала. Равнодуш-

но перенесши ударъ сей, было выше силъ ея; глаза ея потухли, здоровье разстроилось, и самый разумъ помутнился.

Между тѣмъ *Теренцію* долженъ былъ прибѣгнуть къ новому просупку, чтобы заглушить въ себѣ угрызенія совѣсти. Всею силою любви своей спарался онъ ускорить эту неизбежную развязку, къ которой рано или поздно, сами собою или невольнѣ, стремятся всѣ спраски, но *Франческа* продолжала сопротивляться.

Наконецъ, въ одинъ вечеръ, она сказала *Теренцію*: если вы меня любите, то должны принести мнѣ большую жертву.

«Какую?» спросилъ онъ.

— Я не могу любить васъ здѣсь, въ глазахъ цѣлаго города, въ которомъ я родилась и выросла. Судите, прилично ли мнѣ будетъ играть въ немъ ролю вашей любовницы? Если вы хотите, чтобы мы совершенно принадлежали другъ другу: то вамъ надобно бѣжать со мною на край Свѣта, куда мнѣ разсудился повести васъ.—

Теренцію поблѣднѣлъ. Труднѣйшій шагъ есть не топъ, который ведетъ отъ добродѣтели къ пороку, но топъ, который отъ скрытнаго просупка приводитъ къ явному пресупленію.

— Вы не рѣшаетесь?— сказала *Франческа*.
Нещастный содрогнулся.

— Надобно выбирать,—продолжала она: съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе возстаю противъ себя общественное мнѣніе; скоро нельзя будетъ поправить эшаго зла. Я не въ состояніи рѣшиться на свою погибель, не воспользовавшись по крайней мѣрѣ ея плодами. Могу ли я принести вамъ всѣ жертвованія, когда вы не хотите сдѣлать мнѣ и одного?—

Еще нѣсколько времени выдерживалъ *Теренцію* борьбу съ самимъ собою, въ объятіяхъ, его сжимавшихъ; волосы спановились у него дыбомъ при мысли, что онъ заживо сдѣлаетъ вдовою жену свою и сиротою сына. Наконецъ, чувствуя, что дальнѣйшее сопротивленіе напрасно, онъ опчаянно поко-

рился искушенію, увлекавшему его въ бездну погибели.

Они условились о своемъ отъѣздѣ и выбрали для сего ночное время. Вечеромъ, *Теренціо* дѣйствительно явился къ *Франгескѣ*. Желая опіять у него всякую надежду на возвращеніе, она попросила, чтобы онъ написалъ къ *Лукреціи* прощальное письмо, и потомъ заставила ослѣпленнаго безумца подписать всѣ жестокія и оскорбительныя выраженія, которыми вздумалось ей наполнить письмо сіе.

Она вышла въ другую комнату, чтобы отослать письмо, обѣщая *Теренціо* прислать за нимъ, когда наступитъ пора ѣхать.

Прошло полчаса, и время это показалось вѣкомъ несчастному, на совѣсть котораго налегло еще одно тяжкое бремя.

Онъ прождалъ около часа, но, потерявъ терпѣніе, наконецъ вышелъ, и первый, кто ему встрѣтился, былъ слуга *Франгески*, вручившій ему слѣдующую записку:

«Напрасно будете вы ждать меня, мой «любезный *Теренціо*. Я отправляюсь одна «на лѣто въ загородную виллу, которой вы «не знаете, и которую бесполезно будете «опыскивать. Все это было ни что иное, «какъ урокъ, которыми хотѣла я опіимнить «женѣ вашей за то безславіе, какимъ она «меня покрыла. Я желала только доказать «себѣ, что мнѣніе мое могло бы быть гораздо «близкательнѣе, но я почишаю недостой- «нымъ себя проспирать его далѣе. Возвра- «щайтесь къ ней; шутка эта, продолжив- «шись еще нѣсколько времени, могла бы по- «свѣчь за собою несчастіе. Согласитесь, что «намъ лучше кончить еѣ теперь же; забудь- «те меня, какъ я васъ забыла.»

Франгеска Пандольфо.

Теренціо обезумѣлъ. Человѣкъ, который, послѣ краткаго отсутствія, находилъ домъ свой превращеннымъ въ пепель и семейство погребеннымъ подъ его развалинами, не можетъ быть подавленъ сильнѣйшими опечаленіемъ. Два сильныя чувства оспаривали его сердце: мнѣніе влекло его по слѣдамъ *Франгески*, а раскаяніе призывало къ несчастной

Лукреціи. Последнее превозмогло. Онъ бросился къ своему дому, поспѣшно вбѣжалъ въ комнату *Лукреціи*; она была пуста. На столѣ лежали два распечатанныя письма. Одно было отъ него; онъ долженъ былъ при разѣ прочесть его, прежде чѣмъ увѣрился, что дѣйствительно имъ оно писано. Другое письмо было изъ Лимы отъ старшаго брата *Лукреціи*, увѣдомлявшаго еѣ о смерти *Леонціо*. Такъ бываетъ, что горестъ отъ одного несчастія вслѣдъ за собою ведетъ другое, какъ пруть привлекаетъ кровожадную воронью стаю.

Теренціо обѣжалъ весь домъ, но не нашелъ въ немъ никого, кромѣ своего сына, который съ плачемъ звалъ мать свою. Тутъ онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что недалеко отсюда пропекаетъ Танаро.

На другой день въ самомъ дѣлѣ выпалили изъ волнъ тѣло *Лукреціи*. Его опіесли въ домъ ея мужа; но *Теренціо* уже не могъ узнать еѣ: онъ сошелъ съ ума.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

нынѣшней выставки (1833) Императорской Академіи Художествъ.

Редакторъ *Русскаго Ивалида*, А. Ф. Воейковъ, въ No 249-мъ сей газеты напечаталъ:

«Выставка Императорской Академіи Художествъ открыта,—выставка блестящая, богатая превосходными произведеніями графа Ф. П. Толстова, *Мартоса*, *Шебуева*, *Воробьева*, *Кипренскаго*, *Басина*, *Брюлова*, *Тона*, *Гальберха*, *Чернецова* и другихъ, уже сдѣлавшихъ себѣ имя живописцевъ, ваятелей, зодчихъ и много обѣщающими опытами юныхъ воспитанниковъ. Опечаленная Публика собственными глазами удостовѣряется, что не напрасно въ Италіи съ уваженіемъ опіываются о нашихъ художникахъ, и что *Русская Школа*, хотя младшая всѣхъ въ Европѣ, скоро станетъ на ряду съ ними. Россіяне уже показали Свѣту знаменитыя побѣды на морѣ и на сушѣ, исполни-

скими шагами въ наукахъ и словесности, чудными успѣхами въ фабрикахъ и мануфактурахъ, что ученики могутъ сами сдѣлаться учителями.

Теперь уже ощутительны плоды просвѣщеннаго отеческаго управленія сею Академіею въ продолженіе 17-ти лѣтъ г. президентомъ оной, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Николаевича *Оленина*, дѣлательно вспомошествоваемаго г. вице-президентомъ графомъ Федоромъ Петровичемъ *Толстымъ* и г. конференцъ-секретаремъ Василіемъ Ивановичемъ *Григоровичемъ*.

Замѣтно, что еще болѣе начала процвѣтала Академія съ тѣхъ поръ, какъ Государю Императору, щедрому Покровителю оной, благоугодно было отдать оную въ вѣдомство г. министра Императорскаго Двора, знаюка и любителя всѣхъ прехъ главныхъ искусствъ и особенно зодчества.

Весьма жаль, что первоклассные наши живописцы: *Варникъ* и *Венеціановъ*, не украсили своими картинами выставки 1833 года.»

Подробный, безпристрастный обзоръ лучшихъ картинъ, составляющихъ красоту и честь нынѣшней *Выставки*, докажетъ справедливость его мнѣнія.

Талантъ, даже сильный, пребудетъ попеченіе нѣжной руки, заботящейся о его возрастаніи, благопворнаго Свѣтила, изливающаго на него живительные лучи свои. Одно только зерно Генія смѣло пробивается сквозь всякую почву, борется съ вихремъ и непогодою и въ безводной пустынѣ возрастаетъ величественное древо; но и его бури и вѣтры покрываютъ жѣсткою корою, лишаютъ сладости плодъ, который при лучшихъ обстоятельствахъ украсился бы еще лучшимъ блескомъ.—Одинъ только геній, говорю, можетъ обойтись безъ поощренія, безъ наградъ, даже безъ современной славы—но талантъ погибнетъ неразвитымъ, если онъ не будетъ поощряемъ. Вотъ почему въ наше время Государя, постигающіе превосходство умственнаго и нравственнаго образованія, учреждаютъ *Выставки* художествъ и издѣлій, употребляютъ всѣ возможные средства для

развитія и поощренія талантовъ своихъ подданныхъ. Въ древности не было посполню опредѣленныхъ *Выставокъ* художественныхъ произведеній, не потому, чтобы таланты въ Греціи или въ Италіи—могли обойтись безъ поощренія, безъ награды; нѣтъ, они и тамъ погибли бы также безъ ихъ помощи; но потому, что всѣ Аѳины, весь Римъ во всякое время могли замѣнить для древнихъ наши Академическія залы и галереи. Въ блестящую эпоху искусствъ, въ XVI-мъ вѣкѣ, Римъ и Флоренція также служили общою залою для художественныхъ произведеній. Но въ наше время необходимо было, для поощренія талантовъ, назначить болѣе опредѣленное, постоянное мѣсто и время, куда бы художникъ могъ пославить свою картину и ознакомить Публику съ твореніемъ дѣлательной своей фантазіи, чтобы сія послѣдняя могла насладиться сими созданіями и вознаградить творцовъ оныхъ поощреніемъ, славою,—возложивъ на главу ихъ лаврой и лавровый вѣнокъ вмѣстѣ. Весьма недавно водворены пзачныя искусство въ Россіи, и уже оказали въ ней быстрый успѣхъ. Нынѣшняя *Выставка* Императорской Академіи свидѣтельствуетъ, что въ послѣдніе три года искусства сдѣлали у насъ исполинскіе шаги, и что дарованія нашихъ художниковъ, подъ вліяніемъ благопворнаго Свѣтила, лелѣющаго все прекрасное на отечественной почвѣ, смѣло и славно состязаются съ превосходнѣйшими талантами Европы.

Какъ знать? Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ фантазія сосредоточится, силы окрѣпнутъ и пальмовый вѣнокъ искусствъ будетъ достояніемъ художественной Россіи, какъ теперь онъ принадлежитъ Италіи. По крайней мѣрѣ, взглянувъ на *Выставку* 1833 года, мы имѣемъ право надѣяться. Хвала и честь Русскимъ художникамъ! Поблагодаримъ ихъ за эту добрую надежду!

Желая ознакомить жителей другихъ городовъ съ замѣчательнѣйшими произведеніями искусствъ, представленными Петербургскимъ жителямъ на послѣдней *Выставкѣ*, я

почитаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ успройствѣ оной:

1-го Октября, въ 10 часовъ утра, открыты залы Академіи для посѣпипелей, и многочисленная полпа, съ 10 часовъ утра до 3-хъ часовъ по полудни, пѣснилась между разнообразными картинами, статуями, архитектурными чертежами, не зная, на чемъ преимущественно остановивъ свое вниманіе.—Надобно полагать, что тѣ, коимъ поручено было разстановить сіи вещи, не нашли удобнымъ раздѣливъ произведенія зодчества, ваянія и живописи по искусствамъ: ибо всѣ они между собою перемѣшаны и даже не отдѣлены историческій родъ отъ портретнаго и ландшафтнаго. Хотя сіе неудобство и не велико; однакоже все неудобство и препятствуетъ окинуть общимъ взглядомъ одно какое нибудь отдѣленіе искусствъ, и обнять оное вполне. Весьма жаль, что, по примѣру *Выставки Опечеспвленныхъ издѣлій*, не издано изданіе *Указателя къ Выставкѣ*. Въ немъ надлежало бы исчислить всѣ находящіяся на оной произведенія искусствъ, съ показаніемъ именъ художниковъ, мѣста ихъ жительства, съ объясненіемъ текста картины. Сіи подробности необходимы для зрителя, развлеченнаго многочисленноспію и разнообразіемъ предметовъ, его окружающихъ.—Необходимость таковаго *Указателя* особенно ощупительна при обзорѣ картинъ, практическихъ сложныхъ предметовъ, статуй, аллегорическихъ изображеній, на примѣръ барельефовъ графа *Толстаго*, и прочая. Съ указателемъ въ рукахъ, посѣпипели избавились бы отъ неизбѣжныхъ затрудненій, встрѣчающихся при разговорахъ о содержаніи картины, или значеніи статуи. Академія оказала бы Публикѣ большую услугу: ибо она сохранила бы многихъ посѣпипелей отъ смѣшныхъ догадокъ, вырывавшихъ невольную улыбку у другихъ, нѣсколько болѣе проникательныхъ зрителей. Правда, при нѣкоторыхъ картинахъ приложены объяснительныя записки, но только при нѣкоторыхъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАТНЫЙ КОНЬ.

Мой вѣрный поварищъ, кой конь боевой!

Въ спранѣ сей пустынной и чуждой
Безвѣснень обоимъ намъ часъ роковой,
Мы вмѣстѣ сдружились съ нуждой.

Ни ночью покоя, ни опдыха днемъ,
Мы въ зной полуденный и холодъ
Стояли, носились подъ вражымъ огнемъ,
Терпѣли и жажду и холодъ.

Повсюду скакаль ты—гдѣ я лишь хопѣль,
Ты мчался по лѣсу и въ полѣ,
На пламя и въ волны какъ буря лепѣль,
Послушный всегда моей волѣ.

И горе врагу, коль бываль онъ разбишь,
Топпаль ты его разъяренный;
Лишь шопъ, кто въ плъну, или кто былъ убишь,
Тебя не выдалъ побѣжденный.

Когда же несмѣшныя вражьи полки
Тѣснл, нашъ опрядъ окружали:
Мгновенно мы были отъ нихъ далеки
И кроясь, враговъ поражали.

И въ битвѣ жестокой, гдѣ пули и сналь
Бойцевъ на равнину кидали,
На мѣстѣ кружась и бросаясь въ даль,
Слопкнувшись, мы не упали.

Въ средину я сѣчи былъ славой влечень,
Но ты, мой поварищъ послушный,
Спѣша на погибель, былъ чѣмъ обольщень—
Къ побѣдѣ, къ бѣдѣ равнодушный!

За то какъ ласкаю шебл и люблю;
Хопя и измучень бываю,
Но если шебл, о мой конь! накормлю,
Успалоспъ свою забываю.

Какъ дружно живемъ мы, поварищъ, вдвоемъ:
О если бы люди пакъ жили!

И пакже, какъ я, съ моимъ вѣрнымъ конемъ,
Другъ друга судьбой дорожили.

А. Быстроголазовъ.

О М О Н И М Ъ.

Дѣвицамъ я служу краскою;
Крестьянкамъ надобна я лѣшню порою;
Морскою моюсь я водою.

Сергѣевъ.

Въ № 84, помѣщенная загадка значить: *Clef*.

M O D E S.

Comme robes de bal, au lieu de l'organdi brodé, qui n'a eu d'autre mérite que celui de se présenter en été, quand on rejette les bijoux, quand le luxe est proscrit, nous y avons remarqué de fort belles robes en tulle noir, brodé en soie de couleur; de larges fleurs sont semées en plain, ou d'une guirlande marquant l'ourlet, il se détache des ramages délicats qui remontent en colonnes jusqu'à la ceinture, et retombent jusqu'au bas de la jupe.

Ses écharpes en tulle noir, brodé en soie de couleur, sont toujours celles qui sont portées avec plus d'élégance.

Nous sommes encore en attendant les façons de robes que pourra amener la nouvelle saison. Ce que nous avons vu qui nous ait paru plus digne de remarque est une jolie robe de soirée qui venait des ateliers de Mme Duwavant, rue Richelieu. L'étoffe de tulle noire brodé en soie de couleur, était posée sur une jupe de satin noir. Le corsage, fait en draperie croisée, était garni sur le bord d'une ruche de tulle noir, qui, se terminant d'un côté au milieu de la poitrine à la jonction des deux draperies, allait au contraire, suivant toujours la partie croisant sur l'autre, s'arrêter de côté presque sous le bras.

A cette robe était destinée une ceinture de satin à dessins imprimés dans le genre des broderies du tulle; elle tournait autour de la taille, venant se nouer sur le côté, à l'endroit où se terminait la ruche.

Il s'annonce pour cet hiver une mode prononcée de ceintures à longs pans. En effet, rien n'est plus

élégant que ces rubans flottans et gracieusement noués qui feraient distinguer tout le bon goût d'une femme, par la façon dont elle sait les poser; de même qu'elle le montre en nouant sa cravatte du matin, ou en portant le soir son éventail ou son bouquet.

M O Д Ы.

Для балныхъ платьевъ, вмѣсто вышитаго органди, который не имѣлъ другаго достоинства, какъ то, что показался лѣшномъ, когда оставляють вещи, когда роскошь опспранена, мы замѣтили тамъ прекрасныя платья изъ чѣрнаго шюля, вышитыя цвѣтнымъ шелкомъ; по всему разбросаны большіе цвѣты, или гирланда означаютъ рубецъ, отъ которой легкія вѣпки отдѣляются, поднимаются гирландами до пояса, и упадають до низу юбки.

Шарфы чѣрные шюлевые, вышитые цвѣтнымъ шелкомъ, все почищаются самыми щеголеватѣйшими.

Мы еще въ ожиданіи фасоновъ для платьевъ, которые могутъ появиться съ переменною времени года. Что мы видѣли примѣчательнѣйшаго, — это красивое платье для вечера, вышедшее изъ рабочихъ г-жи Duwavant. Чѣрный шюль, вышитый цвѣтнымъ шелкомъ, положенъ былъ на чѣрную атласную юбку. Лишь драпированъ креспообразно, обшитъ по краю рюшемъ изъ чѣрнаго шюля, который оканчивался съ одной стороны на срединѣ груди, гдѣ соединяются драпировки; другой же продолжался по другой сторонѣ, и оканчивался на боку почти подъ рукою.

Къ этому платью назначенъ былъ атласный поясъ съ печатыми узорами въ родѣ вышиваній по шюлю; обернувшись около палии, онъ завязывался на боку, гдѣ оканчивался рюшь.

Къ зимѣ готовится рѣшительно мода на пояса съ длинными концами. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ щеголеватѣе эпитъ развѣвающихся ленъ, ловко завязанныхъ, которые заставяють опличить хорошій вкусъ дамы, по тому, какъ она его надѣнетъ; такъ же, какъ она показываетъ его, завязывая упренній галстухъ,нося вечеромъ опахало или букетъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 86.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 28 дня 1855 года.

Я слышалъ, правда-ль, будто въпарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ СЛОВЪ.

Перенявъ у Парижанъ кургузые фракы, копорые не грѣютъ и не наряжаютъ; про-спочки, на копорыя нельзя опираться; шляпы, копорыя не укрываютъ отъ дождя, не защищаютъ отъ солнца, и другія, копорыя носятъ подъ мышкою, мы присвоили себѣ и безсмысленныя ихъ вѣжливости, и надушыя воздухомъ ихъ учпивости.

Мы пишемъ съ погтеніемъ къ человеку, копорого презираемъ; имьемъ честь къ неимлющему чести; изьявляемъ на словахъ готовность къ услугамъ погда, какъ на дѣлѣ отказываемъ.

Часто сильная зльота прерываетъ удовольствіе писать; нерѣдко, улирая со скуки, упрашиваютъ гостя сдѣлать удовольствіе посидѣть еще полчасика; часто на приглашеніе къ обѣду или на вечеръ, отвѣчаютъ: съ величайшимъ удовольствіемъ—и не пріѣзжаютъ; нерѣдко покорнѣйше просятъ, погда, какъ приказываютъ; часто слышимъ: «Я

имѣлъ удовольствіе быть на балѣ у тако-го, и до-смерти соскучился;» нерѣдко гово-рятъ сесприцъ: «Я имѣлъ удовольствіе слы-шать игру на скрипкѣ вашего брата;» а эпопъ брата скрыпипъ смычкомъ, какъ намазаная Татарская арба; женъ: «Я имѣлъ удовольствіе видѣть новую картину вашего супруга;» а эпо картина намазана, какъ карпинки модъ при дамскомъ журналѣ; ав-тору водѣвила: «Я имѣлъ удовольствіе быть въ спектаклѣ, когда представляли вашъ во-дѣвиль;» а водѣвиль эпопъ—Филатка и Ми-рошка соперники!!! Сочинилъ драматиче-скаго представленія: «Ваша пьеса доставила мнѣ много удовольствія;» а эпо хвалимосъ вами драматическое представленіе было или Меркурій на часахъ, или Юрій Милослав-скій!!!

Миліонщикъ проситъ васъ располагать или—и не дастъ гроша, если вы у него по-просите; вельможа расхваливаетъ васъ за ревность къ службѣ—и обходипъ чиномъ; пріятель увѣряетъ въ добротѣ о васъ мнѣ-ни — а вездѣ выславляетъ васъ негоднемъ, игрокомъ, пьяницею; припворяетъ, что

садится играть съ вами въ карты для провожденія времени, и обыгрываетъ васъ навѣрное.

Г И Н Е Я.

«Госпожа *Гинья*, достигнувъ до самой глубокой старости, скончалась недавно въ Англии. Всѣ имѣвшіе щастіе знать её коротко, оплакиваютъ её съ искреннимъ прискорбіемъ. Здоровье сей всемірной путешественницы начало распространяться еще въ 1800-мъ году; въ концѣ 1814-го оно было весьма поправилось, но пребываніе во Франціи, съ 1830 года, опять его распространило. Находясь долгое время въ Англійской службѣ, она сильнымъ вліяніемъ своимъ и великими способами, какія въ рукахъ имѣла, много способствовала къ поддержанію Англійскаго могущества и приведенію торговли ея въ цвѣтущее состояніе. Горестныя послѣдствія отъ сей потери живо теперь ощущаются, какъ значными особами въ Великобританіи, такъ особливо прочими состояніями, кои всѣ вообще пипали къ покойной неограниченную преданность и опличное уваженіе. Сказываютъ, что кончина ея ускорена благодарностію нынѣшнихъ министровъ: ибо они, истощивъ силы ея неращѣпливою распочипельностію, запѣями и строеніемъ замковъ на воздухъ, достойными пресловутаго рыцаря *Донъ-Кихота* и оруженосца его *Санчи-Панчи*, вмѣсто признательности за ея услуги, осудили её на започеніе въ уединенный мѣста. Она была отъ природы предприимчиваго характера и споль предана своему монарху, что ни шагу не дѣлала, не нося съ собою его портрета. О госпожѣ *Бумагъ*, поступившей на ея мѣсто, мнѣніе двояко. Наружный видъ ея не имѣетъ той красоты, коею предшественница ея обворожаетъ умѣла; въ одеждѣ ея, на живую нипку изъ стараго тряпья шипой, нѣтъ ни малѣйшаго блеска, а потому не имѣетъ она въ обществѣ почти никакого вѣсу, и весьма неудачно представлятъ будеть величественную дочь южной Америки. Сверхъ того госпожа *Бумага* такого

слабаго сложенія, что самое легкое дуновеніе можетъ её сбипъ съ ногъ, и споль бѣдна, что сама по себѣ не сподипъ даже ни пенса. На биржѣ и въ торговыхъ оборотахъ пользуется она весьма малою довѣренностію, такъ, что безъ сильнаго покровительства отъ Парламента ей и поддержать себя невозможно.

ХОДИТЬ И ПОЛЗАТЬ, ДВА ДѢЛА РАЗНЫЯ.

«Дадутъ мнѣ мѣсто — хорошо, а не дадутъ — не пойду кланяться;» хвастался *Подляжкинъ*.

—Топъ не ходипъ, кто ползаетъ! — шепчуть мнѣ на ухо *Бритвинъ*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

К О К Е Т К А.

(*Окончаніе.*)

Происшествіе, описанное нами, надѣлало въ городѣ большаго шума, и какъ ни сильно было вліяніе красоты *Франческиной* на общественное мнѣніе, но послѣдствія онаго были для неё весьма невыгодны. Благоразуміе заспавило её даже не выѣзжая изъ виллы, въ которой скрылась она отъ мщенія *Теренціо*, и возложилъ управление огромнымъ своимъ богатствомъ на *Гретти*, одного изъ Пармскихъ банкировъ.

Скоро послѣ того знакомые, пріѣзжавшіе изъ Пармы навѣщаютъ *Франеску* въ ея убѣжищѣ, извѣспили её, что банкиръ сей прощривалъ въ ихъ присущствіи значительныя суммы, но *Франческа*, полагаясь на честность, а особенно на большіе капиталы *Гретти*, приняла сіи извѣщенія безъ должнаго вниманія.

Спустя еще немного времени, пріѣхалъ въ замокъ, гдѣ жила *Франческа*, иностранецъ, называвшійся графомъ *Пальмеццою*. Это былъ смуглый мужчина, спранной наружности, но благороднаго и пріятнаго обращенія. Въ чертахъ его было что-то, не вовсе чуждое *Франкель*, хотя впрочемъ она была

твердо увѣрена, что до того времени никогда его не видала. Графъ прибылъ изъ отдаленной страны и привезъ съ собою огромное богатство.

Казалось, онъ съ перваго взгляда былъ пораженъ красотою *Франчески*, которая, слѣдуя всегдашнему своему обычаю, тотчасъ дала замѣтить, что она равнодушна къ предпочтенію, какое онъ ей оказывалъ. Никогда не было любовника заботливѣе, покорнѣе и услужливѣе графа, но не смотря на то, любовь его нимало не прогнала *Франкеску*, и она ожидала только отъ него признанія, чтобы вывести его изъ заблужденія.

Дѣйствительно графъ не замедлилъ симъ признаніемъ; онъ изъяснилъ его въ письмѣ, въ которомъ заклиналъ *Франкеску* ошаспливить его своею рукою. *Франческа*, оставшись одна, расхохоталась надъ этимъ предложеніемъ, но, однакоже, попреобовала супки времени, чтобы о немъ размысливъ. Она рѣшилась написать въ своемъ отвѣтѣ самый колкій и рѣшительный отказъ, и готова уже была послать его, но какое-то безопытное воспоминаніе о спрасни графа удержало её, и она явилась вечеромъ въ гостиную, не опославъ своего письма, хотя и съ твердымъ намѣреніемъ желала это сдѣлать.

Съ нѣкотораго времени замѣчала *Франческа*, что жипели дома, гдѣ жила она, сохраняли въ разговорахъ съ нею принужденную осторожность; казалось, будто они боялись обнаружить какую нибудь важную тайну. Въ этотъ вечеръ, принужденіе показалось ей еще болѣе очевиднымъ.

Хозяинъ дома предложилъ заняться игрою; предложеніе сіе было принято, и *Франкескъ* доспалось играть съ графомъ *Пальмеццою*.

«Я проигралъ вамъ,» сказалъ онъ послѣ первой партіи; «но надѣюсь быть отъ васъ за это вознагражденнымъ.»

Онъ вынулъ изъ кошелька нѣсколько золотыхъ монетъ и бросилъ ихъ на столъ; между ними была одна иностранная, очень рѣдкая и замѣчательная. *Франческа* схватила её.

— Спрасни!— сказала она; точно пакал монета была въ той суммѣ, которую послала я недавно къ моему банкиру *Гретти*.—

«*Гретти!*» возразилъ графъ. «Это та самая, онъ мнѣ проигралъ её.»

— Вы много у него выиграли?—

«Четыреста тысячъ червонныхъ,» отвѣчалъ графъ; «но еще прежде онъ проигралъ кому-то двѣсти тысячъ.»

— Шесть сотъ тысячъ червонныхъ!— вскричала *Франческа*: это превышаетъ его состояніе; онъ не могъ проиграть столько, не сдѣлавшись банкротомъ.—

Тутъ она вспомнила о томъ, что въ домѣ давно уже какъ-бы тайли отъ неё какую-то гибельную новость, и что съ послѣдней почтою ей не привезли писемъ изъ города.

— Мои письма! мои письма!— вскричала она: отъ меня скрываютъ какую нибудь бѣду; я непременно хочу знать её.—

Тутъ нельзя уже было не отдать ей письма, полученнаго на ея имя изъ Пармы, откуда увѣдомляли её о совершенномъ разореніи и бѣгствѣ *Гретти*.

При семъ извѣстіи *Франческа* почпи безъ чувствъ упала въ кресла.

«Я виновникъ этого несчастія,» сказалъ графъ, подошедъ къ ней; «но я же могу его загладить. Я лишилъ васъ состоянія; но готовъ вамъ возвратить его; скажите только, согласны ли вы на предложеніе, которое я вамъ сдѣлалъ?»

Съ какою радостію вспомнила тогда *Франческа*, что язвительный отвѣтъ ея не опосланъ. Однако же предложеніе графа заставило её задуматься: ибо съ замужствомъ она лишалась своей свободы, свободы быть кокеткою. Но графъ изъявлялъ такую пламенную любовь, такую доброту характера, такую покорность ея малѣйшимъ желаніямъ, а нищета такъ ужасна послѣ роскоши!... Громкій пипуль и богатство такъ привлекательны!...

— Согласна,— молвила она въ полголоса.

Черезъ двѣ недѣли, благодаря спараніямъ и богатству графа, они были соединены въ домовую церкву замка.

Когда они были обвѣнчаны, графъ замѣтилъ женѣ своей, что онъ почитаетъ неприличнымъ оставаться долѣе у людей постороннихъ, и потому предложилъ ей отправиться тѣмъ же вечеромъ въ Парму.

Мысль возвратиться богатою графинею въ городъ, откуда почти изгналъ её общественный голосъ, польстила тщеславію *Франческа*, и они поѣхали. Графъ опустил споры въ окнахъ кареты, чтобы солнце не беспокоило *Франеску*. Но когда наспушилъ вечеръ, то, чувствуя нужду въ свѣжестъ воздуха, она подняла занавѣску, и хотя начало уже смеркаться, но ей легко было замѣнить, что они ѣхали не по Пармской дорогѣ.

— Мы ѣдемъ не въ ту сторону!—вскричала она.

«Не беспокойтесь, кучеръ мой предпочелъ окольную дорогу,» сказалъ графъ, который почти не прерывалъ молчанія во все продолженіе пути. «Теперь, *Франческа*, хотите ли, я расскажу вамъ одну вещь? Это уменьшитъ для васъ скуку переѣзда, который намъ сдѣлать остается.»

Франческа, чувствуя какое-то безотчетное беспокойство, ничего не отвѣчала.

«Не задолго предъ симъ,» продолжалъ графъ: «былъ въ Венеціи одинъ опьявленный охотникъ драхся. Онъ для цѣлаго города служилъ предметомъ ужаса и днемъ совершалъ болѣе убійствъ, нежели сколько причиняли ихъ ночью кинжалы ревнивыхъ мужей и любовниковъ. Спрахъ, внушаемый симъ общественнымъ бичемъ, былъ ему защитою противъ ненависти жителей Венеціи; но наконецъ, съ намѣреніемъ оскорбивъ одного молодого человѣка, который подавалъ большія надежды, онъ убилъ его наединѣ. Эпопъ молодой человѣкъ имѣлъ двухъ братьевъ, и оба они твердо рѣшились или отмстить за него, или погибнуть. Они вырыли могилу въ томъ мѣстѣ, куда намѣрены были призвать убійцу, и на другой день

послали къ нему вызовъ. Въ назначенный срокъ они явились туда, каждый со шпагою въ рукѣ, и нашли на мѣстѣ своего пропивника, который былъ совершенно покоенъ, въ надеждѣ на свою силу и искусство.

— Не угодно ли вамъ спать обнимъ вмѣстѣ?—спросилъ дуэлистъ: вы найдете меня гоповымъ къ вашимъ услугамъ.—

«Да, мы будемъ драхся оба, но одинъ послѣ другаго,» отвѣчалъ старшій братъ. Эта могила, нами вырытая, свидѣтельствуешь, съ какимъ намѣреніемъ мы пришли сюда. Она назначена для побѣжденнаго, кто бы изъ насъ имъ ни былъ.»

Старшій началъ поединокъ. Съ первыхъ приемовъ, пропивникъ прокололъ его насквозь своею шпагою и повергъ на землю мерзвымъ. Другой братъ взялъ его за руку и, опшавивъ къ могилѣ, бросилъ въ нее съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Потомъ онъ въ свою очередь спалъ на мѣсто и, дѣйствіемъ ли случая, или усиліемъ опчаянной храброспи, смертельно ранилъ дуэлиста.

Тогда онъ бросилъ его живаго въ могилу, гдѣ лежалъ убитый братъ его.

— Живаго!—вскричала *Франческа*: какой ужасъ!—

«Да, живаго,» холодно возразилъ графъ: «и потомъ засыпалъ его землѣю. — Мнѣ кажется, онъ поступилъ весьма справедливо; неправда ли?»

Франческа, не отвѣчая, смотрѣла на графа съ испуганнымъ видомъ.

«Что вы такъ приспально на меня смотрите?» спросилъ графъ. «Или вы замѣтили во мнѣ особенное съ кѣмъ нибудь сходство?»

— Да,—отвѣчала *Франческа*, но не могу припомнить, съ кѣмъ именно.—

«Съ одною изъ жертвъ вашихъ! Ихъ такъ много! Не мудрено, что вы забыли *Лукрецію Пизани*.»

— *Лукрецію!*—вскричала *Франческа*.

«Она была сестра моя,» продолжалъ графъ громовымъ голосомъ; «сестра моя, которую вы довели до самоубійства; *Леонцію*, копо-

раго вы уморили въ изгнаніи, былъ братъ мой; *Теренціо*, который вами же доведенъ до сумасшествія, мой зять. Они-то были дѣйствующими лицами моего разсказа; дуэлистъ, посявавшій ужасъ и опчаяніе въ семействахъ—это вы; мспитель—это я. У меня достало силъ перенести столько несчастій; я, разорилъ вашего банкира, съ опасностію самому разорилъсья, обыгралъ съ пою цѣлю, чтобы голодомъ принудить васъ искать спасеніе въ моихъ объятіяхъ; я принесъ вамъ въ жертву, какъ надежную приманку, пшпуть, пріобрѣтенный мною за деньги; но цѣною всѣхъ сихъ пожертвованій, мнѣ удалось наконецъ завлечь васъ въ сѣти...»

— Куда же вы меня везете?— вскричала *Франческа*.

« Въ могилу *Теренціо*, который, по несчастію, еще живъ.»

— Пощадите! пощадите меня! Напомощь!— закричала *Франческа*. Пустите меня въ Парму, пустите меня назадъ, въ замокъ, откуда мы ѣдемъ.—

« Мы уже доѣхали,» сурово отвѣчалъ графъ.

Карета въ самомъ дѣлѣ остановилась. Графъ съ необыкновенною силою схватилъ *Франкеску*, которая вопила и рвалась изъ рукъ его. Онъ ввелъ её въ домикъ, одиноко стоявшій въ глуши, въ далекомъ отъ проезжей дороги.

Франческа, прошивъ волнъ всходя на крыльцо, услышала голосъ безумнаго, произносившаго несвязныя слова, сопровождаая ихъ по временамъ дикими воплями и неистовымъ хохотомъ.

— Куда вы меня ведете?— съ ужасомъ повпорила она.

« Къ *Теренціо*, отвѣчалъ графъ. Развѣ вы не принадлежите мнѣ вполне? И такъ, я успунаю ему свое брачное ложе; кажется, онъ совершенно заслужилъ его.»

— Это ужасно!... Но онъ сумасшедшій!—

« Вы его вылечите, сударыня.»

Съ сими словами, графъ отворилъ дверь комнаты, слабо освѣщенной одною лампою, и вполкнулъ туда *Франкеску*. Ея блуждаю-

щимъ глазамъ представился призракъ *Теренціо* съ помутившимися очами, длиннымъ, изсохшимъ лицомъ и всклокоченными волосами. Увидѣвъ её, онъ вспрыгнулъ, какъ пигръ при видѣ добычи.

Франческа хотѣла бѣжать, но двери были за нею заперты.

Она упала на земь.

На другое утро нашли ихъ спящими въ объятіяхъ другъ друга и обоихъ сумасшедшими.

Пер. *Иль Г—въ*.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

ПЫНЪШНЕЙ ВЫСТАВКИ (1833) ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

(Продолженіе).

При входѣ въ первыя залы вы встрѣчаете произведеніи Русскихъ ваятелей; за нѣмъ слѣдуютъ двѣ комнаты, посвященныя рисункамъ архитектурныхъ украшеній, фасадамъ, планамъ; за сими комнатами слѣдуетъ длинный рядъ залъ, въ коихъ размѣщены всѣ менѣе значительныя произведенія живописи и пруды Академическихъ воспитанниковъ на заданныя темы. Тутъ же встрѣчаете статуи, медали и различныя рѣзныя произведенія. Но мы обратимся послѣ къ ученическимъ попыткамъ, и поведемъ нашихъ читателей въ другую половину комнаты, въ коихъ преимущественно сосредоточены художественныя сокровища *Выставки* 1833 года. Тамъ обратимъ вниманіе ихъ только на важнѣйшія: ибо исчислилъ всѣ замѣчательныя новыя явленія искусствъ, составляющія блескъ, красоту и честь Академіи, почти невозможно: столь они многочисленны!

Въ нашъ вѣкъ живопись беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ прочими образовательными или пластическими искусствами и, возвышаясь надъ ними по своему объѣму и средствамъ, привлекаетъ къ себѣ большее число любителей. Нагая красота статуй дѣлается для насъ слишкомъ голою, когда взгля-

немъ на возвышенную жизнь, разливаемую по полотну гениями-художниками.— Мы любимъ ваяніе по преданію, живопись же естъ нашъ органъ, нашъ языкъ, коимъ выражаелся современная пласпика. Опъ того въ послѣдней болѣе попребности, нежели въ первой, и опъ того, еспеспвенно, ею преимуцеспвенно занимаются. И такъ, начнемъ съ живописи, какъ съ высочайшаго изъ искусствъ пласпическихъ. О ней много говорить попребно и много сказать можно: она составляетъ главнѣйшій предметъ *Выставки*.

Первое мѣсто въ нашемъ обзорѣ, безъ сомнѣнія, должны занять карпины оригинальныя историческія — въ тѣхническомъ смыслѣ сего слова; ибо въ нихъ палантъ развивается во всемъ блескѣ: это самый высокій родъ живописи — поэма красками, пребывающая полной зрѣлости паланпта, спрожайшаго изученія предмета, високаго умнѣня владѣть всѣми пособіями искусства и вѣрной, опчепистой опработки.

Самое высокое, самое многосложное и въ единствѣ своемъ самое разнообразное пвореніе нынѣшней *Выставки* естъ плафонъ въ круглой Академической залѣ, полько что оконченный профессоромъ *Шебуевымъ*. Это *Гомерово* илліада, это *Гайденова* орапорія, написанная красками, разыгранная кистью! Великій художникъ изобразилъ на немъ Олимпъ споль превосходно, споль очаровательно, что глядя на оный, завидуемъ щасливцамъ, его населяющимъ. Очаровательный колоритъ неба — неподражаемъ; свѣтъ, распространяющійся опъ колесницы *Аполлона*, естъ мастерское произведеніе кисти г. *Шебуева*, а его *Купидоны* не уступаютъ *Рифаелевымъ* Ангеламъ.

Портретъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, предспавленной во весь ростъ, сидящей въ праурной одеждѣ предъ бюстомъ Императора Александра, показываетъ, что г. *Басинъ* споль же превосходенъ въ портретной живописи, какъ и въ большихъ историческихъ карпинахъ; но, кромѣ искусной кисти, у него вездѣ найдете вы мысль, душу, выраженіе: покрывающая печальное лице монархини скорбь опсвѣчена какимъ-

по спокойствіемъ; можно ли сомнѣваться, что она мечпаетъ о скоромъ свиданіи?... Вечерній свѣтъ, озаряющій сію карпину, превосходно опражается на бюстѣ покойнаго Императора. Всѣ художественныя подробности сей карпины, особенно опдѣлка дымковаго вуаля Императрицы, превосходны.

Большая карпина г. *Басина*: *Сократъ*, защищающій *Алквиада* — достойно особаго вниманія: раненый *Алквиада* лежитъ распростертый на землѣ; *Сократъ* одною рукою прикрываясь щипомъ, другою заноситъ копье на варвара, нанесшаго рану сему бавловню Греціи. Вдали видна Попидея и толпа убѣгающихъ непріятелей. Дѣйствіе оживлено очаровательнымъ ландшафтомъ Греціи. — Кисть г. *Басина* опличается удивительно вѣрностію, опчепливостію опдѣлки, богатствомъ рисунка и роскошью колорита. Съ сими художественными достоинствами, онъ соединяетъ смѣлую мысль, роскошную фантазію. Лице *Сократа* дышетъ благороднымъ воинскимъ жаромъ; но въ немъ вы видите високаго наспавника человечества; положеніе его превосходно; раненый *Алквиада* одною рукою слабо держитъ мечъ, колъна его подогнулись, шлемъ спалъ съ чела и прекраснѣйшіе волосы роскошно рассыпались по плечамъ; лице его покрыто блѣдностію; но какая красота въ чертахъ, какая роскошь въ станѣ, превосходно поставленномъ (pose)! Варваръ, опражающій мечемъ грозящій ему ударъ друга людей, — прекрасенъ.

Но вопъ карпина, маниющая васъ свѣлымъ, яркимъ своимъ колоритомъ подъ очаровательное небо Италіи. Г. *Брюловъ* изобразилъ на ней Италіанку, въ знойный день полько что выкупавшуюся въ ручьѣ и оканчивающую туалеть свой, тогда, какъ двое окружающихъ еѣ дѣпей еще въ водѣ свѣплой; прохладной. Положеніе главнаго лица — обувающейся Италіанки, прекрасно, въ лицѣ ея, загорѣвшемъ опъ полуденнаго солнца, вы не найдете почти никакого выраженія — какъ по часто случается въ лицахъ простаго народа — но она вамъ нравилась своими роскошными, чѣрными очами,

Италіанскою красотою и привлекаетъ взоры пѣмъ веселымъ спокойствіемъ, съ коимъ она смотритъ на прелестное дѣля, которое войдя въ ручей, боится итти далѣе и, какъ бы спрашиваетъ у зрителей, продолжай ли ему путь свой, тогда какъ другое весело плещется въ прозрачныхъ водахъ ручья.—Вода, покрывающая пѣло, сдѣлана превосходно; окружающій густой лѣсъ, вдаль коего перелетъ ручей, увлекаетъ воображеніе зрителей въ таинственную даль свою.

Вторая картина сего же художника: *Аврѣаль*, угощающій прехъ Ангеловъ, не дѣлаетъ сильнаго впечатлѣнія, хотя имѣетъ всѣ Академическія достоинства; въ ней не найдете вы ни новой оригинальной композиціи, ни сильной увлекающей мысли.—Замѣчательны колоритъ Ангельскихъ лицъ: можно подумать, что они сопканы изъ эфира; ихъ головы совсѣмъ опдѣляются отъ полонна: споль онѣ легки и прозрачны!

Другой знаменитый нашъ художникъ, путешествующій теперь по Италіи, г. *Бруни*, также украсилъ Академію своею картиною. Онъ представилъ *Горація*, возвращающагося съ профеями одержанной имъ надъ *Куріаціями* побѣды. Юное Римское лице его дышетъ отвагою; на немъ вы прочтете пѣ укоризны, кои онъ дѣлаетъ несчастной сестрѣ своей, невѣстѣ одного изъ *Куріаціевъ*, безъ чувствъ распростертой въ опеческихъ объятіяхъ. Рисунокъ г. *Бруни* чрезвычайно правиленъ и опличается смѣлостію, какою-то Римскою смѣлостію, которая вдохновила художника къ оживленію сего древняго Римскаго происшествія. Картина ся показываетъ, что славный нашъ соотечественникъ прилежно изучалъ знаменитыя остатки древней скульптуры: лицо *Горація* напоминаетъ *Аполлона Бельведерскаго*; окружающіе лица, особенно старикъ и два воина, несущіе профей *Горація*, превосходны. Я не упоминаю о другихъ достоинствахъ сей картины г. *Бруни*, о колоритѣ, группировкѣ и прочая.—Все сіе превосходно имъ выдержано. Вообще, всѣ упомянутые аршисты, а также и г. *Кипренскій*—опдѣляютъ

свои картины съ чрезвычайною точностію, такъ, что въ нихъ не найдешь ни одного недосмапка въ отношеніи къ правиламъ живописи: никакая мелочь не пренебрежена; каждая нипка, каждый волосъ опдѣлены съ удивительною опчѣтливостію. Остаеяся только сказать о содержаніи картины и о достоинствѣ ея композиціи.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ОТВѢТЪ

на слова: вы меня забыли?

На балѣ шумномъ, въ рѣзвыхъ панцахъ,
Въ простомъ быту, въ семьѣ своей,
Встрѣчая ядра, сидя въ панцахъ,
Я былъ бы полонъ пѣхъ мыслей:
Довольно разъ одинъ васъ видѣть,
Чтобъ послѣ вѣчно не забыть,
Зачто же такъ меня обидѣть,
Зачто такъ строго укорить?

Павелъ Уваровъ.

Астрахань.

27 Марта 1855.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Въ дубравѣ гудѣтъ,
Лука и поляны
Одѣты въ туманы,
Мать сына зоветъ:
«Вернись безпалапный,
«Давай, погоди,
«Головку умою. . . .»
— Ой, нѣтъ, нѣтъ! дожди
Съ небесной росой
Еѣ мнѣ умоютъ, родимая - свѣшь!
Расчешутъ же терны густыя,
А высушатъ вѣтры степные;—
Печальный казакъ ей промолвилъ въ отвѣтъ.

В. Р.

LOGOGRIPHE.

Etre léger, pur et mobile,
 Tour à tour dangereux, utile,
 Je sers celui qui me détruit,
 Et j'offense qui me produit.
 Si vous me faites disparaître,
 Un rien peut me faire renaître.
 Six pieds, lecteur, forment mon nom.
 Sur quatre je deviens un instrument nuisible;
 Sur trois, une essence invisible.
 Sur deux, je figure un pronom;
 Et boitant sur un pied, il reste une voyelle,
 C'est à vous de dire laquelle.

Въ No 85, помѣщенный ономимъ значить: *Коса*.

M O D E S.

Après avoir promis à nos abonnées toutes les nouveautés brillantes qui nous ont été montrées; après avoir cherché à en donner une idée par quelques détails seulement indiqués, nous croyons leur être agréables en les priant d'aller jeter un coup-d'œil au magasin *de la Providence*, rue Richelieu.

Maintenant, ce n'est plus cette pièce immense mais unique dans laquelle se pressait la foule élégante, ce sont des magasins divisés en plusieurs parties; celle des nouveautés, celle des soieries; un salon pour les cachemires et les corbeilles de mariage; un autre réservé aux blondes et aux dentelles; un dernier enfin, où l'on trouve la nuit en plein jour, c'est-à-dire l'obscurité et des lumières pour juger les robes du soir.

Maintenant les femmes circulent avec plaisir dans ces salons meublés avec soin et bon goût; elles s'appuient volontiers sur de luisans comptoirs en bois d'acajou et en beaux bois indigènes; elles se retrouvent de tous côtés dans de hautes glaces qui leur permettent de s'assurer si l'étoffe choisie est bien celle qui sied à leur visage; enfin c'est un air de luxe sans ostentation qui plaît et dans lequel une femme habituée au bien-être se trouve à l'aise comme chez elle.

Cette partie de la rue Richelieu s'est peuplée de manière à offrir en l'espace d'une heure, à un étranger qui veut composer une corbeille de mariage, tout ce qui peut lui être nécessaire, depuis la façon des robes chez Mme *Dunavrant* jusqu'à *Fassin*, l'un de nos premiers joailliers; *Báton* et *Nattier*, et deux fleuristes qui se disputent la suprématie; *Laboulée*, parfumeur si recherché pour les jolis *riens* de corbeille, ses éventails, ses bourses, puis ses gants magnifiques.

M O Д Ы.

Объщавъ читателямъ нашимъ описаніе всѣхъ блестящихъ новоспей, кошорыя намъ показывали, стараясь дать о нихъ понятіе нѣкоторыми подробностями, мы надѣемся угодить имъ, попрося ихъ бросить взглядъ въ магазинъ *de la Providence*, въ улицѣ Ришельѣ.

Теперь это не одна только огромная зала, въ кошорой пѣснилась щеголеватая публика, это магазины, раздѣленные на нѣсколько часпей: для новоспей, для шелковыхъ матерій, зала для шалей и корзинокъ для приданого, другая для блондъ и кружевовъ, наконецъ послѣдняя, гдѣ ночь среди дня, то есть темноша и свѣчи, чпобъ выбирать платья для вечера.

Теперь дамы прохаживаются съ удовольствіемъ въ сихъ залахъ, меблированныхъ со пщаніемъ и хорошимъ вкусомъ; онѣ охотно опираются на блестящія прилавки изъ краснаго дерева и изъ красивыхъ пуземныхъ деревъ; онѣ видятъ себя со всѣхъ сторонъ въ высокихъ зеркалахъ, въ кошорыхъ могутъ удословѣриться, чпо въбранная ими матерія, точно идетъ къ ихъ лицу; наконецъ, это роскошный видъ безъ пщеславія, кошорый нравился и въ кошоромъ дама, привыкшая къ хорошей жизни, также свободна, какъ дома.

Эта часпа улицы Ришельѣ населена такимъ образомъ, чпо въ продолженіи часа можеть доспавить все нужное иностранцу, желающему собрать корзинку для приданого, отъ фасона платьевъ у г-жи *Dunavrant* до *Fassin*, одного изъ первыхъ нашихъ бриллианщиковъ; *Báton* и *Nattier* два цвѣточника, спорящіе о первенствѣ; *Laboulée* parfumeur, споль извѣстный по красивымъ бездѣлкамъ для корзинки, его опашаламъ, кошелькамъ, его богатымъ перчашкамъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 87.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 1 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Иль взоръ унылый не найдешь
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, усремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный дорнешь,
Веселья зришь равнодушной,
Безмолвно буду я зватьъ
И о быломъ воспоминашь?

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ДОКУЧНЫЙ.

Ужь думалъ, никогда я съ нимъ не развяжусь!...
Докучные, комедія Мольера.

Увидѣвъ сей эпиграфъ, вы подумаете, можетъ быть, что, какъ бѣдный *Эрастъ Мольеровъ*, я спану громко вопіялъ прошивъ этаго проклятаго племени, котораго никто не першишь, котораго всѣ боится какъ огня и убѣгаютъ какъ опустошительной язвы. Вы подумаете, можетъ быть, что, какъ новый *Ларошфуко*, или послѣдователь *Лабрюйера*, я намѣренъ, давъ полную свободу раздраженному перу моему, предать сихъ людей посмѣянію, или рѣзко выразишь все мое прошивъ ихъ негодованіе... Въсѣ нѣтъ! Я собираюсь говорить не о томъ обыкновенномъ *докучномъ*, не о томъ *докучномъ* впрочемъ разряда, которому позволено перзатъ васъ только въ условный срокъ, и котораго, по томъ, вамъ легко опъ себя прогнашь. Нѣтъ!

я разумью здѣсь такого *докучнаго*, который занимается между своими собратіями высшую степень; того *докучнаго*, который олушываетъ васъ въ свои сѣпи и преодолеваетъ ваше перпѣніе, хотя бы оно равнялось пому, съ какимъ иной плохой писака спарается удержаться на скользкомъ импературномъ паркетѣ....

Того, для котораго не заперты никакія двери;

Который находитъ средство проникнуть въ кабинетъ вельможи, недоступный никому другому;

Умѣетъ добиться опъ него пайны, которой томъ не хотѣлъ открывать;

Бумаги, которой томъ не хотѣлъ подписывать;

Вещи, которою томъ никому не намѣренъ быть жертвовать.

Я говорю о томъ, сударыня, которому вы уступаете свое сердце, совершенно прошивъ желанія....

О помъ, который заранѣ щипалъ васъ своею добычею, даже еще тогда, какъ одинъ видъ его прогонялъ васъ изъ компаньи и наводилъ вамъ дурному. —

Его можно сравнить съ стѣнобитною машиною; подобно ей, безжалостными ударами своими онъ разрушаетъ самую крѣпкую стѣну и прокладываетъ себѣ дорогу.

Мнѣ самому случалось видѣть, какъ подобные ему употребляли разные средства, чтобы овладѣть своею жертвою; какъ они ее преслѣдовали, не давали ей покоя, и, дѣйствуя по обдуманному плану, вели атаку противъ того, кого завоевать предпринимали, какъ будто противъ непріятельской крѣпости.

Большая радость и большое горе, равно для нихъ прибыльны. Въ первомъ случаѣ, конечно ни въ чемъ нельзя опказать чловѣку, который приспаетъ къ вамъ; во второмъ, чего не дашь, чтобы съ полною свободою предаться своей печали.

Честный и добрый проситель не можетъ иногда добиться неважнаго, скромнаго мѣста. Это происходитъ отъ того, что, по простотѣ и неопытности, онъ довольствуется при своемъ исканіи тѣмъ, что предъявляетъ правъ свои. Вздоръ! У докучнаго нѣтъ никакихъ правъ, онъ проситъ, проситъ, кланяется, кланяется, наконецъ получаетъ желаемое.

Въ докучномъ соединяются великія качества; онъ свѣтскій *Фабій*! Душа его выше стыда; слухъ его недоступенъ обидамъ. Это воинъ, который, зажмурясь, бѣжитъ на бапарею, съ тою только разницею, что сей послѣдній можетъ еще пасть дорогою, а нашъ герой идетъ и приходитъ прямо къ своей цѣли.

Двадцать разъ случалось мнѣ бросать нищему деньги, чтобы опивзаться отъ него; иначе онъ погнался бы за мною на край Свѣта. Поставьте этаго нищаго нѣсколькими ступенями выше, и вы будете имѣть типъ, образецъ моего *докучнаго*, *докучнаго* *par excellence*, *докучнаго* нашего времени, который понимаетъ образованность и умѣлъ до неѣ возвыситься.

МОЛЧАЛИВЫЙ НАРОДЕЦЪ.

Богатый Аенлининъ давалъ роскошный пиръ посламъ царя Персидскаго. Желая пріятнѣйшимъ образомъ занять своихъ гостей, пригласилъ онъ всѣхъ мудрецовъ города. Они старались дать чужестраннымъ вельможамъ самое высокое понятіе о своей учености и мудрости. Краснорѣчиво рассуждали они о свойствахъ апомъ, о сотвореніи міра, о пустотѣ, о щастіи. Во все это время, одинъ *Зенонъ* хранилъ молчаніе. Послы, дивясь тому, обратились къ нему съ вопросомъ: А о тебѣ, *Зенонъ*, что скажемъ мы нашему государю?—«Скажите ему,» холоднокровно отвѣчалъ *Зенонъ*: «что вы нашли въ Аеннахъ спарика, который молчать умѣетъ.»

Могутъ ли сказать это нынѣшніе посѣпители Парижа хотя объ одномъ Парижанинѣ?

ШЕСТИ ЖЕНЕЦЪ.

Одного мѣщанина привели въ Управу Благочинія, и за нимъ шесть женъ его. «Какъ могъ ты имѣть такое каменное сердце, и обмануть шесть несчастныхъ дѣвицъ?» спросилъ его полицмейстеръ. — Да вопъ видите, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ виновный: я хотѣлъ найти хотя одну добрую.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАШНЯ НЕСЛИНСКАЯ.

(1308).

Рыцарь *Буриданъ*, приговарываясь къ отъѣзду изъ своего замка, одѣвался. Онъ застегивалъ перевязь, когда опворилась дверь его комнаты. «А! это вы, почтенная мапушка,» сказалъ онъ: «да благословитъ васъ Богъ; я уѣзжаю, прощайте.»

— *Буриданъ* мой милый,—сказала мать со слезами: куда ты сегодня ѣдешь?—

«Ѣду къ поварищамъ, у которыхъ будетъ добрая пирушка.»

— Если уважаешь мои сѣдины, любезный сынъ, если хочешь успокоить меня, — не ѣди никуда сегодня, умоляю тебя: останься съ сестрою и матерью. Всю нынѣшнюю ночь мучилъ меня зловѣщій сонъ: мнѣ видѣлось, что тебѣ изменили, что ты весь окровавленъ!... Ахъ, любезный сынъ, не оставляй насъ сегодня, или горькая печаль раздеретъ мое сердце. —

«О, не останавливайте меня, нѣжная родительница, успокойтесь!» отвѣчалъ *Буриданъ*, цѣлуя руку ея. «Не вѣрьте обманчивымъ предвѣщаніямъ; Богъ сохранилъ меня. Положитесь во всемъ на Него; если же нападутъ на меня разбойники: меня защититъ вѣрный мечъ мой. Не опшимайте у меня удовольствія вашими предчувствіями, не стращайте зловѣщими снами. Простите, милая мапушка, простите.» — —

Онъ уѣхалъ, сопровождаемый пляжками вздохами матери и сестры.

Весь эпошь день *Буриданъ* провелъ въ различныхъ забавахъ; нѣсколько разъ припомнивая о своей матери, онъ говорилъ самъ себѣ: «добрая мать! сонъ твой не сбывается; ты сама убѣдишься въ невѣрности своего предчувствія, когда увидишь меня здоровымъ и веселымъ.»

Вечеру, онъ опять явился въ общество своихъ друзей. Всѣ они были юноши добрые, но многіе, по молодости своей, неопытны и вѣпрены. — «Знаешь ли, *Буриданъ*,» сказалъ одинъ изъ нихъ: «мечи наши скачуютъ въ бездѣйствіи; мы идемъ искать непріятелей: хотимъ напугать хотя одинъ замокъ. Будешь ли ты нашимъ?»

«Не смотря, что эта забава не совсѣмъ честна, а попому и не совсѣмъ мнѣ посердцу, я во всякую другую пору легче бы согласился на твое предложеніе, нежели теперь;» отвѣчалъ *Буриданъ*: «нѣтъ, любезный поварищъ: теперь уже поздно; я ѣду домой.»

— А! ты спѣшишь такъ рано домой для того только, чѣтобъ скорѣе возвратиться къ своей любезной—кричали молодые глупцы. Хорошо же! мы не спанемъ докучать тебѣ болѣе, и желаемъ тебѣ веселиться съ нею; но клянемся св. *Филиппомъ*, что на разсвѣтъ ты узнаешь о нашихъ подвигахъ.—

Они удалились съ шумомъ, а *Буриданъ* пошелъ тихо домой, ведя въ поводу коня своего.

Въ полночь, проходя мимо башни Неслинской, *Буриданъ* повторялъ слова: «Такъ, такъ, добрая мапушка, сонъ твой лживъ, онъ понапрасну напугалъ тебя, я возвращаюсь къ тебѣ веселъ и невредимъ.»— Едва онъ договорилъ сіе, какъ увидѣлъ подошедшую къ нему молодую дѣвушку, которая, нѣжно взявъ его за руку, сказала: Прекрасный рыцарь! я желаю тебѣ всякаго благополучія!

«Ахъ, милая!» воскликнулъ въ восторгѣ *Буриданъ*, пламенно поцѣловавъ ея: «какая пріятная встрѣча! Чѣто хотятъ приказать мнѣ эти плутовскія глазки?..»

— Добрый, милый рыцарь! вы слишкомъ скоро влюбляетесь; но если сердце ваше пронумось незнакомою, то вѣрно будете сострадательнѣе къ мученіямъ, которые причинены красотою вашею сердцу благородной моей госпожи.—

«О,» воскликнулъ *Буриданъ*: «я не такъ проспѣ, чѣтобъ повѣрилъ твоимъ сладкимъ рѣчамъ; а въ наказаніе за твою насмѣшку, я еще поцѣлую тебя, моя красавица.»

— Я, рыцарь, нимало не насмѣхаюсь: эпощая правда. Госпожа моя будетъ неумѣйна, если вы не придете развеселить ея.—

«О, нѣтъ! я поклялся моею любезной не дѣлать такихъ посѣщеній; нѣтъ, моя милая, нѣтъ!»

— Ручаюсь вамъ, чѣто вы сдержите свою клятву; госпожа моя благороднѣйшая и богатѣйшая дама; она молода, ловка, образована, и, если позволите сказать за тайну, вы насладитесь роскошною прелестью ея общества подъ пышными шелковыми занавѣсами, шипыми золопомъ.—

«Ты меня увлекаешь,» вскричалъ изумлен-
ный *Буриданъ*: «впрочёмъ, за пріятнымъ на-
чаломъ долженъ быть хорошій конецъ. По-
смотримъ; веди меня, плутовка.»

Они вошли въ Неслинскую башню—и ог-
ромная желѣзная дверь захлопнулась за ни-
ми съ ужаснымъ злобѣщимъ скрипомъ.

Напрасно мать и *Клотильда*, сестра *Бу-
риданова*, во всю ночь прождали его. Онъ
объ провели тягостныя часы въ поскѣ и
слезахъ; уже стало разсвѣтать, а *Бурида-
на* еще не было. — «Ахъ, я не могу болѣе
мучиться въ незвѣстности!»—воскликну-
ла расперзанная горестію мать: «пойдемъ,
дочь моя, пойдемъ; узнаемъ, что сдѣлалось
съ бѣднымъ своимъ брапомъ.»— Съ разсвѣ-
томъ дня онъ объ пошли искать его.

Въ то время, когда проходили онъ мимо
Неслинской башни, что-то брошенное съ
самого ея верха упало въ Сену—и болѣе на
поверхности рѣки не показывалось. Испу-
ганная *Клотильда* вскричала: «смотрите,
мамушка!..» Но спраждающая мать отвѣ-
чала: «оставь меня свободно плакать, пока
я не опущу моего сына.»—Печальны и без-
молвы, продолжали онъ путь свой, не зная,
что это былъ пруть несчастнаго *Бурида-
на*, который, раздѣливъ царское ложе съ
Иоанною Бургундскою, былъ сброшенъ съ вер-
шины Неслинской башни и погибъ въ вол-
нахъ Сены.

Пер. Я. Драгомановъ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

нынѣшней выставки (1833) Императорской
Академіи Художествъ.

(Продолженіе.)

Оригинальность и богатство изобрѣше-
нія, превосходная композиція, и что всего
болѣе, Русскій, близкій къ нашему сердцу
предметъ, заставляющій насъ дать почёт-
ное мѣсто большой картинѣ г. *Штей-
бена*.

Державный опрокъ *Петръ*, вмѣстѣ съ сво-
ею матерью, Царицею *Наталіею Кирилло-
вою*, укрываются въ Троицкомъ соборѣ Сер-
гіевской Лавры отъ бунтующихъ, разъярен-
ныхъ Спрѣльцовъ; но злодѣи врываются въ
святыище, оскверняютъ оное невинною
кровію, и одинъ изъ нихъ поднимаетъ ножъ
на юнаго *Петра*. Вотъ сюжетъ картины.—
Посмотримъ на ея исполненіе, на мѣсто
дѣйствія. Древній храмъ, со всеми его атри-
бутами, представленный съ достохваль-
ною вѣрностію, переноситъ воображеніе
зрителя въ сію ограду, столь священную
для Русскихъ своими воспоминаніями! Вда-
ли вы видите нѣсколько ступенъ, раскидан-
ныхъ по церковному помосту. Похвальная
умѣренность: многіе живописцы, увеличивая
безъ нужды побочныя группы, совершенно
ослабляютъ чрезъ то впечатлѣніе, произво-
димое главными лицами. Въ правой сторо-
нѣ храма, у наоя, на коемъ лежатъ св.
Евангеліе и надъ коимъ повѣшенъ образъ
Богоматери съ шеплящеюся предъ нимъ лам-
падою, стоитъ юный *Петръ*: въ ногахъ Его
поверженъ Спрѣлецъ, другой замахивается
ножемъ на Державнаго; но Царица, схвативъ
одною рукою своего сына, другою въ спра-
хѣ и ужасѣ, указываетъ злодѣю на свящую
икону. — Вотъ что представляетъ сія пи-
сина Русская картина: ибо въ ней все го-
воритъ о святой Руси! Взгляните на юнаго
Петра: въ прекрасныхъ опроческихъ чер-
пахъ его видѣнъ минувшій проблескъ по-
го Генія, который послѣ былъ Его руково-
дипелемъ. Онъ, съ ясною невинностію и
вмѣстѣ съ спрогимъ челомъ, смотритъ на
злодѣя, и какъ-бы порывается къ нему:
нѣжная рука матери; кажется, едва удер-
живается снрешительность души Его.—Ца-
рица въ Русскомъ національномъ костюмѣ,
съ заброшеннымъ назадъ покрываломъ, оча-
ровательна! Лицо ея прекрасно; на немъ на-
чертана материнская любовь и отчаяніе
потерять единственнаго сына... и какого
сына — *Петра великаго*! Трудное положеніе
(pose), въ коемъ она поставлена, не преуве-
личено (outrée); оно натурально. Фигура
Спрѣльца съ длиною черною бородою, съ
злыми сверкающими глазами—превосход-

на, взмахъ руки чрезвычайно натураленъ, и наклоненный назадъ спанъ его, вмѣстѣ съ смутнымъ взоромъ, показываютъ желаніе совершить преднамѣренное злодѣяніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то тайный ужасъ, объявившій его при взглядѣ на Державнаго.— Сгибъ тѣла (*racoursie*) другаго Спрѣльца, поверженнаго на ступеняхъ, при ногахъ *Петра* — показываютъ ловкость и правильность кисти г. *Штейбена*—и, вообще, всѣ требованія искусства вполне выполнены сею картиною. Взгляните на лице Царицы—вы прочтете на немъ все: ужасъ, страхъ, надежду, боязнь. Въ одномъ моментѣ выраженія—кисть г-на *Штейбена* высказала всю исторію несчастной *Наталии Кириловны Петровой* невозможно довольно налюбоваться: Его смѣлый, но вмѣстѣ дѣтскій взоръ, Его движеніе впередъ, волнующіеся волосы, прелестный колоритъ дѣтскаго лица, на коемъ видны проблескъ Генія: все это очаровательно! Г-нъ *Штейбенъ* сдѣлалъ одно (важное для Русскихъ) опсупленіе опъ исторической истины — онъ далъ *Петру* бѣлые волосы — правда, это много придаетъ Ему идеальной красоты, но мы не думаемъ, чпобъ черный цвѣтъ волосъ не былъ также къ сему способенъ.— Въ опроческихъ чертахъ вы узнаете портретъ *Петра*—Мужа, чпо указываетъ на спрогую обдуманность, съ коею г. *Штейбенъ* исполнилъ свою картину. Желательно бы было, чпобъ онъ продолжалъ писать въ такомъ же родѣ. Опечесство будетъ ему благодарно и, вѣроятно, найдутся истинные цѣнители и почипапелли изящнаго, которые постараются пріобрѣсти опюль драгоценный перлъ для своей сокровищницы.

Теперь обратимся къ картинамъ г. *Маркова*. Одна изъ нихъ, изображающая Ангела-мспшителя, несущаго небесные громы на гордыхъ своихъ собратіяхъ, достойна всего нашего вниманія по спранному своему колориту. Скажемъ прежде о ея композиціи. Юный и прелестный, какъ жизнь Эдема, лепитъ съ небесъ грозный Посланникъ; златые власы его поднялись опъ спремительности полета, крылья напряжены—но спро-

гій взоръ его отсвѣчивается грустію; онъ собользнуетъ о погибшихъ собратіяхъ; надъ нимъ милліоны Херувимовъ сливаются съ облаками; кругомъ его какал-по таинспвекая, непоспшжимая спихія покрываетъ всѣ прочія часты карпины. Летящему Ангелу дано кажется слишкомъ прямое положеніе (*pose*), несоотвѣтствующее распущеннымъ его крыльямъ—и это нѣсколько вредитъ эффекту; но одна прекрасная мысль искупаетъ все. Безчисленныя группы Херувимовъ, летяющія въ облакахъ надъ небеснымъ Посланникомъ; обращены не къ нему, но въ совершенно-противуположную спорону. Это самое придаетъ чрезвычайный эффектъ сей картинѣ: очи Херувимовъ, устремленные въ какую-то даль, указываютъ на присупствіе Всемогущаго. Намекъ истинно художническій! Ибо, какъ изобразить, какъ предспавить Творца вселенныя!... Зритель чувспвуетъ Его присупствіе, онъ смотритъ въ таинспвенную даль и ощущаетъ, чпо въ ней сокрытъ опъ взора смертныхъ Вездѣсущій!

Замѣчательенъ колоритъ сей картины: какал-по спнева, смѣшанная съ лучезарнымъ блескомъ, даетъ ей невыразимо-спранный видъ. Но не напоминаетъ ли зрителю сіе смѣшеніе цвѣтомъ о хаосъ, предспснновавшемъ міротворенію? Какъ мысль безпредѣльная, неопредѣленная, сей колоритъ превосходитъ.

Другая большая картина сего же художника: *Юдиовъ* съ главою *Олоферна*, не столь замѣчательна, какъ прежняя. Вообще кисть г. *Маркова* въ правильности рисунка, въ группировкѣ, въ постановкѣ (*pose*) дѣйствующихъ лицъ, должна уступитъ пальму вышеупомянутымъ художникамъ. *Юдиовъ* держитъ въ одной рукѣ кровавый мечъ, а въ другой главу *Олоферна*, которую она передаетъ спарухъ, и сія послѣдняя, спюя на колыняхъ, съ злобною радостію прпнимаешь оную. Лице *Юдиовы* совсемъ не выражаетъ спокойной религіозной самоувѣренности въ учиненіи добраго подвига, въ спасеніи родины, какъ еѣ изобразилъ *Рафаэль*. Г. *Марковъ* придаетъ ей много спрасти: она похожа (да-

же и по костюму) на Одалиску, обезглавившую ненавистнаго ей пирана.

Трудолюбивый художникъ, г. *Яковъ*, представилъ много картинъ на *Выставку*: изъ нихъ замѣчательнѣйшія: крещеніе Господне и *Спаситель*, отгоняющій отъ себя искушавшаго Его діавола. Опадавая должную справедливоспъ достоинствамъ сего художника, должно замѣтить, что спилъ его перьяется отъ особенной манерности, нетерпимой въ высокпхъ картинахъ такового рода.—Высокое выраженіе у него не существуетъ: оно покорено изяществу опдѣлки; расчесанные на обѣ стороны и приглаженные волосы *Іоанна Крестителя*, дѣлаютъ спранныю пропивуположностъ съ бѣдною его одеждою; но даже и сія послѣдняя оплпчается такою же манерностію; пушистый отворотъ звѣриной кожи, его покрывающій, кажется, надѣтъ для украшенія, а не для необходимаго прикрытія тѣла; самое даже положеніе его не натурально—напаянуто. Лице *Спасителя* ничего не говоритъ воображенію, хотя оно правильно, хорошо опдѣлано. Тѣ же погрѣшности и тѣ же достоинства видны и въ прочпхъ картинахъ сего художника: Его *Мисдалина*—также правильная фигура, безъ всякой жизни.

Къ тому же роду относится большая картина г. *Яковлева*, изображающая явленіе *Спасителя*, по воскресеніи Своемъ, Мирносицамъ въ вертоградѣ.—Въ ней вы найдете ту же правильностъ въ постановкѣ, опдѣлку малѣйшаго сгиба плапья, хорошіи колоритъ, умѣнье владѣть свѣтло-тѣнью; однако сія картина не произведетъ никакого впечатлѣнія на зрителей: въ ней нѣтъ жизни, нѣтъ мысли.—Не говорю о Божественномъ лицѣ *Іисуса*; одни только геніальные живописцы (и по неспгда) умѣли постигнуть тайну соединенія божества и человечества; на лицахъ же Мирносицъ не споль спрудно бы выразить небесную радость, вдохновенный восторгъ при вспрѣчѣ съ Божественнымъ Учипелемъ, Коего они искали во гробѣ. Въспто того, г. *Яковлевъ* обратилъ все свое вниманіе на опдѣлку подробностей, и у него недостаетъ главнаго.—Картина

сія и вышеупомянутыя картины г. *Яковса*, написаны для полученія званія академика.

Шестъ небольшихъ картинъ г. *Кипренскаго* дышатъ чувствомъ, очаровываютъ прелестію композиціи и исполненія, не смотря на незанимательностъ предметовъ. Истинный художникъ умѣетъ придасть заманчивоспъ всему, къ чему только допронется рука его. Вотъ предметы, ими представляемые:

1. Молодая Цыганка, сидящая за споломъ, на коемъ горитъ свѣча.
2. Полякъ, читающій извѣстіе о взятп Варшавы и спрое его спомеениковъ съ любовнствомъ его слушающіе.
3. Молодая дѣвушка, съ колосьями въ одной рукѣ и съ корзиною въ другой.
4. Молодая Италіанка, несущая корзину съ виноградомъ.
5. Италіанскій *Lasarone*, смотрящій на приближую къ стѣнѣ афишу.

Не смотря на ничтожностъ предметовъ, какою прелестію дышатъ сія лица! Особенно хороши Италіанка и Лазароне. Свѣтъ свѣчи, падающій на смуглое лице Цыганки, предспавденъ масперски; вниманіе Поляковъ, прислушивающихся къ чтенію своего товарища и смущеніе ихъ—выражены съ неподражаемою вѣрностію.—Говорятъ, что всѣ сіи лица порпепры. Превосходная опдѣлка г. *Кипренскаго*, рѣзкостъ и сила рисунка, превосходный колоритъ, сходный съ колоритомъ г. *Брюлова*, правильностъ, чистота, даютъ ему мѣспо между первѣйшими Русскими живописцами. Всѣ упомянутыя нами лица представлены по поясъ, въ видѣ порпреповъ.

Упоминаетъ ли о прочпхъ большихъ или испорическихъ картинахъ г. *Лангенки*? Вышедшая изъ купальни Одалиска, *Тухаринова*; Обрѣшеніе Живошворящаго Креста; проповѣдь *Спасителя*—киспи одного офицера—не имѣютъ въ себѣ ничего особеннаго. Имъ даже недостаетъ необходимыхъ условій живописи: правильнаго рисунка, хорошаго колорита, искусства расположенія свѣтло-тѣни, не говоря уже о выраженіи, о мысли.

Впрочемъ, памь и сямъ въ нихъ вспрѣпшите удачное лицо, щастливую фигуру, и это подаепъ надежду, что со временемъ художники, надъ ними прудившіеся, усовершенспвуются и произведутъ что либо, доспойное бѣльшого вниманія.

Укажемъ здѣсь еще на одну карпину, которая привлекла взоръ нашъ особымъ своимъ колоритомъ: это нагая *Ариадна*, работы какой-то дѣвицы (какъ говорятъ): ибо подъ карпиною не означено имени. Прозрачный прелеспный цвѣтъ пѣла, нѣсколько желповашый, придаепъ ей необыкновенную прелестъ; пѣнь такъ хорошо ложипся на оный, что вся фигура представляется какъ бы сотканною изъ какой-то свѣшмой паушины.

Это главное достоинство сей карпины; другаго она не имѣепъ.

Еще должно упомянуть о маленькой карпинкѣ г. *Фроста*; она показалаеь намъ весьма занимашельною. На ней изображенъ разбойникъ, гоповый похипипъ жизнь у прелеспной поселанки, умоляющей его о помилованіи. Лицо перваго—идеаль звѣрспва, опсущспвіе всякаго человѣческаго чувспва; вшорая же, одушевменная красота.—Видно, что г. *Фростъ* въ разбойникъ своемъ спарадся приблизипся къ спиллю знаменишаго *Сальватора - Розы*: поже варварспво, грубость, дикость—и опытъ его удаченъ. Небольшая карпинка сія свидѣпельспвуепъ о талантѣ художника, коему желаемъ полнѣйшаго развитія.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВА.

(Послщ. В. П. Обухову.)

О Боже! Боже! Одишь лишъ Ты,
Съ Своей небесной вышюшы,
Меня поверженнаго въ прахъ,
Червя ничшожнаго земли

Высоко можешъ вознеспи!

Я препещу, безмолвепъ, въ спрахъ,
И капли чпсптыхъ, чпсптыхъ слезъ
Тебѣ, Господь, я въ даръ принеспь.

*

Вокругъ меня, Творецъ Всеспльной!

Враги, какъ коршуны шумлптъ;
Но Ты спасешъ рукою сильной,
И я швержу: пускай кричатъ.
Цвѣшокъ и скошенный не свлпептъ
Безъ воли Бога моего,
И прпспыжелпный врагъ успанептъ
Злословиптъ брата своего.

*

Я вѣрю, что въ слезахъ опрада

Есть на землѣ и въ небесахъ;
Гори предъ Господомъ лампада,
Кипи слеза въ моихъ очахъ.
Въ душѣ я чую радость нову,
И вновь спокойспвіе узналъ;
Враги молчатъ; душѣ обнову
Господь спрадамыцу нпспслалъ.

А. Грещ.

Э Л Е Г І Я.

Ты говоришь, что я прелсѣдую тебѣ,

Что недовѣрчиво пшвой каждый шагъ цппаю:
Ахъ, милый другъ! тебѣ слѣдиптъ любовь моя,
Да ревность смущпная, не я:

Я... понимай меня: я спрашно самъ спрадаю!

Не знаешъ ты, какъ пшжело

Предатся подозрѣнью!

Ты вѣры не даешъ сомнѣнью!

Ты думаешъ: все въ мірѣ шакъ свѣшпо,

Какъ ты сама, съ невинною душою.

О, Ангель мой! Не по со мною!

Мнѣ кажешся, что поспоянства нѣтъ;

То мнплся мнѣ, что ты меня погубипшь;

Мнѣ чудипся, какъ будшо цѣлый Свѣтъ
Возспалъ на насъ за то, что ты меня шакъ лю-
бипшь;

Что всякой, смѣющій любить,
 Ужь хочешь быть любимъ побою;
 Миѣ даже кажется, что я любви не спую,
 Что ты миѣ не вѣрна... Но миѣ не пережишь
 Такой бѣды: я рвусь мечпой одною!...
 О милый другъ! проспи меня, молю!
 Ты видишь, самъ я сознаюся,
 Что слишкомъ горячо люблю;
 Но ты проспишь: я каюсь и молюся!..

Н. Станѣловъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ — испицу вознагражденье
 За незаконное опѣвѣчникомъ владѣнье
 Чужой деревнею, или домомъ, или селомъ.
 Второй — гусару ремесломъ
 Краса, очарованье;
 Побѣда, храбрость, ловкость въ пѣмъ!
 А цѣлое въ монастыряхъ бываетъ,
 И то же самое, что опышь, означаетъ.

Ш.

Въ No 86, помѣщенный логогрифъ значить: *Flamme*,
 (où l'on trouve: *lame, ame, me et e.*)

M O D E S.

Puisque nous avons rappelé la maison de Labou-
 lée, nous ferons trouver place ici à un mot nouveau
 sur son *amandine*, qui a obtenu un tel succès d'expé-
 rience que nous ne pouvons assez la recommander
 aux personnes qui ne l'auraient pas encore éprouvée;
 à l'approche des froids surtout l'*amandine* est un des
 plus précieux comestiques à employer habituellement;
 l'extract de pistaches qui en fait la base donne à la
 peau une souplesse et une élasticité que le froid ne lui
 enlève pas.

Les formes de chapeaux restent les mêmes, du
 moins pour cet automne; les différences sont si peu
 sensibles que nous pouvons à peine les faire com-

prendre en notre récit, en disant seulement et tou-
 jours que les passes s'agrandissent et qu'on prépare
 beaucoup de callottes en arrière, à l'anglaise. Les
 étoffes se renouvellent; on voit peu de gros de Naples
 ou de pou de soie. Avec l'automne sont revenus les
 satins de fantaisies, et surtout les velours des Indes;
 les satins sont moins bien que le velours.

Les premiers magasins de modes font en grand
 nombre les chapeaux de crêpe doublé, et cependant
 on ne les rencontre pas encore dans les promenades
 mal portés; ils restent aux femmes du monde élégant,
 qui les gardent comme une recherche de négligé, tant
 qu'ils n'appartiendront qu'à elles.

Pl. No 51. Mercredi, le 25 Octobre, on a distribué
 des gravures, représentant des sophas.

M O Д Ы.

Когда мы напомнили о домѣ *Laboulée*, то ска-
 жемъ еще слово о его *amandine*, которая имѣетъ
 такой успѣхъ по опыту, что мы не можемъ еѣ
 довольно рекомендовать особамъ, которыя еще
 еѣ не пробовали; особенно съ наступленіемъ хо-
 лода *amandine* одно изъ драгоценнѣйшихъ припи-
 раний для всегдашняго употребленія; извлеченіе
 изъ фишпашекъ, его основаніе, придаетъ кожѣ
 мягкость и пѣжность; которыхъ холодъ не из-
 пребрѣяетъ.

Формы шляпокъ все тѣ же, по крайней мѣрѣ
 для осени; перемѣны такъ мало чувствительны,
 что мы едва ли можемъ дать о нихъ понятіе въ
 нашихъ разсказахъ. Скажемъ только, что поля дѣ-
 лаютъ больше и что приготовляютъ много шу-
 лѣекъ, запрокинутыхъ назадъ, на Англійскій ма-
 неръ. Матеріи возобновляются; мало видно гро-
 денпей или *pou de soie*. Съ осенью возвратились
 неспрые апласы, а особенно Индѣйскіе барха-
 ты; апласы не такъ приличны, какъ бархаты.

Въ первыхъ модныхъ магазинахъ дѣлаютъ мно-
 го креповыхъ шляпокъ на подкладкѣ, однако же
 на прогулкахъ не видашь ихъ дурно надѣтыхъ;
 онѣ опасаются для дамъ моднаго Свѣта, которыя
 берегутъ ихъ для опличнаго неглиже, покуда
 онѣ однѣ будущіе носить ихъ.

Карп. No 31. При номерѣ 85-мъ роздана кар-
 пинка, на коей найдутъ чипашели фасонъ ново-
 модной софы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 88.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Ноября 4 дня 1833 года.

Молчать мнѣ—пикело; назвать чистосердечно
Писателя въ глаза врагѣмъ—безчеловѣчно.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ИНДѢЙСКІЙ ТРУЖЕНИКЪ.

Одинъ путешественникъ, проѣзжая чрезъ Аспраханъ въ 1830 году, посѣщалъ изъ любопытства тамошнихъ Индѣйцевъ.

«Я познакомился въ особенноти съ ихъ пруженикомъ, или, какъ они называютъ, *Факироль*» говоритъ онъ: «и посѣщаю его довольно часто. Уже двадцать лѣтъ, какъ онъ положилъ на себя обѣтъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, который и до сихъ поръ соблюдаетъ. Въ Аспрахани мало любопытныхъ; долго я спрашивалъ, пока мнѣ указали домъ Индѣйцевъ. Возшедъ на дворъ, я увидѣлъ предъ собою небольшой дощатый домишко, вокругъ котораго рыскало много собакъ, а еще болѣе каркало воронъ и галокъ. Въ семь домишкѣ, который былъ не больше кануры, какія спросты въ Пестербургѣ для дворныхъ вобакъ, сидѣлъ *Факиръ*. Подошедъ къ нему поближе, я увидѣлъ что-то неподвижное, прикрытое нагольнымъ пулупомъ. Я крикнулъ: «*Себукгиръ! Себукгиръ* (имя пруженика)!»—И голова мѣднаго цвѣта, съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ на лбу, выглянула изъ подъ

пулупа, закрежешала зубами—и опять спряталась. Къ счастью, это было обѣденное время—и вскорѣ Индѣецъ съ окрашеннымъ носомъ принесъ *Факиру* пищу. Еслибъ не обѣдъ, то я долженъ былъ бы уйши, не увидѣвъ на сей разъ *Себукгиръ*. Онъ, услышавъ знакомый голосъ, открылся, вынулъ изъ подъ себя деревянную миску, и пропаялъ двѣ сухія, смуглыя руки. Тогда можно было видѣть *Факирову* грудь, поросшую сѣдыми волосами и торчашія изъ подъ мѣдноцвѣтной кожи ребра, которыя можно было перещипать, какъ намѣтки на косякахъ, когда они выпадаютъ изъ руки игрока.

Все лицо его (если такъ можно назвать челюсти) не имѣетъ никакого выраженія; только въ глазахъ свѣпился оспапокъ жизни; иначе, легко бы почестъ *Себукгиръ* за хорошо сохраненную мумію. Его кормилецъ положилъ въ миску нѣсколько луковицъ, сахаръ и немного пилаву. Онъ ушелъ, не довольный нашимъ любопытствомъ. Когда мы спали его спрашивавъ, онъ съ досадою отвѣчалъ: «Чему ты дивишься? Обыкновенно *Факиръ* сдѣлалъ обѣщаніе Богу—и сидитъ себѣ.»

Пришедъ къ самоохотному мученику въ другой разъ, мы добились отъ него, что онъ знаетъ по Русски и, въ доброй часъ, отвѣчалъ намъ на наши вопросы. Хозяинъ дома изъ состраданія покрылъ его на зиму пулупомъ, котораго однако *Факиръ* не надѣлъ въ рукава. Въ прежніе же годы спужа въ Аспрахани не превышала 15-ти градусовъ—и пруженикъ переносилъ оную безъ пулупа.

ЦѢЛОМУДРІЕ ЛУДОВИКА XVI-го.

Придворные желали вселпшь въ *Людвика XVI-го* любовь къ женщинамъ, чшобы посредствомъ ихъ управлять имъ. Съ такимъ намѣреніемъ послали они прекраснѣйшую женщину Версаля въ большой алеѣ парка, гдѣ королю надлежало увидѣть её. Придворные начали ему хвалить красавицу.—«Да, она въ самомъ дѣлѣ хороша,» сказалъ король равнодушно: «а кто она?»—Жена одного лавочника.—«Такъ ей лучшебъ было сидѣть въ лавкѣ;» и съ сими словами оборотился къ ней спиною.

ЗОЛОТЫЯ ЧЕРНИЛА.

Въ Парижѣ изобрѣнены золотыя чернила. Въ журналѣ *le Corsaire* содѣлываютъ эпими чернилами писатъ акціи Мексиканскаго рудокопнаго общества, для упшшенія въ напрасно ожидаемой ими прибыли участниковъ онаго, которые, по крайней мѣрѣ, на своихъ акціяхъ видѣли бы золото.

ОРИГИНАЛЪ и КОПІЯ.

Одинъ сапирникъ ярко описалъ дурной нравъ жены своего друга—и прочиталъ ему свое сочиненіе. Оно ему до того понравилось, что онъ просилъ списать его: «На что тебѣ списокъ?» сказалъ поэтъ: «у тебя дома подлинникъ!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОХОРОНЫ ИНДѢЙЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Отрывокъ изъ письма въ Черниговъ).

Любезный другъ!

Въ числѣ новостей спѣшу упомянуть тебѣ о событіи, замѣчательномъ въ нашей столицѣ. Въ ночи со вторника (17 Октября) на среду происходили похороны Индѣйца *Муизурама* или (какъ по просту называли его) *Мажерама*, жившаго съ давняго времени въ Петербургѣ.

Покойникъ былъ человекъ замѣчательный въ городѣ: кому случалось впадать въ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ безденежья, сполло только обратиться къ *Мажераму*, и онъ получалъ немедленное облегченіе, если только соглашался соблюдать спрогیا дѣтеническія его правила. *Мажерамъ* велъ жизнь весьма странную. Не говоря объ обычаяхъ его родины, кои дѣлали его оригиналомъ въ сѣверной столицѣ, онъ отличался другими, собственно ему принадлежавшими качествами: спрого-правильнымъ образомъ жизни, употребленіемъ чрезвычайно малаго количества пищи, котораго едва ли достаочно для прокормленія дитяти, и благопорною въ наше время добродѣтелью, которую, говоря *de mortuis*, назовемъ бережливостью. Такое спроеое соблюденіе правилъ гигиены и искусство возстановлять здоровье свое самими простыми средствами, сохранили въ немъ бодрость тѣла и довели до глубокой старости: ибо увѣряютъ, что онъ имѣлъ отъ роду болѣе 80 лѣтъ. Первые годы жизни своей провелъ онъ, занимаясь торговлей; несчастныя обстоятельство лишили его состоянія, и привели въ далекую отъ родины страну. Онъ съ давняго времени поселился въ Петербургѣ, куда принесъ съ собою до 40 п. рублей, и сдѣлался росповщикомъ, не измѣнивъ сему званію до конца своей жизни. Онъ не умѣлъ ни читатъ, ни писатъ по Русски, но, какъ-бы въ замѣнъ сего, одаренъ былъ отъ природы чрезвычайно щастливою памятью; носилъ всѣ векседа въ шляпѣ, умѣлъ какъ-то отличатъ ихъ другъ отъ

друга, никогда не перьялъ, и едва ли когда дѣлался жертвою обмана. Онъ постоянно являлся въ началѣ мѣсяца во многія присущивенныя мѣста, для полученія вычета изъ жалованья задолжавшихъ ему чиновниковъ. Всякой день въ скудное жилище его являлось нѣсколько лицъ: или для запламы долга, или желавшихъ получить заемъ. Онъ отдавалъ деньги только подъ вѣрный залогъ, но къ чести его должно сказать—готовъ былъ долго ждать уплаты и не продавалъ заложенной вещи.— Невольно подумаешь, какъ чудна бываетъ судьба человѣческая! Родившись подъ палищимъ солнцемъ Индіи, чтобы умереть среди снѣговъ Сѣвера; сдѣлаться почти нищимъ, чтобы нажить огромное состояніе; всю жизнь прудиться, хлопотать— за чѣмъ и для кого?

Къ сожалѣнію, мнѣ не случилось быть при церемоніи, а рассказываю только по словамъ очевидца. Посему я не могу объяснить того, какое дѣйствіе на чувства производило это печальное торжество, и даже не могу описать тебѣ никакихъ подробностей, а долженъ ограничиться одною краткою реляціею.

О семъ погребеніи знали весьма немногіе: ибо у покойника, сверхъ должниковъ, не было никакихъ знакомыхъ. Кромѣ немногочисленныхъ зрителей, привлеченныхъ любопытствомъ, челоѣкъ десять единоземцевъ его, собрались отдать послѣдній долгъ покойнику. Созженіе тѣла происходило на холерномъ кладбищѣ на Волковомъ полѣ. Подъ одного покрывшагося водою болота сложенъ былъ костеръ дровъ; тѣло покойника лежало въ деревянномъ гробу, въ коемъ разбросаны были деньги, разноцѣпные камни и другія бездѣлки. Гробъ сей поставленъ былъ на костеръ, обложенъ со всѣхъ сторонъ дровами; сверху набросали соломы— и полили все масломъ.

Посторонніе зрители находились болѣею частію на ближайшей возвышенности и съ любопытствомъ смотрѣли на это рѣдкое въ нашей столицѣ зрѣлище.— Огонь обнялъ по немногу весь костеръ, и вдругъ возвысился высокій столпъ яркаго пламени, отражав-

шій блескъ свой на блѣдныхъ лицахъ зрителей и на печальныхъ могильныхъ памятникахъ. Тишина и мракъ почти придавали сей карпину какую-то таинственную торжественность. Послѣ нѣкотораго времени пламя начало болѣе и болѣе понижаться, и, наконецъ, среди облака дыма представилась взорамъ гряда пылающихъ углей, на коей лежало полуобгорѣвшее тѣло усопшаго Индѣйца. Сопитчи его сполли по прежнему вокругъ костра; но большая часть любопытствовавшихъ, паскутивъ холоднымъ ночнымъ временемъ, поспѣшили домой: это было уже почти въ 5 часовъ утра.

— Съ какою мыслию,—спросилъ мой знакомый одного Индѣйца: сожигаете вы вашихъ мертвецовъ, а не предаете ихъ землѣ?—«Вы возвращаете тѣло одной стихіи, отвѣчалъ онъ, а мы всѣмъ чепыремъ; теперь предаемъ его огню, потомъ оставимъ пепель при дни на мѣсцѣ, чтобы земля и воздухъ взяли должную себѣ часть, а остатки бросимъ потомъ въ море.» Послѣ сего начали они разсуждать, что приличнѣе для челоѣка: быть ли сожженнымъ, или погребену въ землѣ, и каждый защищалъ обычай своей родины. «Все равно,» сказала одинъ изъ зрителей: «въ обоихъ случаяхъ оспаешся тотъ же прахъ, который напрасно хопятъ оплечить отъ другихъ, воздвигая надъ нимъ великолѣпный памятникъ.»

И. Д.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

нынѣшней выставки (1833) Императорской Академіи Художествъ.

(Продолженіе).

Въ семъ краткомъ обзорѣ мы исчислили почти всѣ оригинальныя карпины, прямо или посредственно относящіяся къ сему роду живописи (*); но не упомянули о копіяхъ:

(*) Историческими карпинами называюся въ живописи не только тѣ, кои изображаютъ какое либо происшествіе, заимствованное изъ исторіи, но и всѣ тѣ даже, кои представляютъ одну, хопя бы и вымышлен-

ихъ немного, но они прекрасны. Теперь обратимся къ другимъ родамъ сего искусства.

Огромная картина г. *Воробьева*, изображающая облежаніе Шумли, по предмету и по исполненію своему, должна прежде всѣхъ прочихъ быть упомянутою. Это не историческая картина, но скорѣ ландшафтъ въ большомъ размѣрѣ.—На переднемъ ея планѣ представлены Русскіе бастионы и палатка Государя Императора; въ полѣ генераловъ, собравшихся на пригоркѣ, взоръ отличаетъ Монарха, наблюдающаго въ зрительную трубу дѣйствіе нашихъ баатарей; за нимъ видны покойный фельдмаршалъ графъ *Дибичъ-Забалканскій* и проч. генералы и офицеры Главнаго Шпаба; вдали горы, изъ за коихъ едва виднѣется крѣпость. Тамъ и сямъ разставлены наши баатарей, и глубь картины занята живописными видами окрестностей Шумли.—Отличная работа г. *Воробьева*, особенное умѣнье въ столь маломъ видѣ, въ коемъ по законамъ перспективы должны были быть изображены всѣ лица, поставленные на переднемъ планѣ; сохранитъ разительное сходство—достойны похвалы и уваженія.—Даль представлена превосходно—и ландшафтъ одушевленъ очаровательною лазурью вѣчно-яснаго южнаго неба.

Его же картина, изображающая внутренность Иерусалимскаго храма, замѣчательна по мастерскому своему исполненію. Перспектива храма, свѣтъ лампъ, висящихъ надъ святымъ Гробомъ, иконы и, наконецъ, священникъ, на колѣняхъ читающій молитвы,

ную фигуру, въ которой преимущественно вниманіе художника обращено на олицетвореніе какой нибудь страсти, какого нибудь чувства; словомъ, подъ именемъ исторической картины, разумѣется не только картина, изображающая результатъ дѣйствія—событіе, фактъ; но самый зародышъ оныхъ, созрѣвающій въ глубинѣ души человека—мысль, чувство. Дабы избѣжать мелочныхъ подраздѣленій, излишнихъ въ снать, подобной нашей, мы ошнесли къ сему роду всѣ картины, примѣчательныя по композиціи лицъ; всю, такъ сказать, живопись души, картины спорога спія, genre scéneux, и причислили къ другому отдѣлу живописи природы вѣнней и спія комическій; послѣдній весьма не значителенъ на нашей выставкѣ.

изображены превосходно: особенно хорошо сдѣлана пѣнь, падающая опъ сего послѣдняго. Стоящая вдали группа восточныхъ Христіанъ придаетъ необыкновенную жизнь сему храму: она легко высказываетъ его чудесную исторію.—Кромѣ сихъ двухъ картинъ, г. *Воробьевъ* выставилъ много небольшихъ ландшафтовъ, которые замѣчательны какъ по художественной своей опдѣлкѣ, такъ равно и по выбору представленныхъ на нихъ мѣстоположеній.

Изъ живописцевъ-натуралистовъ, т. е. изображающихъ природу во всей дикой натурѣ ея, нимало не украшая оную фантазіею, и даже не заботясь объ избраніи болѣе прекрасныхъ предметовъ, особенно отличались: Гг. *Мялкой*, *Плоховъ* и *Шульцъ*.

Большая картина г. *Мякова*: Киргизское семейство, въ своемъ родѣ превосходна.—Вы видите предъ собою домашній бытъ сихъ бѣдныхъ дѣтей природы, въ такомъ точномъ видѣ, какъ онъ долженъ существовать въ самомъ дѣлѣ (не говорю существуетъ, ибо не имѣлъ случая видѣть его въ натурѣ), и онъ представленъ вамъ съ удивительною отчетливостію и правдоподобіемъ. Кисть г. *Мякова* смѣла, ярка; его рисунокъ рѣзокъ; свѣтло-пѣнь у него не играетъ важной роли—но самое это еще болѣе придаетъ картинѣ какой-то грубой, дикой оригинальности. Молодая Киргизка кормитъ грудью лежащаго въ люлькѣ дитя; возлѣ него безпечно сидитъ Киргизъ, полуприкрытый кожей; кругомъ скудельная утварь домашняго ихъ быта. Лицо Киргиза ничего не выражаетъ, и сіе отсутствіе выраженія есть отличительная черта его; но сквозь безпечное лицо Киргизки мелькаетъ улыбка материнскаго самодовольствія. Вѣрная художественная мысль: природа вездѣ беретъ правъ свои, даже и надъ грубыми сердцами дикарей.

Г. *Плоховъ* преимущественно посвящилъ кисть свою домашнему быту простаго нашего народа, и картины, имъ выставленныя, показываютъ, что онъ не ошибся въ выборѣ предмета. Это будущій нашъ *Теньеръ*! Онъ умѣетъ подмѣтить оригинальную черту національности въ простомъ народѣ—и пред-

спавляетъ оную со всею прелестью испи- ны.— Его бочары, сапожники—чисто Рус- скіе: въ лицѣ каждаго изъ нихъ вы найдете народный характеръ, опѣненный индивидуальностію. Припомъ, какаѧ трудолюбивая отчепливостъ въ опѣлкѣ мельчайшихъ мелочей, если смѣемъ такъ выразиться: вопъ лыки, вопъ мочалки, вопъ молопокъ, ши- ло, колодка! Все на своемъ мѣспѣ, все отчеп- ливо: перспектива, постановка (pose) пре- красны.—Замѣчательна по опличной работѣ въ семь же родѣ небольшая картинка г. *Шульца*: спаруха. Впрочемъ, г. *Шульцъ* пре- имуществомъ занимаея живописью пор- третною, какъ по видно изъ многихъ вы- ставленныхъ имъ портретовъ.

Картина *Зеленцова*: мастерская художни- ка, и къ сему же роду относятся двѣ неболь- шія комическія картинки г. *Хлабыстаева*: спаруха, дерущая за волосы мальчика, кое- го она учить грамотѣ, и школьникъ, вы- пверживающій заданный ему урокъ.—Киспъ г. *Зеленцова* имѣетъ много достоинствъ, особенно въ перспективѣ и въ группировкѣ; по мы обратимъ особенно вниманіе нашихъ читателей на замѣчательныя картинки г. *Хлабыстаева*. Кромѣ прекрасной, отчепли- вой работы, вѣрнаго представленія и спро- гаго исполненія всѣхъ условій живописи, въ г. *Хлабыстаевѣ* видѣнъ хорошій комическій талантъ. Онъ ловко схватываетъ забавную сторону въ челоѣкѣ, и представляетъ еѣ вѣрно, живо. Въ его спарухѣ вы видите глупостъ, непонятливостъ, неумѣнье обхо- диться съ дѣтьми, и догадываетесь, что она наказываетъ мальчика не за его вину—не- радѣніе, но за собственное неумѣнье пере- дать ему то, что она хотѣла бы сообщить ему, и что впрочемъ сама она плохо знаетъ. Въ лицѣ другаго мальчика, стоящаго за пер- вымъ и изъ подъ книги, съ ироническою улыбною выглядывающаго на злую спару- ху—еще съ большею силою выказанъ коми- ческій талантъ художника и его умѣнье влаѣть кистью. Другая картинка: взрос- лый болванъ, во все горло пвердящій свой урокъ, ни мало его не понимая, споль оспро- умно составлена (composé) и споль хорошо исполнена, что, взглянувъ на неѣ, невоз-

можно удержаться опъ улыбки, производи- мой комическимъ положеніемъ челоѣка, бе- рущагося не за свое дѣло, не пошмающаго ни силъ своихъ, ни предмета, на кои онъ ихъ посвящаетъ. Испинный комизмъ! Во- дбавокъ еще надбно замѣнить, что на всеѣ *Выставкѣ* это почти единственная коми- ческая картина.—Желательно, чтобы г. *Хлабыстаевъ* продолжалъ свое усовершен- ствованіе въ семь родѣ: въ немъ много ори- гинальности и, если онъ будетъ прилагать спараніе о развитіи своего таланта, по мы предсказываемъ ему будущую извѣст- ностъ. Ландшафтными картинками пынѣш- няя *Выставка* очень богата, и между ними есть прекрасныя, замѣчательныя какъ по выбору пейзажей, такъ и по исполненію. Къ лучшимъ, по нашему мнѣнію, принадле- жатъ чепыре вида Карпатини, г. *Чернецова*; ландшафты: *Воробьева*, *Васильева*, *Щедри- на*, *Лебедева* и *Эльсона*. Двѣ картины сихъ послѣднихъ артистовъ, представляющія дя- кое лѣсное мѣсто и освѣщенный кое-гдѣ про- пикающими сквозь вѣтви деревъ лучами за- капа, прекрасны: они приближаются къ- сколько къ пейзажамъ *Рюисдалла*. За тѣмъ слѣдуетъ множество картинъ, представляю- щихъ виды Петербурга, лучшихъ зданій она- го и прочая.—Но и въ семь многочислен- номъ собраніи такъ же занимаютъ первое мѣ- сто, по вѣрности перспективы и изяществу опѣлки, упомянутыя выше художники— *Чернецовъ* и другіе. Много картинъ посвя- щено исключительно изображенію перспек- тивы: для сего обыкновенно избираютъ Эр- митажныя и дворцовыя комнаты.

Портретовъ выставлено весьма много, и всякаго рода: грудные, миньяпюрные, во весь ростъ и прочая. Изъ послѣднихъ лучшіе: покойной Императрицы *Елисаветы Алек- сеевны*, о коемъ мы говорили уже выше, г. *Басина*; портретъ г. *Рейта*, портретъ великаго князя *Михаила Павловича*, портретъ графа *Д. И. Хвостова*, писанный молодымъ художникомъ и портретъ супруги арти- ста *Якобса*, самимъ имъ писанный. О про- чихъ же портретахъ трудно судить: ибо главное достоинство сего рода живописи, безъ сомнѣнія состоитъ въ умѣнии вѣрно

схвапшшь и представившь отличительныя черты характера, т. е. въ сходствѣ портрета съ изображаемымъ на немъ лицомъ,— о чемъ не возможно судить, не зная особъ, портреты коихъ находились на *Выставкѣ*, но по изяществу отдѣлки особенно замѣчательна работа портретистовъ: *Рейса*, *Рейта*, *Шульца* и *Тренца*.

Въ прочихъ, мелочныхъ родахъ живописи, слѣдующіе художники привлекли всеобщее вниманіе: г. *Браунсонъ* картиною своею, изображающею накрытый столъ съ горящею на немъ лампою, покаяломъ вина и разрѣзанными плодами. Картина сія весьма замѣчательна по прекрасной работѣ, показывающей, что художникъ сей владеетъ не малымъ талантомъ въ изображеніи подобныхъ предметовъ. Въ семъ же родѣ примѣчательна картина г. *Станкевича*, изображавшаго разрѣзанную дыню.

Въ другихъ мелочныхъ родахъ живописи справедливостъ пребудетъ упомянуть о картинкѣ г. *Пилевова*: *Святополкъ* въ лѣсахъ Богемскихъ, довольно не дурно сдѣланной кистию. — Самъ *Святополкъ* не имѣетъ въ сей картинкѣ ничего занимательнаго, но не дуренъ окружающій его ландшафтъ и вѣдмы.

Г. *Клотъ* представилъ образецъ понкаго мастерства работавъ перомъ въ небольшой картинкѣ: *Святое Семейство*. Замѣчательна нѣжность отдѣлки и искусство въ сохраненіи выраженія лицъ; жаль, впрочемъ, на пакія мелочи пратили время: г. *Клотъ* могъ бы избрать другой, болѣе удобный для выраженія мыслей родъ живописи. Небольшія мозаическія бездѣлки, выставленныя г. *Веклеромъ*, понравились Публикѣ изяществомъ работы, а можетъ быть и рѣдкостью сего, совершенно почти оставляемаго рода живописи. Г. *Веклеръ* не имѣлъ соперниковъ; кромѣ его мозаикъ не было ни одной поспоронней на *Выставкѣ*. Мы упоминаемъ о сихъ произведеніяхъ не потому, чтобъ они сами по себѣ заслуживали уваженіе, но потому единственно, что они составляютъ особенныя отдѣленія живописнаго искусства, а намѣреніе наше было показать все, что

Выставка представила намъ въ каждомъ родѣ живописи.

Посмотримъ теперь на гравюры и литографіи, кои также составляютъ отдѣленіе живописи: что скажемъ о нихъ?—Сія искусства у насъ, къ сожалѣнію, весьма далеки отъ совершенства. Между многими гравюрами, находившимися на *Выставкѣ*, кромѣ *Уткина* и *Клары*, мы не нашли ни одной, которая бы выходила изъ круга посредственности. Жаль, что сіи искусства у насъ въ такомъ дурномъ состояніи, тогда, какъ слѣдовало бы ими заняться основательно: ибо онѣ даютъ весьма важную помощь, какъ прочимъ кореннымъ пластическимъ искусствамъ, т. е. живописи, скульптурѣ и архитектурѣ, такъ равно важны и въ кругу жизни общественной.

Мы назвали все, что Русскіе художники представили намъ по части живописи. Мы видѣли, что художественный геній Россіи, сколь плодовитый въ разнообразныхъ изображеніяхъ, твореніяхъ—столь же высокъ и изященъ въ исполненіи. Онъ вдунулъ душу въ свои созданія.

Трудно было бы рѣшить, кому изъ художниковъ принадлежитъ пальма побѣды, чей талантъ полнѣе, разнообразнѣе; чья кисть вѣрнѣе представляемому ей предмету, самобытнѣе, нѣжнѣе, очаровательнѣе. Представляемъ рѣшить сію задачу другимъ, болѣе опытнымъ въ технической части искусства; мое же намѣреніе было указать только на примѣчательнѣйшія творенія искусствъ, ознакомить Россію съ художниками, составляющими ея славу и надежду. Я здѣсь замѣчу только то, что лучшія картины, показывающія большую зрѣлость таланта, большую полную мысль и изящество отдѣлки, а также замѣчательныя по объѣмности своего содержанія, слѣдовательно и по большому времени, употребленному на работу оныхъ, преимущественно присланы изъ Италіи Русскими — оканчивающими тамъ свое образованіе — художниками. Изъ сего видно, что сіи художники, развивая и образовывая свой талантъ, не оставляютъ онаго впустъ, и не предаются раннему опи-

дыху послѣ немногихъ удачныхъ прудовъ, какъ по бываетъ иногда съ художниками, у насъ въ Россіи обитающимъ; но бодро стремясь къ самоусовершенствованію, не щадя ни прудовъ, ни времени. Въ ихъ картинахъ вездѣ естъ мысль, почти всегда прекрасно выраженная, и всегда соединенная съ изяществомъ формъ, съ опчеписною окончательною отдѣлкою. Иногда, конечно въ картинахъ иныхъ изъ нихъ необычный даже взглядъ замѣнитъ какую-то недоконченность (на пр: въ картинѣ г. *Маркова*), какъ бы душа, спремившись овецествить свое твореніе, въ порывѣ фантазіи забывала о художнической опработкѣ: но все это, говорю, покупается мыслию. Въ картинахъ же прочихъ художниковъ (*Яковса, Яковлева, Лапленки*), вы увидите, что механическая часть искусства выдержана съ похвальною вѣрностію; малѣйшій листочикъ отдѣланъ вполне, рачительно. Между тѣмъ, вы щедро будете спрашивать сіи изящныя фигуры о мысли, ими выражаемой: онѣ тѣмы, безжизненны. Естъ, конечно, исключенія и въ помѣ и въ другомъ случаѣ, но мы беремъ въ соображеніе бѣльшее число.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Съ зарею юношескихъ дней,
Лишь развились мечты младыя,
И сердце полное сильнѣй
Бѣясь, сулило дни златыя:
Я жадный взоръ оспановилъ
На васъ, прелестныя созданья!
И вамъ въ воспоргъ посвятилъ
Души невинныя мечпанья.
Не зналъ васъ, я созидалъ
Въ воображеніи лепучемъ
Красы чистѣйшей идеаль;
И мнилъ въ жару моемъ кипучемъ
Межъ вами призракъ мой найши,

Его блаженствомъ наслаждаешь,
Его—какъ Ангела любишь,
И имъ: душою возвышаешь!

*

Прошелъ шуманъ моихъ очей,
Прочталося быспро упоенье:
Изъ вашихъ взоровъ и рѣчей
Позналъ я сердца заблужденье.
Очнулся—слезы проливалъ,
И по мечтѣ моей любимой
Я долго, долго тосковалъ...
О свѣтъ такъ невозвратимомъ
Тоскуешь горестный слѣпецъ!
Потокъ времянь умчалъ спраданье,
И я увидѣлъ наконецъ:
Напрасно было ожиданье;
Какъ облаковъ невѣренъ бѣгъ,
Такъ жизни вашей пущь не почень,
И какъ послѣдній вешній снѣгъ,
Союзъ сердечный вашъ непрочень.

А. Быстроглазовъ.

С H A R A D E.

Si mon premier fut honoré dans Sparte,
On l'a flétri chez vingt peuples divers:
Mais mon second, hélas! que rien n'écarte,
De nos printemps fait de tristes hivers;
A le cacher Céphise toujours prête,
A regret chaque soir le voit croître d'un jour;
Dompté par lui le barbon, la coquette
Voudraient être mon tout: mais, pour eux, plus
d'amour.

Въ No 87, помѣщенная шарада значить: *Иск-учс.*

M O D E S.

Tout le monde a parlé de la simple et charmante toilette qui s'est montrée la semaine dernière à l'Opéra; nous-mêmes en avons été si frappés, que nous avons cherché à obtenir à ce sujet quelques renseignements, et nous les avons eu de chez Mme D'.... elle-

même. Premièrement, quoique simple, cette toilette eût été trop parée pour aller à l'Opéra dans cette saison; mais, après le spectacle, Mme D'.... se rendait au bal.

Sa robe en *saccarilla* blanc, mousseline nouvelle des magasins *Gagelin*, était brodée en fil d'Écosse, relevée, de distance en distance, par de petits points d'or, et de lignes délicates qui brillaient au milieu de cette broderie terne, et d'un blanc mat. Les ramages, très-légers, ne remplissaient que la hauteur de l'ourlet.

Le corsage, drapé croisé, était droit, sans pointe, et terminé par une ceinture cordelière d'or, à trois rangs, et retombant très-bas; sur la tête était un turban à la juive en *saccarilla* uni; une torsade lamée tournait autour, et sur le milieu du front se trouvait une plaque d'or bruni, enchâssant un magnifique camée. Au cou, un long collier formé d'anneaux allongés, en or uni, et attaché par un camée qui retombait sur la poitrine, à la place d'une épingle. Les boucles d'oreilles semblables.

Pour les robes de soirées, on fait des gazes rayées de satin qui se posent sur un dessous de mousseline ou de gros de Naples, de manière que le dessous, en soie moins brillante que la raie satinée, la fasse ressortir avec plus d'éclat.

Le cachemire de soie est une charmante étoffe, simple et moëlleuse comme le Thibet; elle fera de jolies robes du matin, et peut parfaitement, selon le goût qui l'emploie, remplacer les étoffes de toilette habillée.

Les robes de blonde noire, portées sur un dessous en satin de couleur s'annoncent pour cet automne, et probablement aussi pour l'hiver.—Nous en avons vu néanmoins de fort belles, à dessins tout-à-fait nouveaux, dans le magasin de M. Gleisal, rue Dauphine.—Le plain était semé de bouquets de petites fleurs délicates, assez espacées les unes des autres; les manches courtes et les manches longues, également semées de bouquets comme le corsage. Ce genre simple est d'un effet charmant sur le satin rose ou de toute autre couleur.

М О Д Ы.

Всѣ говорили о просномъ и прелестномъ нарядѣ, показавшемся на прошедшей недѣлѣ въ Опе-

рѣ; мы сами были имъ сполько поражены, что спарались получить на эпомъ щель нѣкоторыхъ свѣдѣнiя, и имѣли ихъ отъ самой г-жи D'.... Во первыхъ, хопя проспая, эта одежда была слишкомъ парядна для Оперы въ сіе время года; но послѣ спекпакля, г-жа D'.... ѣхала на балъ.

Платье еѣ изъ бѣлаго *saccarilla*, новая кисед изъ магазина *Gagelin*, вышпшо было Шоппландскими нипсками, украшенное въ нѣкоторомъ разспоянiи одно отъ другаго, маленькими золотыми почками, и легкими полосками, котторыя блестяли между эшаго тусклаго шпншя и маповой бѣлизны. Разводы весьма легкіе замѣщали только ширину рубца.

Лицѣ, крешпообразными складками, прямой, безъ мыска, опдѣлялся поясомъ *cordelière* изъ золота, въ при ряда, упадающимъ весьма низко. На голову шюрбанъ *à la juive* изъ гладкаго *saccarilla*; волнистая порсада обернута была вокругъ, а по срединѣ лба была бляха изъ темнаго золота, обхватывающая богатый анпикъ. На шеѣ, длинное ожерелье изъ продолговатыхъ колець, изъ гладкаго золота, и схваченное анпикомъ, котпорый лежалъ на груди вмѣсто булавки. Серги такія же.

Для вечернихъ платьевъ дѣлають газы съ апласными полосами; ихъ кладуть на кисед или на гроденаплъ, такъ что нижнее платье, не споль блестящее, какъ апласныя полоски, выказываетъ ихъ съ большимъ блескомъ.

Шелковый кашемиръ прелестная ткашь, мягкая, нѣжная какъ Тибетъ; изъ неѣ можно дѣлать красивыя упреннiя платья, и можеть совершенно, смотря по вкусу, съ какимъ еѣ употреблять, замѣнить парядныя матерiи.

Чѣрныя блондовыя платья на цвѣтномъ апласѣ появляюпся нынѣшней осенью, и вѣроятно будутъ въ употребленiи и зимою.—Мы видѣли по крайней мѣрѣ прекрасныя, съ новыми узорами, въ магазинѣ г. *Gleisal*. По всему разбросаны букеты изъ маленькихъ легкыхъ цвѣтовъ, въ довольномъ разспоянiи между собою; короткіе и длинныя рукава, также устьяны букетами, какъ и лицѣ. Платье въ эпомъ просномъ родѣ прелестно на розовомъ апласѣ или на всякомъ другомъ цвѣтѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 89 и 90.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №, сь 56-ю картинками модь,
въ С. П. б. 50, сь до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Ноября 8 дня, 1853 года.

Росъ ландышъ—не доросъ; зачахъ, упалъ и сгнилъ:
Его опъ сохмынма репейникъ заслонилъ!
Не то ли-жъ самое съ паланшамъ мы видимъ,
Когда... но замолчимъ! кого либудъ обидимъ.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О ЛАКОМСТВѢ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА.

Съ наступленіемъ зимы, когда люди, искусные въ наукѣ свѣпскаго быта, гоповляпся къ удовольствіямъ баловъ и обѣдовъ, чп-пательницы наши конечно не погнѣбаюпся, если мы скажемъ нѣсколько словъ объ одной ихъ милой слабости, весьма извинительной и неприличной только тогда, когда она доходитъ до излишества: мы хопимъ говорить объ охотѣ покушанъ, полакомипся.

Лакомипся свойственпо женщинамъ; напротивъ, оно приличествуетъ нѣжностп ихъ органовъ, и служиптъ имъ замѣною пѣхъ наслажденій, въ которыхъ по необходимости должны онѣ себѣ опказывать, и вознагражденіемъ за нѣкоторыея пягоспи, на которыя осуждены онѣ самой природою.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть красавицу-лакомку. (не скажу объо-ру): въ обѣденныхъ доспѣхахъ: салтешка ея

искусно разослана, одна рука ея покоишл на столѣ, другая манерно подноситъ ко рпу масперски разрѣзаные кусочки, или крылышко дичины, съ которыми надобно управляпся зубами; глаза ея сверкаютъ, уста алѣютъ и, какъ-бы покрываются лакомъ; разговоръ ея исполненъ живостп; всѣ движенія отличаютъя особенною пріпнностью. Она блещетъ пѣмъ милымъ кокетствомъ, безъ котораго не сдѣластъ шага ни одна дама. Такія наружныя достоинства невольпо пѣняптъ каждаго, и самъ суровый Катонъ едва ли былъ бы въ сосполніи имъ пропывипся.

Склонность прекраснаго пола къ лакомствамъ происпекаетъ нѣкоторымъ образомъ опъ инстинкта: ибо сочное, вкусное кушанье благоприятствуетъ красоти.

Спросите у модныхъ докторовъ! Опытномъ основательныхъ и вѣрныхъ наблюдений доказано, что здоровое и правильное употребленіе пици надолго опдалаетъ наружныя признаки спароспи. Оно придаетъ глазамъ болѣе блеска, кожѣ болѣе свѣжести,

мускуламъ болѣе крѣпости; а какъ въ физиологiи уже признано, что морщины, сiи смертельные враги красоты, происходятъ отъ разширенiя мускуловъ: то весьма естественнo, что, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствевахъ, люди, которые ѣдятъ кушанья хорошо соспѣянные, сравнительно, гораздо моложе тѣхъ, которые ѣдятъ, чтобы жить, питаются чѣрнымъ хлѣбомъ, щами, гречневою кашею, варѣнымъ каршофелемъ.

Живописцы и ваятели хорошо проникнуты сею истиною, и посему они никогда не изображаютъ тѣхъ, которые по склонности, или по долгу, соблюдаютъ строгую воздержность, какъ напр: опшельниковъ или скупыхъ, не надѣливъ ихъ въ своихъ изображенiяхъ блѣдностью болѣзни, сухостью нищеты и морщинами дряхлости.

Обжорство, когда бываетъ раздѣляемо, имѣетъ самое ошущительное влiянiе на благополучiе брачнаго, по спраски заключеннаго союза; по словамъ поэта:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить.

Русская пословица: *отъ души кусочекъ*, доказываетъ, что наши прадѣды были знакомы съ наслажденiями стола. Два супруга имѣютъ прiятный случай сходимся вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ однажды въ день. Обѣдая за однимъ столомъ, они всегда могутъ имѣть неисчерпаемый предметъ для разговора; они бесѣдуютъ не только о томъ, что ѣдятъ сами, но о томъ, что замѣчено ими у другихъ, о модныхъ кушаньяхъ, о новыхъ изобрѣшенiяхъ по этой части, и пр. и пр., а всѣмъ извѣстно, что такiя семейственные сплетни доставляютъ очень много удовольствiя.

Музыка также имѣетъ большую прелесть для тѣхъ, кто её любитъ; но къ ней надобно приспособить себя; это трудъ. Припомъ иногда худо себя чувствуешь, инструментъ разспроенъ, ноты заперяны, и всѣ сiи неудобства препятствуютъ предаться сему удовольствию. Напротивъ, призванные взаимною потребностью къ столу супруги, естественнымъ образомъ оказываютъ другъ дру-

гу тѣ небольшiя знаки вниманiя, которые свидѣтельствуютъ о желанiи быть взаимно прiятными; такимъ образомъ, отъ того, какъ проходитъ обѣденное время, много зависитъ счастье жизни.

ФРАНЦУЗЫ САМАЯ СТЕПЕННАЯ ВЪ МИРѢ НАЦIЯ.

Нѣкоторыя изрѣченiя, кажушiяся съ перваго взгляда *парадоксами*, спановятся почти *афоризмами*, когда мы прилежнѣ ихъ обдумаемъ. Таково извѣстное изрѣченiе *Стерна*, что Французы — *самая степенная въ мирѣ нацiя*. Хотѣли ли увѣриться въ истиннѣ сихъ словъ, принявшихъ за шутку? Посмотрѣте, какъ систематически Французы поспѣваютъ въ своихъ наслажденiяхъ... Я не говорю уже о наслажденiяхъ *вещественныхъ* или *гастрономическихъ*: учрежденiе Французскаго стола, порядокъ блюдъ и питье винъ и пр. и пр., супъ плоды глубокихъ соображенiй, и приняты болѣею частiю образованныхъ народовъ за ненарушимый законъ *Колуса*. Я хочу сказать о наслажденiяхъ *умственныхъ* или *нравственныхъ* — выбирайте любое изъ сихъ прилагаемыхъ. Французы любятъ наслаждаться произведенiями искусствъ чинно, вполне и ни сколько не мѣняя своихъ ошущенiй. Если въ театръ они созваны плакать или претепать: то никакъ не хотѣтъ, чтобы другое какое либо чувство развлекало ихъ жалость или ужасъ. Случается, правда, что забавная ошибка актѣра или незнанiе роли взманивъ на смѣхъ Парижскую Публику; но это смѣхъ бываетъ *hors d'oeuvre* и ошнюдь не въ связи съ представлениемъ: нахожущися и снова примущися слушать съ прежнею важностью, какъ ни въ чемъ не бывало. Но у Французовъ есть свое время и мѣсто посмѣянья тому, надъ чѣмъ они плакали: *бульварные театры и пародii*. Нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ въ самомъ дѣлѣ очень забавны. Такова на пр. пародiя на трагедiю *Казимира Делавиня*: *Les vèpres siciliennes*. Въ сей пародii мѣстами весьма

щастливо переименованы звучные стихи *Казимира Делавиня*. Другихъ пародій все достоинство состоитъ въ игрѣ словъ, въ каламбурахъ заглавія подлинной пьесы. Такимъ образомъ, когда появилась долго-ожданная опера Олимпія, *Olimpie*: то на другой же день представлена была пародія оной: *Oh l'impie! ou enfin la voila*. Не одни драматическія сочиненія накликаютъ на себя пародіи: романы и другія замѣчательныя произведенія Французской словесности подвергаются той же участи.

У насъ въ Россіи славятся двѣ пародіи: на *Виргиліеву Энеиду* и на *Карлзину* исторію государства Россійскаго.

НА КОТОРОЙ СТОРОНѢ?

(Русскій каламбуръ.)

Лекарь, осматривая упавшаго съ дрожекъ господчика, и не находя наружныхъ признаковъ поврежденія, спросилъ его, на какой сторонѣ получилъ онъ ушибъ?— «На Петербургской, противъ Троицкаго собора!» просподушно отвѣчалъ франшикъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПИТАНИКЪ СТАРОЙ ГВАРДІИ.

Года за два тому назадъ, я и еще нѣсколько особъ сидѣли полукружіемъ у каминна въ гостиной одного знаменитаго Французскаго генерала. Разговоръ нашъ прерванъ былъ извѣстіемъ о пріѣздѣ *Monsieur Jasquot* и, вслѣдъ за тѣмъ, вошелъ въ комнату пріятной наружности молодой флотскій офицеръ. Ласковый пріемъ генерала и странное имя офицера обратили на него общее наше вниманіе. *Jasquot* былъ красивый молодой человекъ, лѣтъ 22-хъ; его смуглое, загорѣлое лицо, черныя бакенбарды, большіе шакого же цвѣта глаза выказывали въ немъ храбраго воина. Въ нарядѣ его было нѣчто странное, для насъ непонятное, именно шляпа съ

старой замаранной и прострѣленной кокардою. Генераль, замѣтившій удивленіе наше, сообщилъ это женѣ своей, и лицо госпожи *Жако* вспыхнуло, но не отъ стыда, не отъ замѣшательства, а отъ одной скромности. «Ты славный малый, *Луи*!» сказалъ генераль. *Жако* поклонился и почтительно поцѣловалъ руку генеральши.

Это небольшое вступленіе завлекло наше любопытство, но никто не осмѣливался спросить дальнѣйшаго объясненія, пока наконецъ одинъ старый, заслуженный офицеръ, сидѣвшій въ опдаленіи, спросилъ генерала: «Такъ это-то вашъ *Жако* и доспославная кокарда?» И не дожидая отвѣта, онъ взялъ шляпу изъ рукъ офицера, разсматривалъ нѣсколько минутъ кокарду, потомъ поцѣловалъ её—и крупная слеза скапнулась съ лица старика. Само собою разумѣется, что новость сія еще болѣе возбудила любопытство наше; мы всѣ встали, начали разсматривать таинственную кокарду, и нѣкоторые обратились къ генералу съ просьбою объяснить намъ сію загадку. «Это очень простилая повѣсть!»—отвѣчалъ онъ.— Нѣтъ, превосходная!— прервалъ старый офицеръ: я увѣренъ, что никто безъ слезъ не спянетъ её слушать, ежели генеральша возьмется пересказать намъ её.— Она согласилась, и мы узнали слѣдующее:

— *Наполеонъ* назначилъ смотръ войскамъ своимъ, дабы показать ихъ одному изъ союзныхъ ему Государей. Пробѣгая весело по рядамъ своей старой гвардіи, онъ вдругъ оспановился передъ однимъ гренадеромъ, у котораго разрублено было все лицо, начиная отъ лба до подбородка. Разсматривая его съ минуту съ видомъ самодовольной гордости, онъ указалъ на солдата рукою, обратившись къ Монарху съ слѣдующимъ вопросомъ: «что вы скажете о солдатахъ, которые выдерживаютъ такіа раны?»— Что вы скажете о солдатахъ, которые наносятъ такіа раны?— спросилъ тоже *Aлександръ*.

— Они ужъ не живутъ;— сказалъ печально старый гренадеръ, и такимъ образомъ принялъ участіе въ разговорѣ двухъ монарховъ.

Союзникъ, приведшій въ замѣшательство *Наполеона* своимъ вопросомъ, обратился къ нему, говоря: *Sire!* вы всегда оспаеетесь побѣдипелемъ.—

«По милости моей гвардіи;» отвѣчалъ *Наполеонъ*, благодаря знакомъ гренадера.

Дней нѣсколько спустя послѣ осмотра, прохаживался *Наполеонъ* по тому мѣсту, гдѣ расположена была его гвардія и мечталъ можетъ быть о завоеваніи Испаніи, или о старомъ гренадерѣ, который выручилъ его недавно изъ бѣды, какъ вдругъ онъ дѣйствительно видиптъ предъ собою сидящаго на камнѣ солдата съ двухлѣпнымъ ребенкомъ на рукахъ. *Наполеонъ* остановился, но солдатъ, не прогаясь съ мѣста, сказалъ: Прощу простить меня, в. в.! Если я вслану: то *Жако* такъ закричиптъ, что вамъ конечно не понравится.—

«Сиди!» отвѣчалъ *Наполеонъ*. «Тебя зовутъ *Jacob?*»

— Точно такъ, ваше в—во. Опъ того и мальчикъ называется *Jacquot.*—

«Онъ сынъ пшой?»

— Нѣтъ-съ, в. в—во! Мать его была честная маркишанша, которую одинъ мерзавецъ-уланъ хватилъ саблей по запялку въ то самое время, когда она подносила стаканъ вина мужу своему, у котораго ядро опорвало ногу. Мать пушъ же умерла и дитя оспалось сиротою.—

«А ты его къ себѣ прицалъ?» спросилъ Императоръ.

— Я, и другіе. Мы нашли его въ мѣшкѣ за спиною мерзавца-матери, гдѣ онъ шевелился какъ кавалеристъ пшкомъ, и къ тому-же былъ съ пустымъ желудкомъ, какъ сокровища короля Испанскаго. Отецъ дышалъ еще, и кой-какъ пересказалъ намъ, какимъ образомъ мать находилась на службѣ в—го в—ва. Я первый подаль голосъ взяпъ мальчика, и теперь лежитъ на мнѣ забота о его производствѣ.

Въ продолженіе минуны разсматривая гренадера, который преподавалъ маленькому *Жако* на своихъ колѣнахъ манежную вѣду,

Наполеонъ сказалъ: «Я тебѣ еще долженъ, *Жакобъ.*»

— Мнѣ, государь? За этопъ шрамъ вы наградили меня крестомъ, а теперь я опять вашъ должникъ.—

«За отвѣтъ пшой пному Государю, съ которымъ, помнишь, мы осматривали мою спарую гвардію;» продолжалъ *Наполеонъ*.

— Развѣ я дурное что сказалъ, и Императоръ жалуется на меня?—

«Нимало;» отвѣчалъ *Наполеонъ*. «Я только хочу наградить тебѣ. Чего ты желаешь?»

— Я право ни въ чемъ не нуждаюсь,—говорилъ старый гренадеръ: но ежели в—му в—ву угодно сдѣлать мнѣ благодѣяніе, то подарите что нибудь малюпкѣ: это соспаиптъ его щастіе.—

«Охотню!» сказалъ Императоръ. *Жакобъ* вспалъ и подошелъ къ *Наполеону*, который между пѣмъ шарилъ въ своихъ карманахъ, и не находя въ оныхъ ничего, кромѣ денегъ, пряталъ ихъ немедленно: ибо деньгами онъ никогда не хотѣлъ покупать сердца своихъ солдатъ. Онъ снова принялся искать въ карманахъ, но въ руки его попадались однѣ бумаги. Наконецъ, изъ жилета досталъ онъ пабакерку и подаль еѣ гренадеру. Спарикъ взглянулъ на неѣ и, улыбаясь, сказалъ *Наполеону*: «Что же мальчикъ спанептъ дѣлать съ пабакеркой, когда онъ еще нюхаетъ пабакъ не выучился?» *Наполеонъ* хотѣлъ было отвѣчать, но въ это время малюпка схватилъ его за шляпу и началъ забавляться кокардою.

— Видите ли, *Sire!*— говорилъ гренадеръ: ребенокъ догадливѣ насъ обоихъ; онъ дѣлаептъ такъже, какъ в. в—во: беретъ, что ему нравится.—

«Пожалуй,» отвѣчалъ Императоръ: «спустъ она у него оспаепся,» и собственною рукою снялъ еѣ съ шляпы и опдалъ ребенку, которому старый *Жакобъ* сказалъ: «Ну, покажи же его в—ву, что и ты умѣешь говорить.» Мальчикъ улыбнулся, захопалъ ручками и прокричалъ: «*Vive l'Empereur!*»

Съ этого дня, много походовъ пришлось сдѣлать *Жакобу*; онъ пришелъ въ Парижъ,

опшуда въ Мадридъ, возвратился въ Вѣну, доходилъ до Москвы и провожалъ *Наполеона* на Эльбу. Маленькій *Жако* участвовалъ во всѣхъ походахъ: онъ обыкновенно бѣжалъ впереди съ гвардейскими гренадерами, или находился при обозѣ, или сидѣлъ на ранцѣ у котораго нибудь изъ старыхъ солдатъ. Ему дали сабельку, фуражку и флейпочку, а *Жакобъ*, любившій государя своего, какъ любилъ мать или опечество, внушалъ сію же любовь маленькому *Жако*. Старикъ долго ломалъ голову, какимъ образомъ спанеть малюшка носить подарокъ *Наполеона*; наконецъ ему пришла мысль зашить кокарду, и онъ повѣсилъ её на грудь *Жако*, говоря ему: «Слушай, *Жако!* упрости и вечеромъ ты долженъ молиться передъ этой кокардой, иначе будешь безъ обѣда.» Сказано, сдѣлано: въ продолженіе осьми лѣтъ, каждое утро и вечеръ на колынахъ молился *Жако* за своего опца *Жакоба* и за *Наполеона*.

Достаточно было для Франціи сихъ осьми лѣтъ, чтобы дойти до степеней славы и могущества, а послѣ погрузившись въ глубокое уничтоженіе. *Наполеона* сослали на островъ св. Елены, армию распустили.

Бѣдный *Жакобъ*, по примѣру поварищей своихъ, опсправился съ маленькимъ *Жако* на родину. *Луи*, будучи уже 9-ти лѣтнимъ мальчикомъ, начиналъ понимать нещасіе— и не разъ рассказывалъ мнѣ, какъ больно ему было видѣть своего храбраго опца, который незадолго предъ тѣмъ дѣлалъ форсированные марши съ ружьемъ и ранцомъ, и не уставалъ, а теперь падалъ опъ изнеможенія замертво, имѣя въ рукѣ одинъ только посохъ, а за плечами котомку. Съ каждымъ днемъ ослабѣвалъ онъ. Часто ночевали они въ конюшняхъ. *Жако* собиралъ солону, чтобы прикрыть ею спараго гренадера, и дѣлилъ съ нимъ свой хлѣбъ, который получалъ изъ состраданія. Наконецъ *Жакобъ* до того изнемогъ, что лежа въ одной разрушенной хижинѣ, опъ болѣзни и горести кричалъ: «*Жако*, глотокъ вина, или умру.» Бѣдный ребенокъ заплакалъ, побѣжалъ на улицу и шщетно просилъ подаянія; наконецъ въ опчаяніи онъ упалъ на

колыни, снялъ съ груди кокарду, и рыдая, началъ молиться:

«Пошли мнѣ, Боже, вина для бѣднаго опца *Жакоба*.» Въ это время подошелъ къ нему какой-то господинъ, спрашивая, что ему нужно; мальчикъ рассказалъ свое горе и, наконецъ, заключилъ свою повѣсть слѣдующими словами: «Опецъ *Жакобъ* запретилъ мнѣ распаваться съ моею кокардою; опъ говорилъ, что она меня охраняетъ, что она все мое имущество, и я скорѣе позволилъ бы опрѣзать себѣ руку, нежели рѣшился бы опдать её; по теперь пожалуйте мнѣ только одинъ су и возьмите её себѣ, а я куплю бѣдному опцу *Жакобу* вина.» «Незнакомецъ былъ пронупъ. «Топъ, кого ты призывалъ;»—говорилъ опъ: «оставилъ еще во Франціи нѣсколько старыхъ солдатъ, которые раздѣляли послѣднее съ своими поварищами. Приведи ко мнѣ опца.» И этогъ господинъ...—

«Этогъ благодѣтель»—прервалъ рассказъ генеральши флорскій офицеръ—«взялъ меня—меня, нищаго, къ себѣ на руки, приказалъ *Жакоба* перенести къ себѣ въ домъ, возвратилъ ему жизнь, обезпечилъ его содержаніе, воспиталъ меня бѣднаго сироту, какъ роднаго сына и теперь еще осыпаетъ своими благодѣяніями.» Навернувшійся слезы на глазахъ молодаго человека, какъ двѣ жемчужины, поканились по его прекрасному лицу.—«Но ты не оканчиваешь повѣсти, *Луи!*» сказалъ генераль: «ты вѣрно забылъ условіе наше возвративъ тебѣ кокарду, когда заслужишь эполеты, и видишь ли, господа, кокарда на его шляпѣ: *Луи* находился при взятіи Алжира и каштанъ прислалъ его ко мнѣ офицеромъ.»

Съ Нѣмецкаго *А. С.*

ПОХИЩЕНІЕ.

«Я швол, швоя на вѣки, милый другъ!»—сказала мнѣ прелестная *Ольга*.—Слова сіи, какъ-бы сверхъ-естественною силою, разсѣяли грусть души моей и подозрѣнія, внушенныя мучительною ревностію. Кто лю-

билъ когда нибудь истинно, пламенно; къмъ обладало нѣкогда это возвышенное, святое чувство,—топъ вѣроятно опытомъ извѣдалъ, что оно нераздѣльно съ какою-то болзнію, съ какимъ-то мученіемъ сердца, въ копорыхъ пельзя дать себѣ опчета. Но одинъ нѣжный взглядъ, одна милая улыбка, одно убѣдительное слово обожаемой особы возвращаютъ прежнее спокойствіе, укрощаютъ превогу сердца, разсѣваютъ непріятныя мечпы, и снова поселяютъ миръ въ душѣ, волнуемой мятежными чувствами.

Не смотря на слова моей *Ольги*, которыя составили бы блаженство каждаго, какой-то неизъяснимый страхъ все еще терзалъ меня: мой безпокойный взоръ выражалъ его.—«Ужели ты все еще сомнѣваешься во мнѣ?» сказала милая *Ольга* голосомъ оскорбленной невинности: «жертвуя всѣмъ для тебя—и благословеніемъ отца, и молвою свѣта, я еще не довольно доказала тебѣ любовь мою?....»

—Прости меня, нѣжный другъ—опшѣчалъ я, напечатлѣвъ пламенный поцѣлуй любви на невинныхъ устахъ дѣвы, и бивъ душевно пронупъ ея словами.—Мы разспались, и я занялся нужными приговореніями къ нашему побѣгу.

Неперпѣливо ожидаемая мною минута приближалась. Вѣрный мой *Яковъ* ожидалъ уже насъ съ коляскою при поворотѣ въ лѣсъ.

Зардѣлся небосклонъ, солнце, выкапаясь изъ за горъ, золотило ихъ зеленыя вершины. По условленному знаку *Ольги* вышла ко мнѣ. Бѣлое кисейное платье, обвиваясь вокругъ высокаго, стройнаго ея стана, выказывало всю прелестъ его; роскошныя дѣвственныя перси волновали агатовый крестъ (благословеніе умершей матери), висѣвшій на золотой цѣпочкѣ. Бѣлокурые, шелковые ея локоны вырывались изъ подъ большой соломенной шляпки, и упреннй вѣтерокъ разсыпалъ ихъ по плечамъ красавицы; прозрачный вуаль развѣвался; любовь, стыдливость, нѣжность и страхъ выражались въ прелестныхъ голубыхъ ея очахъ; яркій цвѣтъ розъ и блѣдность лицій попеременно смѣнялись на щекахъ моей несравненной *Ольги*; кака-то невыразимая прелестъ бли-

спала въ сихъ ангельскихъ чертахъ: она казалась существомъ небеснымъ.

Увидѣвъ меня, *Ольга* попустила глаза: огонь невинности запылалъ во всѣхъ чертахъ ея. Я прижалъ еѣ къ моему сердцу—и на дѣвственныхъ ланитахъ ярче заблестали розы. Какъ бы невольно опклонила она меня своею лилейною рукою; крупная слеза скапнулась съ длинной рѣсницы; полуотверстыя уста желали что-то произнести—но слова замирали на языкѣ, и неподвижный взоръ изображалъ волненіе ея души.—«Вдемъ!» наконецъ сказала она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ.

Солнце уже высоко сіяло на ясномъ небѣ; туманъ разсѣлся; все дышало жизнью. Быстрые кони мчались, какъ вихрь. *Ольга* еще разъ взглянула на кровь, гдѣ пролетѣли первые годы ея юности; глубокий вздохъ невольно вылетѣлъ, сочувствуемый горячею слезою. Прекрасная покоилась у груди моей; я пилъ ея дыханіе. Картина щастія живо представилась глазамъ моимъ; мечты блаженства услаждали мою душу. Всякое описаніе было бы слабо для изображенія того, что я ощущалъ въ то время. Такую мину-пу жизни нельзя промѣнять на нѣсколько десятковъ лѣтъ, посвященныхъ честолюбію и славѣ!—Дѣйи слѣпаго щастія! я не завидовалъ вамъ тогда: вы не можете понимать моего блаженства.

Прелестная *Ольга* покоилась на груди моей въ тихомъ снѣ невинности; ангельская улыбка порхала на устахъ ея; я берегъ, я дѣлалъ сонъ моей подруги; я спрашивалъ, чтобы блестящіе лучи солнца не потревожили его.

Но вдругъ оно померкло; воздухъ сгустился; черныя тучи поплылись длинною полосою съ запада; молнія начала бороздить небо; вдали грохоталъ громъ, и удары его постепенно становились сильнѣе. Вдругъ молнія ярко блеснула, и черезъ двѣ или три секунды сильный ударъ грома раздался надъ нами: спутница моя пробудилась, и въ страхѣ прижалась къ груди моей. Новый ударъ заспавилъ прелепатаъ еѣ... и въ эту минуту она уронила что-то блестящее къ

ногамъ моимъ. Замѣшивъ это, она вспыхнула и кинулась поднимъ. Но я предупредилъ её — и что же? Я увидѣлъ миньяпюрный портретъ моего соперника, который давно уже былъ предметомъ моей ревности. — Безмолвно смотрѣлъ я на измѣнницу; хотѣлъ говорить, но ярость остановила слова мои: цѣлый адъ закипѣлъ въ душѣ моей. Заблещала смертоносная спаль: ударъ, другой, третій — и пресупница не существовала болѣе. Обогранный кровію невѣрной, я хотѣлъ выскочить изъ коляски, но въ это мгновеніе жесточайшій ударъ грома раздался надъ моею головою: испуганныя лошади помчались, кинулись въ сторону; опрокинутая коляска лепитъ въ ровъ — и я... проснулся.

II—с- 21к—62.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

нынѣшней выставки (1833) Императорской Академіи Художествъ.

(Продолженіе.)

Теперь слѣдуетъ говорить о скульптурѣ. Изъ представленныхъ нынѣ Русскими ваятелями на *Выставку* моделей статуи, барельефовъ, бюстовъ и проч. видно, что скульптура у насъ не процвѣтаетъ, и что она далеко отстала отъ живописи. Не думаемъ, чтобы господа Академики были тому виновны: ихъ изваянія останутся вѣчными образцами вкуса, изящества и совершеннаго умѣнья владѣть искусствомъ и его средствами; причины упадка находятся въ самомъ свойствѣ ваянія; онѣ дѣлаютъ насъ къ нему болѣе холодными, нежели къ живописи. Вѣки скульптуры прошли невозвратно, — истина всѣмъ извѣстная! Поставьте рядомъ съ *Венерою*, знаменитымъ произведеніемъ ваянія, *Мадонну Рафаэля*, и что, безъ сравненія, прикушетъ ваши взоры? Пречислая Дѣва! Изящество формъ — необходимое условіе ваянія — представится вамъ бѣднымъ въ сравненіи съ роскошью выраженія,

богатствомъ мыслей, кои составляютъ удѣлъ живописи. Какъ слаба, ничтожна покажется намъ красота древности въ сравненіи съ небесною, дѣвственною красотою Христіанства. Нѣтъ, Богоматерь безмѣрно высока для такого сравненія; возьмите другой идеалъ Христіанской жены — *Магдалину*, *Баттонил* — и благоговѣйной любви исполненная душа обратится къ прекрасной пруженицѣ. При томъ трудность работы, дороговизна матеріаловъ, неудобство сбыта произведеній ваянія, рѣдкія на нихъ требованія — все сіе охлаждаетъ къ ваянію пылкихъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя пластическимъ искусствамъ, и заставляющихъ ихъ обращаться къ живописи, къ искусству, болѣе сообразному съ потребностями нашего времени, искусству, въ коемъ художникъ можетъ свободнѣе себя выказать, и которое даже составляетъ необходимость гражданскихъ обществъ, тогда, какъ скульптура есть роскошь оныхъ. Скульптурою занимаются какъ-бы по преданію; её сохраняютъ, какъ памятникъ забытаго языка человечества; напротивъ, живопись — живая нашъ органъ: въ немъ является пластическо-художественное творчество души нашей. И такъ, изъ немногихъ произведеній ваянія, украсившихъ нынѣшнюю *Выставку*, мы, по совѣсти, можемъ указать только на слѣдующія, достойныя Императорской Академіи Художествъ. Первое мѣсто между всѣми занимаетъ колоссальная статуя Императрицы *Екатерины* великой, прославленнаго рѣзца г. *Гильберга*. — Императрица представлена сидящею со свиткомъ въ рукѣ (подъ нимъ, вѣроятно, разумѣлъ художникъ уставъ Академіи Художествъ). Лице Монархини просвѣтлено какимъ-то высокимъ вдохновеніемъ: она радуется, взирая на плоды мудраго своего учрежденія; роскошныя складки одежды, при всей своей классической изысканности, не вредятъ, впрочемъ, натуральности ея положенія. Вообще, сія статуя носитъ на себѣ отпечатокъ оплчнаго дарованія. Она будетъ изваяна изъ мрамора, и предназначается для украшенія прекрасной Академической конференцъ-залы.

Г. *Жакъ* представилъ двѣ модели небольшихъ группъ, изъ коихъ особенно замѣчательнѣе *Неантъ*, загрызаемый собакою. — *Неантъ*, представленный во весь ростъ, съ лирою въ рукахъ, какъ будто и не заботился о грызущей его колѣна собакѣ; правда, его согнутое положеніе и спраданіе, довольно удачно выраженное въ чертахъ лица, показываетъ, что онъ терпитъ сильную боль; но въ немъ не видно никакого движенія (споль естественнаго даже и тогда, когда врагъ нашъ преимуществуеетъ силою) для своей обороны: онъ никакъ не хочетъ разспаться съ находящеюся въ рукахъ его лирою. Можетъ бытъ скажутъ, что *Неантъ* представленъ въ ту самую минушу, когда на него бросилась собака, и что онъ не имѣлъ еще времени подумать о своей оборонѣ, или, что онъ въ отчаяніи преданъ судьбѣ своей: и то и другое несправедливо. Въ этомъ мы ссылаемся на каждаго, кто только находился въ какой нибудь опасности, что первое, инстинктуальное движеніе, есть или бѣгство, или оборона: тѣмъ болѣе въ минушу отчаянія, человекъ никогда не останется бездѣйственъ; онъ напрягаетъ всѣ свои послѣднія силы для неравной борьбы. Вотъ, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ композиціи, нарушающій правдоподобіе, основу изящнаго. Сія неосмотрительность дѣлаетъ должнымъ все художественное въ этой группѣ. Мы щипаемъ однако же обязанностию, отдать справедливость технической отдѣлкѣ г. *Жака*: лицо *Неанта* хорошо; его поспановка (pose), если бы не парушала правдоподобія, могла бы назваться изящною; выпуклости тѣла также показываютъ, что художникъ сей изучалъ образцы древнихъ; вообще, всѣ подробности искусства (details) выдержаны удачно и обличаютъ въ юномъ артистѣ большое терпѣніе, необходимое условіе для того, кто рѣшился произвести что нибудь необыкновенное вдохновеннымъ рѣзцомъ своимъ.

Повторимъ еще разъ, что скульпшура у насъ бѣдна: проходя по заламъ *Выставки*, вы не встрѣтите ни одной новой статуи, которая бы остановила на себѣ ваши во-

ры, приковала бы ваше вниманіе, перенесла бы васъ въ міръ красоты. Все хладно, неодоушевлено. Кромѣ статуи *Екатерины II* и упомянутой группы г-на *Жака*, замѣчательны еще по чистотѣ и нѣжности отдѣлки небольшія статуи: *Козловскаго* — *Минсва* съ геніемъ и спящій *Эндимионъ Щедрина*. Послѣдній особенно заставилъ насъ нѣсколько минутъ полюбоваться на роскошныя красоты свои; онъ напоминаетъ воображенію если не произведенія Греціи, то по крайней мѣрѣ *Кановы*. — Къ числу отличныхъ нашихъ ваятелей, безъ сомнѣнія, принадлежатъ баронъ *Клотъ*: его двѣ модели коней обращаютъ на себя особенное вниманіе изяществомъ рисунка, граціозностію и анатомическою вѣрностію: говорятъ, что сіи кони будутъ колоссальной величины и украсятъ Адмиралтейскую пристань, что близъ Исакиевского моста. Вотъ что наиболѣе замѣчательнаго представила намъ нынѣшняя *Выставка* въ высшемъ родѣ скульпшуры — группахъ и статуяхъ. Моделей для барельефовъ больше, но также очень, очень мало замѣчательныхъ; онѣ преимущественно опрабованы Академическими ученикамъ, и для учениковъ они конечно хороши: ибо удовлетворяютъ Академическимъ требованіямъ отдѣлки подробностей, мелочей, которыя необходимы для пріученія юныхъ рукъ исполнѣ владѣть средствами искусства; но вы не найдете въ сихъ барельефахъ ничего оригинальнаго, ничего новаго, ни даже выраженія — (хотя это впрочемъ и очень старинное требованіе отъ художника). Опять повторю, что это работа ученическая, слѣдовательно отъ неѣ нельзя много требовать, но для ученика она очень не дурна.

Знаменитый нашъ художникъ г. *Мартосъ* — не оставляетъ еще рѣзца, коимъ онъ владѣлъ съ такою славою. На нынѣшней *Выставкѣ* находятся сдѣланныя имъ модели для барельефовъ, изображающихъ различныя происшествія, заимствованныя изъ священнаго Писанія. Рука прославленнаго спарца къ славу Россіи — еще не ослабѣла: въ послѣднихъ его твореніяхъ сохранены всѣ прежнія достоинства сего ваятеля: та же съ пон-

кимъ вкусомъ наброшенная группировка, та же нѣжная, хитрая опдѣлка—словомъ, эпо пруды творца *Минина и Пожарскаго*.

Бюсповъ выспавлено очень много: нѣкопорые изъ нихъ изображаютъ лица извѣспныхъ нашихъ современниковъ, и оплпчаютъся чрезвычайнымъ сходспвомъ. Въ семъ случаѣ особенно замѣчателенъ бюспъ президента Академіи, *А. Н. Оленина*, работы геніальнаго художника *Гальберга*. Много такъ же têtes d'étude и разныхъ скульпшурныхъ бездѣлокъ.

Въ опношеніи рѣзбы на металлахъ особенно достопримѣчательна работа на мѣди вице-президента Академіи, графа *Ө. П. Толстова*, изобразившаго въ аллегорическихъ фигурахъ знаменитѣйшія событія священной народной войны 1812 года. Творческій рѣзецъ его оплпчаается чрезвычайно нѣжноспію: графъ *Толстой* съ особеннымъ, неподражаемымъ искусствомъ размѣщаетъ группы и драпируетъ дѣйствующія лица: одежда ихъ кажется воздушною—споль она нѣжна и прозрачна! Въ рѣзбѣ на спали г. *Гимцъ* представилъ много прекрасныхъ опытовъ. Медали г. *Губе* такъ же замѣчательны, какъ по своей копозиціи, такъ и по тонкости опработки.

Мы упомянули о произведеніяхъ во всѣхъ родахъ скульпшур, представленныхъ Русскими ваятелями на послѣднюю *Выставку*. Ихъ немного; но они важны въ общемъ ходѣ искусствъ въ Россіи—и въ сихъ немногихъ новыхъ созданіяхъ извѣспные наши художники умѣли выказать зрѣлыя свои таланты, а нѣкопорые показали, что со временемъ и они могутъ быть дѣятелями на поприщѣ ваянія. Положимъ, что скульпшур у насъ не въ блистательномъ соспояніи, но судя по *Выставкѣ*, нѣтъ причины думать, чтобъ и тогда она не могла возвыситься и процвѣспть, если не на ряду съ скульпшурою другихъ Европейскихъ народовъ, то, по крайней мѣрѣ, не далеко опспать отъ оной.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОЛЬЦО.

(Содержаніе сей баллады взято изъ письма Пепрарки къ Джіованни Колоннѣ. Въ проздѣ свой чрезъ *Ахенъ*, Пепрарка, разсматривая памятники *Карла великаго*, слышалъ сіе преданіе отъ одного духовнаго.)

Карль великій и въ юности пвердъ былъ душой:

Полюбивъ, онъ любилъ постоянно.

Находя свое щасстье лишь въ дѣвѣ молодой,

И гнушаясь измѣной, какъ всякій герой,

Онъ не клялся въ любви безпреспанно.

Сарацынкой плѣнепъ,

Царь готовъ славный пропъ

Раздѣлипъ въ красной чужеспранной.

И пруды, посвященные благу людей,

Имъ оставлены; мудрыхъ совѣпы

Раздраженнымъ опвергнушы.—Долгомъ царей,

И заботою дней и покоемъ почей,

Онъ опвыкъ дорожипъ—и обѣпы,

Небу даные имъ,

Быпъ свѣпиломъ земнымъ,

Погрузилкъ въ спруи тихой *Лепы*.

И въ печали весь Дворъ, и надежды ужъ лишь

На царя. Должно чуду случипсья.

И случается. Смерть на зарѣ юныхъ лѣпъ

Похищаетъ виновницу множества бѣдъ,

И пора *Карлу* съ Небомъ мирипсья.

Но, ахъ! можно-ль тому,

Кто не вѣренъ уму,

Въ царство испины вмгъ возврапсья?

И не радость въ унывшихъ, смущенныхъ друзьяхъ:

Скорби червь—вмѣсто прежней печали!

Царь не хочепъ, чтобъ дѣва въ безчувспенный

прахъ

Преврапсилась: велипъ, упоая въ слезахъ,

Сохранипъ милый прупъ—и едва ли

У Египтяпъ-царей,

И вельможъ и друзей,

Такъ искусно жрецы сохраняли.

Вопль надъ муміей дѣвы и ночью и днемъ
Онъ съ разперзаннымъ сердцемъ рыдаетъ.
Съ блѣднымъ, смерти подобнымъ, опавшимъ ли-
цемъ,
Съ угасающимъ взоромъ, съ поникшимъ че-
ломъ

Трупъ къ горячей груди прижимаетъ;
И, забывъ цѣлый Свѣтъ,
Карлъ въ бреду, но и бредѣ
За существенность онъ принимаетъ.

Въ это время жилъ въ Ахенѣ спарецъ свяшой,
Архипастырь Колопскій, душою
Небу преданный съ дѣтства. Отъ шума, молодой,
Удался, съ *Соломопомъ* весь мѣръ суеюй
Онъ щипаль, иль угрюмой мечпою.
При Дворѣ видя грѣхъ,
И въ уныніи всѣхъ,
Спарецъ пронулъ несчастныхъ судьбою.

Съ теплой вѣрою въ Бога, Владыку небесъ,
Пастырь долго, безмолвный, молился.
Въ жершву чистаго сердца источникъ слезъ,
И смиренныя мысли и чувства принесъ,
И при днѣ и при ночи поспился:
На четвертый, во снѣ
Спарцу спарецъ въ огнѣ
И благій—ахъ, и грозный, явился.

«Встань, сынъ церкви усердный! иди во Дворецъ:
«Трупъ въ устахъ заключаетъ причину
«Скорби общей!»—сказалъ и исчезъ. О Творецъ!
Ты отъ вѣка вѣковъ бѣдныхъ смертныхъ
Отецъ,

Облегчи же несчастныхъ судьбину!
И сновидѣцъ вскочилъ,
И къ царю поспѣшилъ,
И вспушилъ спальни царской въ средину.

И въ срединѣ, на пышномъ одрѣ, какъ живой,
Трупъ усопшей въ богатомъ уборѣ.
Геній смерти изъ злапа парилъ надъ главой,
А въ ногахъ злой *Харонъ* правилъ вешхой
ладѣй,

Съ ядовитой улыбкой во взорѣ.
Спарецъ къ мертвымъ красамъ

Прикоснулся—къ успамъ,
И уста раскрываются вскорѣ.

И кольцо ужъ въ рукѣ, и поспѣшно онъ съ нимъ
Изъ Дворца. Входишь тихо, печальный,
(Будто крадется). *Карлъ*, желаньемъ помимъ,
Прямо къ пруну—какъ вдругъ, съ крикомъ,
воплемъ глухимъ,
Отскочивъ отъ него, погребальный
Штампъ велишь онъ собралъ,
И землѣ трупъ предашь.
Сердцу радость поспунокъ похвальный!

И безцѣннѣ всѣхъ пастырь сердцу царя!
Онъ любовью царя и опрадой.
Но усердіемъ чистымъ къ герою горя,
Черезъ недѣлю, лишь только явилась заря,
Спарецъ мигомъ къ пруну за оградой—
И причину бѣды
Бросилъ онъ въ глубь воды—
И сей подвигъ святому наградой.

Съ шой поры *Карлъ великій*, забывши бѣду,
Каждый день у пруда отдышается,
Славу церкви *Христовой* имѣя въ виду.
Онъ приходитъ черезъ годъ съ мудрымъ зод-
чимъ къ пруну

И предъ нимъ пышный храмъ воздвигаетъ:
Въ немъ молитвы шворилъ,
Нищихъ братій дарилъ,
И подъ урной одинъ почитаетъ.

Вл. Бриллиеръ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* нуженъ въ исчисленъ;
Къ глаголу прислонясь, онъ значить раздѣленъ
И даже разрушенъ.
Мой слогъ *второй*
Высокій, дикій и густой,
Безъ вѣпра—молчаливый,
При бурѣ — говорливый.
А *цѣлое* мое—братъ крипикъ родной.

Ш.

LOGOGRIPE.

Tu n'as qu'à faire un logogriphe,
(Me disait l'autre jour Iris)
Si dans le fait, il n'est point apocriphe,
Un baiser en sera le prix.

—Tope! en dépit de la censure,
Charmante Iris, me voilà prêt

A renverser un mot tout net.

Six lettres font ce mot: la faveur qu'il figure
Anime les tendres larcins,

Qu'à Flore fait Zéphyre en nos rians jardins.

De ce doux nom la parfaite anagramme
Est ce qui reste après la flamme;

Un tiers de moins, l'état du vrai plaisir

A vos regards, lecteurs, viendra s'offrir.

Rognez encore, habitans de Cythère,

Frères des Jeux, Iris est votre mère.

Mais sans m'écarter eu mystère,

J'y découvre deux fois...—Quoi?—Le bienfait promis.

Puissé-je avoir un tel salaire!...

Qu'un amant s'érigeant en Oedipe pour plaire

En ait autant de son Iris.

Въ No 88, помѣщенная шарада значить:

Le vol, avec raison, est puni par les lois.

L'âge, nous son fardeau, courbe sujets et Rois.

Plus d'un vieux Céladon voudrait être volage;

Mais adieu les amours, il est tems d'être sage.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О бенефисѣ г. Величкина, 9 Октября
1833 года, на Большомъ театрѣ.

Г. Величкинъ въ годовой праздникъ свой угостилъ Публику одною старой новинкою, драмою Коцебу: *Гусситы подѣ Неймбургомъ*, и двумя новыми переводными водевилями.

Судьба театральныхъ пьесъ Коцебу — ихъ громкая, широкая жизнь, и ихъ мирная

кончина—всѣмъ извѣстна. Напоминаю о себѣ въ печеніи 25 или 30 лѣтъ, бросая пригоршнями въ Публику новыя комедіи и драмы, онъ въ свое время слылъ великимъ драматикомъ. Тогда во всѣхъ земляхъ, гдѣ только говорили Нѣмецкимъ языкомъ, ни чьи пьесы не имѣли шакого обширнаго репертуара, какъ пьесы г. Коцебу. Онъ вривались даже въ Парижскіе театры, во время гордой преданности *Расинамъ* и *Корнеллямъ*, въ Англійскіе и Италіанскіе, а на Русской сценѣ господствовали не менѣе, кака на Нѣмецкой. Публика не слушала ни *Шиллера*, ни *Гёте*, ни *Шлегелей*, отъ коихъ мишурныя блеспки не укрывали пигмейска Коцебу, Публика заливалась слезами, хохотала — и превозносила его! Такъ много судьба липератора зависитъ отъ его плодовитости! Бездарный писатель, только бы наводнялъ сцену или книжныя лавки своими произведеніями, непременно составитъ себѣ кругъ чтецовъ, чпшителей, пропечетъ свое поприще съ шумомъ! Его славу при жизни не уронитъ голосъ ума, который всегда умѣренный, не замѣнитъ голоса глупости. Надобно дожидаться, чтобы такой писатель умеръ, тогда все кончится, умретъ, и его книги, и слова!

Это предпочтеніе новаго заставляешь съ грустію подумать объ участи великихъ писателей, которые по смерти, или по окончаніи при жизни своего липературнаго прищца, также скоро забываются. Ихъ вспоминаютъ развѣ ученые, и тѣ только кспити, а Публика жаромъ любви своей даритъ новаго писателя, не рѣдко за одно то, что онъ живъ, что онъ безъ успали бросаетъ въ народъ книгу за книгою. Сравните громъ славы *Державина* при его жизни, когда Русскіе поклонники излщнаго ни о чемъ не говорили кромѣ его, какъ въ 1812 году говорили только о разореніи *Москвы*; сравните ту славу со славою нынѣшнею о *Званскомъ* помѣщикѣ: она велика, но пища, пише, чѣмъ бы должно. Возмите И. И. *Дмитріева*, этаго скромнаго писателя, который и въ свое время дарилъ своими созданіями рѣдко, мало, который теперь почти не вспоминается и, до сихъ поръ не слышалъ вѣрнаго, отчепливаго суда сво-

имъ сочиненіямъ. Между пѣмъ, не онъ ли первый влилъ въ стихи наши прелестъ Русскаго языка, свободу изящнаго разговора? Не онъ ли оспается у насъ единственнѣмъ писателемъ, который шутилъ, не уязвляя, срывалъ улыбку, не нарушая приспоспности, высказывалъ мило истины и съ истиннымъ воспоргомъ — воспорженныя мысли? Не забытъ ли несравненный К. Н. Батюшковъ? Пиши они, пиши, пиши, и ихъ звѣзда закрывала бы полнеба нашей словесности. Умри, кончи свое грязное поприще... Но припише мысль эпю кончить на писателяхъ, заслужившихъ истинную славу.

Пьесы г. Коцебу сосавлены изъ примѣровъ для всякаго рода несовершенствъ драматическаго сочиненія. Въ нихъ происшествія сплетены не такъ, къ чему ведутъ обстоятельства избраннаго случая, но какъ писало перо! У него Густавъ Ваза, Гуго Гроцій, Пезарро не разнятся отъ Нѣмцевъ, съ коими онъ самъ жилъ! Старики, дѣти, слуги, вельможи у него умны или глупы, смѣшны или ужасны, не потому, что пьесы должны быть, но по единому его хотѣнію! Повсюду у него одна и та же спраждающая, обольщенная невинность, угнѣтающая сила, совершенно ожиданныя неожиданныя встрѣчи, одиѣ и пѣ же сцены великодушія или юмора! Представляли всѣ его пьесы на театрѣ, значить представляли двѣ или три безъ перемѣны. Къ довершенію скуки, г. Коцебу ни въ мысляхъ, ни въ выраженіяхъ никогда не возвышается до изящнаго!—Не смотря на это, нельзя сказать, чтобы г. Коцебу въ самомъ себѣ не имѣлъ нисколько основанія прошлой, громкой своей славы. Въ немъ было немножко оспроты: онъ, хотя не у мѣста, но всегда разсмѣшилъ; было нѣсколько чувствъ: вы забавляетесь надъ сочинителемъ, а выроните невольную слезу надъ его драмою; владѣлъ онъ довольно глубокимъ, вѣрнымъ замѣчаніемъ современниковъ, или лучше, большая часть его лицъ суть съемки съ дѣйствительныхъ людей, суть пасквили на современниковъ. Эпотъ портретный живописецъ, хотя писалъ Архипа съ Сидора, Кузьму съ Луки, хотя они не сходны съ пѣми, къмъ назва-

ны, но сходны съ пѣми, съ которыхъ списаны: Архипъ много походитъ на Сидора, Кузьма на Луку.

Почти такова же и драма: Гусситы подѣ Наулбургомъ. Не думайте узнать изъ неі исторіи осады Наулбурга въ 1432 году, по крайней мѣрѣ вымышленныхъ подробностей, ни нравовъ Гусситовъ и Наулбурцевъ того времени. Коцебу до этаго и дѣла нѣтъ. Онъ взялъ историческія имена только для названія пьесы, взялъ бургомистра Гильдебранда, какого-то Вольфа — и начинаетъ свою работу: списываетъ съ Нѣмецкаго современнаго ему семейства карпину условнаго положенія, когда бы у опцовъ и маперей опривали дѣтей и посылали бы ихъ на смерть. Между пѣмъ, какъ Гильдебрандъ говоритъ что случился, какъ простой гражданинъ Вольфъ движетъ совѣтомъ города и народомъ, какъ Гусситы поднимаютъ и опускаютъ копыя, жестоки и милосердны, когда прикажетъ сочинитель, онъ рѣжетъ глубоко на сердца зрителя черты семейныхъ чувствованій, здѣсь и памъ похищаетъ слезу, и пьеса Гусситы подѣ Наулбургомъ слыла въ свое время отличною слезною драмою. Она въ самомъ дѣлѣ должна быть поставлена въ ряду лучшихъ драмъ Коцебу: Сынъ любви, Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Крестовые рыцари, Два брата, Жанна Монфоконъ, Смерть Роллы. Эти пьесы не лишены обычныхъ недоспатковъ сочинителя, но въ нихъ и достоинства его въ пьесѣ полностью слылись, что ропотъ разума немного утишаелся. Драма: Гусситы подѣ Наулбургомъ, возобновленная на дѣшнемъ театрѣ, была украшена, можно сказать поправлена, паланомъ г. Каратыгина (игравшимъ Вольфа). Онъ умѣлъ всѣмъ мѣстамъ пьесы, гдѣ дѣйствовалъ, дать по изяществу, силу, соединенную съ вѣроятіемъ, кои преобладаютъ вкусомъ нашего вѣка. Драма нравилась даже зрителямъ нижнихъ слоевъ театра.

Бореніе двухъ чувствъ: любви къ родинѣ и къ дѣтямъ, изъ которыхъ послѣднее успу пало первому, но было сильнѣе, превосходно выражено г. Каратыгинымъ. Онъ былъ опецъ дѣтей, когда предлагалъ вести ихъ

на смерть; былъ отецъ, когда на возраженіе *Гильдебранда*: «Но если непріятели захопятъ насыпиться ихъ кровію?» отвѣчалъ: «Тогда горе, горе *Гусситаль*! Тогда каждый отецъ будетъ сражаться какъ левъ, каждая мать превратится въ пшуга; тогда выйдемъ мы изъ города: въ немъ не оспанется болѣе дѣтей; выйдемъ, и спанемъ искашъ мѣста, гдѣ умертвили ихъ!» Произнося послѣднія слова, г. *Каратыгина* расперъ руки, будто искалъ взорами и руками разбросанные по землѣ, окровавленные члены своихъ младенцевъ. Выраженіе голоса его было прогавельно, ужасно, какъ и выраженіе этой мины! Въ той нѣмой сценѣ, въ которой *Вольфъ* готовился весни дѣтей къ *Гусситаль*, когда онъ подводилъ каждое своего дитя къ матери, лежащей безъ памяти, спановишъ ихъ вокругъ неѣ на колѣна, онъ былъ давленъ шоскою: лицомъ и миною онъ выразилъ все волшебство опцовскаго, раздираемаго гореспію сердца! Лучшее мѣсто игры его было въ IV дѣйствіи (а), гдѣ полководецъ *Гусситовъ*, *Проконій*, хочетъ убить *Вольфа*, за то, что эпонъ гражданинъ, не показавъ ему дѣтей своихъ, осмѣлился сравнять свою смиренную судьбу съ его судьбою. Дѣти, видя опасность отца, побѣжали къ нему. Какъ отечески, собирая дѣтей вокругъ себя, сказалъ онъ: «Вопъ мои дѣти; они сами себя выдали: ни одинъ не скрылся!» Помомъ радость, по дарованіи *Проконіемъ* мира, искреннее благодареніе Богу за спасеніе дѣтей, были выражены г. *Каратыгинамъ* пакъ тепло, отъ сердца, что это былъ отецъ, а не актёръ: ибо просто актёръ никогда не извлечетъ столько слезъ, сколько онъ излекъ! За слезы, пролипыя зрителями, драма обязана и г. *Коцебу* и г. *Каратыгину*; но за вѣру Публики, что *Вольфъ*, простой, незнапный гражданинъ, достоинъ по превосходству своего харавіпера двигать согражданами, поднять на плеча свои судьбу города, и еще дороже — судьбу дѣтей, драма обязана одному г. *Каратыгину*.

(а) IV дѣйствіе было и послѣднимъ: ибо V опущено въ представленіи. Оно въ самомъ дѣлѣ лишнее.

Въ III-мъ дѣйствіи была хороша и Г-жа *Каратыгина* (игравшая *Верфу*, жену *Вольфа*), въ сценѣ, гдѣ она съ мужемъ своимъ назначаетъ дѣтей своихъ на смерть, не желая ни съ однимъ распаться, дорожа и тѣми, въ коихъ прежде замѣчала шадости. И какая женщина, даже на театральномъ сценѣ, не выразитъ чувствъ матери, которая своихъ дѣтей отбираетъ на смерть! Въ другихъ сценахъ приходило на мысль, что г-жа *Каратыгина* напрасно вступаеиъ въ чужія права, забывая свое комическое призваніе: г-жа *Бранская* сыграла бы роль *Верфы* съ меньшимъ искусствомъ, но больше бы пронудила зрителей. Прочія дѣйствующія лица не портили представленія, только безсловныя матери и отцы разрушали общую картину, ни сколько не выражая собственной горести. Вся мимика нѣкоторыхъ заключалась въ помъ, что они закрывали лицо платками, стоя покойно подлѣ дѣтей своихъ, обреченныхъ на смерть! При сильнѣйшихъ же пассажахъ въ выраженіи и мимикѣ г. *Каратыгина*, эти отцы и матери, которыми бы, казалось, было не до *Вольфа*, отнимали платки отъ глазъ, или изъ за платковъ выславляли свѣжія, наблюдательныя лица, чтобы смотрѣть на знаменитаго артиста! Словомъ, они были такіе же зрители, какъ мы, смотрѣвшіе на сцену! Не походили ли они на того Французскаго провинціала актёра, который въ первый разъ выйдя на сцену съ извѣстнымъ *Лекселемъ*, представлявшимъ *Танкреда*, сначала удивился его молчанію, но потомъ, смотри на нѣмую игру эшаго артиста, до того восхищился ею, что на сценѣ захопалъ въ ладони, крича вмѣстѣ съ зрителями: *того, того*, тогда какъ зрители уже не *Лексено*, а ему аплодировали!

За драмою слѣдовала комедія-водевиль: *Калинь 1748 года*, или *любовникъ - невидимка* (соч. *Мельвилъ* и *Бризисъ*, пер. *В. Бакушина*.) Въ этой пьесѣ главное дѣйствующее лице есть нѣкто *Ришпозъ*, бывший торговецъ съспными припасами, который съ женою своею, *Генриеттою*, посѣтилъ Парижъ. Они остановились, по предварительному соглашенію *Генриетты* съ братомъ еѣ, *Фридри-*

хоть, въ такомъ домѣ (поспроенномъ герцогомъ *Решиллѣ* для одной любовной связи), гдѣ чрезъ каминъ можно было входить въ *Генриеттиню* комнату, и выходить изъ нея, хотя бы всѣ двери были заперты. Помощію эшаго камина *Фридрихъ*, котораго *Ришпозъ* не любилъ и не пускалъ на глаза, видался съ своею сеспрою, а къ кухаркѣ *Генриетты* жаловалъ мужъ ея: ибо послѣдніе скрывали свой бракъ, чтобы женѣ не лишиться мѣста на сладкой кухнѣ г. *Ришпоза*. Бывшій торговецъ съспныхъ припасовъ ни о чемъ не думавъ, кромѣ своего желудка и кухни, былъ преспокоенъ. Но на бѣду при немъ находился слуга *Потель*, который опжилъ свой вѣкъ, и помня невѣрность своей покойницы жены, спалъ присмотрщикомъ за чужими женами, по часпи конспрабандной. Онъ по замѣшилъ посѣщенія къ барынѣ невидимки-мущины, разспроилъ *Ришпоза*, который забылъ свой аппетитъ и кухню, чтобы заняться важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни мужа: поймать жену съ любовникомъ! *Потель* былъ всему руководителемъ. Послѣ многихъ хлопотъ, ему наконецъ прещасливо удалось привести своего господина къ женѣ его, но не съ любовникомъ, а съ брапомъ, и къ кухаркѣ, но не съ любовникомъ же, а съ ея мужемъ! Этошъ спаричишка, напрасно испортившій сполько крови въ г. *Ришпозъ*, однако же никакъ не наказанъ: пупаница кончилась общею веселостью. Причина этому ясная: водевилъ непрѣменно слѣдуетъ продолжаться и кончить весело!

Казалось бы, что эша пьеса могла быть хорошею. Да, могла быть такою; но составлена гг. *Мельвилемъ* и *Бризіе* такъ, какъ у г. *Коцебу* сшивались худшія его пьесы. Въ новомъ водевилѣ дѣйствіе идетъ произвольно, ни въ чемъ нѣтъ вѣроятія: актёры приходятъ, уходятъ, когда нужно сочинителю; вспрѣчаются, говорятъ, даже поютъ, не видя, не слыша другъ друга; а между тѣмъ, когда нужно для пьесы, замѣчаютъ по, чего и днемъ съ огнемъ не замѣпишь! Спарому слугѣ *Потелю* данъ характеръ рѣшительно неестественный, неприличный мужчинамъ, унижающій ихъ, характеръ спарухи-сплѣтчицы! Спарикк-присмотрщики за чужими

женами суть вовсе небывалое явленіе, или по крайней мѣрѣ, людское повѣрье эпу низкую черту характера относитъ заключительно къ спарымъ женщинамъ. Мы, вступаая за мущинъ, не унижаемъ прекрасный полъ: ибо спаруха-сплѣтчица конечно не прекрасный полъ!—Впрочемъ, кто смотрѣлъ на водевилъ безошечено, того онъ могъ позабавить: въ немъ много комическихъ блеспокъ, и гг. актёры сыграли его живо, весело. Только почтенный г. *бенефициантъ*, или не долженъ былъ брать такую пьесу, въ которой есть отвратительное лицо *Потель*, или взявшись за эпу роль, обязанъ былъ представить ея въ смягченномъ видѣ. Актёръ есть переводчикъ съ сочиненія на дѣйствіе, и подобно липературнымъ переводчикамъ, не долженъ переводить слово въ слово, безобразное безобразнымъ, тѣмъ болѣе, что актёръ есть переводчикъ не прозаическій, но поэтъ. Наука для переводчиковъ-липераторовъ г. *Жуковский*, а для актёровъ — г. *Каратыгинъ*. Всмотритесь въ эшаго испинно гениальнаго артиста, и вы увѣритесь, что поле созданія изящнаго для актёра сполько же обширно, какъ для пворца пьесы, что актёръ можетъ побороть и спать выше сочинителя!

Г. *Великинъ* оплилъ спарика-сплѣтчика какъ двѣ капли воды по сочиненію! Онъ умѣлъ совершенно переродить себя. Представьте себѣ человека, у коего чинно приглашены оспатки волосъ, едва видяшь глаза, голось слабъ, какъ бы у беззубаго, пруслящая походка; прибавьте къ этому лукавую, сладенькую мину, кривое выпягиваніе шеи, чтобы нашептывать на ухо; прибавьте коспюмъ: какой-то коричневый, полинялый камзолъ съ рукавами, шпаны и чулки споль вѣхіе, что вѣроятно *Потель* вѣнчался въ нихъ съ покойницей женою,—и вы повѣрите, что почти нельзя было узнать въ *Ришпозовомъ* слугѣ г. *Великина*! Это былъ обабвшійся спаричишка, или лучше, спаруха, одѣтая въ мужское платье, со всѣмъ, что только бываетъ безобразною въ спарости и сплѣтчицѣ! Вспрѣясь съ такимъ человекомъ въ обстоятельствахъ жизни, конечно нельзя удержаться, чтобы на него не

плюнуть! Такое выражение мысли сочинителя и актёра могло ли принести удовольствие образованным зрителям, кои собрались, чтобы видѣть изящное, и въ смѣшномъ — только забавное до улыбки? Г. *Великинъ* заслужилъ бы громкія рукоплесканія, если бы съ такимъ совершенствомъ осуществилъ благородно-забавный характеръ! Върояно онъ порадовалъ себя, чтобы привлечь въ свои бенефисы будущихъ годовъ толпу зрителей; но онъ за это не долженъ былъ опасаться: Публика знаетъ его какъ актёра, который часто доставляетъ ей наслаждение комизмомъ безъ дурчествѣ. Справедливость требуетъ сказать, что г. *Великинъ* и въ роль *Потеля* по мѣстамъ былъ до того естественно, проспо смѣшонъ, что забывалось чувствуемое опѣраженіе. Это было въ сценахъ, гдѣ *Потель* и *Ришпозъ* ищутъ скрывшагося любовника, и гдѣ первый вспоминаетъ о невѣрности своей покойницы жены. Увѣряя *Ришпоза*, что онъ узнаетъ любовника по одному виду, по одному звуку голоса, съ какимъ сокрушеніемъ, какъ продолжительно вздохнулъ г. *Великинъ* между этими, пѣтыми имъ до умора стихами:

«Любовниковъ видалъ я много,
Какъ жилъ съ покойницею женою!»

Последнею пьесою спектакля была шутка-водевиль: *Астрономическія бредни, или комета въ 1832 году* (перев. съ Франц. Н. Павловыча.) Въ этомъ водевилѣ не болѣе въроятнаго и опчепливости, какъ въ прежнемъ: онъ довершилъ пиць сочиненій, выбранныхъ г. *Великинымъ* для бенефиса. Астрономъ *Бонардини* ждалъ кометы, пророчилъ смерть всего человѣческаго рода, и, разумѣется, ничего не исполнилось, — вопшь содержаніе водевиля. Астрономъ представленъ не ученымъ математикомъ, но самоучкою, подобнымъ тѣмъ нашимъ помещикамъ, кои отъ нечего дѣлають приспращаються къ электрической машинѣ, телескопу, и жужжають ученостью въ кругу своихъ домашнихъ и знакомыхъ. *Бонардини* все принимаетъ на чистыя деньги: вѣрять, что послѣ ночи, въ которую должна была явиться

ся комета, онъ одинъ оспался на Свѣтѣ; потомъ — что только его домашніе уцѣлѣли; вѣрять, что замаскированный человекъ (повѣренный графа *Гроле*), пришедшій къ нему, естъ комета, принимаетъ отъ него въ подарокъ земной шаръ, съ условіемъ однако же, чтобы жить съ семьею своею безъ ссоры и грѣховъ. Конечно, г. ученому сполно бы взглянуть въ окно, или выпить къ первому сосѣду, чтобы увѣриться въ здравіи міра. Но, милостивые государи, онъ этаго кончился бы водевилъ потчасъ, а онъ напрошивъ, вышелъ тѣмъ длиннѣе, чѣмъ глупѣй представленъ *Бонардини*!

Впрочемъ, нѣкоторыя сцены этой пьесы доставили зрителямъ видимое удовольствіе: и сами собою, и игрою гг. актёровъ, въ числѣ коихъ и *Великинъ* веселилъ уже безъ фарсовъ. Забавно Астрономъ (г. *Великинъ*) и его домашніе межевали подаренную имъ землю, дѣлили между собою часть Свѣта, заботясь о населеніи ихъ, добрались и до старой экономки *Бабеты* (г-жа *Силойлова*), копорая мило чванилась, мечтая, что вопшь и ей пришла честь; ссорились, подѣдали другъ друга, — и въ одномъ семействѣ возобновили раздоры человѣческаго рода! Еще веселѣе была сцена, гдѣ обладатель земного шара, г. *Бонардини*, вздумалъ водвориться въ домъ графа *Гроле*. Графъ, у коего не кончился еще маскарадъ, услышавъ о мечпѣ *Бонардини*, велѣлъ всѣмъ госпямъ оспановиться въ помъ положеніи, въ какомъ застанетъ Астрономъ. *Бонардини* въ шепдой увѣренности, что на ногахъ стоятъ мертвецы (!), подоидишь къ каждому изъ нихъ, злословишь, описываетъ каждого, и когда добрался до хозяина дома, вдругъ мертвецы начали вокругъ него панецъ! Рѣшивельно невѣроятный, балетный, но забавный и опдѣльно-прекрасный сцены! Танцы составлены были изъ лучшихъ арписповъ балетной труппы. Г-жи *Истомина*, *Крузетъ*, *Бертранъ-Атроксъ*, *Телецова* и *Зубова* кружились, лепали, какъ *Сильфиды*, и кончили спектакль очаровательнымъ, великолѣпнымъ зрѣлищемъ.

M O D E S.

Deux meubles d'invention nouvelle viennent de paraître dans les magasins de Vacher et de Lesage, c'est d'abord une *table de lit*, qui sert à écrire, à déjeuner, de façon que la personne couchée peut, sans être gênée par ce meuble, qui ne pèse pas sur elle, faire tous les mouvemens nécessaires, comme si elle n'avait rien près d'elle.

Cette table est montée sur un pied qui se lève et s'arrête au moyen de crans intérieurs; elle se rejette tout-à-fait d'un côté et se supporte sur un pied semblable à celui d'un guéridon, sans appuyer sur le lit; on l'élève à telle hauteur que l'on désire, et on peut la placer de quelcote côté qu'il soit nécessaire.

Puis, les fauteuils à un seul bras imaginés avec grand art pour laisser libres les énormes jupes que les femmes ont tant de peine à loger dans les petites gondoles resserrées, où elles entrent avec peine. Voici donc maintenant ces fauteuils plus commodes qu'une chaise, puisqu'ils offrent l'appui à un bras, et qu'ils laissent à la robe toute la facilité de déployer ses plis sans être retenus et pressés.

Une femme gracieuse, à une grâce extrême à se poser sur ce siège, qui la force pour ainsi dire à s'incliner d'un seul côté, et draper autour d'elle son vêtement de riche étoffe.

On emploie, dans les plus élégantes maisons, les bois indigènes pour *meubles de service*. Le noyer a eu son temps, et, devenu si commun, il est complètement rejeté. Pour meubler une salle à manger, il est joli de faire une table massive en *bois de chêne*. Les pieds enchâssés dans de riches sabots de cuivre en bosse. Les étagères, les buffets, en bois semblable. — On trouve, à cause de la rareté de cet usage, un grand avantage de distinction, à côté d'un autre avantage, celui d'une extrême propreté. — Ce bois, étant passé tous les jours à la cire et à la brosse, prend une couleur naturelle d'un bel éclat.

Il serait bien de mettre les chaises pareilles, d'une jolie forme et garnies en jonc tressé.

Pl. No 32. Les modes en vogue à Paris le 30 Octobre n. st.

M O Д Ы.

Два мебели, вновь изобретенныя, показались въ магазинахъ *Vacher* и *Lesage*, первая *столъ къ постели*, который служилъ для письма, для завтрака, такъ что лежащая особа можетъ, безъ беспокойства опъ этой мебели, еѣ ни мало не опягчающей, дѣлать всѣ нужныя движенія, какъ будто возлѣ еѣ ничего нѣтъ.

Эта столъ сдѣланъ на одной ножкѣ, которая подымается и утверждается посредствомъ внутреннихъ пружинъ; онъ опкидывается со всѣмъ на сторону и поддерживается на ножкѣ, сдѣланной на подобіе геридоновъ, не упираясь на постель; его можно возвысить по желанію, и можно поставить на какую сторону нужно.

Потомъ кресла съ одной ручкой, изобретенныя съ большимъ искусствомъ, чтобы оставить на свободѣ огромныя юбки, которыя дамы помещаютъ съ такимъ въ шпсныя *гондолы*, куда онѣ едва могутъ войти. Вотъ теперь эти кресла покойнѣе спульевъ, потому что ещѣ оппорка для руки, и опспавляютъ всю свободу платья выказывать свои складки, ничѣмъ не сжавшыя.

Ловкая женщина, съ особенною ловкостью сядилась на эти кресла, которыя вынуждаютъ еѣ, такъ сказать, наклониться на одну сторону, и драпировать вокругъ себя одежду изъ богатой матеріи.

Въ самыхъ щеголеватыхъ домахъ, для домашнихъ мебели употребляютъ пузевныя дерева. Ореховое дерево имѣло свое время, и, сдѣлавшись столъ обыкновенно, совершенно брошено. Для меблированія столовой, красиво сдѣлать плотный дубовый столъ. Ножки, обдѣланныя богатыми возвышенными скобками, эшажерки, буфеты изъ такого же дерева. — По случаю рѣдкости эшаго обычая, находилъ большую выгоду опшличія, возлѣ другой выгоды, чрезвычайной чистоты. — Это дерево, бывъ наперто всякой день воскомъ, принимаетъ натуральный, весьма блестящій видъ.

Красиво бы было поставить такіе же спульи красивой формы, переплешенные шроспникомъ.

Карп. No 32. Парижскія моды, бывшія шамъ въ употребленіи 30 Октябрия н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 91.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 15 ДНЯ, 1833 ГОДА.

Писатель, щасливъ ты, кохъ даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалеешь:
То вѣдай, что пивои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАСТЕРЯЦІЯ.

Расперяція, если посмотришь на нее при-
спальнѣе, разнообразностью группъ—понеи,
какъ будто рукою *Мома* разбросанныхъ,
разгладить морщины у самаго угрюмаго па-
блюдателя.

По одеждѣ, по блюдамъ и винамъ, копо-
рья подають госпямъ, по осанкѣ, по бѣль-
шей или меньшей жадности, съ какою они
кушаютъ, по количеству пици къ количе-
ству напишкковъ, а всего больше по ихъ ка-
честву, можно, не вслушиваясь въ ихъ раз-
говоры, узнать, кто, кого и за что угощаетъ.

Вошь, Русскій купецъ съ рѣдкою рыжень-
кою бородкою и орлинымъ носомъ, немного
рябоватый, пучный и широкоплечій, въ си-
немъ самаго тонкаго сукна кафтанѣ, под-
ложенномъ лиловымъ леванпиномъ, съ ме-
далью на Александровской лентѣ на шеѣ,
расположился за столикомъ съ премою осо-
бами въ спашскихъ мундирныхъ фракахъ.

Изъ нихъ высокая, худощавая, на тонень-
кихъ ножкахъ, съ предлинными ручищами
и съ закорюченными пальцами, на манеръ
ястребиныхъ когтей—исполнила должность
предсѣдателя пира; двѣ другія здѣсь по же,
что наперсники въ трагедіяхъ *Майкова*, и
приглашены—дабы своею прозорливостью
придать апетитъ своему начальнику. По-
данъ завтракъ на чепырехъ тарелкахъ: вод-
ка, Дрей-мадера, сыръ-пармезанъ, малосольная
зернистая икра, провъсная рыба и Голланд-
скія сельди, хоть кого разлакомятъ. Въ пять
минуть тарелки такъ очищены, два гра-
финчика и бутылка такъ опустошены, какъ
будтобы мимо ихъ прошла шайка Француз-
скихъ міродѣровъ. Обѣдъ начался на заказъ
соспранною сперляжею ухю; дородный
купецъ самъ разливаешь оную. Середина и
молѣдки доспались главному лицу, голова и
хвостъ его наперсникамъ; при чемъ хозяинъ
не задѣлалъ и себя. Передъ каждымъ го-
стемъ стояла бутылка Бургондскаго. Послѣ
второй перемѣны предстало Шампанское—
и не сходило уже со сцены.

Мудрено ли догадаться; что это подрядчикъ, угощающій пого, кто выдаетъ ему казну?

За сею группою, забившись въ уголокъ, уполяетъ голодъ молодой человекъ, въ черномъ фракъ, шелковомъ узорчатомъ жилетъ, кисейномъ пестромъ плапкъ на шеѣ, спатный, съ пріятною физиогномією. Онъ попробовалъ щей, бифспексу, рюмку Вейндѣ-графу и чашку кофе. Другой, какъ-бы въ соопвѣспвенность ему—въ темнозелёномъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и гербовыми пуговицами фракъ, пѣсколькo поношеномъ, но чисномъ и черномъ шелковомъ плапкъ на шеѣ, блѣокурый юноша, съ полными румяными щеками, поруками за его дѣвственное поведеніе, нравится мнѣ еще нѣсколькo болѣе перваго. Онъ спросилъ парелку супу, комплену въ соусъ, бупылку кислыхъ щей и, наливъ спакапъ, младенчески любуется его шипѣньемъ и сѣдою пѣною.

Не надобно быть колдуномъ, чтобъ узнать въ одномъ помощника столоначальника, въ другомъ канцелярскаго чиновника какого нибудь департамента.

Вопъ, прохаживаются два человекъ, весьма проголодавшіеся; неперпѣливо посмаприваютъ они въ двери. Одинъ лѣтъ 35-ти, черненькой, приземистый, въ коричневомъ длиннополомъ серпукъ, голубомъ бомбазеновомъ жилетѣ и лиловыхъ нанковыхъ брюкахъ, съ длинными волосами, кои лоснятся отъ сала и расчесаны на двѣ стороны съ проборцомъ, какъ у пономарей; другой лѣтъ 25-ти, на тонкихъ неуклюжихъ ногахъ, какъ цапля, въ модномъ фракъ, съ огромною запанкою изъ красныхъ спѣклушекъ, которую легко можно почестъ издали за орденъ св. Анны 2-го класса, съ лорнетомъ на черной лентѣ, въ шпиблетахъ. Онъ во всеуслышаніе рассказываетъ своему поварищу о знапности своей породы. А!... Вопъ вѣжалъ запыхавшись и опирая клѣпчатымъ бумажнымъ плапкомъ крупныя капли пота съ широкаго, какъ у вола, лба своего, съ лицомъ блѣднымъ, одупловатымъ и лоснящимся какъ стекло, человекъ, во фракъ съ синимъ бархатнымъ воротни-

комъ, низкопоклонный, со всклокоченными и обваленными въ пуху волосами, съ бѣлыми глазами, съ бумажнымъ свѣрпкомъ подъ мышкою и съ општопыревшеюся отъ пестрадей пазухою. Двое вышеупмянутыхъ топчасъ подскочили къ нему и, выхватя свѣрпокъ, въ одинъ мигъ развязали его — и обнажили кипу альманаховъ въ разноцвѣпныхъ фулларахъ. Новопришедшій извинялся, что переплетчикъ задержалъ его, побѣжалъ самъ въ буфетъ попоропить объдомъ, который не заспавилъ ждать себя. Ерофѣичъ съ паусною икрою оному предшествовалъ: щи, къ коимъ поданы пироги съ сигомъ и япцами, поросенокъ подъ хрѣномъ и жареный гусь съ солеными огурцами, были разорваны на клочки; 3 бупылки медака и 3 бупылки пива выпипы. По окончаніи спола, они удалились на софу, гдѣ началось пупшеванье. Человекъ во фракъ съ синимъ воротникомъ, въ очкахъ, часпо вспавалъ съ своего мѣспа, кланялся подъячески, п. е. такъ, что руки его доспавали до земли и просилъ прикушашъ. Госпни, видѣвшіе большой Свѣпъ, не опговаривался изъ учпивости. Жаль, что я не слыхалъ ихъ разговоровъ; они должны быть опмѣнно пнтересны. Что же касается до ихъ профессіи, то не обинуюсь скажу, что низкопѣклонный пузатый, съ распухшими ланипями и небриптою бородою человекъ въ очкахъ—*авторъ* и *издатель* альманаха; особа въ коричневомъ серпукъ *книжникъ*, а модная кукла съ лорнетомъ на черной лентѣ *Фарисей*, сирѣчь, наѣмный рецензентъ, которому журналисты плапашъ по-дѣнно и по-штучно. Его поспная и вмѣспъ спѣсивая физиогномія говоритъ вамъ: *что ми дате и азъ предамъ валиъ его?*

Заглянемъ теперъ въ каморки, также набитыя жующими и глопашими. Вопъ сидитъ пожилой человекъ въ спаромодномъ, цвѣпта поблѣкшаго листа фракъ, малиновомъ бархатномъ жилетѣ, оранжевыхъ нанковыхъ брюкахъ и выроспковыхъ сапогахъ. Изъ подъ бѣлаго, полспно около шеи наверхеннаго кисейнаго плапка, съ длинными вислячими концами, высунуны съ обѣяхъ споронъ крѣпко накрахмаленные уголки бапшпсовой маншкки. На безыменномъ палъцѣ

правой руки сверкаетъ опаловый перстень, осыпанный бриллиантами; изъ подъ жилета его протянута внизъ полстая золотая цѣпочка, на коей привѣшена огромная гербовая печать изъ сердолика. Высокій съ заломомъ и кисью карпузъ, узорно опороченный золотымъ снуркомъ и пара фиолетовыхъ перчатокъ брошены близь него на окнѣ. Голова его похожа на овинъ, а спанъ мѣшковатостью на медвѣжій. Онъ самъ чепвѣртъ и распоряжаетъ объдомъ. Въ большомъ мѣстѣ, на диванѣ, сидитъ высокопарый, сѣдой, но бодрый старикъ, взлизастый, выпрямленный, горбоносый. Онъ, судя по знакамъ опличія и пряжкѣ за 45 лѣтъ безпорочной службы, козырный пузъ того суднаго мѣста, гдѣ служилъ; судя же попому, что обходился безъ носоваго плапка, онъ выслужившійся изъ приказно, или церковнослужителей. По одну его спорону рабѣшно сидитъ черненькая, подслѣповалая, въ мундирѣ съ подлиннымъ воронникомъ, съ порыжевшимъ шёлковымъ плапкомъ на шеѣ и прорившеюся опъ небришой бороды черною шафяною манишкою—фигура. По другую, нѣкто въ темносѣромъ фракѣ съ обпаянными пуговицами, въ жилетѣ и брюкахъ одинакаго цвѣта: большіе бакенбарды, величавая осанка, Циммермановская шляпа, суковапая палка и сапоги, свѣпящіеся какъ зеркало, дѣлають яркую противоположность между имъ и заспольными его себе сѣдниками. *Обладатель фиолетовыхъ перчатокъ* болѣе угощаетъ, чѣмъ ѣстъ, чаще подливаетъ, чѣмъ пѣетъ; *взлизастый* кушаетъ важно, пѣетъ рѣдко да мешко; *подслѣповатый* беретъ съ тарелки робко, а изъ рюмки только прихлѣбываетъ; *сѣрый* беззаботно накладываетъ себѣ двойную порцію каждаго кушанья и запиваетъ полными спаканами.

Какъ не узнать въ нихъ — пріѣхавшаго издалека въ столицу по пляжебному дѣлу помѣщика, секретаря, повыпчика и адвоката?

Въ сосѣдней, узкой какъ коридоръ, горенкѣ уже болѣе двухъ часовъ ѣдятъ свои два блюда шесть человекъ, по видимому, беззубые. Передъ ними сполитъ большое блюдо салапа, похожее на возъ съ сѣномъ, одна бутылка вина и шесть рюмокъ. Это Нѣмцы!

Рядомъ съ сею компаніюю, въ каморкѣ, украшенной эстампомъ: *Миръ Европы и Аполовъ съ Музами*, на скоро перехватываютъ семь человекъ: это вседневные поспипители расперяціи, или, говоря *въ серьезноли родѣ*, гостинницы. Они хотя не знакомы между собою, но всѣ принадлежатъ къ тому сословію горожанъ, кои, не имѣя ни движимаго, ни недвижимаго; ни поргѣ, ни промысла; ни ремесла, ни художества; ни мѣста, ни должности; всегда порядочно одѣты, сытно ѣдятъ, порчатъ и въ театрѣ и въ книжной лавкѣ, и на парадѣ и на выставкѣ. Опъ объдавъ, они выпили по чашкѣ кофе, выкурили по прубкѣ табаку, пробѣжали всѣ газеты и, какъ будто бы сговорясь, всѣ вдругъ вынули часы, посмотрѣли, сказали: *пора!* взяли шляпы и разбрелись въразныя спороны.

Воспользуемся ихъ совѣтомъ, и закончимъ наши замѣчанія. *Пора!*

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

УЖАСНОЕ СВИДАНІЕ.

(*Истинный анекдотъ*).

Мы ищемъ радостей,
А горести встрѣчаемъ.

А. Грень.

«Какъ я радъ,» говорилъ графъ Рансе своему другу: «что могу наконецъ видѣться съ баронессою Монтбезонъ. Еще на прошлой недѣль пригласила она меня на пайное свиданіе, но проклятая болѣзнь меня не допустила.»—Услышавъ же, что пробило восемь часовъ вечера, приказалъ закладывать экипажъ, и съ примѣтнымъ смущеніемъ отправился къ баронессѣ.

Городъ, въ которомъ жила она, отстоялъ опъ его помѣстья не болѣе двухъ миль, и графъ надѣялся чрезъ часъ увидѣть обожаемую имъ Монтбезонъ.

Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ въ городъ, и разгоряченный своею любовью, спѣшилъ къ баронессѣ. Вопъ уже пайно приближается къ ея дому, входитъ по лѣспниці и мнилъ уже быть въ ея объпняхъ.—«Все тихо—говоритъ графъ: «видно она подѣ разными пред-

логами разослала своихъ служителей и переперъ ожидаетъ меня.» Проходящій чрезъ длинный рядъ комнатъ и съ трепетомъ спущившій въ дверь ея спальни; но никто ему не отвѣчаетъ! «Какъ—думалъ онъ, неужели она меня обманула? Но нѣтъ, этакъ бытъ не можетъ,» и осторожно поворачиваетъ замокъ.

Каковъ же былъ ужасъ его, когда вмѣсто мягкаго ложа, представился испуганнымъ взорамъ его черный гробъ? — Сначала мыслилъ онъ, что съ нимъ сыграли шутку; но приближившись къ гробу, видя въ немъ прутья своей возлюбленной.— Сей скорый переходъ отъ радости къ печали, столь сильно подвѣсповалъ на графа, что онъ чрезъ короткое время поспригся въ монахи.

Потомъ узналъ онъ, что баронесса за три дня до сего свиданія занемогла оспой, и чрезъ три дня переселилась въ вѣчную обитель.

Н. К—та.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

нынешней выставки (1833) Императорской Академіи Художествъ.

(Окончаніе.)

Намъ остается еще обозрѣть архитектуру. Кто взглянетъ на роскошныя, изящныя зданія обѣихъ столицъ Россіи: тотъ, безъ сомнѣнія, увѣрится въ процвѣпаніи у насъ сего искусства; однакоже послѣдняя *Выставка* была чрезвычайно бѣдна архитектурными рисунками. Исключая академическихъ учениковъ, только *Тонъ* и *Брюлло* украсили оную своими проектами. Фасадъ и планъ зданія, проектированнаго г. *Тономъ* для Кавказскихъ минеральныхъ водъ, замѣчательнъ по своей оригинальности. Г. архитекторъ хотѣлъ на границахъ Европы и Азіи соединить вкусы обѣихъ сихъ частей Свѣта: и причудливую роскошь и запѣйливость Востока покорить правильнымъ очеркамъ новѣйшей Европейской архитектуры. — Мысль, истинно художническая! Фасадъ сего зданія напоминаетъ пышныя руины Гиль-Минара.— По скату горы, уступами, пред-

положилъ художникъ воздвигнуть великолѣпный памятникъ архитектуры обѣихъ частей Свѣта. Каждый ярусъ покрывается роскошною перасою и, такимъ образомъ, восходя все выше и выше по уступамъ горы— все зданіе оканчивается прелестною галерею. Планъ гигантскій! Жаль только, что при немъ, какъ и при прочихъ архитектурныхъ проектахъ, не приложено смѣты: тогда бы можно было судить, удобоисполнимъ ли онъ, или нѣтъ, а это, думаю, важное условіе при проэктѣ каждаго зданія.— Правда, трудно въ Петербургѣ сосланишь смѣту зданію, воздвигаемому на Кавказѣ; но для сего можно найти среднее число, взявъ въ соображеніе какое нибудь данное мѣсто; или хотя бы приравнишь оное въ случаѣ затрудненій къ цѣнамъ сполчнымъ. Каждый, нѣсколько смысленый зритель, можетъ догадаться о различіи цѣны на матеріалъ и работу, сдѣлавъ сравненіе и, такимъ образомъ, нѣсколько приблизиться къ истинѣ. Знашь цѣну проектированнаго зданія необходимо для того, чтобы судить о достоинствѣ проэкта.

Другіе два плана и фасада сего же художника останутся его безсмертными памятниками: онъ гений здчества! Это проэктъ Грекороссійскаго монастыря и Грекороссійской церкви. — Въ сихъ проектахъ г. *Тонъ* создалъ новый, доселѣ еще никѣмъ неиспытанный стиль архитектуры. Онъ соединяетъ въ себѣ всѣ отличительныя черты древнихъ нашихъ Русскихъ храмовъ и монастырей! Въ рисункахъ г-на *Тона* вы увидите нѣ же пять главъ, изъ коихъ средняя господствуетъ надъ прочими; шу же оспровидность (ogive) сводовъ, по же крестообразное расположеніе, а въ фасадѣ монастыря—тѣ же башни, кои украшаютъ у насъ свѣтлыя обители иноковъ (нерѣдко въ смутныя времена служившія оплотомъ государству); но все расцвѣчено всѣми пособіями искусства: все безобразное, нестройное отброшено и вмѣстѣ сохранено по же паинственное величіе, та же массивность (громадность), подавляющая душу невольнымъ страхомъ. Маленькія колонны украшаютъ широкую шейку средней главы, чешуйча-

пая кровля коей напоминаетъ фантастическія главы церкви *Василія Блаженнаго*, что въ Москвѣ. Онѣ расположены не на ровной поверхности, какъ обыкновенно строились старинныя наши церкви — но боковыя поставлены ниже средней, и отъ того зданіе получаетъ видъ не груды камней, но стройнаго цѣлага: великолѣпный, роскошный помостъ ведетъ въ главный монастырскій востокъ, и окружающія оныя башни съ флюгерами и оспрокопченными кровлями изящно округляютъ весь сія зданія въ одно изящное цѣлое. Мысль нова, богата! Самый даже иконостасъ сего храма приравленъ къ нашимъ древнимъ иконостасамъ — но какое изящество! Не смотря на высоту свою и массу образовъ, въ немъ заключенную, онъ легокъ, воздушенъ. Нѣкоторые изъ посвящителей называли спилъ, созданный г. *Тоноль*, Русскимъ народнымъ (*): не знаемъ, можно ли допустить существованіе у насъ народнаго спила и можно ли изобрѣсти оный. Скажемъ только, что сей новый спилъ архитектуры совершенно оригиналенъ, и преобладаетъ спрожайшаго кирпическаго разбора, какъ художественное явленіе, озарившее новымъ свѣтомъ міръ зодчества. Прямо было встрѣпипъ на нашей *Выставкѣ* новую, смѣлую мысль, брошенную въ область искусства, и мы усердно благодаримъ гениальнаго художника за наслажденіе, намъ доставленное. Надѣмся, что изобрѣтеніе его творческой фантазіи не останется безъ вниманія и привлечетъ къ себѣ всѣхъ истинныхъ любителей и знатоковъ искусства!

Проектъ небольшой Готической церкви, составленный г. *Брюлло*, также достоинъ похвалы, по своему изяществу и по вѣрному подражанію сему спилу архитектуры. Церковь сія украситъ одну изъ предѣстпнѣйшихъ окрестностей Петербурга — Парголово, дикою красотою своею весьма соопвѣпствующее сему спилу зодчества.

Говоря объ архитектурныхъ проектахъ, должно замѣпипъ, что Академія представила нѣсколько рисунковъ архитектурныхъ украшеній, фасадовъ и плановъ, дѣланныхъ ея

учениками по даннымъ программамъ; но сіи фасады не привлекали вниманіе Публики. Можетъ быть причиною тому была бѣдность и однообразіе предметовъ, заданныхъ Академіею ученикамъ своимъ: въ домѣ Русскаго вельможи и въ домѣ генералъ-губернатора юные паланпы не могли показать ни оригинальности фантазіи, ни смѣлости мысли; па и другая сжаты были скудостью темы. Только въ храмѣ, въ Царскихъ чертогахъ, въ общественномъ зданіи, зодчій выходитъ изъ круга расчѣпливой вещественности и дѣлается истиннымъ художникомъ. Частныя же зданія, своими условіями, приравленіями къ обстоятельствомъ и удобствамъ жизни, и однажды навсегда данною формою, изъ границъ коей архитекторъ не можетъ выступать, охлаждаются, обезкрыливаютъ фантазію, налагаютъ оковы на артиста и препятствуютъ ему выказатъ таланты свои въ полномъ блескѣ. Они пребываютъ протпора! Впрочемъ, необходимо было показатъ Публикѣ, что воспитанники Академіи умѣютъ удовлетворить одной изъ главныхъ потребностей жизни: поспроить жилище. Прибавлю только, что желательна бы было видѣть, какъ еще робкая фантазія ихъ работала бы надъ созданіемъ какого нибудь храма, театра, дворца и проч. Вообще труды учениковъ Академіи во всѣхъ родахъ искусства показываютъ, что они преуспѣваютъ въ пехническомъ изученіи оныхъ, п. е. въ изученіи средствъ: ибо умѣнье правильно нарисовать человѣческую фигуру, дать ей живописное положеніе, вѣрно слѣпить голову, изобразить всѣ жилки на ногѣ или рукѣ, составить красивый фасадъ и удобный планъ дома — есть хопя необходимая, но только вещественная сторона искусства, средства онаго. Далѣкъ еще переходъ отъ хорошаго живописца-формалиста (*) до живописца-художника. — Разница между ними почто пакая же, какъ между

(*) Здѣсь мы разумѣемъ подъ словомъ *формалистъ*, пѣтъ живописцевъ, которые умѣютъ вѣрно и хорошо срисовать какой либо предметъ одушевленной или неодушевленной природы, сами же не въ состояніи вдохнуть въ него жизни, одушевить его, и пѣтъ менѣе, создатъ что либо. — *Сог.*

(*) Они правы! — *В.*

грамотѣмъ, умѣющимъ слепать вирши и истиннымъ поэтомъ. И такъ, въ сей-по, такъ сказать, грамматикъ и риторикъ пластическихъ искусствъ, ученики нашей Академіи показываютъ щасливые успѣхи: это уже много! Но желательнее было бы видѣть дальнѣйшее развитіе художническаго ихъ образованія. Для сего нужно Академическимъ наставникамъ обратитъ попеченіе на еспешическое ихъ образованіи, дабы, изучая средства искусствъ, они вмѣстѣ съ пѣмъ пріучались и владѣть оными: ибо, къ чему служилъ форма, если мы не умѣемъ вдохнуть въ неё жизнь?—Конечно, никакой гений-профессоръ не можетъ сдѣлать истиннымъ художникомъ чловѣка, не имѣющаго природной къ тому склонности, ибо *poetae nascuntur*, говоритъ старинный учитель чловѣчества; но наука развиваетъ таланты, раскрываетъ въ душѣ чловѣка такія силы, коихъ безъ ея помощи онъ никогда бы не ощутилъ въ себѣ.

Много занимательнаго, прекраснаго, можно даже сказать, превосходнаго представила намъ послѣдняя *Выставка* художественныхъ произведеній!—Нѣкоторыми изъ нихъ мы наслаждались въ полношѣ души, какъ наслаждаются твореніями талантовъ высокихъ, зрѣлыхъ; иными любовались, какъ прелестными блѣстками, разсѣянными лѣгкою, игривою фантазіею художника по канвѣ хорошаго, невыходящаго за границы обыкновеннаго—хорошаго и правильнаго; другими—какъ просвѣтами еще неразвитаго таланта, которые лелѣяли въ насъ надежду со временемъ узрѣть плоды еще вкуснѣйшіе, еще благовоннѣйшіе. Одна уже многочисленность находившихся на *Выставкѣ* произведеній искусствъ показываетъ, что художественное образованіе въ Россіи дѣлаетъ быстрые успѣхи.—Но мы уже сказали нашимъ читателямъ, что достоинства многихъ изъ нихъ свидѣлствуютъ о силѣ и богатствѣ талантовъ, создавшихъ оныя художниковъ. Будемъ надѣяться, что Академія наша еще болѣе усилитъ старанія свои о распространеніи благотворнаго свѣта искусствъ въ Отечество, а наши художники, одушевляясь

истинною любовію къ предмету своихъ занятій, бодро пойдутъ по прудному, но пріятному пути усовершенствованія. Подъ руководствомъ Академіи, соединивъ пехническое изученіе искусствъ съ познаніемъ внутренняго свойства оныхъ, истинные художники украсятъ Отечество новою славою—и льпописи искусствъ украсятся доселѣ новыми для нихъ Русскими именами (*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАПОВѢДНАЯ ДОЛИНА.

Когда-то въ шой долины ясной
Чудесь была спрана;
Заповѣдною, по прекрасной
Въ молвь слыла она.
Но никогда долины чистой
Никто не посѣщалъ,
И омовсюду лѣсъ пѣщистой
Долину закрывалъ.
Лишь изъ за лѣса слышно было,
Какъ въ ней шумѣлъ ручей,
И въперками наносило
Листки съ цвѣтовъ изъ ней.
Земръ живымъ благоуханьемъ
Порхалъ окрестъ еѣ;
Онъ безпокоющимъ желаньемъ
Тревожилъ бышіе.
Однажды мнѣ съ холма случилось

(*) Авпоръ спашь покорнѣйше проситъ извиненія, если онъ пропустилъ безъ вниманія какое либо нѣсколько замѣчательное произведеніе искусствъ: не имѣя никакого пособія и руководителя, онъ долженъ былъ полагаться единственно на собственную догадливость въ объясненіи содержанія картинъ и спашуй и, добавокъ, старался удержатъ въ памяти имена художниковъ.—Весьма еспешивно расперялся въ такомъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ. Опять скажемъ, не въ укоръ Академіи, что весьма будетъ полезно издавать впередъ *Указателя*, который будучи руководителемъ посѣщителей *Выставки*, могъ бы служить важнымъ пособіемъ для описанія оной.—Авпоръ спашь не выдаеть себя за знатока, а попому удерживался отъ рѣшительнаго тона цѣнителя; но онъ всею душою любитъ искусство и *высказываетъ* впечатлѣніе; произведенія на него *Выставкаю*, не дерзая *судитъ* о ней въ строгомъ смыслѣ сего слова.

Тайкомъ шуда взглянушь. . . .
 Вдругъ сердце вспыхнуло, забилось,
 И взволновалась грудь. . . .
 Я рой увидѣлъ дѣвъ прелестныхъ,
 Какъ цвѣшь весны, младыхъ,
 Увидѣлъ рой красонь небесныхъ,
 Красонь полунагихъ. . . .
 Казалось, дочери природы,
 Въ безпечности молодой,
 Для счастья, игри, для свободы
 Взлелѣяны судьбой.
 Ахъ! никогда шакихъ дошоль
 Красонь я не видалъ!—
 Ихъ видя, я жалѣлъ о волѣ,
 И духомъ поскѣвалъ.
 Волнами кудри рассыпались
 По лилійнымъ плечамъ;
 Ихъ перси юныя вздымались;
 Ихъ взоръ манилъ къ устамъ. . . .
 И долго, долго на прекрасныхъ,
 Недвижимъ, я глядѣлъ!
 Желаній смушныхъ, думъ неясныхъ,
 Я пламенемъ горѣлъ.
 Съ шѣхъ поръ не разъ съ холма въ долину
 Ходилъ я посмопрѣшь,
 И всякой разъ молилъ судьбину
 Мнѣ дашь въ ней умереть,
 Но разъ я взоръ къ долинѣ милой
 Послалъ издалека —
 И что-жь!—она во мглѣ унылой,
 Угрюма и дика.
 Кругомъ еѣ улесы спали;
 Замохъ зелѣный лѣсъ;
 Цвѣшны—какъ будто не бывали,
 И рай земной исчезъ.
 Куда-жь исчезъ—никто не знаешь—
 Красавиць милый рой; . . .
 Теперь унынье обихаетъ
 Въ пустой долинѣ шой.
 Но кто-жь долины злой губитель? —
 Я слышалъ—посѣшилъ
 Еѣ порокъ—и испребитель
 Въ ней воздухъ опправилъ.

Александръ Глбовъ.

О М О Н И М Ъ.

По прихоти, бываю узкій, долгій,
 Широкий, сборчатый у дамъ;
 Ашласный, сипцовый, кисейный, драдѣдамъ;
 У моря, озера, у рѣкъ—къ услугамъ вамъ!
 Насъ семдесятъ у Волги.

III.

Въ № 89 и 90, помѣщенныя значащъ: шарада *Раз боръ*,
 хогогрикъ

Qu'un baiser brûlant comme braise,
 De mon amour soit le doux prix,
 Et qu'à tes pieds, enivré d'aise
 Je reste enchaîné par les Ris.
 Nouvelle Hébé, que ta main bienfaisante
 Du jus divin me verse un rouge bord;
 Avec le vin, la lyre et mon amante,
 Désormais je nargue le sort;
 Mais si la Parque envicuse et morose
 De ses ciseaux contre moi veut user,
 O mon Iris! que tes lèvres de rose
 Me ferment l'œil par un baiser!

М О Д Е С.

La poudre nous menace! . . . on en reparle au renouvellement de la saison; malgré le mauvais accueil qu'on lui a fait, elle ne se tient pas pour battue, et se représente. Mais reviendra-t-elle généralement? C'est au moins un doute. Nous avons repris les vieilles robes de nos mères; elles se sont faites gracieuses avec la grâce que nous leur avons donnée, mais les chignons de nos mères n'avaient rien d'élégant; la poudre est un *inconvenient hors nature*, qui peut bien être portée un jour comme une fantaisie mais qui ne peut pas revenir avec l'autorité d'un usage.

Il y a des visages auxquels sied la poudre. Elle les adoucit, et rend les yeux brillans; mais aussi elle gâte une robe en moins d'une heure, et quelque luxe que mette une femme à sa toilette, elle porte toujours bien une robe plus d'une fois, et encore doit-elle au moins désirer que sa robe conserve de la fraîcheur pendant la durée d'un bal.

Nous parlerons des coiffures en cheveux qui vont être arrêtées pour l'hiver; les nattes en couronnes sont devenues si communes, que les coiffeurs à la mo-

de ne les font plus du tout; les coques plus ou moins hautes—peut-être des papillottes. Nous donnerons ce détail quand il sera certain.

Les ceintures de fantaisie à *gros grain satiné* sont d'une force extrême, résistant sans se plier; les plus distinguées sont variées de plusieurs nuances comme du marbre; le satin est uni à l'endroit sans aucune brochure; d'autres ceintures du même genre sont à gros grains, la côte restant visible; de fort jolies ont les marbrures très-vives sur fond blanc.

Une autre genre de ceinture se fait en ruban de satin souple—toujours marbré, le blanc ou le noir domine pour le fond; ces ceintures ne s'attachent pas avec des boucles, elles se nouent par devant ou sur le côté par une rosette à pans.

Quelques-unes sont en satin imprimé, comme des étoffes; à dessins chargés ou légers, selon qu'ils doivent aller avec une robe du même genre.

Les fichus-ceintures sont de charmans négligés, et seront susceptibles cet hiver d'achever avec grande élégance une toilette de bal. Le ruban, marquant une pointe de fichu, s'attache au milieu du dos, il passe sur les épaules, croise sur la poitrine, et revient nouer par devant, en rosette à très-longes pans, après avoir croisé derrière le dos. Ordinairement ces fichus-ceintures se mettent sur des robes montantes; il sont en satin large d'une main, uni ou à dessins. — Mais on peut aussi fort bien les mettre avec une robe décolletée; quelquefois on ajoute à ce ruban, tout simplement posé, une rosette à bouts flottans, qui se fixe sur chaque épaule.—Ceci convient mieux lorsque la robe est décolletée, qu'avec la robe négligée.

М О Д Ы.

Пудра намъ угрожаетъ!... О ней поговариваютъ при переѣмѣ времени года. Не взирая на дурной приемъ, который ей былъ сдѣланъ, она не щипаетъ себя побѣжденною, и опять показывается. Но сдѣлается ли она общею? Это по крайней мѣрѣ сомнительно. Мы принялись опять за старыя платья нашихъ бабушекъ; онѣ сдѣланы красивы отъ ловкости, которую мы имъ придали; но шиньоны никогда не были щеголеватые. Пудра есть не *натуральное* неудобство; она можетъ быть нѣсколько времени въ употребле-

нїи какъ прихоть, но никогда не возвратится съ властію обычая.

Есть лица, къ которымъ пудра идетъ. Она смягчаетъ ихъ, и придаетъ блескъ глазамъ; но она также испорчитъ платье менѣе нежели въ часъ, и съ какою бы роскошью дама не одѣвалась, она все надѣваетъ платье болѣе одного раза, и должна по крайней мѣрѣ желать, чтобы платье ея сохранило свѣжесть въ продолженіи одного бала.

Мы скажемъ два слова о прическахъ, которыя будутъ утверждены на зиму; косы вѣсками сдѣланы такъ обыкновенны, что модные парикмахеры ихъ совсѣмъ не дѣлаютъ; пепли болѣе или менѣе высокія, могутъ быть локоны. Мы опишемъ подробно, когда это будетъ верно.

Модные пояса грограновые апласные чрезвычайно жестки, никогда негибаются; самые отличные расцѣплены разными цвѣтами, какъ мраморъ; апласныя мѣста, гладкія безъ всякаго узора; другіе пояса въ такомъ же родѣ грограновые, рубчики видны весьма красивые, съ яркими мраморинами по бѣлому грунту.

Другой родъ поясовъ дѣлается изъ мягкихъ апласныхъ лентъ, мраморныхъ же; бѣлой или черной цвѣтъ предпочитается для грунта. Пояса сіи схватываются не пряжками, а завязываются спереди или съ боку розеткою съ концами.

Иные изъ печашныхъ апласныхъ лентъ, какъ маперіи, съ густыми или легкими узорами, шпиря по платью, къ какому надѣваются.

Косынки-пояса весьма красивое *négligé*, которыми можно будетъ зимою довершать съ большою щеголеватостію бальный нарядъ. Лента, составляющая мысокъ косынки, прищипывается въ срединѣ спины; попомъ ленты кладутся на плеча, перекрещиваются на груди и обходятъ крестообразно сзади, завязываются спереди розеткою съ весьма длинными концами. Обыкновенно эти косынки-пояса надѣваются на платья съ высокими лифами; они изъ апласной ленты, шириною въ ладонь, гладкой или съ узоромъ. — Но также очень прилично надѣвать ихъ и съ открытыми лифами; иногда прибавляютъ къ этой простоположенной лентѣ розетки съ висящими концами, прищипанными на плечахъ. — Это приличнѣе съ открытымъ платьемъ, нежели съ простымъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 92.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 18 ДНЯ 1855 ГОДА.

Дуракъ, бранивъ меня, смѣшишь, не досаждаешь,
А ласкою своей бѣсишься принуждаешь.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Ч У Д А К Ъ.

Онъ радъ опечесства блаженству:
Дай больше, Небо, таковыхъ—
Россіи славы къ совершенству—
Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!

Державинъ.

«Не знаете ли вы, кто поселился въ зеленомъ домикѣ?»—спросилъ я у молодого челоука, который жилъ въ селѣ М., также какъ я въ селѣ Р., для поправленія разспроенаго здоровья.—*Чудакъ*, отвѣчалъ онъ мнѣ: копорый вспаешь въ 4 часа упра, когда всѣ *порядочные* люди спяшь крѣпкимъ сномъ, обѣдаешь какъ мѣщанинъ въ 12, чай пѣешь въ 7, ложился спать въ 10 часовъ, когда люди *хорошаго тона* только собираются ѣхать на Раупъ. Онъ носитъ шляпу съ низкою тульею и прешпрокими полями, какъ Квакеръ, байковый серпукъ съ осемью карманами; но что всего смѣшнѣе, онъ, будучи дворяниномъ и полковникомъ, ходитъ пѣшкомъ въ Петербургъ, какъ мой крѣпосной мальчикъ *Назарушка*. Съ прѣзда сюда, я искалъ съ нимъ знакомства, но поразвѣдавъ о его бразѣ жизни, опдумалъ.

—Въ другой разъ, гуляя по селу Р—му съ однимъ чиновникомъ (который слылъ большимъ хозяиномъ, ибо получая 2,500 рублей жалованья, занималъ въ Петербургѣ кварширу за 1200, лѣпомъ дачу за 300, держалъ пройку лошадей, занималъ кучера за 250, повара за 400, камердинера за 600 рублей и имѣлъ роскошный столъ), я сдѣлалъ ему пошь же вопросъ, и получилъ въ отвѣтъ, что это *чудакъ*, который будучи комиссаромъ при одномъ весьма значительномъ казенномъ спроеніи, могъ бы *нажить*, по самой малой мѣрѣ, 50 т. рублей, а не *нажилъ* ни мѣднаго пятака, и просидѣлъ у сундука съ деньгами, какъ собака на снѣгъ, пока *старше* не *сжили* его съ рукъ.—

«Въ какой пустынь проводишь ты нынѣшнее лѣто?» спросилъ у меня въ пещерѣ надворный совѣтникъ N. N. (служащій по особымъ порученіямъ и употребляемый своимъ начальникомъ для открьтія злоупотребленій).—Въ селѣ Р—мъ!—отвѣчалъ я ему.—«Здоровое мѣсто, замѣнилъ онъ; у васъ пріятная прогулка въ саду дюшессы Серракапріоли; видъ на Неву, на Нѣмецкую колонію, прекрасны. Тамъ всякой годъ живѣшь одинъ мнѣ знакомый *чудакъ*.» Тутъ со-

вѣпникъ назвалъ его по имени и попомъ продолжалъ: «Лѣтъ за семь передъ эѣимъ, ему поручено было обревизовать * * * * экспедицію. Онъ помчался туда съ такою поспѣшностью, какъ будтобы получалъ наслѣдство послѣ умершаго дяди-опікущика; захватилъ и членовъ и секретаря въ рас-
пlockъ, взялъ ихъ бумаги, два мѣсяца не выходилъ изъ кварширы, *читалъ да вычиталъ*, и *нагнѣлъ* болѣе двухъ миліоновъ, у казны украденныхъ. Члены экспедиціи засылали къ нему съ посудомъ 100 п. рублей, за сокрытіе ихъ преступленій; но онъ на опрѣвъзъ откачался, и выставилъ ихъ передъ главнымъ начальствомъ такъ ясно, что они находящіяся подъ судомъ невступно шестъ лѣтъ.»

— *Чудакъ, чудакъ!* — *починительно произнесъ* я самъ про себя, выходя изъ пещера,

И, познакомась съ нимъ, нашель, что онъ гораздо болѣе *чудакъ*, нежели какъ о немъ рассказываютъ. Онъ, напрімѣръ, выигнулъ походы опъ 12-го Іюня 1812 года до Парижскаго мира, исправляя многозаботную должность полковаго адъютанта; онъ, будучи прослрѣленъ насквозъ пулею подъ Смоленскомъ, черезъ мѣсяць спалъ опять въ ряды сражающихся съ открытыми ранами; онъ, будучи сдѣланъ душеприкащикомъ, не согласился спакнувшись съ другими, утаить часть денегъ, оставшихся послѣ его доверителя; онъ уменъ, образованъ, благороденъ, живеть безпорочно въ супружествѣ, пвердипъ:

Бдаженъ, кто меньше всѣхъ зависить отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ;
Не ищеть при дворѣ ни злата, ни чести,
И чуждъ суеты разнообразныхъ.

Чѣмъ короче я съ нимъ знакомился, тѣмъ больше удоставлялся, что онъ *чудакъ*, большой *чудакъ!*

А. Кораблинскій.

1833 Іюля 24 дня.

ФИЛОСОФЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Деревенскій житель, въ первый разъ прѣхавшій въ Берлинъ, въ письмѣ къ матери

написалъ: «Домы здѣсь такъ высоки и такъ плотно одинъ къ другому приспособлены, что еслибъ не было улицъ; по и пройши было бы негдѣ.»

П Л Я С У Н Ъ.

«Танцуетъ супругъ вашъ?» — Никакъ-съ нѣтъ-съ; такъ, иногда — дурачился, *плещеть-съ*. . . — «И *вѣрно по ватшей дудкѣ*!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНАЯ РОЗА.

Повѣсть.

(С. И. М—ской).

О жаръ святыхъ молитвъ! зажгись въ душѣ моей!
Лучъ вѣры пламенной, бесни въ ея ниспый!
Проейся въ грудь мою цѣлительный елей!
Пусть сны вчерашніе не мучають сердца нынѣ.

I.

Въ молодости я былъ веселъ какъ радость, беззаботенъ какъ уланской корнетъ. Другими глазами смолрѣлъ я на свѣтъ и людей. Тогда не развилась еще во мнѣ идея жизни; желанія и спраспи не превышали возможности ихъ исполненія; честолюбіе ограничивалось взводомъ, корысполубіе — кошелькомъ серебряныхъ монетъ, самолюбіе — парюю комплиментовъ и ласковымъ взглядомъ провинціальной дѣвушки. Поѣздки къ помѣщикамъ, мазурки и конпродансы соспавляли для меня загадку земнаго щаспія. У меня были завипы усы и красныя щеки; я легко панцовалъ; много говорилъ смѣшнаго, забавнаго; всѣхъ любилъ, всѣмъ угождалъ, всему удивлялся.

Гдѣ же эѣи люди, съ которыми находилъ я такъ много радости? Опъ чего же теперь перемѣнилось мое нравственное существованіе? Тѣ же лица, тѣ же мѣста, тѣ же увеселенія, тѣ же рѣчи кажутся мнѣ нестерпимо скучными, незабавно смѣшными.

Опытъ безжалостно вырвалъ изъ рукъ моихъ очаровательную игрушку. Въ мушкетерахъ показалъ онъ мнѣ умъ, таланты, самоотверженіе, самыя блистательныя добродѣтели и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убійственную холодность, эгоизмъ, непрощительныя недосыпки и презрѣніе къ людямъ; въ женщинахъ—очаровательную красоту, плѣнительную любезность, возвышенныя чувства, кокетство, тщеславіе, безхарактерность и самыя ничтожныя слабости. Онъ развилъ и оразобразилъ мои желанія, показалъ обольстительную жизнь и опилъ всякую возможность къ ея исполненію. И надъ этимъ хаосомъ высокаго и обыкновеннаго, благого и послѣднаго, прекраснаго и смѣшнаго—поставилъ меня въ всегдашней грустной задумчивости.

Однажды, съ самодовольнымъ видомъ развѣшивалъ я блестящій витишкетъ, собрался на балъ къ одному изъ ближайшихъ сосѣднихъ помещиковъ. Повторяю еще—я былъ молодъ, слѣдовательно неперпѣливъ. Эпаго бала ожидалъ я съ большимъ неперпѣніемъ. Раза три видѣлъ его во снѣ, а въ послѣднюю ночь не могъ заснуть опять ожиданія. Туалетъ мой оконченъ былъ слишкомъ рано. Солнце спяло высоко. Я часто посмапривалъ на него, какъ на неспоснаго гостя, который мучитъ насъ иногда своимъ посѣщеніемъ и отъ котораго часто не находимъ средствъ ошдѣлаться. Я сѣлъ у окна и мысленно началъ перебирать всѣхъ хорошенькихъ посѣпительницъ предстоявшаго бала.

«Женись, мое дитяпко,
Женись, мое милое,
На княжеской дочери...»

Запѣла безобразная, полунагая Цыганка, подходя ко мнѣ.

«Опвяжись отъ меня, черново племя; я не думалъ ни о женипѣбѣ, ни о княжеской дочери.»

— Не думалъ, такъ подумаешь, дитяпко. Дай ручку, дай копѣчку, погадаю тебѣ, красному молодцу.—

«Я лучше тебя знаю будущее: сегодня напанчуюсь досыпа, наговорюсь съ хоро-

шенькими дѣвушками и проспю завтра за полдень; потомъ пойду въ манежъ, вечеромъ буду у ролмиспра, послѣ-завтра опстою въ караулъ—чего же тебѣ больше?— А тамъ, приходи пожалуй, слушапъ будущее: я расскажу тебѣ всѣ балы и праздники моихъ гостепрѣимныхъ сосѣдей.»

Цыганка соспрадательнымъ взглядомъ опвѣчала на веселую мою болтовню.

«Чтожъ ты задумалась, беззубая черповка?—Кстапи, загадай-ка, удачна ли будешь англизировка моего воздушнаго?»

— Не мое дѣло, дитя мое. Дай мнѣ ручку, дай копѣчку,—покажу тебѣ радость пвою—пвою суженую. То-то дѣвица! Бѣла, какъ снѣгъ; волосы какъ смоль, огонь въ очахъ, медъ въ рѣчахъ.—

«Нѣтъ, спаруха, такъ далеко я никогда не думалъ.—Женипѣба—вмая проза, наскучишь и безъ гаданья.»

— Заболитъ сердечушко, закручинишься. Будешь звать Цыганку, да не сыщешь и копейшей моихъ. Загадай, добрый молодецъ! всю правду скажу, какъ по писаному.—

Я взглянулъ на часы,—оставалось лишняго болѣе часу. Спаруха повторила свое предложеніе.

«О чемъ спросить тебя, беззубая Сивилла?.. Покажи мнѣ женщину, которую буду любить я болѣе всего въ жизни.»

— Давно бы такъ, добрый молодецъ!—сказала Цыганка, входя въ комнату. Бормоча какія-то слова, она заперла ставни, защелкнула дверь, зажгла зеленую свѣчу и вынула изъ прѣпицы кусокъ мепаллическаго зеркала; шепнула что-то на стулъ; велѣла мнѣ сѣсть посреди комнаты; спяла съ руки серебряное кольцо и обвела имъ около меня кругъ.

— Сиди же смрно, — сказала она повелительнымъ голосомъ: только въ эпомъ кругу заключена моя сила.—

«Ври, да не завирайся, спарая черповка. Если я опоздаю за тебя хопя однимъ панцомъ, такъ попѣшусь вдвое на спинѣ пвоей.»

Цыганка не дослушала моихъ угрозъ; молча, посадила меня на спуль, приказала смотрѣться въ зеркало, и начала обводить по немъ жилистою рукою.

Нѣсколько времени продолжались ея однообразныя движенія. Я весь былъ занятъ баломъ; машинально смотрѣлъ въ пусклое зеркало, освѣщенное слабымъ свѣтло-зеленымъ свѣтомъ. Я выходилъ изъ пердвѣнія.

«Цыганка! я вижу только свои безобразныя морщины.»

Спаруха, не обращая вниманія, продолжала свои движенія. Я взглянулъ ей въ лицо—оно было спрашно, волосы ея вспали дыбомъ, черныя глаза сверкали, какъ молнія.

Черезъ нѣсколько минулъ Цыганка проговорила какія-то невнятные слова, и пусклось сбѣжала съ зеркала, какъ дыханіе съ полпрованной спали. По движенію руки ея мгновенно раждалась и исчезали въ немъ разноцвѣтныя яркія краски, подобно цвѣтамъ калейдоскопа. Эпи мелькавшія искры предспавляли какую-то таинственную, невообразимую смѣсь. Мало по малу онѣ начали приходиться въ знакомыя глазу фигуры и очерки, переливались свѣтло-радужными лептами; цвѣты темнѣли, зеркало подернулось чернымъ флеромъ, — очиспилось, и на золотомъ полѣ мнѣ представилась пышная *Черная роза*.

«Спаруха! я просилъ тебя показать не цвѣпокъ, а женщину.»

— Это любимый ея цвѣпокъ;—но смотри же дитя мое.—

Спаруха начала обводить рукою скорѣе, бормотанія ея спановились слышнѣе и непонятнѣе. Я засмотрѣлся на любимый мною цвѣпокъ—онъ былъ такъ роскошенъ, такъ полонъ ароматической жизни! Мнѣ казалось, что я впиваю въ себя его запахъ; какъ вдругъ руки Цыганки завершѣлись скорѣе и изъ прекрасныхъ листковъ розы въ минушю образовалась женщина... Нѣтъ! это былъ идеалъ прекраснаго, вся прелестъ созданія, заключенная въ очаровательный призракъ женщины. Какія возвышенныя формы обрисо-

вывало черное платье! Какая жизнь и поэзія въ очахъ! Сколько восхищительнаго въ ея улыбкѣ! А эти полуопущенныя рѣсницы, которыя подняла она съ такимъ трудомъ, какъ будто бы на нихъ лежала необыкновенная тяжесть!...

Спаруха остановила движеніе руки... Молча, въ безпамятспивѣ, любовался я обольстительнымъ видѣніемъ. Я хотѣлъ передать памяти черты необыкновенной женщины.

— Чшожь такъ задумался, красавецъ? — сказала Цыганка, поворачивая рукою: пора, пора! Тамъ ужъ смѣшно и весело; ждущъ дѣвушки добраго молодца; время не спать, — увидишь, полюбишься. Заболитъ сердечушко—призадумашься.—

Цыганка повела рукою. Прекрасное видѣніе разсыялось въ свѣтломъ кругѣ, и снова на золотомъ полѣ образовалась *Черная роза*.

«Это моя роза!» вскричалъ я въ магическомъ обманѣ чувствъ и, со всею силою, бросился сорвать цвѣпокъ.

Движеніе мое разрушило волшебство. Пришедъ въ себя, я держалъ мепаллическую дощечку, объ углы которой обрѣзалъ себя до крови руки. Боль и дикой смѣхъ Цыганки раздражали обманутыя чувства.—Я не могъ припсти въ себя: я бѣсился, я краснѣлъ, я любилъ, я посковалъ.

— Обрѣзалъ пальчики, дитя мое! подѣломъ, — не хватаешься бы голыми руками. Цвѣпокъ взлелѣяло золотое поле.—

Я бросилъ въ Цыганку обломкомъ зеркала, всунулъ ей серебряный рубль, перекрестился, дунулъ на всѣ четыре стороны, умылся, принарядился, сълъ въ перекладную и черезъ полчаса заспучалъ шпорами въ залѣ помѣщика.

II.

Послѣ Адрианопольскаго міра намъ объявленъ былъ походъ въ Россію. Быспро и радоспно разнеслась вѣсть по арміи. Маркшпанты не успѣвали опкупоривать бушылки. Мы прощались съ офицерами 7-го пѣ-

холнаго корпуса, съ которыми почти неразлучно служили вторую Турецкую компанію и съ которыми связывала насъ пѣсная братская связь, основанная, въ минуть самоотверженія и опасности, на взаимномъ другъ къ другу уваженіи.

Возвратъ на родину есть, безъ сомнѣнія, лучшее время въ жизни солдата. Какія пріятныя воспоминанія наводилъ на возвращеніи пупи мѣста—свидѣтели великихъ событій. Вотъ высота, взятая Русскимъ штыкомъ, Русскою грудью, противъ которой не устоялъ еще ни одинъ народъ, ни одно войско. На этой полянѣ произведена блистательная атака кавалеріи, которая, какъ ураганъ, быстра, мгновенна, губительна. На этомъ возвышеніи отбита батарея. Эта опушка лѣса напоминаетъ ему блистательный подвигъ застрѣльчиковъ такого-то полка. На этомъ пригоркѣ, за шуточнымъ анекдотомъ, убитъ его добрый поварищъ; а вопль мѣсто и его подвиговъ, гдѣ въ кровавомъ ремеслѣ испытывалъ онъ свои неопытныя силы. Сколько желаній пѣснилось тогда въ душѣ его, сколько ошибокъ, опрометчивости! Въ минушу покоя и радостныхъ надеждъ его пугаетъ бывшая опасность. Свѣтъ, люди, родная семья—все забыто. Взоръ его ищетъ неба, сердце—молитвы.— Съ другой стороны, сколько тихихъ семейныхъ радостей, сколько вниманія и уваженія соотечественницъ сулитъ ему не мечтательность, но вѣрную надежду въ будущее, послѣ опасностей, недостатковъ и невгодъ биваковъ. Съ какимъ пріятнымъ, безмятежнымъ чувствомъ припоминаетъ онъ себя по время, когда, въ кругу любимого семейства, за чайнымъ столикомъ или у камина, въ ненастный вечеръ, будетъ передавать онъ милымъ слушательницамъ свои обильнѣе рассказы. Сколько нѣжнаго участія и состраданельности прочитаетъ онъ въ ихъ взорахъ. Сколько боязни, сколько удивленія его опасностямъ. А кто знаетъ, можетъ быть, краснорѣчивый рассказъ война доставитъ ему и лишній взглядъ и тайный вздохъ и любовь милой, образованной дѣвушки!...

Къ сожалѣнію и это оправданное чувство возможно только въ однѣхъ мечтаніяхъ. Не ищите его въ грубой дѣйствительности: васъ оскорбитъ неучастіе и холодность людей. Черезъ три мѣсяца послѣ воцаренія оспаковъ мятежническихъ войскъ въ предѣлы Австріи, я пріѣхалъ въ Петербургъ. На мнѣ былъ Польскій знакъ *virtuti militari*. Я съ гордостью надѣвалъ мундиръ дивизіи, заслужившей военную репутацію въ арміи и удостоившейся названія храброй въ мнѣніи Государя. Я думалъ, что всѣмъ извѣстны дѣла, въ которыхъ я участвовалъ, и меня забрасаютъ распросами, замучаютъ внимательностію и расположеніемъ. Ничего не было!—Кромѣ обрадованнаго круга родныхъ, ни одинъ изъ мужчинъ не поблагодарилъ меня за военные пруды и опасности; не спросилъ, каковъ чай изъ располненной грязи, смѣшанной иногда съ кровію убитыхъ пѣлъ; не полюбостывалъ узнать—прудно ли прожить зимній мѣсяцъ на аванпостѣхъ, не входя въ хату, или нѣсколько дней съ однимъ сухаремъ (*). Ни одна дѣвушка не взглянула на меня ласково, — а когда приходила очередь до выбора, столичный франтъ предпочитался армейскому улану... — Скажутъ ли вамъ лучше, друзья мои?

Опытъ не охладилъ еще моей мечтательности, когда возвращался я изъ Турціи въ Кіевскую губернію, гдѣ назначены были квартиры моему эскадрону. Не родные и не забавы, а Молдавская лихорадка заставляла меня желать—скорѣе прийти на мѣсто. Вечеромъ одного дождливаго дня мнѣ показали квартиру, внесли въ чистую деревенскую хату, положили на постель, гдѣ пролежалъ я нѣсколько дней въ изнеможеніи отъ безпокойствъ, прудовъ и болѣзни.— Между

(*) Молодой авторъ сей повѣсти ошибается: это не отъ холодности, не отъ равнодушія, а отъ того, что храбрость сроднилась съ Русскими. Почти всѣ они служили въ военной службѣ, глядя на лицо смерти, кочевали на бивакахъ, пили чай пополамъ съ грязью. Надобно, что нибудь необыкновенное, что нибудь въ родѣ *Сцеволы*, *Буароза*, *Козарскаго* или *Неселскаго*, чтобы удивилъ пѣхъ, кои сдѣлались дивомъ геройства.— В.

пѣмъ, волею и неволею узналъ я, что селе- ніе принадлежить помѣщицѣ *Кокоревой*, и что *Кокорева*, съ дочерью вдовою и двою- роднымъ брапомъ, къ особенному моему удо- вольствію, живетъ сама въ деревнѣ.

Я никогда не былъ вольнодумцемъ. Грѣ- шень, и теперь еще помню дни генераль- ныхъ сраженій, спычекъ и походовъ, несра- венно пверже церковныхъ праздниковъ, но я всегда умѣлъ сохранить въ себѣ чувства добраго Христіанина. Первый выходъ мой былъ въ церковь. Прекрасный теплый день и колокольный звонъ вызвали меня въ пер- вое Воскресенье къ обѣднѣ.—Молитва солда- та проспала и непродолжительна. Я окинулъ присутствующихъ взоромъ, еще полнымъ благоговѣнія къ Всевышнему — и глаза мои, какъ электрическія искры, отскочили отъ необыкновенной женщины. Я отымѣлъ отъ изумленія. На право, за деревянною рѣшет- кою, стояла женщина въ черномъ платьѣ. Тотъ же ростъ, тѣ же черты, та же поэ- зія въ очахъ, та же привлекательная задум- чивость, которая очаровали меня, шестъ лѣтъ назадъ, въ мепаллическомъ зеркалѣ *Цы- ганки*. И эта женщина, съ молитвою въ очахъ, стояла предо мною. Это былъ не обманъ чувствъ, не гаданія безобразной сна- рухи; но прекрасная дѣйствительность, превратившая жизнь мою въ идеалъ земна- го блаженства. Сколько возвышенныхъ думъ и восхищительныхъ ощущеній испыталъ я въ то время, въ нѣмой бесѣдѣ съ Богомъ и прекраснѣйшимъ его созданіемъ—женщиною! Это она! она! говорило мнѣ сердце. . . «Это вдова, дочь помѣщицы!» сказалъ мнѣ корнетъ *Томариновъ*, замѣняя приспальные мои взгля- ды. Я не требовалъ объясненій.

Говорить ли вамъ, друзья мои, что я въ тотъ же день познакомился съ *Черною ро- зой*? Не упомяну ея имени, хотя оно прекрасно, какъ она сама. Я назову её лю- бимымъ ея цвѣткомъ. Вообразите себѣ жен- щину 22 лѣтъ, высокаго, стройнаго роста, обрисованнаго печальною одеждою вдовы, съ самою ослѣпительною красотою, съ самыми возвышенными чувствами, съ пылкостью ума, съ свѣтскою любезностью, съ пріятными талантами и прекраснымъ нравственнымъ

образованіемъ—и благословише судьбу, ука- завшую мнѣ это высокое созданіе.

Съ какимъ оправданнымъ чувствомъ встрѣ- тилъ я тогда весну подъ голубымъ небомъ *Кіевскимъ*, гдѣ такъ восхитительно, такъ роскошно цвѣла *Черная роза!* Сколько по- выхъ, чистыхъ, невѣдомыхъ дополь ощуце- ній! Съ какою безотвѣпною готовностью, съ какою жадностью бросился я въ пылъ любви моей! . . . Теплоша ея чувствъ, что- то сердечное между скромностью и открово- венностью, что-то необыкновенно-милое въ ея движеніяхъ, что-то чудесно-сладостное въ разговорѣ, какое-то нѣжное благородство въ обращеніи—сладостное высокаго воспица- нія и увѣренности въ своемъ нравственномъ достоинствѣ, наложили на меня пріятныя узы небесной любви къ ней и уваженія.

Въ молодости нашей, исключая людей, въ которыхъ печетъ не кровь, а квась, мы, почти все, любили одинаково, хотя каждый твердилъ, что никто, такъ, какъ онъ, не любитъ и не любивалъ. Но согласитесь, друзья мои, что весна, уединенная сельская жизнь и живописная природа развиваютъ несравненно сильнѣе прекрасное чувство любви, нежели все ваши раззолоченныя го- стиницы, конспродансы, гулянья и душныя, каменные улицы. Любовь ищетъ природы, какъ природа ищетъ любви — и мысль лю- бовника никогда не оспанаавливалась ни на роскоши, ни на приличіяхъ большаго Свѣта.

Говорить ли вамъ о всѣхъ щастливыхъ дняхъ знакомства моего съ *Кокоревыми*? Всѣ тончайшія оппѣнки, всѣ подробности длин- ной повѣсти любви смѣнялись однѣ за дру- гими. Сперва безпечная веселость, безуслов- ное удивленіе ея достоинствомъ, попомъ тихая грусть безнадежности, легкіе при- знаки взаимности, понятныя, но невырази- мые,—все это, въ свое время, прожилъ я съ неизъяснимымъ восторгомъ.—Любила ли ме- ня *Черная роза?* спросите вы. — Не скажу вамъ ничего утвердительнаго. Ея сердце я уважалъ, какъ святилище, котораго тайны были для меня закрыты. Я щастливъ былъ тѣмъ, что она не чуждалась меня и, даже, въ минуты довѣренности, любила повѣрять

мигъ свои мечты, свои надежды, свои желанія.

Прошла весна, миновало лѣто,—мигъ предстояла разлука съ *Черною розою*: полкъ перемѣнялъ кварширы. Могъ ли я расстаться съ нею, не упопробивъ всѣхъ средствъ, всѣхъ усилій, чѣобы достигнуть завиднаго названія—ея мужа?... Но увы! ариеметическіе выводы, о доходахъ, необходимыхъ для семейной жизни, логически доказали, что женишься на женщинѣ, не имѣя соспожня, не значишь любить её; и я.... зачѣмъ рассказывать?—Я расстался съ нею.

На безконечныхъ переходахъ я ни на минуту не разлучался мысленно съ *Черною розою*. Желѣзная необходимость—не видать её и воспомнанія недавняго щастія, дѣлали нестерпимымъ мое существованіе. Тамъ-то я имѣлъ время разгадать себѣ золотое поле, на которомъ являлась мнѣ въ зеркалѣ *Черная роза*; тогда припомнилъ я, какъ больно обрѣзалъ себѣ пальцы; бросившись сорвавъ её голыми руками.

III.

На одномъ изъ переходовъ, наѣвши гречневыхъ варениковъ и запивши дулевкою, я заснулъ богатырскимъ сномъ. Мнѣ снилось, что я уже не уланъ, а помѣщикъ, семьянинъ. У меня хорошенькая деревенька, чистенькой домикъ, садъ, милая, добрая жена, исполненная семейныхъ добродѣтелей, и двое дѣтей, такіе полстенькіе, такіе краснощекинскіе, какъ херувимчики. Въ домѣ у насъ большой порядокъ и покойствие. Съ сосѣдами и сосѣдками мы не ссоримся, живемъ въ ладу и пользуемся ихъ посѣщеніями. У насъ нѣтъ ни Персидскихъ ковровъ, ни Севрскихъ фарфоровъ, ни Вѣнскихъ экипажей, ни Парижскихъ выписныхъ мебели: за то ни въ чемъ не нуждаемся, никому не должны и имѣемъ на черный день небольшой капиталецъ. Крестьяне наши не обременены работами, презвы, опрятны, трудолюбивы; каждый изъ нихъ имѣетъ бѣлую, свѣтлую избу, крытый дворъ, садикъ. Они ѣдятъ чистый хлѣбъ, а по Воскресеньямъ, послѣ обѣди, собираются въ праздничныхъ нарядахъ

въ корчму, которую содержатъ не Жидъ, а ихъ братъ, честный крестьянинъ. Хозяйство мое идетъ, какъ нельзя удачлѣе. У насъ есть и винокурня и мельница - крупчатка, порядочное стадо рогатаго скота, нѣсколько сотъ Шпанскихъ овецъ и конскіи заводы. Во мнѣ не осталось ни одного желанія къ почестямъ. На саблѣ моей ѣздитъ верхомъ старшій сынъ *Серѣжи*, а випискепъ размотали дѣти на возжѣ. Мушдръ я надѣваю только на дворянскіе выборы и въ торжественные дни; онъ узокъ мнѣ на четверть аршина; но это ни сколько не занимаетъ меня. Всѣми хозяйственными распоряженіями занимаюсь я самъ; пользуюсь совѣтами и опытностью жены моей; наблюдаю строго справедливостъ къ людямъ; жена помогаетъ бѣднымъ. Всякое Воскресенье мы первые у обѣди; наблюдаемъ посты и праздники,—и за то пользуемся всеобщою любовію и уваженіемъ. Четыре раза въ годъ ѣзжу въ ближайшій городъ на ярмонки—сбывать деревенскіе продукты, и привожу домой подарки для жены и дѣтей, провизію для дома и всѣ любопытныя новости нашей губерціи.—Чего бы, кажется, недоставало къ совершенному нашему щастію?—Но видно въ немъ отказано смертнымъ. Въ роскошномъ цвѣтникѣ нашего сада я взлѣлялъ кустъ *Черныхъ розъ*. Шипами его любимая собачка жены моей выколола себѣ глазъ; дѣти не одинъ уже разъ оцарапывали себѣ рученки. Я кричу на нихъ, когда они, играя, бѣгутъ мимо любимаго мною куста, боюсь, чтобы дѣтская рѣзвостъ его не испортила. Жена укоряетъ меня, что я слишкомъ много занимаюсь цвѣткомъ, дѣлаю по хозяйству упущенія, люблюсь имъ и что даже люблю её менѣе *Черной розы*. При всемъ кропкомъ характерѣ жены моей, при всемъ желаніи моемъ сохранить семейственную дружбу и покойствіе; у насъ иногда бывають легкія ссоры, неудовольствія, даже огорченія, которыми управляютъ щастіе нашего домашняго быта. Я проснулся!

Владиславъ рееръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

И Я ЛЮБИЛЪ.

И я любилъ!... Когда-то радость

И я въ душѣ своей знавалъ;

И я когда-то обожалъ

Упѣхи, щасіе и младость!

И я спокоенъ, веселъ былъ,

Тобою, Нина, обладая!

Блаженство съ неба похищая,

И я когда-то не шужилъ!

И я въ тѣ дни не зналъ печали:

Меня надежды обольщали!

И я тогда не говорилъ

Печальныхъ словъ: *и я любилъ!*

Н. Н.

ENIGME.

Tout mon mérite, à moi, c'est la malignité,

Et souvent mes bons mots ont un triste salaire;

Mais celui que j'ai maltraité

Ne s'en prend jamais qu'à mon père.

Въ No 91, помѣщенный омонимъ значить: *Ружавъ.*

MODES.

Il s'élève une grande division dans une partie importante de la toilette des femmes, et ici nous ne pouvons que donner quelques détails, dont le goût seul peut faire l'application.

Il s'agit des châles et des manteaux. Les manteaux sont devenus en France vêtements nationaux; depuis le drap grossier jusqu'au velours et au satin, on a tout employé pour tout le monde; mais cette année les manteaux seront ou une nécessité ou une fantaisie.

Les châles de cachemire seront de luxe élégant et fondamental.

Pour le soir, pour la sortie du spectacle, pour les visites en grande toilette, quand il fait grand froid et qu'on est légèrement vêtu, vient le manteau qui se rejette et se quitte à volonté, indépendant du plus ou

moins d'élégance. Mais en toilette simple, le jour, en voiture, il faudra un châle de cachemire.

Alors ce ne seront plus les petits châles carrés dont le règne finit, on voudra de la magnificence; et la vraie élégance d'une femme du grand monde se distinguera aussi bien au choix qu'elle aura fait qu'à la manière aisée dont elle le portera.

Quant aux manteaux, un seul ne suffira pas aux exigences de cette année, et il appartenait aux magasins de la *Providence* de nous offrir tout ce que nous y trouvons déjà de nouveau. M. Gagelin a fait des recherches parmi les différens manteaux du Nord, et sur des modèles russes il a fait les siens.

МОДЫ.

Теперь возникаетъ большое раздѣленіе въ важнѣйшемъ отдѣленіи дамскихъ нарядовъ. Мы можемъ здѣсь описать только нѣкоторыя подробности, которыя могутъ приспособить, одинъ вкусъ.

Дѣло идетъ о шаляхъ и плащахъ. Плащи сдѣлались во Франціи національною одеждою; отъ полсмага сукна до бархата и атласа, все употребляли для всѣхъ; но нынѣшній годъ плащи будутъ или необходимость или прихоть.

Турецкія шали будутъ щеголеватая роскошь.

Для вечера, для выхода изъ спектакля, для посѣщеній въ большомъ нарядѣ, когда холодно и одѣты легко, нуженъ плащъ, который скидывается и снимается по произволу, независимо отъ большей или меньшей щеголеватости. Но въ просомъ нарядѣ, въ каретѣ, надо Турецкую шаль.

Тогда будутъ не маленькіе четверугольные плашки, которые выходятъ изъ употребленія, когда захотятъ пышности, и настоящая щеголеватость свѣтской дамы будетъ отличатся по выбору, какой она сдѣлаетъ, и по ловкости, съ какою будетъ носить.

Что-жь касается до плащей, то одинъ фасонъ не удовлетворитъ прѣбояніямъ нынѣшняго года. Магазины *de la Providence* принадлежало дослать намъ все, что мы тамъ видимъ новаго. Г. Gagelin дѣлалъ изысканія между разными свѣрными плащами, и сдѣлалъ свой по Русскимъ образцамъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 93.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками моды,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Ноября 22 дня, 1833 года.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если-бъ не спрадали нравы,
Я балы-бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И пѣснопю, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О БѢЖАВШЕМЪ КОТѢ И ПОЙМАННЫХЪ КРЫСАХЪ.

Чего не встрѣнимъ мы на свѣтѣ?
Чего не същемъ подъ луной?
Ничтожнаго, подъ часъ, въ каретѣ,
Людей достойнѣйшихъ съ сумой.

*Посвящается Семѣну Исаіевичу Головеш-
кину и Петру Владиміровичу Дановичу.*

Нѣкогда, роясь въ архивѣ одного уѣзнаго городка, опыскивая нужныя мнѣ бумаги, я встрѣшилъ дѣло, на обершкѣ кошораго было написано: *О бѣжавшемъ котѣ и пойманныхъ крысахъ.* Сполъ спрванное заглавіе обрашило мое вниманіе; опытомъ извѣдалъ я производство дѣлъ у двуногихъ живописныхъ безъ перьевъ, но не зналъ, какимъ образомъ судяшъ четвероногихъ. Дѣла сихъ послѣднихъ, думалъ я, вѣроятно рѣшаются поспѣшно: ибо вѣкъ ихъ коротокъ; пожалуй

не доживутъ и до окончанія, некому будетъ и приговоръ объявить. Я уже готовъ былъ приступить къ чтенію сей занимательной рукописи, покрышой на вершокъ пылью, какъ спражъ сего хранилища разныхъ почерковъ, слога и содержанія бумагъ, вѣчный пипулярный совѣтникъ, человекъ лѣтъ 60-ти, небольшого росту, съ широкимъ лицомъ, багровымъ огромнымъ носомъ, въ черномъ испертомъ фракѣ, въ пеплицѣ кошораго, не знаю почему, болталась на предлинной лентѣ бронзовая медаль.

Чиновникъ сей не допустилъ меня до пруда прочестъ фоліантъ о *Котѣ*; какъ живая перепись находящимся подъ надзоромъ его бумагамъ, онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

«Былъ нѣкогда судья *Фарафонтъ Трифоновичъ Капитоновъ*, человекъ значущій, чина немалаго, класса 7-го и въ добавокъ кавалеръ, человекъ зѣло и вельми искусный: какое хочешь дѣльцо бывало поручи, раз-

смоприпъ, разсудипъ, какъ бобами разведешъ; а пуще всего хиперъ онъ былъ на щёпы: *Войтляговскаго* ариемешку зналъ какъ *Отге нашъ*. Да и мудрено ли ему было все это вѣдать? Перебывалъ онъ въ разныхъ службахъ, пересмотрѣлъ онъ не одно дѣло, перешелъ не изъ одного мѣста, перемѣнилъ не одинъ мундиръ; а какъ всё это ему удавалось, волею или неволею чинилъ онъ это, про то вѣдаетъ самъ его высокоблагородіе покойный 7 класса чиновникъ *Капитоновъ*.

«Бывало, придетъ *Фарафонтъ Трифоновичъ* упромъ въ присупствие, плыветъ какъ павлинь, на право кивнетъ, на лѣво мигнетъ, шевелитъ головкой по начальничью, словно любимый копъ у богатой вдовы; ну такъ, что бывало любо дорого смотрѣть.

«Болѣ всего *Фарафонтъ Трифоновичъ* любилъ точность, *форменность* (собственное выраженіе сего великаго мужа); экономія была также не изъ послѣднихъ его качествъ. Сильно покойникъ гнѣвался, когда бывало чиновникъ подаспъ ему бумагу, испещренную запятыми, почками и пому подобными вздорами, вовсе ненужными для дѣловыхъ бумагъ, и на которые только напрасно *расходуются* чернила. А уже куда, вѣчная ему память, былъ онъ акуратень! Понадобится ли кому перо, листъ бумаги, карандашъ, даже бѣлый песокъ, поспъ бывало обязанъ былъ подать ему о семъ рапортъ, а *Фарафонтъ Трифоновичъ* изволилъ наложить резолюцію, и даспъ предписание своему экзекутору о выдачѣ пребуемаго. Нѣпъ! уже при немъ бывало не по, что ныпъ, не унесешъ листика; а теперь-то, прости Господи, и карандаши, и перья, и бумагу, да еще и Голандскую лѣнливый не пащипъ.

«За всё эти доблести, подчиненные въ пихомолку побранивали покойнаго. Всѣхъ болѣе надоѣдалъ ему *Семень Исакіевичъ Головешкинъ*, котораго за его важную фигуру пріатели зывали княземъ; шпучка небольшая, да прелукавая; бывало по и дѣло сѣрдитъ папрона: по это скажи ему, по другое располкуй; ну, а сами вы посудите, командирское ли дѣло понимать, что при-

казываешь? Его дѣло приказать, а понимать и исполнять дѣло подчиненнаго.

«Припомъ должно вамъ сказать, что *Фарафонтъ Трифоновичъ* любилъ въ часы отдохновения козырнуть въ виспикъ. Вопъ и ошаспливипъ приглашеніемъ къ себѣ своихъ подчиненныхъ. Оно все паки лучше, казалось бы, играть съ подвластными; а эту испину искажилъ злодѣй *Семень Исакіевичъ*, надоѣдалъ своему командиру за виспомъ какъ горькая рѣдка: *Фарафонтъ Трифоновичъ* ренонсъ сдѣлаетъ, а *Семень Исакіевичъ* при зашешетъ; ужъ бывало не уважитъ, а смотришь, опъ таковаго неуваженія, покойный бывало и проиграетъ робертъ; да и шупъ *Семень Исакіевичъ* очко не подаритъ, а какъ бы кажется командиру не помирволитъ? Въ этой партіи нерѣдко игрывалъ сослуживецъ вышерѣченныхъ особъ, нѣкто *Петръ Владиміровичъ*... какъ бишь его фамилія-по... ну, вопъ хотъ зарѣжь, не помню!... Мастеръ былъ дразнитъ Нѣмцевъ, а подъ часъ и землякамъ спуску не давалъ: покойный спанетъ проигрывать, а *Петръ Владиміровичъ* Нѣмца корчитъ; а я и забилъ вамъ доложитъ, что *Фарафонтъ Трифоновичъ* поялъ въ супружесиво Нѣмку, спало быпъ нисколько не удивительно, что при такомъ злорѣчии на единоплеменниковъ сожительницы, у супруга разыграется молодецкая кровь; словомъ, всё эти проказы чупъ не свели съ ума великаго мужа (*).

«Большую милостію пользовался у *Фарафонта Трифоновича* его экзекуторъ, онъ же былъ и казначей, другъ дома шоль, по прозванію Лука Трифоновичъ *Пялковскій*; количесивомъ чиновныхъ классовъ превышалъ онъ своего папрона ровно вдвое, поелику щипался въ 14-мъ.

«Лука бывало всё учрежденія, всё повелѣнія своего командира исполнялъ съ *форменною тогностію*: попребуютъ ли опъ Луки нипокъ, шипъ дѣло, Лука пишешъ рапортъ

(*) Первоначально пребуется доказать, имѣлъ ли 7-го класса *Фарафонтъ Трифоновъ* сынъ *Капитоновъ* умъ, и тогда можно дозволитъ ему сойти съ омаго.— *Примѣч. Наборщика.*

и просить разрѣшенія о выдачѣ; нужно ли комнаты испопить, Лука опять спрочитъ бумагу, спрашиваетъ: много ли поленьевъ прикажутъ ему опустить на каждую печку?

«Однажды у Луки въ архивѣ завелись крысы. Перепрусился Лука, и по дѣлаетъ, и другое; заводитъ мышеловки: нѣтъ пользы! Крысы грызутъ, да погрызываютъ дѣла въ архивѣ. Вотъ Лука мой пишетъ рапортъ, доноситъ на крысъ, проситъ наславленія у *Фарафонта Трифоновича*: что ему учинить во избѣжаніе отвѣтственности за крысы проказы? На семь рапортъ, послужившемъ основаніемъ дѣлу о *бѣжавшемъ котѣ и поймавшихъ крысахъ*, покойный подождитъ слѣдующую собственноручную резолюцію:

—14-го класса *Лука Пялковскому* объявляю мою благодарность за его форменность; донесеніе же его, что крысы могутъ повредить дѣла, нахожу заслуживающимъ уваженіе; а потому, дозволяю ему приобрести кота и пустить во вѣранный ему архивъ.—

«Сказано, сдѣлано: Лука укралъ коша у сосѣдки, морилъ его прое супокъ голодомъ, потомъ пустилъ въ архивъ.

«Казалось бы и все кончено, анъ не шутъ-то было!!!—Котъ далъ шягу и скрылся невѣдомо куда. Взбѣлился Лука, чуть на стѣну не лезетъ!... Гдѣ взять другаго кота? Цѣлыя супки искалъ бѣглеца—все напрасно, пропалъ котъ, какъ въ воду канулъ! Дѣлать нечего, о побѣгѣ далѣе прехъ супокъ шайтъ нельзя, вы сами знаете; вотъ Лука принялся за перо, а пишетъ онъ былъ большой мастеръ, думаетъ, придумываетъ, мараетъ, перемарываетъ и, наконецъ, велѣлъ писарю переписать набѣло свой рапортъ.»

Тутъ разскащикъ шцапельно и оспорожпо смель пылъ съ пачки, еще съ большею оспорожностию вынулъ рапортъ *Луки Пялковскаго*, надѣлъ мѣдныя очки, кашлянулъ, понюхалъ шабаку и прочелъ слѣдующее (*):

(*) За вѣрность сей копія съ рапорта знаменитаго *Луки* могушь поручиться *Семенъ Исакіевичъ* и *Петръ Владиміровичъ*.—Э.

Его высокоблагородію,

Начальнику моему, господину 7 класса и кавалеру *Фарафонту Трифоновичу Капитонову*

14-го класса *Луки Трифонова сына Пялковскаго*

Почтеннѣйшее допошеніе.

16-го числа канувшаго Октября униженно представлялъ я вашему высокоблагородію разныя книги вѣренной мнѣ архивы, у коихъ попорчены отъ крысъ переплеты и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ обгрызены берега, для сохраненія коихъ письменно соизволили вы приказатъ мнѣ впустить коша, что мною и было съ форменностию исполнено съ немалымъ рискомъ для моей личности, ибо не безопасно было приобрѣтеніе сего спасительнаго животнаго. Но одного утра, пришедшій къ должности, при отвореніи дверей лизнулъ мой кошъ, и я нашелъ въ архивѣ у окошка два разбиыла отъ него большія стекла, которыя для несперпѣнія холода приказалъ я оныя вспавить на свой кошъ, а обломки у сего имѣю щастіе представить. Коша же въ архивѣ никакъ нельзя удержатъ, ибо изъ естественной исторіи извѣстна его природа, что кошъ охотно держишся того мѣста, гдѣ онъ родился, сочепался, обзавелся копѣночками и гдѣ его находятся хозяева, въ пустыхъ же комнатахъ безъ людей и компаніи никакъ быть не согласился. Избѣгая трудовъ и опасности, а припомъ ежедневно перевязывал отъ 20 до 30 и болѣе связанныхъ связокъ бумагъ, переѣденныхъ веревокъ, такъ что всегдашняя перевязка оныхъ отвлекаетъ меня отъ моихъ *форменностей* и приводитъ руки мой отъ веревокъ въ усталость, изнеможеніе и кровотеченіе. Я самъ нынѣ своеручно сдѣлалъ западни и мышеловки, и не знаю, будутъ ли онѣ помогать отъ порчи и нападенія крысъ; а чтобы въ случаѣ не подвергнуться себѣ отвѣтственности, для показанія части книгъ, перепорченные у нихъ бумажные переплеты и берега вашему высокоблагородію почтеннѣйше подношу и при семъ чести имѣю увѣдомить, что я самъ одинъ персонально нахожусь въ архивѣ, безъ спорожа и писаря, въ которыхъ имѣю большую

надобность: въ первомъ для помощи мнѣ ловить крысъ во сбереженіе архива, а въ послѣднемъ для веденія вѣрнаго щѣпа пойманнымъ крысамъ. О чемъ честь пмѣю донести и покорнѣйше просить въ моей просьбѣ удомстворенія.

14-го класса *Пялковскій*.

1-го Декабря.

Къ крайнему прискорбію, резолюціи на сей рапортъ покойнаго *Фарафонта Трифоновича* не опыскалось; но мы не теряемъ надежды опкрыть оную въ какомъ либо пѣмномъ уголкѣ архива, и тогда поспѣшимъ сообщить оную нашимъ чипапелямъ.

Э.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ РУЖЬЕ (*).

(Подражаніе *Иллирійскому*).

О! кому случится увидѣть ружье великаго бѣя *Савы*, топъ увидитъ рѣдкое чудо! На немъ двѣнадцать колець золотыхъ и двѣнадцать серебряныхъ, прикладъ обдѣланъ перламутромъ, а опъ рукояпки висятъ при кисти краснаго шелку.

И у другихъ ружей естъ золотыя кольца и кисти краснаго шелку: въ Банялукѣ оружейники вѣзываютъ въ дерево перламутръ; но какой масперъ сообщитъ ружью ту чудесную силу, чтобы всѣ пули его, какъ у бѣя *Савы*, наносили вѣрную смерть?

Сава сражался пропивъ Дели въ своей пройной кольчугѣ, сражался пропивъ Арнауша въ своемъ кафтанѣ изъ войлока съ семью шелковыми подбивками. Кольчуга разсѣчена, какъ паушина, кафтанъ прорванъ, какъ листъ явора.

Давыдъ, краса Баскаковъ, носитъ за спиною богатѣйшее изъ своихъ ружей; поясъ его набитъ цехинами; изъ двѣнадцати *гу-*

слей (*) своихъ онъ выбираетъ самую звучную. Въ пятницу опправился онъ изъ Банялуки, а въ воскресенье прѣхалъ въ землю бѣя *Савы*.

Онъ сълъ, началъ наигрывать на *гулт*, и всѣ дѣвушки окружили его. Онъ пѣлъ жалобныя пѣсни, и онѣ вздыхали. Онъ пѣлъ любовныя пѣсни, и дочь бѣя, *Анастасія*, бросила ему букетъ свой, и закрасѣвшись, убѣжала въ домъ.

Ночью, она опкрыла окно и увидѣла внизу *Давыда*, сидѣвшаго на каменной скамьѣ при дверяхъ ея дома; она нагнулась посмопрѣть на него, и красная шапка (***) ея упала съ головы; *Давыдъ* поднялъ её и, наполнивъ цехинами, опдалъ прелестной *Анастасіи*.

— Видишь ли, со спороны горы идепъ густое облако, неся въ себѣ градъ и дождь; неужели заспавишь меня среди непогоды, подъ опкрытымъ небомъ, поминься передъ очами пвоими? — Она сняла поясъ свой и привязала однимъ концемъ къ балкону. *Давыдъ* вдругъ очутился подлѣ неѣ.

«Говори пише, какъ можно пише! Если опецъ мой услышитъ пвой голосъ, то убьетъ насъ обоихъ.» И они разговаривали пихо, пихо и совсѣмъ замолкли. Красавецъ *Давыдъ* спустился съ балкона скорѣе, чѣмъ желала *Анастасія*. Показалась денница и онъ побѣжалъ въ горы.

И всякую ночь онъ приходилъ въ селеніе и всякую ночь шелковый поясъ висѣлъ съ балкона. Онъ оспавался съ своею милою до пѣнія пѣтуховъ, а тогда скрывался въ горы. На пятницу ночь онъ пришелъ блѣдный и окровавленный.

— На меня напали *Гайдукки* (***): они караулятъ меня въ горномъ ущеліи; когда разсвѣнетъ, я разспанусь съ побою, а они убьютъ меня. Обнимаю тебѣя въ послѣдній разъ. Но еслибъ у меня было заколдованное ружье

(*) Родъ гитары обѣ одной струнѣ.

(**) Головной уборъ *Иллирійскихъ* дѣвушекъ.

(***) Разбойники. *Гайдукъ* значитъ собственно начальника шайки.

(*) Соч. Prosper Mérimée. — Изъ книги *Mosaïque*. Bruxelles. 1833.

пвсего опца, по кто бы осмѣлился поджидать меня? Кто бы осмѣлился мнѣ пропи- виться?—

«Какъ могу я опцать тебѣ ружье опца моего? Днемъ онъ носитъ его за спиною, ночью оно лежитъ съ нимъ на постель. Упромъ, если не найдешь его, не медля опрубивъ мнѣ голову.» И она плакала и глядѣла на восточную сторону неба.

—Принеси мнѣ ружье опца пвсего, а на мѣсто его положи мое ружье: онъ не замѣтитъ этаго.—На моемъ ружьѣ двѣнадцать колець золотыхъ и двѣнадцать серебряныхъ, прикладъ обдѣланъ перламупромъ, а опъ рукоятки висятъ при кисти краснаго шелку.—

На цыпочкахъ, удерживая дыханіе, она вошла въ комнату опца своего: взяла ружье опца своего, а на мѣсто его положила *Давыдова*. Бей вздохнулъ во снѣ, вскрикнулъ: «Иисусъ!» но не пробудился; а дочь опцала заколдованное его ружье милому *Давыду*.

И *Давыдъ* разматривалъ ружье опъ приклада до дула; по глядѣлъ на собачку, по на кремень, по на колесо (*). Онъ нѣжно обнялъ *Анастасію* и поклялся ей припипи опять завтра.

Онъ разспался съ нею въ пятницу, а въ воскресенье прибылъ въ Банялуку.

И бей *Сава* верпѣлъ въ рукахъ ружье *Давыдова*. «Я дряхлѣю, говорилъ онъ, ружье мое спало тяжело для меня, но перебьетъ еще многихъ невѣрныхъ.» Между тѣмъ каждую ночь поясъ *Анастасіи* привязывался къ балкону, а невѣрный *Давыдъ* не приходилъ болѣе.

Поганые невѣрные напали на край нашъ и никто не въ силахъ пропивиться начальнику ихъ *Давыду* агѣ. При сѣдлѣ его виситъ кожаный мѣшокъ, въ который рабы его прячутъ уши убитыхъ имъ враговъ. Всѣ жители Воспины собрались вокругъ стараго бей *Сава*.

Анастасія взошла на кровлю, чтобы поглядѣть на жестокою бипву, и узнала *Да-*

(*) Здѣсь разумѣется зубчатое колесо, къ которому приложенъ кремень; если прижать собачку, по колесо начинаетъ быстро вертѣться и производитъ искры.

выда, когда онъ припоривалъ коня своего проптивъ стараго опца ея. Бей, увѣренный въ побѣдѣ, выпрѣмилъ первый; ружье дало только вспышку, и бей запрепелалъ опъ испуга.

И пуля *Давыдова* поразила *Сава* сквозь броню его. Она попала ему въ грудь и вылетѣла черезъ спину. Бей тяжко вздохнулъ и упалъ мертвый. Тотчасъ Негръ опрѣзалъ ему голову и прицѣпилъ за сѣдой усъ къ лукѣ сѣдла *Давыдова* (*).

Анастасія видитъ голову опца своего, не плачетъ, не вздыхаетъ; она надѣваетъ плаще своего молодаго брата, беретъ ворунаго коня своего молодаго брата, бросается въ схватку и ищетъ убить *Давыда*. *Давыдъ* видитъ молодаго всадника и прицѣливается въ него изъ заколдованнаго ружья.

Смертоносна была пуля сія. Прелестная *Анастасія* испустила тяжкій вздохъ и упала мертвая. Тотчасъ Негръ опрѣзалъ ей голову, и какъ она была безъ усовъ, по спилъ съ неѣ шапку и схватилъ за длинные волосы: и *Давыдъ* узналъ длинные волосы прелестной *Анастасіи*!

Онъ сошелъ съ коня и облобызалъ окровавленную голову.—«Я заплащилъ бы по цехину за каждую каплю крови прелестной *Анастасіи*! Я согласился бы оспаться безъ руки, только чтобы опвезти еѣ живою въ Банялуку.»

И онъ кинулъ заколдованное ружье въ Воспинскій колодезь.

Пер. И. Д.

СОЧЕЛЬНИКЪ.

The way was long, the wind was cold.

Англійская баллада.

Нѣсколько человекъ поселянъ одного не- большаго селенія во Франціи, собравшись вмѣстѣ наканунѣ Рождества Христова, сѣдѣли у разведеннаго ими огня, и пересказывали другъ другу спрашныя и веселыя повѣсти.

(*) У болѣеи частии Иллирійцевъ голова бршпал.

«Очередь дошла до *Маріи*, дочери хозяина, но она вовсе не обращала вниманія на происходящее вокруг неё; погруженная въ глубокую задумчивость, она неподвижно сидѣла, устремивъ глаза на пылающій огонь. Протяжный пихій бой часовъ, казалось, пробудилъ её. «Я не могу вамъ рассказать никакой повѣсти, говорила она вспавая, но узнайте, что я видѣла во снѣ въ прошлую ночь: я начинала засыпать; вѣтеръ вылъ у двери нашей, какъ будто нищій просилъ хлѣба; вдругъ вижу предъ собою покойницумать; блѣдная, посинѣлая, встаетъ она изъ гроба и садится ко мнѣ на кровать: «*Марія!*» сказала она мнѣ: «завтра въ полночь спускай къ заупрени и молись за упокой души бѣдной пивоей матери.»— Отсюда всего два часа ходьбы; теперь было 9; пора мнѣ.» Сказавъ сіе, она накинула на себя свой снѣій плащъ и собралась вышши.

Просьбы и мольбы заботливаго отца-спарика не подѣйствовали; онъ упросилъ только дочь взять въ провожатые *Луизу*, родственницу *Маріи* и *Павла*—нѣмаго *Павла*, который взросъ съ нею и любилъ её какъ сестру, даже болѣе...

Они пошли. Темно; страшныя облака съ необычайною скоростью неслись, какъ будто какая-то невидимая сила гнала ихъ, чтобы обрушиться на головы прехъ одинокихъ путниковъ. Изрѣдка прорѣзывался мѣсяць, но онъ былъ блѣденъ, какъ ликъ мерпвеца.

Сначала шли они бодро и разговаривали по большой дорогѣ села, но выходя изъ онаго, путь ихъ становился затруднительнѣе: снѣгъ падалъ хлопьями и безпрестанно усиливавшійся вѣтеръ пробивалъ плащи молодыхъ дѣвушекъ.

Пусть вообразятъ себѣ сіе трудное, упомпительное путешествіе, среди мертвой тишины; съ каждымъ шагомъ ноги ихъ глубже и глубже понули въ свѣжихъ сугробахъ снѣга. Они продолжали иппи по обширной снѣжной пустынь, гдѣ собствнные шаги ихъ, или изрѣдка жалобный крикъ пшицы, прерывали глубокое молчаніе. *Луиза* первая сказала: «воротимся домой! снѣгъ пошелъ гуще—и вьюга усиливается.»—Домой, *Луиза!*

А я общала матери молился за неё сегодня ночью въ церкви! Мы, кажется, недалеко уже отъ селенія.—

Вдругъ *Павелъ* оспаповился и началъ озираться на всѣ стороны; но онъ ничего не видѣлъ: предъ нимъ расплалась, какъ зеркало, гладкая поверхность и на разстояніи десяти шаговъ, казалось, небо отдыхало на землѣ. Со страхомъ смотрѣли на него обѣ дѣвушки: онъ прочли на его лицѣ свое нещасіе; онъ поняли, что дорога потеряна. Бодрость оставила *Марію*; колѣна ея задрожали. «Что намъ дѣлать?» спросила она.

— Пойдемъ назадъ по нашимъ слѣдамъ; можетъ быть попадемъ на дорогу,—отвѣчала *Луиза*. Но *Павелъ* замѣнилъ, что слѣды ихъ засыпалъ свѣжій снѣгъ.

Съ каждою минутою положеніе ихъ становилось отчаяннѣе. *Марія* лишилась послѣднихъ силъ; замирая отъ спужи, она упала на руки къ *Павлу*, который спараясь продолжать путь, долженъ былъ бороться съ сильными порывами вѣтра и безпрестанно падалъ по колѣни въ ямы, наполненныя снѣгомъ; ноги его начинали уже подгибаться, и онъ бы изнемогъ, ежели бы въ сію минуту не завидѣлъ въ полѣ паспущьяго шалаша: онъ былъ пуснъ и полуразрушенъ; въ него-то внесъ онъ безчувственную *Марію*, за которою послѣдовала и *Луиза*.

Оживленный лучемъ надежды, побѣжалъ онъ далѣе: отчаяніе и любовь къ *Маріи* придали ему силы. Сдѣлалось совершенно темно; онъ видѣлъ только одинъ снѣгъ подъ ногами, и все бѣжалъ впередъ, самъ не зная куда. Наконецъ слышался ему въ отдаленіи слабый звонъ колокола; онъ оспаповился, запая дыханіе, спалъ прислушиваясь, но все было тихо, какъ въ пустынь.

Голова его закружилась; онъ забывалъ было уже и опасность и обѣихъ дѣвушекъ, какъ вдругъ очнулся, напкнувшись на хижину, которой вовсе не замѣнилъ прежде. Это пробудило его; мѣсто было ему незнакомо, но онъ вспомнилъ о *Маріи* и послушался. Молчаливо, попуя глаза, сидѣли крестьяне: ибо только что передъ пѣмъ рассказывалъ старій паспухъ страшную сказку.

Двое изъ отважнѣйшихъ рѣшились отпереть дверь, и *Павель*, весь въ снѣгу, съ всклокоченными волосами и отчаяннымъ лицомъ въбжалъ въ хижину. Всѣ вздрогнули: его сочли за привидѣнiе, за скипающуюся по полямъ душу, которая принимаетъ образъ человѣческой.

Онъ вполнѣ постигнулъ все свое нещастiе, но не могъ разорвать цѣпи, оковывавшей его языкъ; а какое ужасное чувство наполняло душу его, когда онъ, умоляя, протягивалъ вопще руки, между тѣмъ, какъ обѣ дѣвушки умирали!

Напрасно объяснялся онъ знаками; напрасно думалъ онъ замѣнить глазами нѣмой ропъ; напрасно валялся онъ у ногъ крестьянъ и рыдалъ, какъ только можетъ плакать мужчина въ минуточку высшаго отчаянiя, — всѣ боялись его — и въ испугѣ отступали. Наконецъ онъ схватилъ одного молодаго крестьянина за воротъ, чтобы увлечь съ собою, но другiе, щипая *Павла* просто безумнымъ, вытолкали его вонъ и захлопнули за собою дверь.

Не спану описывать, какъ провелъ онъ сiю ужасную ночь. Съ разсвѣтомъ дня очутился онъ вблизи своего селенiя и имѣлъ еще довольно силы, чтобы привести родственниковъ дѣвушекъ. Обѣихъ опыскали: *Луиза* еще жила; но *Марiя*, съ крестообразно-сложеными руками окоспенѣла.

Съ сего роковаго дня, страшная перемена послѣдовала во всемъ существѣ *Павла*: пламенные глаза его померкли, вся внутренняя жизнь, казалось, умерла въ немъ. Обыкновенно, когда смеркалось, онъ уходилъ изъ дому и бродилъ всю ночь по полямъ.

Наспушила зима; выпалъ первый снѣгъ — и *Павель* совершенно лишился ума.

Съ Нѣм. А. С.

РАСКАЯНIЕ.

Какъ преступники въ варварскихъ Африканскихъ владѣнiяхъ, мы умираемъ на копьяхъ поздняго раскаянiя.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

ДРУЗЬЯМЪ - ТОВАРИЩАМЪ.

Друзья! могу ли васъ забыть?
Лишь только съ родной проснулся
Въ незрѣлой юности моей,
Я съ мирной вашею семьей
Умомъ и волей породнился.
Нѣтъ, мнѣ нельзя вамъ чуждымъ быть!

*

Могу ли васъ я позабыть?
Вулканъ спрасней моихъ спроппивыхъ
Могли вы кропко погашать;
Межъ вами спалъ я соглашавъ
Съ разсудкомъ прихотъ чувствъ игривыхъ.
Нѣтъ, мнѣ нельзя вамъ чуждымъ быть!

*

Могу ли васъ я позабыть?
Мы на бивакъ не спрадали,
Прервавъ со свѣтомъ связи вдругъ;
Для насъ былъ міромъ тѣсный кругъ;
Мы дружбой жребiй усаждади.
Нѣтъ, мнѣ нельзя вамъ чуждымъ быть!

*

Могу ли васъ я позабыть?
Въ спранахъ войной опустошенныхъ,
Подъ зыбкой сѣнiю шапра,
И близъ горящаго костра
Враговъ мы ждали успрашенныхъ.
Нѣтъ, мнѣ нельзя вамъ чуждымъ быть!

*

Могу ли васъ я позабыть?
Опвагой, мужествомъ пылая
Къ прошивнымъ местию и враждой:
Неслась разящей карой въ бой
Дружина наша удамал.
Нѣтъ, мнѣ нельзя вамъ чуждымъ быть!

*

Мнѣ-ль васъ, поварищи, забыть?
Сомгнѣемъ груспъ не развивайте,
Теперь мы врозь, въ краяхъ иныхъ . . .
Но помню я друзей моихъ!

Лишь вы меня не забывайте,
А мнѣ, нельзя вамъ чуждымъ быть!

А. Быстроглазовъ.

Ш А Р А Д А.

Въ началъ жидкость я.

Мнѣ множество названій,

И вкусовъ и цвѣтовъ довольно у меня,

А сила все одна — я гений шпрованій!

Второе-жь губишь хлѣбъ собой.

А цѣлое вкусила нашъ прародитель Ной.

Ж вѣ.

Въ No 92, помѣщенная загадка значить: *Épigramme*.

М О Д Е С.

C'est ainsi que nous avons remarqué aux premières représentations des Italiens un charmant *boyard* à la jupe courte, aux manches pendantes, avec une ceinture et un grand collet carré, ou petite pélerine. Les devans de la jupe s'arrondissent; tout autour, ainsi qu'au bas des manches, au bord du collet, se trouve une bande de fourrure. Plus ou moins sévère, nous en avons vu en velours bleu ciel, bordé d'hermine, en velours des Indes marron, garni de signe.

Le *hiermoloff* est long, à manches pendantes, à double pélerine formant de grandes dents, d'où tombent des glands en passementerie.

Nous sommes dans une attention continuelle à observer ce qui va paraître de nouveau en modes, et nous ne voyons encore que fort peu de chose. Cette dernière semaine cependant nous avons remarqué chez madame Lepetit un charmant chapeau demihabillé en crêpe rose, ayant sur le côté un bouquet de plumes panachées roses et blanches; toute la grâce de ce chapeau simple et élégant consistait en une forme gracieuse et neuve qu'il est impossible de décrire.

Un autre fort joli en velours des Indes *bleu de reine*, avait pour tout ornement un nœud en ruban de satin bleu de la reine à mille raies noires.

Nous avons vu dans les premiers ateliers auxquels nous demandons des nouveautés de robes des grandes pélerines que l'on peut appeler *mantelets*. Elles sont très-longues derrière, à petits pans, et garnies tout autour d'une dentelle ou d'une blonde noire. Ces pélerines se font en velours plain de la couleur de la robe.

Quelques couturières les ont essayées en velours épinglé.

Cette mode est fort riche et fort élégante.

Aux mitaines de blonde se sont jointes celles de dentelles à larges mailles tout unies, sans jours ni broderies.

Pl. No 33. Les nouveautés.

М О Д Ы.

Такимъ образомъ замѣтили мы въ первыхъ представленіяхъ на Италіанскомъ театрѣ прелестный *boyard*, съ короткою юбкою, висящими рукавами и большимъ четверугольнымъ воротничкомъ или маленькою пелеринкою. Пóлы юбки округляются; вокругъ, низъ рукавовъ и край пелеринки обшипы мѣхомъ. Мы видѣли голубую бархатную, обшипую горностаемъ; изъ Индѣйскаго бархата кашпановаго цвѣта, обшипа лебяжьимъ пухомъ.

Hiermoloff длинная одежда, съ висящими рукавами, двойною пелеринкою съ большими зубцами, къ которымъ пришипы плетеные желуди.

Мы безпрестанно примѣчаемъ, что показеся новаго въ модахъ, и видимъ весьма мало. На этой недѣлѣ мы замѣтили однако у г-жи Lepetit прелестную полу-нарядную шляпку изъ розоваго крепа; на споронѣ букетъ розовыхъ и бѣлыхъ завислыхъ перьевъ. Вся прелестъ этой простиой и щеголеватой шляпки состояла въ красивой и новой формѣ, которую невозможно описать.

Другая весьма красивая шляпка изъ Индѣйскаго бархата, цвѣта *bleu de reine*; вся ошдѣлка состояла изъ апласнаго банша пакого же цвѣта, съ мелкими чѣрными полосками.

Мы видѣли въ первыхъ рабочихъ нашихъ, гдѣ спрашиваемъ новостей въ платьяхъ, большія пелеринки, которыя можно назвать маншильями. Онѣ весьма длинны сзади, спереди маленькіе копчики, вокругъ обшипы чѣрнымъ кружевомъ или блондою. Пелеринки сии дѣлаются изъ неразрѣзнаго бархата, подъ цвѣшъ платья.

Нѣкоторыя швен пробовали дѣлать ихъ булавчанаго бархата.

Эта мода весьма богата и щеголевата.

Къ блондовымъ мишенамъ присоединились кружевные съ крупными пеплями, совсѣмъ гладкіе, безъ рѣшетокъ и шипья.

Карп. No 33. Новѣйшія покрон и фасоны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 94.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Ноября 25 дня 1855 года.

Ахъ, всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупишь!

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, — ДОБРЫЕ ЛЮДИ.

Въ старину это слово означало то, что означать долженствовало, и придавало человеку, котораго величали *добрымъ*, всѣ качества доброты, честности, правоты.

Въ новѣйшія времена учтивость дала добротѣ значеніе *глупости*. Съ тѣхъ поръ прилагательное *добрый* принято въ смыслъ опусканія всякаго *зла*, средства вредить, или, выразимся числосердечнѣе: *отсутствіе ума*.

Когда придають кому эпитетъ *добраго*: то вслушайтесь въ порядокъ словъ. Все равно сказать: *бѣлая фуражка*, или *фуражка бѣлая*; *восковая свѣча* или *свѣча восковая*; но не все равно: *добрый человекъ* и *человекъ добрый*.

Когда, на примѣръ, шепнуть вамъ: онъ *добрый человекъ*, при немъ все говорить можно. Понимайте, что это за человекъ *глупъ* и ничего не понимаетъ.

Когда при васъ опнесутся о какомъ нибудь президентѣ, председателѣ, или первенствующемъ въ судѣ лицѣ: онъ *добрый человекъ*, а дѣла всѣ вершишь совѣтникъ: смѣйте, что его и просить вступиться за

васъ лишнія и пустыя хлопоты. Надобно почесаться, угостить, удоволить совѣтника.

«Къ малой полкѣ ума этаго *добраго человека* жена подбавляла чашечку своего, «и дѣло было въ шляпѣ.»

Вопъ смыслъ.

«Попроси губернатора: онъ *человекъ добрый*.» Вопъ шупъ уже совсѣмъ другой смыслъ; слово *добрый* употреблено въ первоначальномъ, хорошемъ своемъ значеніи.

«Они *добрые люди*, но пороку бы не выдумали.»

«Они *люди добрые* — и конечно тебѣ не откажутъ.»

«Добры люди, какъ мнѣ быть?»

Я невѣрнаго любила,
Научише не любить.»

«Для того, чтобы быть исправнымъ судьёю, спражемъ безопасности и спокойствія гражданъ: мало быть *добрымъ человекомъ*, надобно и еще кое-что: грамотность, прилежаніе, знаніе законовъ.»

Въ изложенныхъ нами примѣрахъ смыслъ словъ: *добрый человекъ*, *добрые люди*, ясенъ, какъ свѣтъ солнца, и не имѣетъ нужды въ толкованіи.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ФЛОРЕНТИНЪ.

Уже съ часть, двѣ дамы двора молодого короля *Людвика XIV* разговаривали тихимъ голосомъ въ богатой залѣ. Видя, какъ блѣдныя ихъ щѣки порою разгорались, а губы и руки дрожали, всякой легко могъ догадаться, что двѣ красавицы сии разговаривали о любви. Какая-то неизъяснимая прелесть заключалась въ семъ пріятномъ разговорѣ двухъ ангеловъ голубоокихъ, черно-волосыхъ, сладкорѣчивыхъ; каждое слово любви какъ будто дѣлалось чище, проходя чрезъ ихъ уста: обѣ онѣ казались такими простидушными, съ такимъ любящимъ сердцемъ!

Младшая выждала, пока подруга ея окончила свои признанія, потомъ, очаровательно поднимая длинныя свои рѣсницы, сказала ей:

— Я не менѣ тебя щаслива; еслибы знала ты, какъ эпимъ блѣдный молодой человекъ прекрасенъ! какъ онъ робокъ! Я встрѣчаюсь съ нимъ иногда, особенно съ мѣсяцъ; онъ смотритъ на меня съ прелестью: подумаешь, право, что онъ меня пугается; и между тѣмъ, если вѣрится привѣтствіямъ, которыя ежедневно распочаюють мнѣ придворные, я могу, кажется, человеку мною любимому, внушить чувствованіе не столь суровое.—

«Который ему годъ?» прервала другая дама.

— Который ему годъ?— Ахъ! *Маргарита*, да какъ мнѣ знать объ эпимъ; я вѣдь еще ни разу не говорила съ милымъ ангеломъ! Однако, онъ молодъ, очень молодъ, едва ли двадцати лѣтъ. Но не правда ли, онъ очень дурно дѣлаетъ, что не открылся еще мнѣ въ своей любви; мнѣ только восемнадцать лѣтъ, такъ ему должно начать; онъ спрѣ меня.—

Молодая дѣвица покраснѣла, успыдаясь, что раскрыла свое сердце. Однако она продолжала:

— *Маргарита*, ты можешь быть осудишь меня за такую горячую любовь къ незнакомцу... —

Она не смѣла кончить.

«Къ незнакомцу?» отвѣчала дѣвица *де Колонъ*: «Каждый человекъ, котораго мы видимъ въ первый разъ, и инотчасъ полюбимъ, не естъ незнакомецъ... Симъ именемъ называюють только какого либо сироту, ремесленника, разночинца! Но ты знаешь, что мы не посраимъ любви своей, раздѣливъ оную съ сими ничтожными людьми; мы можемъ выбрать любаго изъ тѣхъ, которые окружаюють пронъ! Нѣжный взглядъ нашъ упадетъ только на прекраснаго юношу, у котораго на ногахъ золотыя шпоры, на головѣ шляпа съ перомъ, а въ жилахъ кровь знаменитая и древняя! Намъ, знатнымъ женщинамъ, нужна любовь блистательная; сердце наше охладѣетъ на груди простолудина! *Элеонора*, не бойся, чтобы я стала осуждать тебя; дочь графа *де Лоне* никогда не забудетъ своего имени, котораго начало за нѣсколько вѣковъ, для мнущей спрасити!»

Элеонора де Лоне задрожала, услышавъ сии суровыя слова; прекрасныя глаза ея подернулись туманомъ, лице облеклось въ ужасоущую блѣдность; можно было сказать, что небо зашворилось надъ нею навсегда. *Маргарита* подошла; тогда молодая дѣвица закрыла себѣ лицо руками, и начала горько плакать.

«Ты совѣмъ дитя!» сказала ей дѣвица *де Колонъ*. «Я понимаю твое опчаяніе; ну, окончи свою исторію; вѣрно молодой человекъ, котораго ты любишь, не дворянинъ? Не ужели, *Элеонора*, ты еще не заплакала? Дай мнѣ посмотришь на твое прекрасное чело, на твое розовое личико, улыбнись мнѣ! Ахъ, ты теперь прелестна! Знаешь ли, я раскаиваюсь, что говорила пропивъ недворянъ... я виновата; при всемъ томъ, твой другъ долженъ быть добръ и прекрасенъ, если ты его такъ горячо любишь... Продолжай.»

— Да, онъ добръ и прекрасенъ, *Маргарита*,—отвѣчала *Элеонора*: у него сапоги безъ шпоръ, но онъ спроекъ и величественнаго вида; на шляпѣ его нѣтъ перьевъ, но когда онъ глядитъ на меня, то взглядъ его тихъ и болзливъ; имя его не вписано въ древніе

гербовники, но оно приятно для слуха: бѣдный другъ эпопъ называется *Флорентинъ!*—

Маргарита едва могла воздержаться отъ насмѣшливой улыбки.

— Не правда ли, это имя прекрасное,—продолжала *Элеонора*, и поэтъ, который его носитъ, долженъ очень любить женщину?—

«Чѣмъ занимается эпопъ молодой чело-вѣкъ?» прервала *Маргарита*.

— Увы! онъ еще студентомъ въ Сорбонскомъ училищѣ...—

Нѣсколько времени *Маргарита* и *Элеонора* молчали; послѣдняя изъ нихъ постоянно смотрѣла въ землю; она боялась встрѣпиться взглядомъ съ своею подругою, и сердце ея сильно билось подъ дорогою тканью; однако она осмѣлилась взглянуть... и, не видя негодованія на лицѣ *Маргариты*, пришла нѣсколько въ себя отъ страха.

— Если бы ты знала, какъ я его люблю!—говорила она едва внятнымъ голосомъ: цѣлый день только объ немъ и думаю, ночью тоже. Я была равнодушна ко всемъ мужчинамъ, пока не увидѣла его; теперь же, существованіе мое было бы несовершенно, если бы я не могла надѣяться опять его видѣть. Припомнишь ли, какъ ты сердилась на меня за то, что я принимала холодно всѣ ласкательства графа *Лилбурга*? Теперь я совсемъ не такова, я желала бы цѣлые дни слушать о любви, только чтобы говорить объ ней *Флорентинъ*.—

«Да что же у тебя будетъ съ этимъ молодымъ чело-вѣкомъ?» прервала *Маргарита*.

— Право, *Маргарита*, я еще и сама не знаю... Однако, я надѣюсь увидѣться съ нимъ сегодня вечеромъ.—

Двѣ подруги разошлись: одна, исполненная самолюбивыми помыслами; другая, чаруемая восхищительными мечтаніями, обрацавшимися безпреспанно къ бѣдному студенту Сорбонны.

Въ поэтъ же день, около осьми часовъ, *Элеонора* пришла въ свой кабинетъ, скинула свои пышныя одежды, и надѣла на себя простое платье и чепчикъ съ черными кру-

жевами. Кто и тогда увидѣлъ бы *Элеонору*, все полюбилъ бы её. Такъ, сія несравненная женщина, и переодѣвшись просполюдиною, все была знапною госпожею, спавшею провель съ любезнымъ ей чело-вѣкомъ; знапною госпожею, скрывавшеюся въ неизвѣстности, чтобы не устрашить того, кто первый пробудилъ въ ней сердце.

Спусти нѣсколько минутокъ, она шла вдоль Сенжерменскаго предмѣстія.

Она дошла до королевской площади.

Не надлежало ли имени *Флорентина* быть напечатлѣннымъ огненными буквами въ ея душѣ, чтобы заставилъ молодую дѣвушку пройти весь Парижъ! Знайте же, что *Элеонора*, не привыкшая дѣлать ни шага безъ кареты, не замѣтила своей усталости, между тѣмъ, какъ колѣна ея слабѣли, и изъ пожекъ ея, заключенныхъ въ грубую обувь, выступала кровь. О! любовь, вопъ всё, что есть самага прекраснаго въ свѣтѣ! За чѣмъ же приходишь время, когда забываютъ сіе священное имя, и оспаютъ равнодушными предъ тѣми, которые произносятъ оное? Любовь, какъ геній, свѣтитъ намъ нѣсколько дней, и гаснетъ безъ возврата!

— *Флорентинъ*, ты вѣрно не замѣтилъ меня?—

Сіи слова произнесъ дрожащій голосъ. Молодой чело-вѣкъ спремительно обернулся; кровь ударила ему въ лице; онъ думалъ, что передъ нимъ привидѣніе. *Элеонора* положила на уста къ нему палецъ, какъ-бы приказывая ему молчать, и студентъ Сорбонны повиновался съ благоговѣніемъ.

Оба они выходили съ королевской площади; одна карета чуть не сшибла *Флорентина* съ ногъ; *Элеонора* вскрикнула. Бѣжавшій въ экипажѣ господинъ, который и не обернулся посмотреть, не раненъ ли молодой чело-вѣкъ, вдругъ выглянулъ изъ кареты, и поблѣднѣлъ.

То былъ графъ *Лилбургъ*. Онъ узналъ графиню *де Лоне*.

Послѣ долгихъ переходовъ, ученикъ осмѣлился промолвить слово *Элеоноръ*:

«Куда мы идемъ?» сказалъ онъ ей.

При семъ вопросѣ, робкая дѣвушка покраснѣла; сердце у ней спѣснилось; нѣсколько легкихъ вздоховъ вылетѣло изъ ея груди, и она все смотрѣла въ землю.

Флорентинъ повторилъ свой вопросъ.

Элеонора снова покраснѣла, но отвѣчала ему съ кропоспью: «Мы идемъ къ вамъ!»

«Ко мнѣ!» отвѣчалъ молодой человекъ, почти испугавшись.

— Да, сударь, къ вамъ! Развѣ это такъ удивительно для васъ? Нѣтъ ли у васъ открытъ мнѣ какой нибудь пайны, чего нибудь мнѣ повѣрить?—

Флорентинъ задрожалъ. Оба продолжали идти въ молчаніи... Наконецъ, они вошли въ одну улицу, попомъ достигли одного дома; *Флорентинъ* задрожалъ еще сильнѣе.

— Что съ тобою?—прошептала *Элеонора*.

«Я живу здѣсь!» отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ,

Молодая дѣвушка запрепетала; она въ свою очередь была въ страхѣ; она, казавшаяся до того столь мужественною,—и теперь уже студенту надо было уговаривать её... быть смѣлою.

Черезъ нѣсколько минутъ, они находились въ комнатѣ, маленькой, худо свѣщенной, простой, но убранной со вкусомъ. Въ углубленіи стѣны спояла дубовая кровать на колесахъ; огромныя пологнятыя занавѣсы покрывали её; въ алковѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ каждый вечеръ покоилась голова молодаго человека, висѣло древнее Распятіе изъ слоновой кости, превосходной работы.

Сколько щастливыхъ мыслей родилось въ душѣ *Элеоноры*! Она смотрѣла на ложе съ видомъ удовольствія; она, можетъ быть, завидовала оному, попому что оно каждую ночь укрывало чело бѣднаго ея ангела; и въ это время она не жалѣла о своихъ чертогахъ Сенжерменскаго предмѣстія.

Далѣе, въ библиотекѣ видны были книги правъ и наукъ. Вдругъ *Элеонора* испустила крикъ: взорамъ ея повстрѣчалась мертвая голова, лежавшая на столѣ. Эшаго довольно

было, чптобы обратитъ ея радость въ печаль: щастіе такъ скоро пугается!

Флорентинъ, споявшій до того времени въ отдаленіи отъ неё, подошелъ къ ней почти безъ болзни.

— Долой эту отвращательную мертвую голову!—прошептало дрожащее дитя; прочь её съ глазъ моихъ: она меня ужасаетъ!... Такъ здѣсь живешь ты?—сказала она ему потомъ голосомъ, болѣе твердымъ.

«Здѣсь,» отвѣчалъ *Флорентинъ*. После того, онъ тихо присовокупилъ: «Сударыня, вы напрасно пришли сюда; теперь, узнавши, что я бѣденъ, вы никогда уже болѣе не придете ко мнѣ, и можетъ быть, не захотите болѣе и глядѣть на меня.»

Элеонора обратила на него свѣтлый взоръ, увлажненный любовью.

— Почему же думаешь ты, что я болѣе не приду сюда?—сказала она.

«Потому, что вы знатная госпожа, привыкшая къ роскоши; попому, что студентская компанія для васъ тѣсна.»

И голосъ *Флорентина* опзывался тѣмъ уныніемъ, отъ коего содрогаются душа; глаза его были популены: онъ силился скрыть слезу.

— Но кто сказалъ тебѣ, что я знатная госпожа?—возразила она; я такою же простаго рода, какъ и ты, и не завидую тѣмъ, которые высоко споятъ на землѣ. Не щастлива ли я и безъ эшаго?—

И теперь, *Элеонора* попутила глаза въ свою очередь, и покраснѣла робкая и чистосердечная; она не умѣла утаить тайны своего сердца, и спыдилась, открывши то, что дѣлало её щастливою въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и особенно въ сію минуту.

«О! если бы вы говорили правду!» прошептала *Флорентинъ*: «если бы вы были также неизвѣстны, какъ и я! Я такъ бы любилъ васъ!... Но вы знатная госпожа; я въ первый разъ вижу васъ такимъ образомъ; но очень часпо, и въ другомъ мѣстѣ видать васъ... когда вы были совсѣмъ не такъ.»

— Ты обманываешься, *Флорентинъ*, я со-
всѣмъ не то, что ты думаешь... Но пого-
воримъ о другомъ; такъ ты любишь меня?—

Молодой человекъ не отвѣчалъ ей. Есть
вопросы, пребудущіе не словъ, но нѣжныхъ
взоровъ, трепетаній любви, горячаго поцѣ-
луя въ уста, зажигаемыя спрассію... И
блѣдный студентъ Сорбонны забылъ въ од-
ну минуту пространство, отдѣлявшее его
отъ *Элеоноры*, или, можетъ быть, онъ ду-
малъ, что любовь, какъ смерть, уравни-
ваетъ всѣ происхожденія; или какая нибудь
щеславная мысль, какое нибудь слабое во-
споминаніе пробудилось въ его сердцахъ...
Онъ былъ подлѣ своей любезной, упоилъ че-
ло ея ласками, и оба, простомолднщъ и знап-
ная госпожа, сближались другъ съ другомъ
въ объятіяхъ.

Элеонора, трепещущая, высвободилась изъ
рукъ, обхватывавшихъ спонкой и гибкой ея
спанъ; она сѣла передъ молодымъ человекъ-
комъ, и сказала ему:

— Скажите же, сударь, какъ вы думаете,
люблю ли я васъ?—

«*Элеонора*, прошепталъ онъ, да, ты лю-
бишь меня... И теперь я уже не сержусь
на тебя за то, что ты знапная дама; на-
пропивъ, я горжусь, что ты опвратила
прекрасные взоры свои отъ окружающихъ
тебя вельможъ, и взглядъ пвоей любви упала
на меня, человека безъ имени, безъ знаме-
нитыхъ предковъ!... Ежели бы я былъ, по-
добно тебѣ, знаменъ, а ты такъ неизвѣстна,
какъ я, то повстрѣчавшись съ шобою,
я также полюбилъ бы тебя, и любовь моя
возвысила бы тебя. Что же дѣлалъ! Богу
неудбно было, чтобы швое имя заимство-
вало блескъ отъ меня. Но, *Элеонора*, я ща-
спливъ, я тебѣ не завидую, у насъ была
одна мысль.»

Отъ сильного удара разлетѣлась дверь;
гордо вошелъ молодой господинъ: дрожь про-
бѣжала по шѣлу *Элеоноры*... *Флорентинъ*,
съ ужасомъ, смотрѣлъ на нее... Пришедшій
приблизился къ молодой дѣвушкѣ, и сказалъ
ей:

«Я пришелъ за вами!»

Элеонора не имѣла силы отвѣчать ему;
она закрыла руками свое лице, и слеза за-
спруилась по блѣднымъ ея щакамъ.

«Я пришелъ за вами!» повпорилъ незна-
комецъ...

И онъ хотѣлъ схватить еѣ за руку.

— *Флорентинъ*,—вскрикнула *Элеонора*: спа-
си меня!—

«Милостивый государь,» воскликнулъ спу-
денщъ, выйдите отсюда, или, ручаюсь вамъ
честію, я васъ убью.»

И говоря сіи слова, онъ схватилъ писто-
лепъ, и направилъ его на грудь неизвѣст-
наго; сей послѣдній, не обнаруживъ удивле-
нія, презрительно посмотрѣлъ на человека,
говорившаго ему такимъ образомъ.

«Графиня *Лоне!*» сказалъ онъ попомъ
сквозь зубы: «вамъ извѣстно, что король по-
молвилъ насъ; но, кажется, вы не знаете,
что я не хочу имѣть женою женщину обез-
чещенную.»

— Вы лжете, сударь! потому, что она чи-
ста.—

Графъ *Лилбургъ* задрожалъ отъ гнѣва;
глаза у него засверкали.

«Ты говоришь, братецъ, не подумавши!»
вскричалъ онъ; попомъ, оборотясь къ *Элео-
нортъ*, блѣдной и объятной трепетомъ, онъ
примолвилъ: «слѣдуйте за мною, сударыня!»

Элеонора прижалась къ *Флорентину*; спрахъ
ея, казалось, исчезъ въ это время.

— По какому праву, сказала она, пришли
вы за мною сюда?... Вы хотите, чтобы я
сказала всю истину, господинъ графъ; и
такъ знайте же: здѣсь двое, одинъ знапна-
го рода, другой безъ шипловъ, знапности;
я презираю одного, и люблю другаго. Слы-
шите ли? я люблю другаго, и этопъ дру-
гой—вопъ онъ!—

И молодая дѣвица все была подлѣ спу-
денща.

«Графиня!» проговорилъ въ ярости *Лил-
бургъ*.

— Здѣсь я уже не графиня,—я опказалась
отъ моего шипла, спупивъ за этопъ по-

рогъ. Посмотрите: платье на мнѣ простое, вровень съ родомъ человѣка, мною любимого, и я пѣмъ горжусь.... я предпочитаю эту одежду всѣмъ другимъ.—

«Безподобно, *Элеонора!*»

Флорентинъ задрожалъ, услыша, что *Лимбургъ* называетъ такимъ образомъ женщину, имъ любимую. *Элеонора* поняла это, взглянувъ на него.

— Съ котораго времени,—сказала она, научились вы называть меня эпимъ именемъ? Я сложила съ себя свои пшпы, пришедъ сюда, но сложила ихъ для него одного, а не для другаго; онъ только, одинъ онъ, сударь, имѣеть право называть меня *Элеонорой!*... Ежели другіе осмѣлялся на это, будушь раскаявашься.—

«Кпо можешъ мнѣ въ помъ препящсво-вашь, сударыня?...»

— Я, графъ!—

Флорентинъ, до сего времени осивался холоднымъ зршелемъ; онъ спрашлся угадать что нибудь ужасное; но когда онъ увѣрлся, что *Элеонора* не принадлежала ни кому въ семь мрѣ, вся любовь его пробудилась; онъ подумалъ даже, что было бы низко не выгнать изъ своего дома человѣка, который говорилъ ему наглости, который хотѣлъ принудить женщину отречься отъ того, кого она любила. Взоръ его загорѣлся гнѣвомъ, и онъ рѣшилъ положить конецъ.

«Рѣчь идетъ о васъ, сударь!» продолжалъ графъ съ презрѣніемъ: «однако я не вѣрю этому.»

Флорентинъ, въ одинъ мигъ очутился возлѣ него, и схватилъ ему руку съ силою; графъ все улыбался.

— Вы нарушили неприкосновенность моего дома,—продолжалъ молодой человѣкъ: и это обида; хижина ли или чертоги, всякое жилище должно быть священо! Вы оскорбили, у меня и при мнѣ, женщину, которую я люблю, и это другая обида. Всякая женщина должна быть предметомъ уваженія для мушины! Вы наругались надо мною,

насмѣхаетесь надо мною, и это новая обида. Человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, не прещетъ предъ подобнымъ себѣ!... И такъ, милоспивый государь, за всё это вы раздѣляетесь со мною.—

Элеонора чувспвовала дрожь, слушая сн слова; она раскаялась въ своемъ необдуманномъ приходѣ; спрашлась роковой встрѣчи для бѣднаго своего друга.

Что касается до *Лимбурга*, то онъ не переспавалъ улыбашься, и спарался продолжить мучительныя для ней минуты.

«Господинъ студентъ, сказалъ онъ наконецъ, ты не въ своемъ умѣ! Тебѣ имѣеть дуэль со мною? Знаешъ ли, кто я? Такъ слушай: я графъ *Лимбургъ*, командръ одного изъ полковъ его величсства, Французскаго короля *Людвика XIV*; отецъ мой маршалъ, сестра у меня герцогиня... Вотъ мои пшпы! Какія твои?»

— Между людьми съ честію, пшпы не значатъ ничего, всё рѣшается шпагою.—

«Такіе люди, какъ я, имѣють дажееъ, которые наказываютъ такихъ людей, какъ ты, господинъ школьникъ; вотъ всё, что мы можемъ сдѣлать.»

Флорентинъ изнемогалъ отъ бѣшенства; *Флорентинъ*, рожденный отъ Испанской крови; *Флорентинъ*, дшпя спраны, гдѣ начинаютъ лепетать слово мщеніе прежде всѣхъ другихъ словъ; *Флорентинъ*, пламенный и великодушный,—дрожалъ отъ негодованія.

— Графъ,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ: если бы я не спрашлся заняпнашь вашъ родъ, то напечатлѣлъ бы на вашей щекѣ неизгладимый слѣдъ позора... Слышите ли вы? слышите ли? Дадимъ же дѣлу лучшей оборонѣ; вы оскорбили меня, доспавьте же мнѣ удовлетвореніе.—

«Вы, кажется, шутище!»

— Вы удовлетворите меня, говорю вамъ!—вскрикнулъ *Флорентинъ*: вы благородной крови, я незаконнорожденный; но я Испанецъ; а вы знаете, незаконнорожденные Испанцы всѣ дворяне, незаконнорожденные Испанцы ничѣмъ не ниже Французскаго дворянина.—

При сихъ словахъ *Флорентинъ* опперъ шкафъ, вынулъ нѣсколько пергаментовъ, и развернулъ ихъ предъ графомъ.

— Видите ли,—сказалъ онъ: Испанскій дворянинъ!... Чпо же, оппвѣчайте вы теперь?—

Лилбургъ улыбался съ презрительною жалостію—и не оппвѣчалъ.

Флорентинъ подошелъ къ нему быстро; раздался... хлопок... и, спустя нѣсколько минушь, сильная рука сжимала спуденша.

«Вы видите эпопѣ оппечатаокъ,—вскрикнулъ графъ *Лилбургъ*; знайте же, сударь, чпо вы безуміе свое загладите своею смертію... Я васъ завтра ожидаю.»

Опъ вышла... *Элеонора* кинулась въ объятія молодаго челоувка, прижала его къ своему сердцу, обняла его нѣсколько разъ, потомъ глядѣла на него со страхомъ и любовію; ей казалось, чпо она видипъ его въ послѣдній разъ.

— Увы! Богу одному всё извѣстно.—

Наупро былъ поединокъ; *Лилбургъ* убишь.

На слѣдующій день, *Флорентинъ* былъ въ одной изъ шюремъ Баспилли, графиня *Элеонора де Лоне* въ монастырѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

Нѣтъ со мной моей любезной,
Нѣтъ здѣсь радости моей,
Нѣтъ её ужъ въ поднебесной...
Я на вѣкъ распался съ ней.

*

Знашь судьбы опредѣленьемъ
Такъ мнѣ было суждено,
Чтобъ, сердечнымъ сокрушеньемъ,
Зрѣшь лишь бѣдшвіе одно.

*

Ахъ! почпо, мой ангель милой,
Въ небеса ты послѣшилъ?
Для того-ль, чпобъ надъ могилой
Твой нещасный другъ грустилъ?—

*

Надъ могилой, чпо скрываетъ
Тѣло—храмъ души твоей;

Каждый день и часъ спрадаетъ
Вѣрный другъ твой здѣшнихъ дней.

*

Но не долго заживуся
Я въ печальныхъ сихъ спрапахъ;
Скоро, скоро преселюся
Къ новой жизни—въ небесахъ.

*

Слѣзы, скорбь, попка, мученья—
Здѣсь сопутники мои...

Я рвусъ въ райскія селенья—
Къ лучшей, ангельской любви.

Л. Рвккинъ.

Омскъ.
1828.

ПѢСНЯ РЫБАКОВЪ.

Скоро, други, чолнъ направимъ
Мы по влажной глубинѣ,
И ныря, всколыхаемъ
Спящій мѣсяцъ на волнѣ.

*

Скоро лучъ съ струей жемчужной
Слившись въ дымчашой покровѣ,
Понесетъ на берегъ южный—
Чолнъ лепучій рыбаковъ.

*

Мрежи кинувъ въ быспры волны,
Бѣлый парусъ разовѣмъ;
По струямъ, опрады полны,
Мы на промыслъ поплывемъ.

*

Разсѣкая валъ зыбучій,
Будетъ рѣять нашъ челнокъ,
А подъ парусомъ, дымучій
Мы запеллимъ огонѣкъ.

*

Пусть, курясь, онъ сверкаетъ
Въ влагъ звѣздочкой златой:—
Блѣдный мѣсяцъ уплываетъ
За шуманной пелерой!

Петръ Никифоровъ.

1828.

L O G O G R I P H E.

Je tombe par torrens, si j'ai ma tête et queue;
Et tu me lis ici, quand je perds tête et queue.

Въ No 95, помѣщенная шарада значить: *Вино-гридь*.

M O D E S.

Chaque hiver nous voyons s'augmenter l'aunage nécessaire à une robe. Il y a quinze ans, l'on demandait *trois aunes*. Les petits corsages hauts d'une main, les manches *amadis*, les jupes collantes, n'en exigeaient pas davantage. Plus tard, nous avons vu les manches élargies, les jupes sans pointes, et il a fallu *cinq aunes*. Aujourd'hui il faut presque une pièce d'étoffe. Pour une robe de satin, de gros de Naples, de velours même, il ne faut pas moins de quatorze ou quinze aunes, pour peu que l'on fasse des manches longues et une pélerine-mantelet. De nécessité les jupes ont huit les, ce qui établit une proportion de près de quatre aunes.

Il a cependant une compensation dans les manches, qui sont un peu moins larges du haut. Mais cette différence, peu sensible dans la quantité d'étoffe nécessaire, ne l'est encore que dans la coupe, qui s'annonce devoir changer positivement cette année.

Les manches, diminuées du haut, s'élargissent du bas, sans presque de différence marquée. Ceci n'est pas encore général, mais des femmes fort élégantes l'ont adoptée.

Nous devons nous arrêter sur les réformes qu'ont subies les mantelets.

Ceux de blonde noire ou blanche, ceux de point d'Angleterre, ne seront certainement pas entièrement déplacés cet hiver, s'ils sont beaux, riches et portés par une femme à la mode. Cependant il est vrai de dire que les mantelets ne sont plus *comme il faut*. Ils ont de suite été accueillis et imités d'une façon mesquine qui les a perdus.

Ceux en soie noire doublés en soie de couleur sont devenus totalement communs et de mauvais goût.

Reste donc, quant à la forme, le mantelet pareil à la robe, garni de soie torse, ou celui de velours.

Les robes d'étoffes de soie brodées en plain d'un bouquet de petites fleurs en soie de couleur sont très-élégantes comme robes du matin.

M O Д Ы.

Всякую зиму умножается мѣра матерій на плащя. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, употребляли *три аunes*. Для короткихъ, палий вышиною въ ладонь, рукавовъ *amadis*, юбокъ въ обпязку, не нужно было болѣе. Позднѣе, рукава начали дѣлать шире, юбки безъ клиньевъ, и надо было *пять аunes*. Теперь почти нужно цѣлую штуку матеріи. Для плащя изъ апласа, гроденапля, даже бархапа, надо не менѣе четырнадцати или пятнадцати *aunes*, если плащъ съ длинными рукавами и пелеринкою - маншильею. Необходимо юбка должна быть въ восемь полопнищъ, чпо составляетъ почти четыре *aunes*.

Есть однако маленькое сбереженіе въ рукавахъ, которые не такъ широки вверху. Но эта разниця, мало чувствительная въ количествѣ матеріи, видна только въ покроѣ, который, кажется, положительно перемѣнился нынѣшнюю зимою.

Рукава, уменьшаясь вверху, расширяются книзу, почти безъ оцупительной разницы. Это не есть еще общее; но самыя большія щеголихи приняли сію моду.

Мы должны остановить наше вниманіе на перемѣнахъ, происшедшихъ въ маншильяхъ.

Бѣлыя и черныя блондовыя, изъ Англійскихъ кружевовъ, не будутъ совсѣмъ неприличны нынѣшнюю зимою, если онѣ красивы, богаты и надѣсны на дамъ моднаго свѣта. Однако, сказать правду, маншильи не считаются болѣе *comme il faut*. Онѣ пошчасъ были введены въ употребленіе и подражаемы во всякихъ видахъ, чпо ихъ и уронило.

Черныя шелковыя сдѣлались совершенно обыкновенны и въ дурномъ вкусѣ.

И такъ, остаются, говоря о покроѣ: маншильи такая же, какъ плащъ, обшитая крученымъ шелкомъ, или бархатныя.

Плащя изъ шелковыхъ матерій, вышиныя букетами изъ мелкихъ цвѣтовъ цвѣпнымъ шелкомъ, весьма щеголеваты для упренныхъ плащевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 95.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками моды,
въ С. П. б. 3о, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 29 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Взлетѣла изъ лука спрѣла,
Всѣхъ птицъ опередила
И имъ съ насмѣшкой говорила:
«На что же крылушки Природа вамъ дала,
Бѣдняжечки?»... — Да ты вѣдь силую чужою,
Кричала Щегленокъ въ слѣдъ, спозналась съ высокою,
А упадешь — сама собою. —

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О МОЛВѢ.

По пакшикъ литературныхъ поргашей надобно въ Ноябрь и Декабрь разбранишь всѣ журналы и газеты. «Почему же въ Ноябрь и Декабрь?» Потому, что въ сіи два мѣсяца подписываются на періодическія изданія. «Какая же нужда? пусть подписываются, въ добрый часъ!» — Какъ, какая нужда? Золотой попокъ потечётъ въ чужіе карманы. Дѣло искуснаго журналиста опвлечъ его въ собственный.

Мы никогда не слѣдовали сей волчьей методѣ: хвалили хорошее, хулили дурное, по крайнему нашему разумѣнію. И теперь, долгъ справедливости пребуешь опъ насъ объявивъ во всеуслышаніе, что *Молва*, листокъ, выходящій при раза въ недѣлю при *Телескопѣ*, съ нѣкотораго времени видимо улучшается. Въ трехъ послѣднихъ нумерахъ (130, 131, 132) много живаго, забавнаго, остроумнаго. Для примѣра берёмъ изъ нихъ двѣ.

I.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ.

Отчетъ о томъ Исторіи Русскаго Народа, сочиненіи Николая Полеваго. Москва. 1833.

Вмѣсто разсмотрѣнія сей новой части *Исторіи Русскаго Народа*, предлагаемъ извлеченныя изъ оной вопросы съ отвѣтами, заимствованными также изъ ней съ дипломатическою почностію; говоряще издатели *Молвы*.

Вопросъ. Что такое Исторія?

Отвѣтъ. Бесѣда ума съ памятью, на развалинахъ царствъ и гробахъ народовъ. (IV. 7).

Вопр. Въ чемъ заключается сущность періода удѣловъ?

Отв. Въ развитіи общественности по джимъ спранамъ сѣвера. (9).

Вопр. Что мы видимъ въ событіяхъ онаго?

Отв. Какое-то распадение целостности народной, какое-то стремление частностей к самобытному образованию. (9).

Вопр. То ли мы видимъ въ периодъ владычества Монгольскаго?

Отв. Нѣтъ. Мы увидимъ, какъ обьявляя внезапною бурей бѣдствій и залипыя попоками крови, самобытные частности спануть исчезашъ поспешенно; какъ въ одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранился остатокъ древней Руси; какъ все будетъ попомъ стремиться къ сему остатку прежняго, или лучше сказать, къ сему зародышу новаго. (9).

Вопр. Что мы должны дѣлать при созерцаніи такого дивнаго устройства судьбы?

Отв. Не унывать, но поучаться. (Jb).

Вопр. Какъ при семъ является жизнь человѣка?

Отв. Жизнью человѣка, упучняющею ни жизни человѣчества. (10).

Вопр. Что должно сказать о Исторіи переселившихся народовъ отъ пещаныхъ пустынь далекаго востока въ лѣса и дебри Волжскіе и Днѣпровскіе?

Отв. Рука Провидѣнія пишетъ Исторію ихъ огромными, могущими чертами. (10).

Вопр. А объ Исторіи Руси послѣ удѣловъ?

Отв. Рука Провидѣнія писала Исторію Руси огромными, могущими чертами. (11).

Вопр. Что мы видѣли, разсматривая событія отъ пришествія Нормановъ или Варяговъ къ Славянамъ, до нашествія Монголовъ на Русскія земли?

Отв. Начало и жизнь Русскаго народа. (10).

Вопр. Что мы видимъ со времени нашествія Монголовъ до низверженія рабства, ими наложеннаго?

Отв. Начало и жизнь Русскаго Государства. (10).

Вопр. Что мы видимъ во второй половинѣ сего періода?

Отв. Основанія самобытности Россійскаго Государства. (10).

Вопр. Какъ мы опровергали и опровергли ложныя историческія понятія о началѣ Русскаго народа?

Отв. Не страшась ложнаго исполкованія словъ нашихъ, не внимая воплю предразсудковъ, всегда упрямыхъ и упорныхъ въ заблужденіи. (Jb).

Вопр. Откуда и къмъ составлены сіи ложныя понятія?

Отв. Изъ грубыхъ преданій, составляла ихъ наша народная гордость и не понимавшая сущности дѣлъ слѣпая любовь къ опечесству испориковъ нашихъ. (Jb).

Вопр. Владычество Монголовъ было ли случайное, или необходимое?

Отв. Онъ былъ необходимъ сей періодъ. (8).

Вопр. По этому онъ долженствовалъ быть?

Отв. Сказать: что было, по долженствовало быть, значило бы впаспѣ въ фапализмъ, недостойный исторіи. Мы не довольствуемся имъ—нѣтъ! (13).

Вопр. Въ чемъ состоитъ несообразность съ великимъ назначеніемъ исторіи при разсматриваніи всемірныхъ перевороповъ?

Отв. При переворотѣ всемірномъ не спараться узнавать въ прошедшемъ пайнъ жизни человѣчества въ настоящемъ и будущемъ, скорбя только объ участи погибшихъ нашихъ праопцевъ, было бы не сообразно съ великимъ назначеніемъ исторіи. (15).

Вопр. Какое было назначеніе Половцовъ?

Отв. Они очищали поприще чему-то грозному, чему-то страшному, темнѣвшему въ дали степей восточныхъ. (15).

Вопр. А Владиміра Залѣскаго?

Отв. Съ нимъ гнѣздо будущихъ событій оподвинулось въ сѣверь. (16).

Вопр. Кпо опринулъ старую систему великихъ князей?

Отв. Андрей Боголюбскій. (17).

Вопр. Въ чемъ состояла старая система?

Отв. Въ преобладаніи надъ другими посредствомъ званія великаго князя (17).

Вопр. Въ чемъ состояла новая система *Андрей?*

Отв. Въ названіи себя великимъ княземъ. (17).

Вопр. Какъ это произошло?

Отв. Мгновенный порывъ самовластія взволновалъ душу *Андрея*. (17).

Вопр. Чѣмъ занимались на свободѣ Святославъ *Черниговскій* и достойный соперникъ его, *Мономаховичъ*, *Всеволодъ?*

Отв. Дозволяли другъ другу *уничтожать* мелкихъ князей. (15).

Вопр. Какими дѣйствіями *Всеволодъ* поддерживалъ названіе великаго князя?

Отв. Душилъ свободу Новгородскую, жегъ Рязань, иногда билъ Волжскихъ Болгаровъ. (19).

Вопр. Какимъ является здѣсь *Мстиславъ* удамый?

Отв. Разъединенная Русь заслушалась его воли и меча. (20).

Вопр. Что въ это время происходило на востокъ?

Отв. Тогда загремѣли первые громы восточка, разразившагося спрашными тучами, копорыя вихрь побѣдъ понесъ во всѣ стороны. (20).

Вопр. Что произошло послѣ удаленія грозной тучи варваровъ?

Отв. Мелкая крамола снова овладѣла умами и заводила до рѣшительнаго безумія. (21).

Вопр. Въ чемъ состояло главное слѣдствіе разрушенія *идеи* великаго княжества?

Отв. Вотъ главное: разрушеніе идеи великаго княжества, при свирѣпыхъ спрашяхъ и хладнокровной жесіюкости, породило двѣ другія идеи. Въ душахъ малосильныхъ явилась мысль объ укрѣпленіи коварствомъ, убійствомъ, подлинникомъ *гастныхъ владычій* и утвержденіи себя союзомъ родичей. Въ душахъ сильныхъ явилась другая мысль: о какомъ-то владычествѣ крѣпосью меча безъ основанія *опдѣльнаго гастнаго владычія*. Гдѣ первые губили, тамъ другіе

возспавляли; гдѣ одни коварствовали, тамъ другіе бились. И, при малѣйшемъ удобствѣ, пѣхъ и другихъ равно облежала и крушила мелкая крамола подручныхъ князей, непрерывно болѣе и болѣе дробившая княжества удѣльные. (22).

Вопр. Опъ чего происходитъ ошибочность мнѣній въ исторіи?

Отв. Опъ того, что люди, привыкшіе въ современномъ видѣнн только часть событий (когда конецъ ихъ перлется въ будущемъ, а спрашнн заимѣваютъ начало), переносятъ сей образъ возрѣнія и къ прошедшему. (25).

Вопр. Какъ предспавляется Азія относительно вліянія на исторію человека?

Отв. Здѣсь-то была колыбель общеспвеннаго и умспвеннаго образованія человѣческаго, начало сполькихъ религій, знаній, идей, общеспвенныхъ дѣлений и образованій, переходившихъ въ самыя вещеспвенныя формы, и самыя высокіе символы. И все это было проявляемо въ исполинскихъ объемахъ, родовъ, царствъ, народовъ. (27).

Вопр. Слѣдовательно духъ въ Азіи является зидипельно дѣяпельнымъ?

Отв. Великою вещеспвенностью, внѣшностью Азія сохраняла и сохраняетъ *неподвижность* духа и общеспвенности своей, придавая только имъ обширный объемъ. *Неизмѣнно коспьетъ* духъ ея, какъ неизмѣнна Азія въ природѣ; только колеблетъ, передвигается она, вдругъ и мгновенно, для новой, въковой неподвижности. (154).

Вопр. Нельзя ли опсюда вывести какихъ либо новыхъ умозаклученій?

Отв. Человѣкъ живетъ въ природѣ. Природа все начинаеть, а оканчиваетъ все *человѣкъ*. (16).

Вопр. Опкуда явились *мистика* Буддизма, многосложность Индійской миеологии, магизмъ Персовъ, фапализмъ Сарациновъ, философическая духовность Кипайцовъ?

Отв. Изъ боровнихся между собою спихій Азійскаго дѣления *человѣческаго* рода. (30).

Вопр. Какихъ перевороповъ характеръ сохрaняетъ Азія въ своей исторіи?

Отв. Азія, будучи первоначальною во всемъ, сохрaняетъ въ своей исторіи характеръ только первоначальныхъ, исполнскихъ перевороповъ, *тѣхъ, когда дѣйствія* бывають быстры, громадны, когда исчезаетъ всякая подробность, и все потомъ, не достигая окончательной, такъ сказать, опдѣлки; засыпаетъ послѣ спрашнаго взрыва и ожидаетъ новаго взрыва, долженствующаго снова перевернуть и перетопить охладѣлыя громады. (157).

Вопр. Всегда ли была такая исторія Азій?

Отв. Всегда: взрывъ, переворотъ, овладѣніе, окаменѣніе перевороченныхъ громадъ, и усиленная дѣятельность мелкаго произрастанія на оспапкахъ великаго переворота. (153).

Вопр. Вы упомянули о мелкомъ произрастаніи?

Отв. Да. Какъ искусство человеческое овладѣваетъ развалинами природы, такъ на нравственныхъ развалинахъ, оспапкахъ великихъ перевороповъ, видно мелкое полнщическое произрастаніе. (152).

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

II.

Юмористическая.

На всякое чиханье не наздравствуешься, на чужой ропокъ не накинешь платокъ; но бывають такіе слухи, такія спленины, такія читають исторіи, что невольно спрашиваешь съ Чацкимъ, (такъ много спрашившимъ и такъ мало получившимъ отвѣтовъ оныхъ окружающихъ его), невольно, говорю, спрашиваешь:

Ахъ, еслибъ кто въ людей проникъ,

Что хуже въ нихъ, душа или языкъ?

На примѣръ, что должно заключить о здоровьѣ человека, который ни съ другаго слова, начнетъ бранить все и смѣяться надъ всѣмъ; который скажетъ, что будто въ настоящее время кто-то (кромя его думаетъ),

что ученые и журналисты вмѣсто судьбы управляютъ міромъ, что въ настоящее время отвергають существованіе души и всего нравственнаго, который употребляетъ въ насмѣшку намъ имена Биша, Маланди, Бруссе, Франклина, Кювье, Вико, Нибура, который упрекаетъ людей за то, что они открыли Америку, за то, что занимаются изслѣдованіями древностей міра, за то, что учатся зоологій, за то, что они люди? Изумительно, невольно принимаешь участіе въ здоровьѣ такого энтузіаста—и съ улыбкою узнаешь въ немъ сочинителя, сердитаго за то, что не читають его болѣе. Какъ не бранить современниковъ? Послѣ оставленной женщины, самое злое созданіе есть забытый писатель... Онъ испитъ клеветною всему окружающему его...

И НЕ НАШИ СЪНИ ПОДЛАМЫВАЮТСЯ.

Давно, давно, ровно за 30 лѣтъ передъ симъ, я былъ въ спрашномъ негодованіи на театральнаго нашего машиниста, за то, что при перемѣнѣ декораций, облака вышли изъ подъ земли, а деревья опустились съ неба.

Недавно прочиталъ я въ газетахъ, что и во Франціи случаются такія бѣдушки. Въ одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ городовъ представляли *Жоко*. Въ эпой пьесъ, какъ извѣстно, огромный змѣй ползаетъ по сценѣ и шипитъ. Пришла пора ему выступить... но онъ не явился. Представленіе остановилось. Актёры въ недоумѣніи не знаютъ, что имъ дѣлать, публика ждѣшьне-дождется. Одинъ суфлёръ въ кануръ своей не потерялъ духа; онъ громогласно завопилъ: «Змѣй! что же змѣй? гдѣ змѣй? подавай его сюда!»—Змѣя забыли въ каретѣ!—отвѣчалъ машинистъ сверху.—«Ну, такъ обойдется и безъ него!»—Раздались рукоплесканія, хохотъ, и актёры кончили пьесу безъ змѣя.

НѢЧТО О КОЛЬЦАХЪ.

Носить кольца, есть весьма древнее и повсемѣстное обыкновеніе. Индійцы привѣшиваютъ оныя къ носу и губамъ. У Іудеевъ

проколотые уши означали неволю и рабство; у Перуанцевъ же напротивъ— родъ рыцарскаго ордена. — *Аннибалъ* пряталъ въ кольцо ладъ. Обручальное кольцо служило прежде талисманомъ для отсутствующаго супруга; но въ наши времена, оно не есть уже талисманъ, а просто галантерейная вещица.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О НЕАПОЛѢ.

О сны мои златыя!

Шиллеръ.

Могу ли выразить все, что почувствовалъ я, увидѣвъ въ первые Неаполь, сей городъ наслажденія! Это не было по безопытному чувству удовольствія, которое испытываетъ путешественникъ при видѣ новаго предмета; это не было и удивленіе, но скорѣе любовь. Въ виду столь великолѣпнаго зрѣлища, воображеніе мое пребыло безмолвнымъ, но сердце съ живописію во мнѣ заговорило. Будучи иноземцемъ, я не замѣчалъ иного, мнѣ казалось, что я недалеко отъ моей отчизны, или лучше сказать, что я снова въ неѣ вступаю. Воздухъ былъ такъ чистъ, небо такъ ясно! Все приводило меня въ восторгъ, въ упоеніе, все казалось мнѣ очаровательнымъ! Исхія, Прокида, Каурей, Пуццоль, съ своими живописными берегами, видѣлись у насъ по сторонамъ, а впереди, у подошвы мрачнаго исполина, извергавшаго по временамъ сквозь облака густаго дыма огненные столпы, возвышался обширный блѣдомраморный городъ... Это былъ земной рай, это былъ Неаполь!... Черезъ минуточку мы должны были вступить въ сей прекрасный городъ, гдѣ отражалось столько лучей славы!... Мало по малу судно наше подвигалось впередъ, съ легкостію скользя по влажной равнинѣ. Оно разсѣкало волны съ какою-то нѣгою, и въ шумъ ихъ, исполненномъ особенной пріятности, было что-то нѣжное и сладостное; это была мелодія, невольно заспаивавшая погружиться въ мечтанія. Здѣсь уже не было сѣвернаго вѣтра съ его холоднымъ дыханіемъ; онъ замѣнялся

роскошнымъ Зефиромъ, сладострасшно вѣвающимъ между парусами нашего судна. Тысячи рыбачьихъ лодокъ носились повсюду на синеватой поверхности водъ.—И теперь еще вижу я, съ какимъ равнодушіемъ плаваютъ сіи сподвижники *Мазанелло!* Одни, небрежно раскинувшись, дремлютъ, убаюкиваемые тихимъ колебаніемъ волнъ; другіе, облокотясь на весла свои, дивятся своей прекрасной отчизнѣ, и почитаютъ себя щастливыми, любясь ею. Я помню ихъ оригинальную одежду; какъ согласовалась она со свойствами страны ихъ! Этого краснаго колпакъ, эти плащи съ капюшонами, это короткое исподнее платье, одѣвавшее ихъ смуглыя и жилистыя ноги; все соединилось, что бы придашь картинѣ видъ, болѣе живописный. Мы миновали ихъ, и они едва удостоили насъ взглядомъ.—Съ прибытіемъ въ Неаполь началась для меня новая жизнь; она перестала казаться мнѣ бременемъ и потекла съ легкостію и удовольствіемъ.

Я забывалъ о времени на сихъ очаровательныхъ берегахъ: Быстро мчались часы, и я безъ сожалѣнія смотрѣлъ на бѣгъ ихъ, какъ будто они снова должны были для меня начаться. Я не чувствовалъ болѣе ни опасеній, ни безпокойства, ни сомнѣній о судьбѣ моей; Неаполь казался мнѣ землею, съ которою никогда не должно было разставаться и въ которой жизнь никогда не прекращалась.— Недостаетъ только въчисти снмъ плѣнительнымъ мечтамъ; если бы они получили еѣ въ удѣлъ, то едва ли бы обидатели ихъ позавидовали небесамъ.— Какъ описать все блаженство, мною тамъ испытанное? Удовольствіе являлось мнѣ въ столь различныхъ видахъ, что я не знаю, въ какомъ изъ нихъ оно болѣе меня плѣнило. Тысяча картинъ наслажденія у меня передъ глазами; гдѣ бы ни останавливалась мысль моя, вездѣ встрѣчаетъ она щастіе.

Прекрасное Неаполитанское утро на берегу моря—это истинное очарованіе! Сколько разъ вкушалъ я его пріятности!

Солнце едва только взошло. Яркое сіяетъ оно, но не палишь; оно проливаетъ пошопки свѣта, но не препятствуетъ дивиться волшебному дѣйствію златыхъ лучей его;

оно призываетъ къ жизни всю природу, которую вчера оставило изнемогающею отъ зноя его; померанцовые листья, вчера пожелтѣвшіе, снова принимаютъ темнозеленый цвѣтъ свой, и пысячи позлащенныхъ плодовъ рдѣютъ, какъ звѣзды на зеленомъ сводѣ; увядшая лилея, помно поникшая главою, мало по малу оживаетъ, и розовыя чашечки ея, раскрываясь какъ-бы силою волшебства, разливаютъ въ воздухъ усладительное благоуханіе; волны также измѣняютъ цвѣтъ свой; ровная, синеватая поверхность ихъ испещряется множествомъ яркихъ переливовъ, и каждая изъ нихъ, завидя искрѣ, блестящей на хребтѣ ближайшей къ ней волны, сплывитъ занявъ ея мѣсто, чтобы опрашить сію искру въ свою очередь. Море ослѣпляетъ тогда симъ неизмѣримымъ просперанствомъ, усѣяннымъ зыблущимися алмазами, и взоры съ удовольствіемъ отдыхаютъ время отъ времени на темной лазури чистаго небснаго свода.

И какъ оживлена сія высокая сцена! Вы не встрѣтите здѣсь того дѣливаго племени Лаззарони, тѣхъ *Jaquini*, которые живутъ лишь грабежемъ и разбоемъ; въ это время они спятъ еще въ храмовыхъ припворахъ. Но вы найдете здѣсь народъ рыбаковъ, дѣятельный, заботливый, полный силы и незнающій усталости. Смотрите, съ какимъ рвеніемъ трудятся они на берегу! Замѣтите всѣ эти группы, которыя кажутся издали опрѣдами войска; какъ мѣрны ихъ движенія, съ какою точностію они дѣйствуютъ!—Тяжелъ длинный неводъ, окружность котораго означилась далеко въ морѣ пробковыми дощечками, всплывающими на поверхность моря, но бодрость ихъ неупомима, и соединивъ свои силы, они легко одолѣютъ оную. Чтобы вытащить на берегъ сію великую тяжесть, они какъ-бы повисли на ней; они наклоняются назадъ, потомъ приподнимаются, чтобы снова наклониться; — мало по малу неводъ уступаетъ ихъ усиліямъ, подвигается, суживается и скоро оставляетъ на поверхности водъ только узкій кругъ, въ которомъ волнуется безчисленное множество рыбъ, съ удивленіемъ

видящихъ жилище свое сполъ тѣсно населеннымъ.

Ловля будетъ успѣшна и обильна!

Неводъ совершенно выплываетъ на берегъ и вмгъ окруженъ рыбаками. Тщеславная волна тщетно силилась завоевать обратно нѣкоторыхъ изъ своихъ обитателей; она омываетъ только обнаженные ноги рыбаковъ, и ропотъ ея не въ состояніи заглушить ихъ радостныхъ воплей. Каждый приноситъ свою корзину и наполняетъ еѣ изъ сей блестящей, волнующейся массы; скоро попомъ берегъ, покрытый множествомъ сребристой чешуи, кажется полемъ, усѣяннымъ яркими блестящими.—Въ полдень рыбаки удаляются, чтобы укрыться отъ жара; ибо зной солнца становится несстерпимымъ; но завтра я опять найду ихъ за работою: ибо завтра утро будетъ также прекрасно и солнце также блистательно.

УМИРАЮЩІЙ ГАЙДУКЪ (*).

(Соч. Prosper Mérimée).

(Иллирійская баллада).

«Ко мнѣ, ко мнѣ, старый орелъ посѣдлый, я *Гавриль Заполь*, который часто кормилъ тебя прудами Пандуровъ, враговъ моихъ. Я раненъ, я умираю; но прежде, чѣмъ сердце, мое благородное сердце достигнетъ орленкамъ твоимъ, я прошу тебя объ одной милости. — Возьми въ когти свои пустую суму мою, снеси еѣ къ моему брату *Георгию*, чтобы онъ опмстилъ за меня. Въ сумѣ моей было двѣнадцать зарядовъ, и двѣнадцать мертвыхъ Пандуровъ легло вокругъ меня.— Но прѣшло ихъ тринадцать, и тринадцатый, *Боцай*, прусь, поразилъ меня въ спину. Возьми въ когти свои шитый плащъ мой и снеси его прелестной *Хавь*, чтобы она оплакивала меня.»

И орелъ снесъ пустую суму его къ брату *Георгию*, который упивался тогда водъ

(*) Изъ книги *Mosaïque*.

кою. И онъ спесь шишый плашь его къ прелепной *Хавь*, копорая вѣнчалась погда съ *Боцаемь*.

Пер. И. Д.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В ЛЮБЛЕННОМУ ПОЭТУ.

Я поспигаю спрасшь пвою
И самый жребій пвой враждебный!
Ты не въ красавицу свою —
Влюбленъ ты въ идеаль волшебный:
Опъ блещеть свѣплой повизной,
Мечпанья сладко опъ чаруетъ —
И образъ дѣвы молодой
Любовь плѣнительно рисуешь.
Она мила въ часы бесѣдъ,
Она пылка самъ-другъ съ побоемъ,
Она скромна средь шажкихъ бѣдъ,
Изящна рѣчію живою.
Скажи, не правда ли, она
Въ мечтахъ прерывчапата сна
Оспрадно предъ побой лешаетъ?
Какъ духъ легка, какъ мысль ясна,
Твою любовь благословляешь! . . .
Въ ея-жь любви—забвенья бѣдъ,
Цѣль бытія, награда лѣпъ,
Блаженство и восторги жизни;
А милый дѣвешвенный привѣтъ
Такъ дорогъ, какъ земля опчизны.
И не ея-ль глаза горятъ
Тебѣ звѣздой преображенья,
И обольщуютъ, и живятъ,
И вызываютъ вдохновенья? . . .
Ты щаспливъ? Нѣтъ, не вѣрю я,
Не по твердятъ пвои ланиты;
Душа впревожена пволъ,
А взоры томны и убипы.
Такъ! Опгадаь я пвой недугъ,
Который ты опъ всѣхъ скрываешь:
«Я щаспливъ!» Ты мнѣ отвѣчаешь.
Я говорю: «Ты боленъ, другъ!» . . .

Карлагофъ.

Я Б Л О Н Ъ.

(*Басня.*)

На яблонѣ въ цвѣпахъ жужжали Пчелы роемъ.
Къ нимъ Шершень прилетѣлъ
Нахальспвеннымъ героемъ,
И гордо басомъ загудѣлъ:
«За чѣмъ вы упроемъ лишь проснешесь
И цѣлый день-дѣпской надъ Яблонью все вѣпсесь;
За чпобъ еѣ любипъ? не ужли за цвѣты?
Напрасно; вѣдъ они ни мало не красивы,
И Яблонь мнѣ на взглядъ какъ дикіе куспы!»
Пчела ему въ опвѣтъ: добра не знаешь ты,
Незнаешь, сколько мы сей Яблонью щаспливы;
Благоуханіемъ она къ себѣ влечетъ,
И мы съ ея цвѣповъ собираемъ сладкій медъ;
Подъ тѣнію ея живѣй распутъ фіалки,
Защипу видятъ въ ней
Опъ бури, опъ дождя, опъ солнечныхъ лучей;
А вы не доброхоты жалки. —

*

Довольно естъ шакнхъ Шершней,
Которые всегда о людяхъ судятъ криво,
Не могли чувспвовать ихъ сердца красопы;
Но души добрыя на Пчелъ въ дѣлахъ походитъ,
Всегда тѣхъ любятъ, въ комъ находятъ
Добра цвѣты.

И. И.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* въ азбукѣ въ складахъ
Въ концѣ перво-линейки;
Второе же въ избахъ, въ садахъ
Походитъ на скамѣйки.
Безъ нихъ гостинный дворъ
Исчезнетъ, запускетъ.
Туда проникнетъ воръ,
Чѣмъ хочетъ, завладетъ.
А *цѣлое* мое, не чудно ли по вамъ?
Въ такой любви у дамъ,
Что днемъ, вѣдъ, живъ безъ насъ не могушь,
Повѣрьте, занемогушь.
Настанетъ ночь,
Глядишь, насъ прочь.

Л й.

Въ No 94, помѣщенный логогрифеъ значитъ: *Averse, vers.*

M O D E S.

Le *cachemire indou* à dessins cachemires imprimés, selon le fond ou le genre de dessin, convient à une grande ou demitoilette.

La mousseline de laine, à dessins grands ramages, genre arabesque, jolie robe pour négligé du soir ou demi-toilette du matin.

Les mérinos à dessins cachemire, imprimés sont simples et convenables pour les personnes qui désirent une fantaisie de quelque durée. Les plus jolis sont fond jaune turc, à palmettes espacées, ou fond noir.

Il est nécessaire de faire remarquer que le goût prononcé pour la couleur noire subsiste encore pleinement et se conservera cet hiver. Les satins brochés *Pompadour*, qui sont reçus comme les plus élégans, sont fond noir à dessins cerise ou orange.

Les mousselines de laine, *Pompadour*, fond noir, à grands dessins de fleurs naturelles; des roses, des œillets, des grenades avec les feuillages et nuancés.

Nous citerons du magasin *Narey* deux manteaux en cachemire indou imprimé; l'un à fond orange couvert de grands ramages formés par de larges roses avec leur feuillage. Tout autour, devant et au bas, la bordure des mêmes fleurs se trouve sur un fond noir haut d'un demi-quart. La même disposition se retrouve à la pélerine.

L'autre, fond noir uni, est entouré d'une bordure fond rouge, à dessins cachemires de plusieurs nuances qui se détachent en pointes sur le fond.

Ces manteaux sont élégans et riches; on peut leur donner la forme qui convient.

M O Д Ы.

Кашемиръ *indou* съ Турецкими печатными узорами, смотря по цвѣту грунта или узору, приличенъ къ большому наряду или къ полу-наряду.

Шерстяная кисея съ большими разводами, въ родѣ арабесковъ, красивое платье для вечерняго *пеллиже* или упреннаго полу-наряда.

Мериносы съ печатными Турецкими узорами, весьма просты и приличны особамъ, желающимъ прихоти, не скоро исчезающей. Самые красивыя по грунту Турецкаго желтаго цвѣта, съ разбросанными пальмочками, или по черному грунту.

Надо замѣтить, что вкусъ къ черному бархату существуетъ вполне и сохранился всю лѣтнюю зиму. Запканные апласы *Pompadour*, щипающіеся самыми щеголеватыми, по черному грунту съ алыми или оранжевыми узорами.

Шерстяныя кисеи, *Pompadour*, по черному грунту, съ большими узорами изъ натуральныхъ цвѣтовъ: розъ, гвоздикъ, гракатъ, опьяненныхъ и съ листьями.

Мы опишемъ изъ магазина *Narey* два плаща изъ печатнаго кашемира *indou*; одинъ съ оранжевымъ грунтомъ, покрытымъ большими разводами, составленными изъ большихъ розъ съ листьями; вокругъ кайма изъ тѣхъ же цвѣтовъ по черному грунту, шириною въ полчетверти. Такимъ же образомъ сдѣлана и пелеринка.

Другой, съ чернымъ гладкимъ грунтомъ, окруженъ каймою; по красному грунту Турецкіе разноцвѣтные узоры, которые отдѣляются на грунту мысками.

Эти плащи щеголеваты и богаты; имъ можно дать приличную форму.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Ивалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1834 году. Планъ и содержаніе остаются прежнія, то есть: каждую Среду и Субботу будутъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Каждые 9 дней, т. е. чаще, нежели 3 раза въ мѣсяцъ, господа Подписчики получаютъ картинку новѣйшихъ, съ послѣднею заграничною почтою или пароходомъ полученныхъ модъ; всѣхъ же картинокъ будетъ въ годъ 40.

Исправность, съ какою выходили въ Свѣтъ *Новости Литературы и Славянныя* до 1831 года, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831, 1832 и 1833 годахъ, ручается почтенной Ответственной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе ею листовъ сей газеты саширической, крипической, модъ, псапрровъ и словесности.—С. П. Б. 27 Ноября 1833.—

Издатель А. Воейковъ.

С. Петербургъ.— Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ зданій.—

Печатать позволено: 23 Ноября 1833 года. Цензоръ А. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 96.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №, съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 2 ДНЯ 1855 ГОДА.

..... Многие, хопъ спыдно имъ признашья,
Съ умомъ людей боияшя
И перляпш при себѣ охопнѣй дураковъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О М О Л В Ъ.

Разборъ четвёртаго тома Исторіи Русскаго Народа, сочиненіе Николая Полеваго, заимствованный изъ сей газеты.

(Окончаніе.)

Вопросъ. Какимъ образомъ очутились въ горныхъ ущеліяхъ Гиммалаевъ и лѣсахъ Индіи безвѣстные исторіи народы?

Отвѣтъ. Политическіе перевороты занесли ихъ въ сіи записья. (спр. 29).

Вопр. Назовите сихъ народовъ?

Отв. Tourpahs, Garrow, Coucis, Syaumis, Catligwar, Gouds, Chotishghoar, Wadasse, и народы, живущіе въ Китаѣ: Miaosse, Lolos, Mienting, Hainan. (ib).

Вопр. Какой изъ языковъ былъ коренной?

Отв. Семипшическій. (ib).

Вопр. Что такое касты Индійскія, гражданственность Кипал, жречество Тибетія?

Отв. Соединеніе идеи званія съ народностию. (31).

Вопр. Что происходило съ именами народовъ въ Азіи?

Отв. Имена народовъ въ Азіи дѣлались символами. (ib).

Вопр. Какъ Кипайцы перемѣняли имена своимъ подвластнымъ народамъ?

Отв. Придавая имъ особенный смыслъ. (31).

Вопр. Изъ кого состоятъ войска Египетскія у Магомета-Али?

Отв. Изъ Арабовъ, Курдовъ, Мамелюковъ, Абиссинцевъ, Негровъ и пр. (35).

Вопр. Надобно ли различать собиращельныя имена отъ собственныхъ?

Отв. Надобно. Россія, Индія, суть имена собиращельныя въ отношеніи къ именамъ: Русскій, Марашпъ. (ib).

Вопр. Какія племена мы называемъ Калмыкообразными?

Отв. Народы Монгольскаго сложенія пѣла, широколицыя, узкоглазыя, скулистые, скудобородые. (37).

Вопр. Что значить слово: Татаръ?

Отв. Татаръ или собраніе шапуровъ: оно означало всѣ народы Монгольскіе. (38).

Вопр. Почему *Татары* оскорбляются названіемъ *Татаръ*?

Отв. Потому, что оно значитъ у нихъ, по ихъ изъясненію, *воръ*. (ib).

Вопр. Что значить слово *Темудзинъ*?

Отв. Значить: *воинъ* и происходитъ отъ Монгольскаго слова: *Тема* (*guerre*). (34).

Вопр. Почему *Юссугай* назвалъ своего сына *Темуджиноль*?

Отв. По имени побѣжденнаго имъ *Татарскаго Хана*. (39).

Вопр. Верна ли родословная *Темуджина*—опца его *Юссугай-Багадара*?

Отв. Эта родословная можетъ быть ложная, ибо смѣшивается со множествомъ басенъ. Она основана на *преданіяхъ*, а можно ли на *преданіяхъ* основать что-либо, если онѣ объедаютъ цѣлыя сотни лѣтъ? (39).

Вопр. Что же вы повторяете въ разсказахъ о *Темудзинъ*?

Отв. Съ изумленіемъ повторяемъ мы *вѣрныя преданія* прошедшаго. (43).

Вопр. Кромѣ *паланшовъ Темуджина*, что еще помогало ему?

Отв. То, что *Темудзинъ* каждый разъ готовъ былъ положить на вѣсы щасія свою голову... и поставилъ каждаго между рѣшеніемъ: *покорность или гибель*. (50).

Вопр. Какъ *Темудзинъ* извлекалъ пособія изъ суевѣрій народныхъ?

Отв. Сначала былъ у него сообщникомъ *колдунъ*, уважаемый *Монголами*. (ib).

Вопр. Потомъ?

Отв. Чучи, сынъ *Темуджина*, выгналъ потомъ *колдуна* пинками. (ib).

Вопр. Разскажете теперь, какъ описываемъ мы и повѣствуемъ *Карамзинъ* о нашествіи *Татаръ*?

Отвѣтъ.

КАРАМЗИНЪ.

Въ 1237 году, осенью, Монголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области. (III. 277).

ПОЛЕВОЙ.

Къ зимѣ 1237 года, полчища Монгольскія появились въ Рязанской споронѣ. (70).

Пославъ къ нашимъ князьямъ какую-по жену *Чародѣйку* и двухъ чиновниковъ, *Владѣтели Рязанскіе* сами встрѣпили ихъ на берегу *Ворсклы*.

Если желаете міра, говорили послы, по десятая часть всего вашего достоянія да будетъ наша.

Князья отвѣчали великодушно: «когда изъ насъ ни кого въ живыхъ не останешся, тогда все возьмемъ.»

Батый двинулъ ужасную рапъ свою къ столицѣ *Юрвовой* (Рязани), гдѣ сей князь заперся. *Татары* на пупи разорили *Пронскъ*.

... и прислушивъ къ Рязани, оградилъ еѣ пыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилась пять дней: воины *Батыевы* перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли спать на спѣнахъ отъ усталости. (279).

Въ шестый день, Декабря 21, по утра, изготопивъ лѣстницы, *Татары* начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость,

Князья Рязанскіе не устрашились однакожь, вышли съ дружинами своими къ *Воронежу* и тамъ встрѣпили пословъ *Батый* и присланную съ ними какую-по колдунью.

Послы претовали покорности и десятины изъ числа князей, людей и коней..

«Пока живы, ничего не дадимъ; если не будетъ насъ, то все вамъ доспанешся.»

Монголы обошли ихъ, разорили *Рязанскую* область до *Пронска*.

Монголы двинулись къ Рязани и окружили еѣ опвсюду; пять дней бились съ ними осажденные, безъ опдыха, когда между тѣмъ *Монголы* безпрестанно смѣнялись. (72).

Декабря 21 Рязань была взята. Княгиня укрылась въ соборной церкви, съ знаменитѣйшими боярынями; тамъ нашли и убили еѣ варвары; потомъ

сквозь дымъ и пламя вломилась въ улицы, испребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его, бояре, народъ, были жерпвою ихъ свирьпоспп. Веселяся опчаянiемъ и муками людей, варвары *Батыевы* распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, спрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насилiемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствiи издающихъ супруговъ и матерей; жгли iереевъ или кровiю ихъ обгряли алтари. (279).

Наконецъ исчезъ вопль опчаянiя: ибо уже некому было стѣнать и плакать. (ib).

Одинъ изъ князей Рязанскихъ находился тогда въ Черниговѣ... возвратился въ обласп Рязанскую, которая представилась ему въ видѣ страшнiой пустыни или неизмѣримаго кладбища; тамъ, гдѣ цвѣли города и селенiя, остались единственнo кучи пепла и пруповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойныхъ вшпзлей лежали ря-

опи зажгли городъ, забирали узорочья и богатства, рѣзали, распрѣливали, жгли людей, терзали, позорили дочерей передъ глазами матерей и отцовъ. (ib).

Некому было стѣнать и плакать послѣ ухода Монголовъ, ибо остались только мершвыя тѣла. (ib).

Погребать ихъ прiвѣхалъ *Ингарь*, бывшiй тогда въ Черниговѣ, и съ ужасомъ увидѣлъ все населенiе *Рязани* положенное трупомъ, занесенное стѣгомъ, залерзшее, подусѣденное дикими звѣрями и хищными птицами. (73).

домъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ (ib).

Батый близъ Коломны встрѣпилъ сына *Георгiева Всеволода*. Сей юный князь соединился съ *Роландомъ Ингоревичемъ*, племянникомъ *Юри* Рязанскаго. (281).

Батый въпожевремя сжегъ Москву, плѣнилъ *Владимира*, впограго сына *Георгiева*, умершвилъ тамошняго воеводу, *Филиппа Няньку*. (281).

Георгий выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защипу двумъ сыновьямъ, *Всеволоду* и *Мстиславу*. (ib).

...расположился спаномъ на берегахъ Сщпи, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ неперпѣнiемъ ждалъ прiбытiя своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго *Ярослава*. (ib).

Вопр. Превосходно: это можетъ зажать ротъ завистникамъ нашего новаго историка, которые, не совѣспясь, называютъ исторiю г. *Полеваго* передѣлкою исторiи *Карамзина*. Расскажите, для примѣра, взятiе *Владимира*?

Отвѣтъ.

Карамзинъ.

Февраля 7, въ воскресенье мясопуспное, скоро по заупре-

У Коломны ждалъ Монголовъ еще одинъ князь Рязанскiй, *Роландъ*, со *Всеволодомъ*, сыномъ *Георгiя*.

Батый взялъ Москву, полонилъ другаго *Георгiева* сына, *Владимира*, убилъ воеводу Московскаго *Филиппа Няньку*, и двипулся на Владимиръ. (ib).

Георгий удалился въ это время изъ столицы своей, оставивъ въ ней сыновей *Всеволода*, *Мстислава*. (ib).

Онъ хотѣлъ совокупить войско на рѣкѣ Сщпи, дожидаясь брата *Ярослава* изъ Кiева. (ib).

Полевой.

Февраля 7 начался общiй приступъ. (75).

ни, начался приступъ.
(283).

Князья и бояре ожидали гибель... *Всеволодъ*, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмъ Богоматери, и пребовали, чпобы *Епископъ Митрофанъ* облекъ ихъ въ схиму... знаменитые Россіяне проспились съ міромъ, съ жизнію. (ib).

Татары вломились въ новый городъ у запаыхъ врапъ, мѣдныхъ и свяшья *Ирины*, опъ рѣчки *Лыбеди*, также опъ *Клязмы* у врапъ *Воляскихъ*. (ib).

Всеволодъ и *Мстиславъ* съ дружиною бѣжали въ старый или такъ называемый *Печерный городъ*. (ib).

... а супруга *Георгіева*, *Агафія*, дочь его, сноха, внучапы, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. (ib).

Непріятель зажегъ оную.

Тогда *Епископъ* сказавъ громогласно:

«Господи! простри невидимую руку Свою и прими въ міръ ду-

Рѣшась умереть, князья *Всеволодъ* и *Мстиславъ*, съ *Епископомъ Митрофаномъ* пришли въ соборный храмъ, приняли свяшю схиму, вмѣспъ со многими женами и сановниками, и на вѣкъ проспились другъ съ другомъ. (ib).

Монголы вломились со всѣхъ споронъ, опъ *Лыбеди* и воротъ *золотыхъ св. Ирины*, и мѣдныхъ (ib).

Князья рѣзались съ ними въ среднемъ (?) или *Печерномъ* городѣ.

Въ соборной церкви укрылись между тѣмъ *Епископъ*, супруга *Георгія*, *дочери*, невѣстки ея. (ib).

Безполезно отбидвая двери, Монголы зажгли наконецъ церковь.

Среди дыма и пламени, слезъ и спенаний, *Епископъ* воздѣлъ руки къ небесамъ и возопилъ:

«Воскресившій чепверодневнаго *Лазаря*, Боже силъ! про-

ши рабовъ пвоихъ.» (ib).

Благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. (ib).

Татары отбидили конецъ двери и ворвались въ свяшый храмъ.

Всеволодъ и *Мстиславъ*, не видя уже никакой возможности отразить непріятели, хотѣли пробиться сквозь ихъ полны и положили свои головы внѣ города. (ib).

Вопр. Прелестно! Разскажице намъ также и о битвѣ на Сипи.

Отвѣтъ.

Карамзинъ.

Марша 4 битва на Сипи.

Георгій палъ на берегу Сипи.

Князь *Василько* (сынъ *Константиновъ*) оспался плѣнникомъ.

«Будь нашимъ другомъ и воюй подѣ знаменами великаго *Батмья*,» говорили ему Татары. (ib).

«...темное царство!» опвѣсповалъ *Василько*.

Варвары изблекли мечи и скрежетали зубами опъ ярости...

спри руку на рабовъ пвоихъ, и прими съ міромъ души ихъ.» (ib).

Онъ благословилъ всѣхъ на кончину. (ib).

Монголы отбидили двери и ворвались въ дымъ и пламень.

Мстиславъ и *Всеволодъ* были убиты среди дружины своей, дравшись уже внѣ стѣнъ города. (ib).

Полевой.

Марша 4 Монголы сблизились къ Сипи (76).

... и *Георгій* погибъ въ битвѣ.

Василько Константиновичъ былъ захваченъ въ плѣнъ. (ib).

Монголы уговаривали его покориться.

«Царство темное и скверное!» восклицалъ онъ.

Варвары заскрежетали зубами, вонзили въ него ножи свои.

.... великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи.... (285).

Росповскій Епископъ *Кирилль*, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сипи, въ кучѣ мершвыхъ тѣлъ искалъ *Георгіева*. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію...

... но туловище лежало безъ головы...

Тѣло *Василька* заключили въ одной ракъ съ *Георгіевымъ*, вложивъ въ неё *отысканную* послѣ голову вел. князя. (288).

Многочисленные толпы *Батыевы* стремились къ Новгороду. (ib).

... и взявъ Волокъ-Ламскій, Тверь, осадили Торжокъ. Жипели двѣ недѣли оборонялись мужеспвенно. (ib).

(у *Кар.* въ прим. 367). Туже убьенъ быша *Иванко*, посадникъ *Новоторжскій*...

Уже *Батый* находился во 100 верстахъ опъ Новгорода. (Надобно вспомнить, гов. *Кар.* пр. 367, что старья версты были вдвое болѣе нынѣшнихъ).

... и въ пихой молилъ погибъ сынъ добрый *Константина*. (76).

Епископъ *Кирилль*, возвращаясь изъ Бѣлаозера, гдѣ скрывался *отъ враговъ*, самъ осмапривалъ Сипское побище и узналъ *Георгіа* по княжеской одеждѣ.

Хотя головы у трупа не было...

... её наши послѣ *Георгіа* и *Василька* положены были въ одной могилѣ. (77).

Между тѣмъ, по дороге къ Новгороду, шли опдѣльные тѣмы *Батыевы*. (77).

Волоколамскъ и Тверь разрушены были послѣшнымъ приспупомъ; но двѣ недѣли осаждали Монголы Торжокъ. (ib).

Гдѣ, по взятіи города, убитъ былъ храбрый защипникъ его, *Иванко*, посадникъ *Новгородскій*. (ib).

Только 200 верспъ оставалось до Новгорода.

Новдругъ (*Батый*).. обратился назадъ (въ пр. у *Кар.* о *Иеналъ* крестѣ.)

... села исчезали; головы жителей, по словамъ лѣтописцевъ, падали на землю, какъ трава скошенная. (ib).

... сей городъ, весьма не знаменшый, имѣлъ погда особеннаго князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ *Василія*, опъ князей Черниговскихъ. (287).

«Какъ вѣрные Россіане, должны за него (п. е. за князя) умереть (говорили Козельцы), чтобы въ міръ оставилъ по себѣ добрую славу, а за гробомъ прииялъ вѣнецъ безсмертія.» (287).

Татары семь недѣль спояли подъ крѣпостью.

... разбили спѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними пожамъ. (ib).

... и въ единодушномъ позывѣ геройства успремались на всю рать *Батыеву*... и сами легли на ихъ трупахъ. (ib).

Вопр. Чшо мы должны дѣлать, соображая все это?

Отв. Не унывать, но поучаться.. (спр. 9).

И вдругъ опъ урочища: *Иеналъ* крестъ поворопили полчища варваровъ назадъ. (ib).

Опустошеніе означало слѣды ихъ. (ib).

Козельскъ, городокъ Черниговскаго княжества, изумилъ самихъ Монголовъ. Здѣсь былъ удѣлъ какого-то малолѣтнаго князя *Василія*. (78).

«Положимъ за него живопъ свой;» говорили Козельцы. «Примемъ славу въ міръ, и вѣнцы небесные за гробомъ.» (ib).

Шестъ недѣль билась подъ симъ городомъ Монголы...

... и когда разбили уже спѣны и взошли на валъ, жипели рѣзались еще съ ними ножами. (ib)...

... наконецъ пошли въ густые толпы ихъ и легли всѣ. (ib).

СЛОВЕСНОСТЬ.

КЛАДБИЩЕ.

Истинное происшествіе.

(Посвѣщ. Собѣи Адол. Пенцеліусъ.)

Съ нами то же, что со црѣпомъ:

Быль — и нѣтъ его чрезъ день.

И. И. Дмитріевъ.

Однажды, въ прекрасный Майскій вечеръ, бродилъ я по Волковскому кладбищу. Съ душой осиропѣлой, глядѣлъ я печально на богатые памятники и бѣдныя могилы. Вездѣ царствовало мерзвое молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое веселыми криками маленькихъ дѣтей — бѣгающихъ по могиламъ. Я думалъ, юность вездѣ веселилась и вездѣ ей пріятно; она не глядитъ на печальныя мѣста, гдѣ со временемъ и ея прахъ будетъ положенъ.

Я приближался тихими шагами къ одной могилѣ, на которой сидѣлъ старикъ, удрученный лѣтами и украшенный сѣдиною. Почтенный его видъ и глубокая печаль, начертанныя на лицѣ его, привлекли мое вниманіе.

«Добрый вечеръ, почтенный старецъ!» сказалъ я ему.

Онъ поднялъ голову и, обративъ глаза свои на меня, отвѣчалъ съ горестною улыбкою: Благодарю покорнѣйше, сударь! — И снова погрузился въ глубокую думу.

«Позвольте спросить, по какой потерѣ груститъ сердце ваше, чпобъ и я могъ раздѣлить вашу горестъ?»

Старикъ вздохнулъ; онъ поднялъ опять свою голову и обративъ глаза свои на могилу, сказалъ: Прочтите, сударь, надпись на памятникѣ — и вы все узнаете. —

Я подошелъ къ памятнику, на которомъ предсѣялъ былъ старикъ, облокотившійся одною рукою на урну, а другою опирающій слѣзы. Внизу на бѣлой мраморной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

— Здѣсь покоются съ міромъ, любезная моя супруга *Марія* Е..... III — ѣ и любезная дочь *Варвара*. —

А на другой споронѣ двѣ слѣдующія надписи:

Къ супругѣ:

Приду съ душою сокрушенной
Слезами — камень сей облипъ;
Мнѣ щаспья не найши въ всеенной;
Коль могъ я — друга пережить!

Къ дочери:

О Небо! чпо же мнѣ ты въ радость оставляешь,
Когда и съ дочерью — меня ты разлучаешь?

— Вотъ здѣсь, сказалъ старикъ — лежатъ жена и дочь, которыхъ одни только были мнѣ радостью въ мірѣ. *Марія* лишилась жизни за четыре года предъ симъ, а дочь, надежда моей старости, скончалась при недѣли назадъ, и Всевышній оставилъ. . . — Старикъ не могъ докончить; онъ упалъ на колѣни и, обративъ взоры свои на небо, чпо-то шепталъ про себя.

«Упѣшпесь, почтенный старецъ!» сказалъ я ему, едва удерживая слѣзы: «не ропщите на Провидѣніе! Не одни вы несчастны, въ семъ мірѣ тысяча подобныхъ спрадалцевъ; удѣлъ нашъ терпѣніе. Не плачьте о помѣ, что уже невозвратимо.»

— Не плачь — сказалъ легко! Но знаешь, Богу такъ было угодно, и да будетъ Его святая воля! — сказалъ старикъ, подавая мнѣ руку, и приглашая съестъ возлѣ него. Онъ мнѣ разсказалъ въ короткихъ словахъ повѣстъ своей жизни:

— Я родился въ Ярославлѣ. Отецъ мой богатый мѣщанинъ и имѣлъ у себя прехъ сыновей. Я изъ нихъ былъ младшій. Проведя молодость свою беззаботно подъ надзоромъ отца, я не видалъ, какъ минуло мнѣ двадцать лѣтъ. Отецъ мой однажды сказалъ мнѣ: пора тебѣ самому искапъ щаспья! — И я, получивъ благословеніе отъ отца и матери, отправился въ дорогу и прпбылъ въ Петербургъ. Десять лѣтъ я прудился и нажилъ себѣ небольшое состояніе. Купивъ домикъ, я женился на дочери сосѣда моего, прекрасной осьмнадцати лѣтней дѣвицѣ. Мы съ нею мирно прожили придцать лѣтъ, и Богъ благословилъ насъ

дочерью. Я думалъ въкъ свой провести тихо, спокойно, но Богъ судилъ иначе: въ одинъ годъ лишился я родителей, схоронилъ жену и, къ довершенію моего нещасія, спустя четыре года по смерти жены, лишился я милой дочери.—Спарикъ зарыдалъ, вспалъ, взглянулъ на могилу и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, побрелъ въ пихомъ безмолвіи съ кладбища.

*

Два года послѣ сего я еще встрѣчалъ спарика, но недавно узналъ, что и онъ переселился изъ этой жизни въ вѣчную, и прахъ его почіеетъ тамъ, гдѣ жена и дочь. Часпо въ лѣсные вечера, гуляя по кладбищу, я посѣщаю ихъ могилы, и слезы печали капаясь невольно по моему лицу. Я думаю, что и насъ ждетъ такая же участь, и рано, поздно ли, мы будемъ вѣрною добычею могилы.

Люди! люди! для чего вы гордитесь своимъ богатствомъ, за чѣмъ мало снисходительны къ подобнымъ себѣ, за чѣмъ пренебрегаете бѣдныхъ? Знайте, что мы здѣсь не вѣчны: наше богатство, наши пипулы, насъ самихъ—все возметъ могила!

А. Гренъ.

1851.

М Ы С Л И.

Женщина должна быть искусною во всѣхъ мелочахъ, которыхъ не надобно знать ея мужу, и сверхъ того она должна имѣть понятіе о всѣхъ полезныхъ вещахъ, которыхъ онъ необходимо обязанъ знать.

Самыя сладоспныя изъ воспоминаній нашихъ не суть воспоминанія о прошедшихъ радостяхъ, но о минувшихъ печаляхъ.

Цѣломудріе заключаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели женщинъ.

Другъ вашъ огорченъ и печаленъ? Заговорите съ нимъ о вашихъ нещасіяхъ; онъ позабудетъ свои собственныя.

Ожиданіе бѣдспвіа пятоспнѣе самаго бѣдспвіа, ибо нельзя еще въ немъ утѣшиться.

Изъ всѣхъ похвалъ съ большею неохотою мы распочаеиъ тѣ, которыхъ опъ насъ пребуютъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

(Изъ Шиллера.)

По морю вселенной направилъ я бѣгъ:
Тамъ якорь мнилъ бросить, гдѣ видится брегъ
Пучины создавъ,
Гдѣ жизни дыханья
Не слышно—гдѣ смолкла стихійная брань—
Гдѣ Богомъ шворенью поставлена грань.

*

Я видѣлъ, какъ юныя звѣзды вспаютъ,
Пушемъ вѣковѣчнымъ по тверди пекутъ,
Какъ дружно лепѣли
Къ божественной цѣли...

Я далъ— взоръ оглянулся окрестъ,
И видѣлъ пространство, но не было звѣздъ.

*

И въпра быстрѣе, быстрѣе лучей
Я въ бездну ничтожества мчался бодрѣй.

И небо за мною

Одѣлся мглою...

Какъ волны потока, такъ соиы планетъ
За спарникомъ міра кипѣли во слѣдъ.

*

И пупникъ со мной повстрѣчался тогда,
И вопъ вопрошаетъ: «Товарищъ, куда?»
—Къ предѣламъ вселенной
Мой путь неизмѣнной:

Туда, гдѣ умолкла стихійная брань,
Опъ века созданнымъ поставлена грань!—

*

«Жишь якорь! предѣловъ имъ нѣтъ предъ по-
бой.»
— Ихъ нѣтъ и за мною! пусть кончатъ и швой!—

Свивай же въприло,

О духъ мой унылой,

И далѣе, смѣлый, лепѣть не держай,
И здѣсь же съ опчаянья якорь бросай!

С. Шевырсовъ.

С H A R A D E.

Mon premier par ses sons proclame la conquête,
 En un héros transforme le soldat;
 Il a souvent de la folle grisette
 Endolori le pied trop délicat.
 Un utile animal, un buste révéré,
 Dans mon dernier trouvent une retraite;
 Et d'un édifice sacré
 Mon entier embellit le faite.

Въ No 95, помѣщенная шарада значить: *Булавка*.

M O D E S.

Nous devons achever nos remarques sur les nouveautés qu'offre le magasin de M. Narey.

Les satins de laine, damasquinés, couleur sur couleur, la même étoffe, tissu tout uni. Le satin de laine est une étoffe souple et soutenue, ces reflets ont un brillant adouci qui sied parfaitement.

Des satins imprimés de différens genres, les satins brochés couleur sur fond noir.

Ces satins déjà connus pour robes, sont employés cet hiver avec grande élégance pour des châles carrés; de très-larges fleurs forment une bordure et quelquefois un semé. Les fleurs peuvent être de toutes nuances, mais le fond doit être noir. On fait aussi ces châles en satin imprimé; c'est une *imitation d'élégance* qui est de mauvais goût.

Du même genre nous avons vu chez M. Narey de jolies écharpes qui ont remplacé celles de laine ou de cachemire.

Comme fantaisie négligée on porte les châles *tartans*, larges de six quarts. Ce magasin en a une riche collection, véritablement anglais, que nous devons distinguer des français, larges à peine de quatre quarts, et n'ayant de franges que de deux cotés au lieu de quatre.

Ces châles sont d'un tissu épais et croisé, à carreaux écossais.

Les bonnets de blonde ou de dentelle restent petits; quelquefois on relève un peu la garniture sur l'un des côtés, et l'on place dessous une courte travers-

se de ruban à laquelle tient une rosette. Par derrière, au lieu d'une blonde qui retombe en bavolet, on met souvent un ruban à plat, et un peu de côté une assez grande rosette qui garnit le bas.

Pl. No 34. Réçu de Paris ce 6 Novembre n. st.

M O Д Ы.

Мы должны окончивъ замѣчанія наши о новостяхъ магазина г. Narey.

Шерстяные апласы, волнистые, одного цвѣта по другому, также матерія, гладкая. Шерстяной апласъ,—мягкая и крѣпкая матерія, опсвѣты ея имѣють смягченный блескъ, который чрезвычайно ко всѣмъ идетъ.

Печашные апласы разнаго рода, апласы зашканные цвѣстнымъ по чѣрному грунту.

Извѣстные уже апласы для платьевъ употребляются нынѣшнюю зимою съ большою щеголеватостію для четверугольныхъ плапокъ; большіе цвѣты составляютъ гирланду, а иногда просто разбросаны. Цвѣты могутъ быть всякихъ швей, а грунту должень быть чѣрный. Дѣлають также эти шали изъ печашнаго апласа; это *подражаніе щеголеватости* весьма дурнаго вкуса.

Въ такомъ же родѣ мы видѣли у г. Narey красивые шарфы, которые замѣнили шерстяные и кашемировые.

Какъ прихоть *négligée* носятъ шали *tartans*, шириною въ шесть четвершей. Въ семь магазинѣ ихъ богатое собраніе, насполицихъ Англійскихъ; ихъ должно отличать отъ Французскихъ, которыя шириною едва въ чепыре четверши, и бахрому вмѣсто чепырехъ споронъ шолько съ двухъ.

Ткань сихъ плапокъ плотная, кипорная, Шотландскими клѣпками.

Блондовые и кружевные чепчики все также малы; иногда оборку приподнимають съ одной спороны и подъ низъ кладуть корошкую ленту, къ которой прихвачена розетка. Сзади, вмѣсто блондоваго баволеша, часто кладуть ленту вгладь, и немного съ боку довольно большую розетку, которая опдѣльвается низъ.

Карш. No 54. Фасоны, полученные изъ Парижа 6 Ноября.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
•••••

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 97.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 6 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Съ какимъ прудомъ Паукъ мотаетъ паутину!
Смети её, Паукъ опять начнетъ мотать:
Равно и ремача не думай обращаться!
Брани его, спыди, а онъ, докохъ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, все пишеть, пишеть....

Дмитривъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О НЫНѢШНЕМЪ ПРИСТРАСТІИ КЪ ТАНЦАМЪ (*).

Во дни веселій и желаній
Я былъ опъ баловъ безъ ума.
Вѣрный нѣтъ мѣста для свиданій
И для врученія письма!!!

Евгеній Олѣгинъ.

Петербургскую зиму можно назвать золотымъ временемъ баловъ, вечеринокъ, танцевальныхъ завтраковъ и прочихъ подобныхъ увеселеній.— Тогда-то Петербургскія дѣвицы узнаютъ для чего онѣ созданы на Свѣтѣ; т. е. вальсировать на балѣ и хворать послѣ бала!—

Онѣ непреодолимою страстью къ танцамъ хотѣли доказать Свѣту—какимъ образомъ можно заплясаться до смерти!

(*) Надобно быть безногимъ, или хромоногимъ старичишкою, брюзгою, ворчуномъ, грубияномъ, чѣмъ написать такую спашью. Надобно быть косымъ, чѣмъ сморщитъ такъ криво на танцы.— *Издатель.*

Такъ какъ дѣвицы не ходятъ на войну, также не служатъ ни въ гвардіи, ни въ арміи, по благая природа выдумала для уменьшенія ихъ числа—танцы! Когда я вижу на балахъ нашихъ дѣвицъ, безъ отдыха танцующихъ, по невольному спрашиваю себя: что такое дѣвицы? Я бы хотѣлъ иногда спросить какую нибудь опчальную танцорку:

Сударыня, — сколько вы берете за часъ танцевать до упаду?.. Потому, что эта страсть не можетъ уже называться благородными танцами:—это бѣшенство, тяжелая работа на барщину, дряганіе всѣми членами, падающая болѣзнь, приведенная въ тактъ и кадансъ, музыкально-гальваническія судороги!—Тогда-то дѣвицы перестаютъ быть милыми созданіями;—красота ихъ исчезаетъ какъ дымъ и вся нѣжная природа ихъ блекнетъ, какъ цвѣтокъ безъ воды.— Онѣ лялются въ глазахъ нашихъ жалкими спрадалицами, убѣжавшими изъ лазаретовъ въ сильномъ пароксизмѣ горячки.— Съ развившимся опъ жара буклями, съ багровыми,

какъ раскаленный кирпичъ щеками, съ грудью облипшою потомъ... едва, едва дышущія отъ усталости—сии несчастныя существа воображаютъ, что онѣ принадлежатъ къ числу любезныхъ, милыхъ и обворожающихъ собою твореній на землѣ!!—

Наши бабушки и почтенныя тѣтушки (прости Господи ихъ согрѣшеніе) также танцовали во время оно; но онѣ знали всему мѣру и умѣли держать себя въ границахъ приличія и милой любезности.—Короче сказать, прежнія дѣвицы были увѣрены, что танцы изобрѣтены для ихъ удовольствія и развлечения; а нынѣшнія мамзели думаютъ, что онѣ единственно сотворены Богомъ для танцевъ!

На балахъ нѣтъ ни минуны отдыха: безпрестанное круженіе, топанье, толкотня.—Кавалеры бѣгаютъ, суеются и хлопчатъ около дамъ, какъ мопыльки на розахъ; а дѣвицы... пожилыя блѣднѣютъ отъ зависти, и въ припадкѣ опчаянія танцуютъ до упаду съ лысыми, нѣкогда молодыми, любезными мущинами,—молоденькія, какъ вымпелы рѣютъ и обвиваются около гибкаго спана кавалеристовъ, чопорныхъ дипломатовъ.—«Нужно ли, милостивыя государыни, столько труда и напряженій для самоубійства?—Гораздо легче кинуться въ Неву съ Исакиевскаго моста, въ романтическомъ неглиже, съ живописными жестами опчаянія.

«Ахъ, любезныя мои танцорки! Если бы вы могли посмотрѣть на себя чужими глазами во время танцовъ! Вы бы съ ужасомъ узнали въ себѣ безжалостныхъ убійцъ всей вашей дѣвственной красоты, всѣхъ прелестей!

«Скажите же мнѣ? Не для того ли вы наряжаетесь въ дорогіе лоскутки, увѣшиваете себя лентами, какъ берѣзку въ Семикъ, заплывааетесь такъ тонко, какъ знакъ удивительный въ грамматикѣ, навьючиваете себя на голову цѣлыя парники цвѣтовъ, рогапки, мѣльницы и крылья изъ волосъ; чпобъ протанцовать отъ 7 часовъ вечера до 6-ти утра, и послѣ дымиться и испаряться (какъ *Бертовъ* пароходъ) отъ копильона и галопида, отъ Французской кадрили и мазурки!!!...

Наконецъ, въ заключеніе всей эпохи попѣхи, возвратитесь домой съ мигренемъ и кашлемъ, съ колошемъ и судорогами, и, что всего хуже, съ печальною мыслию, что вамъ за всѣ ваши подвиги не удалось на балѣ даже выпанцовать ни *одного жениха!*

«Повѣрьте мнѣ, дорогія красавицы, что мужа скорѣе можно добыть вздохами и романсами, спрастными взглядами и уладительными рѣчами, нежели танцами и пляскою.

«Самый легконогий адъютантъ съ чѣрными закрученными усиками и съ блестящимъ эксельбантомъ, перекидывающій васъ въ галопадѣ съ руки на руку, какъ мѣшокъ съ мукою—призадумается не на шутку, когда вы ангажируете его пропанцовать съ вами *длинный минуетъ супружества!*

«Послушайте моего совѣта, любезныя барышни, и запишите въ своихъ альбомахъ слѣдующее: танцы болѣе расстроили сердцецъ, нежели соединили оныхъ;—много надѣлали брачныхъ разводовъ, и очень мало щасливыхъ супружествъ!

«Скажите мнѣ? какъ можетъ умный и образованный человѣкъ, съ чувствительнымъ и нѣжнымъ сердцемъ, подойти къ вамъ съ почтеніемъ и любовію, когда онѣ видятъ, что въпреносъ и кокетство приковали васъ къ блестящей своей колесницѣ; что большая половина жизни вашей проходитъ не въ мирномъ домашнемъ быту, а на публичной выставкѣ большаго Свѣта; что ваша красота, ловкость и любезность въ обращеніи есть только красивая декорация, за которою скрывается суровая парусина челоуѣчества!

«А вы, безхарактерныя батюшки и надупыя глупостию матушки, таскающіе дочерей своихъ, какъ лотерейныя купоны, по баламъ, театрамъ, публичнымъ гуляньямъ и проч., съ шѣмъ единственно намѣреніемъ, чпобъ продать ихъ за мужъ *съ молотка, толму, кто дастъ болѣе,*—вы, радующіеся отъ чистаго сердца, видя куколъ своихъ окруженными полною сухопарыхъ любовниковъ; говорящихъ имъ Французскія пло-

скоспи—опомнишесь и подумайте, что вы будете отвѣчать предъ Богомъ за будущую судьбу, нравственность и щастіе дочерей вашихъ. Знайте, что цвѣты истинной любви и домашняго щастія распусть только въ парникахъ уединенія и строгой нравственности, а не въ публичныхъ алеяхъ Свѣта, гдѣ дерзкая рука нахала гопова всякую минуточку оборвать ихъ дѣвственнѣйшій нарядъ природы.

«Согласитесь въ томъ, что хорошій мужъ беретъ жену только для себя, а не для Свѣта; что онъ ищетъ въ ней добрую подругу, а не плясунью; заботливую помощницу въ домашнемъ быту, а не размалеванную куклу, обвѣшанную жемчугомъ, шалами и разноцвѣтными пиками; вѣрную спутницу на длинной дорогѣ жизни, а не паркепную прыгунью!

«Если дочери ваши, въ осень дней своихъ, познаютъ всю несообразность цѣли прежняго ихъ воспитанія, то вспомните, что ихъ слѣзы, какъ расплывенный свинецъ, будутъ капать на ваши сердца, легкомысленные родители!»

Гавриилъ Кругликовъ.

ЛИТЕРАТУРА ОБЪЯВЛЕНІЙ И ВЫВѢСОКЪ.

Я люблю гулять пѣшкомъ по Петербургскимъ проулкамъ, а потому и немудрено, что каждый день встрѣчаю новое, чудное, смѣшное. Больше всего забавляютъ меня вывѣски и надписи: *Домъ калескава асесара... Въ ходѣ въ гостиницу... Здѣсь продаютца... Adam Büsch, Адамъ Бизъ...*

Проходя на сихъ дняхъ часу въ шестомъ пополудни по Прядильной улицѣ, увидѣлъ я свертокъ бумагъ, лежащій на проуларѣ. Развернувъ его, я нашѣлъ, что это объявленіе о книгахъ, приговоренное къ напечатанію. На верху было написано: *набирать*. Далѣе слѣдовалъ самый текстъ, съ котораго снимаю вѣрный списокъ.

Объявленіе.

Книгопродавецъ N. имѣетъ честь симъ извесити почтѣннейшую публику, что,

въ книжной лавки его имеются Всѣхъ родовъ романсы, песни, задравныя куплѣты и разные тому подобныя Вещи любимейшихъ публикою сочинителей также мадригалы сонѣты, логогрифы, епиграфы и епиграфы по сходнымъ цѣнамъ и на разные вкусы, тамъ же можно заказывать, также по умереннымъ цѣнамъ разные сочиненія въ стихахъ и прозою. У него же имѣются вновь полученные изъ Москвы историческія, сатирическія и нравоописательныя романы, изъ важнейшихъ эпохъ Россійской исторіи знаменитѣйшаго исторіографа *Карамзина* составленные, въ подражаніе споль прославившихся Авторовъ *Вальтера Скотта* и *Купера*. Оныя въ двухъ частяхъ, въ трехъ и въ чептырехъ, какія потребуются. Таковыя романы заманчиваго содержанія ведутъ читателя изъ завязки въ завязку, изъ приключенія въ приключеніе и, быспрою неогляданною развязкою поражаютъ умъ, распрощиваютъ сердца и очаровываютъ воображеніе и душу.

Нижѣподписавшійся употребитъ всё зависящее отъ него, чтобы угодить въ куску а также предупредить желанія почтѣннейшихъ заказывателей и покупателей. Онъ ласкаетъ себя надеждою, и пр. и пр.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ч Т Е Н І Е.

Я былъ одинъ въ деревнѣ; разныя дѣла заняли у меня все утро, и я радовался, что остальную часть дня могу быть совершенно свободенъ; но дождь разстроилъ мои планы. Я любовался нѣсколько времени изъ окна быспрымъ бѣгомъ облаковъ, дѣйствіямъ вѣтра, заботливостію поселянъ о сбереженіи жатвы; скоро мужчины, женщины, дѣти, гонимые бурей, скрылись, и видъ опустѣвшей окрестности сталъ безжизненъ и печаленъ.

Я отошелъ отъ окна, ибо оно не представляло болѣе ничего пріятнаго, и сѣлъ у камина. Сначала мысли мои обратились къ

упреннимъ моимъ занятіямъ, по подробности ихъ были не довольно важны, чтобы надолго привлечь мое вниманіе. Напрасно придумывалъ я, какъ употребить послѣдніе часы дня; съ пятостию помышлялъ и о своемъ совершенномъ одиночествѣ; мало по малу мысли мои приняли мрачное направленіе, и я уже готовъ былъ безъ всякой причины предаться печали, когда примѣтилъ книгу, которую предъ тѣмъ принесли мнѣ.

Я спалъ чистая, и скоро совершенно забывшись новыми предметами, мнѣ представившимися, позабылъ все, меня окружающее. Ничто не можетъ быть заманчивѣе разсказовъ путешественника, который подвергался опасностямъ и безпокойствамъ, чтобы потомъ передать ихъ спокойному читателю, невольно раздѣляющему его успѣхи, неудачи и всѣ его впечатлѣнія. Тотъ, котораго похождения читалъ я, безбѣдно переплылъ неизмѣримыя пустыни океана; уже почивалъ онъ себя достигшимъ пристани, уже радовался щасливому возвращенію въ отчизну; бѣдствіе, ожидавшее его, было далеко отъ его мыслей. Какъ живо описаніе ночи, столь жестоко измѣнившей судьбу его!... Направленіе корабля подвергается нѣкоторому сомнѣнію; всѣ съ безпокойствомъ стараются узнать названіе земли, усматриваемой въ отдаленіи; мѣры безопасности, приказанія, непрерывно повторяемая, смѣшеніе экипажа, обнаруживаютъ опасность. Какія мрачныя мысли перзаютъ въ это время людей, собравшихся на палубѣ, ночью, за тысячу миль отъ роднаго края, близь невидимыхъ береговъ! Опущенный лопъ ежеминутно возвыщаетъ умножающуюся опасность; корабль дрейфуетъ при громкихъ вопляхъ экипажа; онъ ударяется о подводные утесы, и я какъ-бы чувствую сильный ударъ, смѣняющій всеобщее волненіе опчаяннымъ молчаніемъ.

Занимательность положенія дѣйствующихъ лицъ такъ завлекла меня, что ни одна посторонняя мысль не приходила мнѣ въ голову. Я читалъ съ жаромъ, едва переводя дыханіе; когда же пришла минута рѣшительнаго перелома и опасность миновалась,

я замѣтилъ, что во время чтенія мнѣ казалось, будто бы я самъ былъ на корабль и раздѣлялъ весь ужасъ и опчаяніе экипажа. Быстро промчались часы; угасающій день принудилъ меня оставить книгу, и я спалъ ходилъ по комнатамъ, будучи мысленно занятъ всѣми картинами, которыя смѣнились у меня предъ глазами въ столь короткое время. То переносился я въ среду сей плачевной сцены, то думалъ о мѣспахъ, посѣщенныхъ путешественникомъ. Я повѣрялъ его заключенія, присоединялъ къ нимъ собственные размышленія. Я почувствовалъ наконецъ нужду обратиться къ самому путешественнику и послѣдовать за нимъ въ дальнѣйшихъ его странствованіяхъ. Какъ неперѣливо желалъ я видѣть его въ положеніи, менѣе опасномъ! Я спросилъ огня, и обложивъ себя географическими картами, рѣшился провести вечеръ въ полномъ удовольствіи.

Рѣдко проходитъ день, въ который бы чтеніе не избавляло насъ отъ праздныхъ минутокъ, отъ тѣхъ непріятныхъ воспоминаній и того упадка духа, которымъ предается человѣкъ, будучи ничѣмъ не занятъ.

Человѣкъ читающій, если можно такъ выразиться, живетъ двойнѣ, своею дѣйствительною жизнью и пою, съ которою онъ болѣе или менѣе сродняется; онъ переходитъ отъ одной изъ нихъ къ другой; онъ становится участвующимъ лицомъ въ спорѣ, который занимаетъ его; дѣйствователемъ на сценѣ, которую онъ пробѣгаетъ; потомъ, оставляя предметы, для него посторонніе, земли отдаленныя, лица, ему чуждыя, онъ возвращается къ самому себѣ. Часто два положенія сіи, своею противоположностью представляютъ болѣе пріятности и занимательности; часто также, когда вниманіе читателя живо пронумо, онъ соединяетъ свои личныя ощущенія съ тѣми живыми впечатлѣніями, которыя на него дѣйствуютъ.

«Отъ чего не раздѣляете вы моей печали?» спрашиваетъ молодая дѣвица, которая, плѣнившись какимъ нибудь прогашельнымъ подожженіемъ, кладетъ книгу, съ полными

слезъ глазами и удивляется, видя людей, чуждых въпечатлѣнію, испытываемому ею. «Ахъ! я не приму участія въ этой веселости, которая оскорбляетъ меня. Оставьте меня оплакивать этого совершеннаго героя, эту добродѣтельную героиню.» Лишь поспешенно начинаетъ она убѣждаться, что явленія, такъ её расстроившія, не имѣютъ ничего дѣйствительнаго. Когда же привлекательность чтенія слишкомъ сильна, когда собственное наше положеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ, которое плѣняетъ насъ, то вовсе не замѣчая вокругъ себя противоположностей и развлеченій, мы еще сами добавляемъ живоспись картины и занимательность положеній. Все покоится въ домѣ; полночь, огни вездѣ погашены; одна только свѣча догораетъ въ комнатѣ чтенія, который забываешь о времени, увлекшись спиральными описаніями. Онъ скоро найдитъ соотношеніе между собою и лицомъ, которое такъ живо возбуждаетъ его вниманіе: подобно ему онъ слышитъ только вой въпра и звонъ колокола, ударяющаго полночь; онъ слѣдуетъ за нимъ въ необитаемое жилище, онъ пробѣгаетъ длинные коридоры, въ которыхъ громко раздаются шелестъ шаговъ его; скоро домъ чиншепа спановится въ глазахъ его Удольфскимъ замкомъ съ его подземельями и привидѣніями; онъ съ безпокойствомъ осматривается—и ему видятся уже бродящія въ сумракѣ тѣни.

Чтеніе изоощряетъ умъ, не упоминая его; оно соединяетъ пріятность отдохновенія съ выгодой занятій; посредствомъ его я обращаю въ свою пользу просвѣщеніе и понятія людей, давно уже умершихъ и оставившихъ потомству повѣствованіе о томъ, что узнали они, оплеченное печатью современныхъ нравовъ; наконецъ я могу избрать предметъ, который болѣе пріятенъ моимъ занятіямъ и склонностямъ, который соотношествуетъ минутому моему расположенію; я пребуду опъ этой громады книгъ, сославляющихъ библіотеку, чптобы она вразумила меня на щепъ какого либо изъ множества предметовъ, занимающихъ умъ человѣческой, и почти всегда скром-

ный повѣренный моего невѣжества даетъ мнѣ отвѣтъ, котораго желалъ я.

Съ Франц. Бр.

БЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОКЪ ЛАБРЮЭРА.

Добрый *Лабрюэръ*, не будучи еще знаменитымъ, подарилъ рукопись извѣстной книги своей *Характеры* книгопродавцу *Мишелю*, сказавъ: «Не знаю, не поперчите ли вы убытка; но если будетъ успѣхъ, то все вырученное отдаю маленькому дружкѣ моему,» т. е. дочери книгопродавца. *Мишель* сперва *замыслился*, а потомъ рѣшился напечатать, болѣе изъ уваженія къ *Лабрюэру*, нежели изъ надежды прибыли.

Дѣло сдѣлано: успѣхъ превзошелъ ожиданія. Нѣсколько изданій принесли книгопродавцу болѣе 100,000 франковъ чистой прибыли. Совѣстный книгопродавецъ, не *закнувшись*, предложилъ часть прибыли автору, но онъ отказался.

И ТО ХОРОШО.

Положимъ, что нѣкоторые изъ людей занимающихся духовными, высокими предметами, мало идуть вверхъ въ своей нравственности: хорошо уже и то, что они внизъ не спускаются. Они похожи на пловца, который упалъ съ корабля въ воду, и хотя не въ силахъ снова вскарабкаться на палубу, но можетъ еще плыть за кораблѣмъ, придерживаясь за брошенную ему верёвку. Безъ того, по естественному грузу, они скоро опустились бы на мрачное дно моря. Пускай ихъ какъ нибудь прицѣпляются, лишь бы не теряли надежды, что ихъ усилія, при помощи сострадательныхъ спутниковъ, могутъ спасти ихъ опъ потопленія.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

Не тотъ, кто думаетъ только *хорошо*, можетъ сообщать намъ любопытныя наблюденія, а тотъ скорѣе, кто мыслитъ *самостоятельно*, *особиленно*.

З Л О.

Зло есть адскій огонь, безпрестанно пре-
бующій новой пищи, безпрестанно её по-
жирающій и никогда ничѣмъ ненасыщаемый.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г Р О З А.

Полночь; душно; пьма густая
Потопила небосклонъ;
Громъ гремитъ не умолкая,
Молній блескъ со всѣхъ споронъ!
И природа, будто дѣва
Съ ядомъ ревности въ очахъ:
Ликъ въ огнѣ, взоръ полонъ гнѣва,
Громъ упрѣковъ на ухахъ!

Съ тайной радостью гляжу я
На стихійный бурный споръ:
Въ звукахъ громовыхъ внемлю я
Неба съ перстью разговоръ.
Любо мнѣ! Грозой природы
Заглушенъ въ груди моей
Вой сердечной непогоды—
Голосъ скорби и страстей!

М. Деларю.

ПРІЮТЬ СТАРЦА.

Въ виду Невы рѣки сребристой,
На косогорѣ подъ лѣскомъ,
Подъ ивой вѣковой пѣнистой—
Чернѣетъ обвѣпшалый домъ.
Предъ нимъ душистыя сирени,
Гвоздики, розы цвѣтущъ,
И хоры пиницъ въ древесной пѣни
Пріянно по зарямъ поющъ;
Порою жалобно кукующъ—
Кукушки въ пиннѣхъ лѣсной.
Здѣсь, удалась мирскаго шума,
Жилъ мужъ, покрытый сѣдиной.
Въ его лицѣ дремала дума,
Но грудь радушіемъ полна.

Его бесѣда всѣмъ улада,
Въ совѣсахъ рѣчь его сильна;
Его веселье и опрада—
Хлѣбъ, соль съ друзьями раздѣляя,
И съ ними время провождаю,
Даришь душистыми цвѣтами.
Онъ часто поздними часами,
Между развѣсившихъ рѣбниъ—
Сидѣлъ задумавшись одинъ,
Воспоминая дни молодые;
То взоръ свой не сводя съ деревъ,
Вздыхалъ съ причетомъ жалкихъ словъ:
Давно-ль ты, рошница густая—
Давно-ль кустарничекъ была?
Давно-ль подруга молодая
Со мной здѣсь ландыши рвала?
Давно-ль подъ ивою сидѣли
И пѣсни радости мы пѣли?
Какъ скоро времени рука
Чудесно все перевернула!
Ты все идешь подъ облака;
Моя слабѣетъ бодрость, сила!
Ты споришь съ вихрями, шумишь,
Спѣшною твердою стоишь;
Меня ивой малый пресекъ пугаетъ,
И наклоняетъ въперокъ!
Теперь одинъ лишь посошокъ,
Какъ милый другъ, мнѣ помогаетъ.
Такъ спарецъ мудрый вспоминалъ
Свое прошедшее, бывшее,
И къ дереву приклоняся, въ покоѣ
Онъ сладко, сладко засыпалъ.

Ө. Слупшискиъ.

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

Когда я цѣль съ моей верхушкой,
Кудрявой зеленью росшу,
Служу бесѣдкамъ я опушкой,
И желтымъ цвѣтикомъ цвѣтшу;
А индѣ вьюсь великой
По дереву повеликой;
Частѣй же въ жидкости сокрытъ;
Та жидкость сердце веселитъ.

Но если измѣнишь одну мою верхушку,
Тогда увидишь мушку;
Она, какъ и пчела, съ цвѣтѣвъ собираетъ медъ
И въ ульяхъ земляныхъ чистехонько кладетъ.
Когда-жъ я безъ верхушки,
Линейный шопъ корабль, гдѣ сто четыре пушки,
На морѣ въ бурю и—на всемъ бѣгу,
Не якорь я, но вдругъ останоуишь могу.
Ж.

Въ No 96, помѣщенная шарада значить: *Corniche*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Вампиръ, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Нѣмецкаго и представленная въ первый разъ на Большомъ Театрѣ 23 Октября въ пользу актрисы г-жи Самойловой.

Вампиры, сушь родъ большихъ летучихъ мышей. Онѣ водятся на Оспиндскихъ островахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Америки. Влепая ночью въ дома, мыши сіи сосушь кровь изъ обнаженныхъ рукъ, или ногъ людей спящихъ: чѣмъ однакожь причиняють болѣ испуга, нежели вреда. Эпи мыши называются у пуземцевъ *кровососами*. Не ужели летучія мыши явились на Петербургской сценѣ? спрашиваютъ насъ иногородные читатели и читательницы. Не удивляйтесь сему, милоспивые государи и милоспивыя государыни. Весьма недавно объявилъ *Жюль-Жакенъ* (вы вѣрно его знаете) въ *Journal des Débats*, о прибытіи въ Парижъ пруппы *блохъ*. Эта пруппа, въ ожиданіи для себя новыхъ драматическихъ пьесъ, о которыхъ уже, какъ слышно, хлопчуть всѣ модные Французскіе драматурги, не исключая и госпившаго здѣсь въ Петербургъ г. *Анселло*, даетъ нынѣ демихарактерные балеты съ пальбою, сраженіями, маршами, поѣздкою въ каретѣ, оправленіями ядомъ, объдами и жуинами и проч. и проч. Слѣдспвенно мудроно ли, чпо летучія мыши... но успокойтесь! *Вампирами* называются еще люди, умершіе за злодѣйства, за волшебство, оплученными опъ черкви, люди, которые пропивъ во-

ли своей выходяпъ, при лунномъ свѣтѣ, изъ могилъ и сосушь кровь изъ пѣхъ, которые были имъ въ жизни драгоцѣнны, въ особенноспи изъ дѣвиць, разумѣется молоденькихъ; перезрѣлыя дѣвы могутъ быть увѣрены въ уваженіи къ нимъ даже и Вампировъ. Въ сіи дѣянія мертвецовъ вѣрятъ еще по нынѣ простолюдины въ Венгріи, Сербіи, Далмаціи, Шотландіи и даже кое-гдѣ въ Германіи. И таковой-то Вампиръ вызванъ изъ могилы *Бейрополъ* въ 1819 году и пущенъ на сцену *Маринороль*.

Эпопъ *Вампиръ*—умершіи лордъ *Рутвенъ*. Онъ лакомился кровію дочери сира *Беркелъ* и управительской дочкки. Мало эшаго, онъ хочетъ попробовать крови *Мальвины*, дочери владѣтельнаго барона *Готрелъ*. Но, къ щастію *Мальвины*, бьетъ часъ, въ который Вампиръ долженъ явиться на дьявольскую переключку; выскакпваютъ изъ подъ земли два духа, берутъ его вѣжливо подъ руки и вмѣспъ съ нимъ проваливаются сквозъ землю. Проваль ихъ возьми!

Благодарноспъ госпожѣ *Самойловой*, за то, что не подражая другимъ, она не набрала для своего бенефиса *платка* пьесъ, украшенныхъ велемудрыми названіями и исполненныхъ *безсмьслицы*, или грубѣйшей *друсмьслицы*. Г. *Мариинеръ* извѣстенъ былъ въ Петербургѣ нѣкоторыми своими концерпами и увертюрою оперы *Вампиръ*. Нынѣ, г-жа *Самойлова* познакомила любителей изящнаго съ однимъ лучшимъ, громкимъ произведепіемъ Германской музыки.

За то только и было хорошаго въ *Вампирѣ*, что музыка. Вокальная же часпъ сей оперы извлекла вздохъ—и не одинъ, у всѣхъ щщечно пшающихся надеждою улучшенія нашей оперы. Въ особенноспи Петербургская примадонна, г-жа *Каратыгина* м., партіею своею привела въ сокрушеніе Публику. Пѣвица сія давно уже лишилась груди, нынѣ же, кажется, лишается и голоса. Жаль, а пособишь нечѣмъ! Прекрасный вакхическій квартетъ во 2-мъ дѣйствіи погибъ, въ вокальномъ опношеніи, безвозвратно, и могло ли бытъ иначе: въ немъ участвовали Гг. *Байковъ*, *Алекинъ* м., *Тереховъ* и *Шуваловъ*.

Труднѣйшіе пассажи *Маринеровой* музыки исполнены были оркестромъ опчениспо. Безъ этаго *Валтиръ*, вмѣсто крови, высосать бы послѣднее перпѣніе слушателей.

M O D E S.

Nous pouvons annoncer les plumes panachées comme une mode pour l'hiver; c'est joli et paré.

Nous avons vu en ce genre deux charmans chapeaux venant des magasins de Madame Lepetit; l'un, en satin noir, ayant une calotte formée par des plis étagés, avait sur le côté un bouquet de plumes dont la base était noire et le bout vert. Un ruban noir moucheté de vert. L'autre en velours scabieuse avait une longue plume rose dans toute la partie tenant à la côté, et les bouts, couleur scabieuse, étaient noués en anneaux. Les formes relevées du devant tombaient assez bas sur la joue. C'est le caractère des formes de cette année.

Un grand magasin de nouveautés, duquel nous avons souvent reçu d'utiles renseignements, nous a paru bien digne en ce moment d'être remarqué par le nombre extrême de velours qu'il a réunis; c'est le magasin des *Deux Pages*, rue Saint-Honoré. Non-seulement on peut être assuré d'y trouver chaque couleur, mais toutes ses nuances. Nous citerons comme les plus nouvelles le velours *scabieuse*, beau violet brun foncé, le *vert-émail*, frais et doux; le *bouton de mauve*, lilas rosé vif et pur; le *rose de provins*, rose violâtre un peu rouge; le *noyer*, bois jaunâtre, le laurier, vert-noir couleur extrêmement à la mode.

On peut choisir dans toutes ces nuances des étoffes de soie unies ou brochées, des levantines, belle étoffe oubliée pendant quelques années, et qui reprend aujourd'hui son ancienne faveur.

Un joli petit meuble de chambre est une nouvelle toilette qui réunit à l'usage déjà connu celui d'un chiffonnier. Le corps du meuble est étroit et haut, divisé en tiroirs; le dessus est en marbre destiné à recevoir les ustensiles de toilette; deux petites tablettes se rejettent des deux côtés et se rabattent en couvrant deux cases destinées à recevoir les brosses, les peignes, les

savons, etc. Une glace dans un cadre de bois s'adapte au meuble et peut s'enlever à volonté.

М О Д Ы.

Мы можемъ объявить завистлы перья какъ моду на нынѣшнюю зиму; это красиво и нарядно.

Мы видѣли въ такомъ родѣ двѣ прелестныя шляпки, изъ магазина г-жи *Lepetit*; одна чѣрная атласная, пуля въ складкахъ, на боку букель перьевъ, у которыхъ низъ чѣрный и верхушки зелѣныя; ленты чѣрныя, съ зелѣными крапинками. Другая бархатная, цвѣта скабіозы, съ длиннымъ перомъ, часть прилегающая къ боку розовая, а концы цвѣта скабіозы связаны были кольцами; поля приподнятыя, спереди спущены довольно низко на щеки. Силь оплчаются формы нынѣшняго года.

Большой магазинъ новостей, изъ котораго мы часто получали полезныя свѣдѣнія, кажется намъ достойнымъ замѣчания, по множеству находящихся въ немъ бархатовъ; это магазинъ *des Deux Pages* въ улицѣ *Saint-Honoré*. Не только можно тамъ достать всякіе цвѣта, но всякія пѣны. Мы назовемъ, какъ самыя новѣйшія, скабіозы, красивый шѣмно-фіолетовый; *vert-émail*, припный и нѣжный; маковая распуколка, изрозово-лиловый яркой и чистый; розовый *de provinces*, лилово-розовый, немного красный; орѣховый, желтоватое дерево; лавровый, изчерно-зелѣный цвѣтъ весьма въ большомъ употребленіи.

Можно шупъ выбрать во всѣхъ пѣняхъ шелковыя матеріи гладкія или зашканныя. Левантинны, красивая матерія, забытая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, входитъ опять въ прежнее свое употребленіе.

Небольшая красивая комнатная мебель: новый шуалетъ, присоединяющій къ извѣстному уже употребленію шифоньерку. Остовъ мебели высокій узкой, раздѣленный на ящички; верхъ мраморный, на который ставятся всѣ принадлежности къ шуалету; двѣ большія полки опкладываются съ обѣихъ сторонъ и опкидываясь прикрываютъ два ящичка для щепокъ, гребенокъ, мыла, и проч.; зеркало въ деревянной рамѣ приспособлено къ мебели и можетъ сниматься по произволу.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 98.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 9 ДНЯ 1855 ГОДА.

Кто жить и мыслить, пошь не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того превозитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаты грызетъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛОЖНЫЙ ЗЕМЛЕМѢРЪ.

Однажды, при поворотѣ въ Лунную ули-
цу, въ Парижѣ, какой-то землемеръ, нахо-
дившійся при общественныхъ работахъ,
оставилъ на минушу инструменты свои на
улицѣ и вошелъ въ кофейную. Предводитель
одной веселой вапаги, которая называется
себя *Обществомъ проказъ и смѣха*, увидѣвъ
огромную аспрелябію и лежащую возлѣ неѣ
межевую цѣпь, спановишься возлѣ сихъ сна-
рядовъ съ равнодушіемъ челоука, отпра-
вляющаго свою должность, и опиноситъ ихъ
къ первымъ домамъ ближайшей улицы. Празд-
ные Парижане потчасъ составляютъ во-
кругъ него толпу, и смотрятъ, какъ мни-
мый землемеръ проводитъ линіи, дѣлаетъ
опмѣшки и вычисляетъ глазомѣромъ раз-
стояніе.

Одинъ мелочной торговецъ замѣшивъ,
что лавка его служилъ, по видимому, глав-

нымъ пунктомъ наблюденія того, котора-
го принималъ онъ за городского землемеръ,
подходитъ къ нему и спрашиваетъ: какія
работы намѣрены произвести въ этомъ мѣ-
стѣ?

Мнимый землемеръ сначала грубо отвѣ-
чаетъ: Это до тебя не касается; потомъ,
какъ-бы раскаявшись въ своей невѣжливо-
сти, подзываетъ его, и паниспвеннымъ
пономъ, съ видомъ живѣйшаго участія,
спрашиваетъ, какъ великъ срокъ найма его
лавки.

— Три года,—отвѣчалъ лавочникъ.

Плуть наклоняется къ нему на ухо, и
какъ будто желая подать дружескій со-
вѣтъ, шепчетъ ему:

« Не совѣтую возобновлять контрактъ. »

— Ахъ, Боже мой! Или плуть что нибудь
сломаютъ? —

« Шестьдесятъ при дома. »

— На что это? — спрашиваетъ съ живѣйшимъ любопытствомъ продавецъ перца и корицы.

« На то, — отвѣчаетъ хладнокровно циркульный герой, чтобы подвинуть на два вершка Сень-Денискія ворота. »

Испуганный лавочникъ бѣжитъ рассказъ объ эпохѣ бѣды женѣ своей, которая также поропилась разгласить её во всемъ кварталѣ.

Проказникъ снова обращается къ своему занятію. Примѣшивъ въ толпѣ двухъ молодыхъ людей, лица которыхъ могли служить идеаломъ снисходительности, онъ подходитъ къ нимъ, и извиняясь въ своей неучливости, проситъ помочь ему въ одной весьма нужной работѣ, прибавя, что двое помощниковъ его отлучились безъ позволенія.

Молодые люди охотно соглашаются на эту просьбу. Запѣйникъ спавитъ одного изъ завербованныхъ учениковъ своихъ у аспрелибѣи и даетъ другому конецъ цѣпи, прося его опуступать задомъ и держаться прямой линіи подъ надзоромъ своего поварища.

Между тѣмъ, какъ молодые люди, занявши симъ порученіемъ, полагаютъ, что приносятъ тѣмъ большую пользу, землемѣръ-самозванецъ, подъ предлогомъ измѣренія другой поверхности, поворачиваетъ въ близкую улицу и убѣгаетъ.

Въ это время настоящій хозяинъ инструментовъ, вышедъ изъ кофейной, и не найдя ихъ на прежнемъ мѣстѣ, спрашиваетъ и узнаетъ, что какой-то полстякъ понесъ ихъ въ сосѣдную улицу. Онъ отправляется туда вмѣстѣ съ своими помощниками и находить молодыхъ людей, съ цѣпью въ рукахъ, усердно исполняющихъ возложенное на нихъ порученіе.

Землемѣръ, думая, что они издѣваются надъ нимъ, начинаетъ съ ними ссору; вмѣсто того, чтобы объясниться, объ спорныхъ, какъ водится, говорятъ другъ другу дерзости, потомъ доходитъ дѣло и до драки, завязывается общія перепалка, приходятъ полиція, кругомъ собирается большая

толпа народа; между тѣмъ виновникъ всей эпохѣ превози, объжавъ окольную дорогою, возвращается на мѣсто своихъ подвиговъ и любуется съ одного балкона эпохою сцению, послужившею къ немалому увеселенію всего Общества проказниковъ.

В О П Р О С Ъ.

Умѣетъ ли писать по Русски человекъ, составившій слѣдующій періодъ?

« Не входя въ догадки на щѣтъ важности занятій по службѣ господина N. N., не дозволяя себѣ даже полковатъ причину таксковой поспѣшности, замѣчу только, что, по законамъ императорской управы и присличія, поступокъ сей позволителенъ только ко погда, когда Издамель опказываетъ судовлепворитъ желанію Автора; я же не смогу дать ему повода сомнѣваться, чтобъ не поспѣшилъ исправить моей ошибки, и спопому даже, что я всегда былъ благодаренъ, когда мнѣ указывали на мои ошибки съ благоприсойностию; безъ грубыхъ колкостей, однимъ словомъ, не такъ, какъ Издамель ***, который въ 18 номеръ своего журнала, споль учпиво оправдывается на щѣтъ моего желанія, чтобъ онъ поменѣ бранилъ ***, что заспавляетъ меня сознаться въ ошибочномъ мнѣніи о его образованности. »

А сей періодъ сочинилъ писатель, издамель журнала.

В З Я Т К И.

(Русскій каламбуръ.)

« Какъ смѣли говорить вы, что я беру взятки? Мало, сударь, сказать, надобно доказать. — Могу представить очевидныхъ свидѣтелей. — «Кого, сударь, кого?» — Да вопъ многіе здѣсь видѣли, какъ вы брали взятки... въ боспонѣ. »

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАПОЛЕОНОВСКІЙ ГРЕНАДЕРЪ.

Спусти нѣсколько времени послѣ успа- новленія ордена Почетнаго Легіона и Ор- ловъ, сей достойной награды Французской арміи, прославившей себя столь многими ве- лкими подвигами, политическія происше- сствія приняли грозный и неблагопріятный оборотъ; Англія нарушила договоры, пода- вавшіе Европѣ нѣкоторую надежду на миръ.

Наполеонъ съ прискорбіемъ (*) увидѣлъ се- бя поставленнымъ въ необходимость снова начать войну; онъ желалъ воспользоваться нѣсколькими годами мира, чтобы упрочить свои многочисленныя и разнообразныя учре- жденія, и дать Франціи отдохнуть послѣ столькихъ волненій, превогъ и жертво- ваній. Онъ сдѣлался мраченъ, недоволенъ, задумчивъ и, по обыкновенію, ходилъ по цѣ- лымъ часамъ, заложивъ назадъ руки и опу- стивъ голову.

Ничто не могло испребить въ *Наполео- нѣ* непріятнаго расположенія духа; ласки и заботы *Иозефины*, обыкновенно столь силь- ныя въ подобныхъ случаяхъ, на этогъ разъ оставались вовсе безуспѣшны.

Однакоже, съ помощію той нѣжной плѣ- нительности, тайна которой была такъ хорошо извѣстна Императрицѣ, ей удалось уговорить *Наполеона* проѣхать за городъ. Они оправились въ Сен-Клу въ откры- томъ экипажѣ: рядомъ съ Императоромъ сѣла *Иозефина*, а напротивъ помѣстились шпанскъ-дама и одинъ изъ *Наполеоновыхъ* адъютантовъ. Дорогою Императрица испощила всю прелесть своего оспраго ума: то предавалась она тѣмъ порывамъ ребяче- екой веселости, которые такъ украшали её, то прибѣгала къ пособію милаго кокеп- ства, и наконецъ, мало по малу, задумчи- вость *Наполеона* исчезла; нѣкоторое удо- вольствіе оживило его разсѣянные взоры, и улыбка показалась на устахъ его. *Иозефина* была вѣ себя отъ радости, и веселость ея увеличилась отъ сего еще болѣе.

При поворотѣ на дорогу, ведущую въ Бельвю, коляска Императора должна бы- ла проѣзжать мимо казармъ его гвардіи, какъ вдругъ *Иозефина* со смѣхомъ сказала, обра- щаясь къ *Наполеону*, который, между тѣмъ, не смотря на просьбы Императрицы, дра- знилъ ея маленькую злую собачку: «Ты бы лучше сдѣлалъ, *Бонапарте*, когда-бы ос- павилъ въ покоѣ мою собаку, и позаботил- ся о своихъ дѣлахъ, а то, воптъ видишь ли, кому-то вздумалось опдавать въ паймы твои казармы.»

Въ самомъ дѣлѣ, листъ бумаги, прибитый на дощечку, и привязанный на веревкѣ, под- нимался и опускался вдоль по стѣнѣ ка- зармъ, и, благодаря сему непрерывному дви- женію, былъ очень похожъ на билетъ, ко- торые прибываютъ на воротахъ домовъ, опдаваемыхъ въ паймы.

На листѣ этомъ были написаны какія-то слова, которыхъ невозможно было разобрать за опдаленностію. Любопытствуя узнать содержаніе сей надписи, Императоръ от- правилъ шуда своего адъютанта, между тѣмъ, какъ *Иозефина* терялась въ догадкахъ, и продолжала издѣваться надъ опдачею въ паймы Императорскихъ казармъ.

Завидѣвъ еще издали возвращающагося адъютанта, Императрица закричала ему:

— Скажите, сударь, что это за надпись?—

«Нѣтъ,» сказалъ Императоръ: «я одинъ хочу это знать, а ты, въ наказаніе за свои насмѣшки, ничего не услышишь. Скажите мнѣ пихонько, на ухо, сказалъ онъ адъютан- ту: это не касается до Императрицы.»

И какъ *Иозефина* ни прислушивалась, сколь- ко ни упрашивала, но адъютантъ принуж- денъ былъ говорить съ *Наполеономъ* на ухо, и она ни слова не слыхала изъ того, что такъ хотѣла знать. Ея просьбы и шутки ни къ чему не послужили. Коляска возвра- тилась во дворецъ; Императоръ удалился въ свои комнаты, не открывъ ей тайны неизвѣстной надписи; она слышала только, какъ *Наполеонъ* сказалъ своему адъютанту: «скажите полковнику, чтобы онъ мнѣ пред- ставилъ его завтра утромъ, на разводѣ.»

(*) Не ужемъ?—В.

Таинственная надпись заключала въ себѣ слова: *Помилованіе!* Дощечка, на которой она держалась, была спущена въ окно гауптвахты, и одинъ изъ содержащихся попеременно по поднималъ, по опускалъ её, съ намѣреніемъ привлечь вниманіе Императора, когда онъ поѣдетъ мимо.

Слухъ объ этомъ происшествіи поспѣшъ распространился во дворецъ, и, какъ легко себѣ представить, оно сдѣлалось общимъ предметомъ разговора. Однакоже, ни кто не могъ угадать сей пайны, и догадки, въ которыхъ всякой перялся, ни сколько не помогли узнать истину. За то, на другой день, собралась безчисленная толпа на разводъ, который Императоръ дѣлалъ ежедневно въ полдень. Ни одна изъ дамъ, жившихъ во дворецъ, не упустила пуда явиться, и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на спараго гренадера, стоявшаго на колѣнахъ между двумя сержантами, въ концѣ фронта.

Императоръ, занятый важными политическими событіями, о которыхъ мы говорили выше, совершенно забылъ о вчерашнемъ происшествіи, такъ что, подошедши къ спарому солдапу, онъ вдругъ остановился и спросилъ:

«Что это значить?»

Спарый гренадеръ плакалъ горькими слезами и не въ состояніи былъ отвѣчать. Жаль было видѣть этаго храбраго воина, украшеннаго знакомъ опличія, съ огромнымъ рубцомъ посреди лба, плачущаго, какъ ребенокъ, и закрывающаго руками лицо.

«Отвѣчай же; развѣ ты не хочешь говорить со мною?»

Гренадеръ сдѣлалъ новое усиліе, но рыданія заглушили его голосъ, и Императоръ подозвалъ къ себѣ полковника.

«Что это значить, полковникъ? За чѣмъ онъ спалъ на колѣна? Отъ чего онъ плачетъ?»

— Государь, ваше величество приказали вчера представить себѣ этаго человека; дощечка съ надписью, которую онъ... —

«А! теперь я вспомнилъ.»—Онъ обратился къ спарому солдапу.

«Такъ ты-то, негодяй, вздумалъ напиваться пьянымъ и дѣлать такіа дерзости! Ты оскорбилъ спаршаго и даже осмѣлился его ударить? Хорошъ! Теперь, чпожь изъ этаго выдепъ? И ты не стыдишься своего поведенія, ты, который носишь знакъ опличія? Часто ли случается тебѣ напиваться?»

— Весьма рѣдко, государь,—отвѣчалъ полковникъ вмѣсто спараго солдапа, слишкомъ расстроганнаго и смущеннаго.

«Ты долженъ сегодня явиться предъ военный судъ, и вѣрно знаешь, что тебя ожидаетъ. Однакожь, еслибъ я зналъ, что ты хорошъ въ повариществѣ... Добрый ли онъ товарищъ?» спросилъ *Наполеонъ*, обращаясь къ полку.

— Да, государь! да!—закричали со всѣхъ споронъ.

«Гдѣ онъ получилъ этотъ крестъ?»

— Подъ Аусперлицемъ.—

Императоръ обратился къ гренадеру и взялъ его за усы.

«Какъ, спарикъ, ты былъ со мною подъ Аусперлицемъ, заслужилъ тамъ почетный крестъ, и ведешь себя, какъ необразованный рекрутъ! Чпо-жь бы съ тобою было, если-бъ у жены моей были не такіе хорошіе глаза, или, когда бы коляска моя не поѣхала мимо гауптвахты? Полно, вспавай, спановись въ ряды; но если ты еще когда нибудь вздумаешь напиться, то берегись.»

Да здравствуетъ Императоръ! раздалось со всѣхъ споронъ. Можно представить себѣ восторгъ, который произвело это великодушное прощенье; всѣ старые солдаты пупъ же покланлись драпсья до послѣдней капли крови и умереть за *Наполеона*, когда представившя къ тому случай.

Пер. *Ип. Глббовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАРОСТЬ.

Скорѣй, скорѣй сомкнишь очи:

За чѣмъ вы смотрише на свѣтъ?

Часы проходятъ, дни и ночи,

И годы за годами вслѣдъ,

А въ мірѣ все, что было прежде,
 Желанье жадно, жизнь бѣдна,
 И вѣрять смертные надеждѣ,
 И смертнымъ вѣчно лжешь она.
 Я видѣлъ вѣщія скрижали,
 Завѣщы древности сѣдой,
 И что-жь? исполненъ былъ печалью
 Временъ минувшихъ гласъ свяшой.
 Съ шѣхъ поръ, какъ міръ изъ колыбели
 Воспрянулъ въ юной красотѣ,
 И звѣзды спройно полетѣли
 Въ небесной, синей высотѣ:
 Какъ въ бурномъ морѣ за волну
 Шума къ брегамъ бѣжипъ волна,
 Такъ неисчепны надъ землею
 Промчались смертныхъ племена;
 Возстали, ринулись державы,
 Народы сгибли безъ слѣдовъ,
 И горькая насмѣшка славы
 Одна осталась опъ вѣковъ,
 Спроспей неисповыхъ волненье,
 И горе, власпелинъ земли,
 И щаспья свѣтлое видѣнье,
 Всегда манящее вдали,
 Для взоровъ спарца все опкрылось.
 Поспыла жизнь его глазамъ,
 Душа въ обманахъ упомилась,
 Она извѣрилась мечпамъ
 И ждепъ въ помнени упованья:
 Придепъ ли часъ, когда желанья
 Въ ея замолкпушъ глубинѣ,
 И океанъ существованья
 Заснепъ въ безбрежной пишинѣ?

А. Хомяковъ.

БОЛѢЗНЬ МЕЛАНХОЛИКА.

Меня предпеча смерти злой—
 Болѣзнь, свинцовою рукой
 Повергнула на одръ мученья,
 И ныпъ мпъ опъ неѣ спасенья...
 Но вы, о брапья любезны!
 Не лейше слезы обо мнѣ:
 Я членъ въ семейспвѣ бесполезный,

Я въ пятгоспъ былъ,—давно бы мнѣ
 Пора за Спиксъ переправляпсья,
 Чѣмъ здѣсь на долго оставашься,
 Какъ мершвещу между людей.
 Пойду я въ области тѣней
 Безъ спраха и безъ сожаленья
 О скоромъ съ міромъ разлученьѣ,
 Гдѣ я не видѣлъ свѣтлыхъ дней.

Л. Л.

ENIGME.

Je suis à double face; et de la vérité
 Je garde à la postérité
 L'expression naïve et pure;
 Je porte également et l'éloge et l'injure;
 D'impostures souillé, je mens impunément:
 Ce n'est pas à moi qu'on s'en prend;
 Et la plus secrète pensée
 Se voit, par le plus sage, en mon sein déposée;
 J'ai pourtant divulgué maints secrets importants.
 Je sers de jouet aux enfans;
 Je suis léger, gris, noir ou jaune,
 Blanc, doré, vert ou bleu, petit ou long d'une aune.
 Sans être condamné, bien souvent je péris;
 Mais je renais de mes débris,
 Et je porte au bout de la terre
 Le pardon, la justice, ou la paix ou la guerre.

Въ № 97, помѣщенный логогрифъ значипъ: *Хмельъ, шипль, шль.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О дрампъ: Торквато Тассо, соч. г. *Неизвѣстнаго, и дрампическоп франтазіи того же названія, соч. г. Н. К. (*)*.

У журналистовъ нашихъ дурной глазъ: они кричали, кричали о бѣдности Русской липературы—и сглазили эпущу бѣдности. Съ

(*) Напечатаны въ С. П. б. 1833 г.: драма въ типогр. вдовы *Плюшаръ*, фантазія въ пип. *Н. И. Грета*.

иъкопорога времени у насъ появляются книги, которыя доказываютъ, что словесность наша въ прошлый прилжспровый сонъ заготовляла силы для новой, болѣе крѣпкой жизни, чѣмъ была прежняя. При поэтахъ, изъ коихъ многіе безъ сомнѣнія не унижаютъ славы нашихъ гигантовъ — стихотворцевъ ожившаго поколѣнія; при нѣсколькихъ ученыхъ, которые ведутъ исторію и точныя науки по дорогѣ, усыпаемой цвѣтами либературы, — въ послѣдніе два или три года у насъ явилось столько истинно прекрасныхъ произведеній поэтической прозы, что мы эпитимъ годамъ должны низко поклониться. *Новикъ* — *Лажешникова*, повѣсти *Марлинскаго*, *Погодина*, *Бѣлкина*, *Переписка Русскихъ солдатъ*, соч. *Генерала Скобелева*, *Путешествіе къ Св. мѣстамъ* — *Мурзавева*, появляющіяся въ разныхъ изданіяхъ спашьи *Сеньковского* и повѣсти *ъ, ь, й*, *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, соч. *Пасынника-Рудаго*, *Повѣсти и рассказы Карлгофа* и романы нѣсколькихъ другихъ писателей; прибавимъ къ тому немного прежде записавшагося на службу къ *Валтеръ-Скоту* г. *Загоскина* — это такія названія, такія имена, за которыя самый преобладающій криптикъ скажетъ: наша либература уже не мертва болѣе; она, расправляя широкія перья, высоко, высоко хочетъ подняться.

Нынѣшнимъ годомъ у насъ роскошно пускаетъ цвѣты еще другая вѣтвь словесности, богатая славою, долго не цвѣтшая послѣ *Озерова*, трагедія. Почти въ одно время явилось въ этомъ родѣ при сочиненія (*), замѣченныя потчасъ *Гершелеми* изящнаго, хотя два поэта едва ли не въ первый разъ издали, по крайней мѣрѣ особнякомъ, труды свои. Это г. *Н. К.* и *Неизвѣстный*, взявшіе предметомъ для драмы пѣвца *Иерусалима*, *Торквата Тасса*, и изъ нихъ первый свое произведеніе назвалъ фантазіей (**), а г. *Неизвѣстный* — драмою. Впрочемъ и та и другая, по содержанію, суть тра-

гедіи: вѣроятно, скромность поэтовъ была причиною, что они *Ивана* не назвали *Иваномъ*, щипая шишулю: трагедія — шишуломъ превосходительнымъ въ либературѣ. Сказываютъ, что еще другіе писатели наши готовятъ также трагедіи. Не обязаны ли мы благодарить за эти неожиданные подарки *А. С. Пушкина*, который нѣсколько лѣтъ уже какъ бросилъ семя Русской романтической трагедіи, давшее намъ сначала *Ерлика*, г. *Холмякова*, а потомъ развившееся до нынѣшняго года для насъ незнаемо? Самъ г. *К.* означилъ, что его фантазія написана въ 1830 и 1831 годахъ; и другая драма, какъ слышно, лежала долго въ портфель сочинителя. Молодымъ поэтамъ дѣлается честь, что они имѣли терпѣніе, рѣдкое и въ спарикъ-поэзіи (если поэты спарики бывають), не потчасъ вывести въ міръ свое дѣляшко. Полежавъ въ родительскомъ лонѣ, ихъ созданія вѣрно очищены отъ многихъ излишковъ, которыя сіяютъ, кажутся тяжеловѣсны, когда сочинитель пишеть; но черезъ мѣсяць, черезъ два отвергаются имъ самимъ, какъ уродливости ума или вкуса.

Романъ и трагедія, хотя первый многіе щипаютъ бездѣлкою, едва ли не прудитѣйшее поприще поэзіи: успѣхи на немъ суть признаки возмужалости просвѣщенія въ народѣ. Наши поэты снимаютъ съ себя нарѣканіе, что занимался мелочью поэзіи. Опыточныя стихотворенія часто показываютъ одніи способности природнаго ума, и суть дѣло минушнаго восторга. Напротивъ, долгаго предварительнаго ученія, многихъ опытовъ жизни, прудовъ, гибкаго таланта пребуетъ романъ, и еще болѣе блестящихъ способностей — трагедія. Въ романѣ еще мы за пріятную страницу миримся съ десятию страницами сухими: почтенная, многошопная величина имъ даетъ на шо право; а въ трагедіи отъ нѣсколькихъ часоваго чпенія или зрѣлища мы ожидаемъ безпрерывно прекраснаго, конечныхъ красотъ, сильнѣйшаго по-

(*) Трагедія: *Россия и Баторій*, соч. барона *Розена*.

(**) Фантазією собственно назвать можно родъ гимна, одну мечпу (фантазію), а не длинный порядокъ хотя бы фантазій, соспавившій цѣлую книжку. Сверхъ шо-

го фантазировать и театральная пьеса, есть уже само себя противорѣчіе. Впрочемъ, названіе книги, если она хороша, равно какъ ея оболочка, не есть предметъ либературной критики.

раженія въ своихъ чувствахъ. Трагедія есть четырехпомный романъ, коего красота сжата въ тоненькую книжку; она есть роскошь поэзіи. Въ ея области трагикъ-поэты суть вельможи, иногда бѣдные карманомъ, но богатые душою, которые на театральній сценѣ для всѣхъ согражданъ даютъ торжественные пиры. Почти не вѣрится, что намъ вдругъ обѣщаютъ нѣсколькихъ блестящихъ талантовъ на столь прудномъ поприщѣ, на которое величайшіе писатели всегда смотрѣли съ завистію, пыпались увѣнчаться тѣмъ же вѣнкомъ, и на которомъ у всѣхъ народовъ было немного избранныхъ.

Гг. К. и Неизвѣстный, вводя въ свои драмы *Тасса*, герцога Феррарскаго *Альфонса*, *Ленору д'Эстъ* и жителя Рима XVI вѣка, наполнили сцену чуждыми наукамъ и изящнаго. Прекрасная мысль, замѣняя учеными театральными героями, которые зрителямъ давно наскучили! Кромѣ того, театръ есть университетъ для людей, кои съ гордостію думаютъ, что они уже не учатся; для людей всѣхъ сословіи; и если между неучеными посянны знанія о семействахъ *Эдипа* и *Атридова*, о *Гамлетѣ*, *Карлѣ XII*, и еще лучше, о нашихъ царяхъ и герояхъ, то почему не передать имъ историческія свѣдѣнія въ обширнѣйшемъ кругѣ, о мужахъ учености и поэтахъ? Пріятно думать, что какой нибудь неученый гражданинъ, почтенный отецъ или добрый сынъ семейства, по приходѣ изъ театра, рассказываетъ своимъ домашнимъ о *Тассѣ*, *Монтанѣ*, о случаяхъ жизни перваго, и сколько понялъ о томъ, что такое стихотворецъ. Такія зрѣлища могутъ способствовать распространенію просвѣщенія, вселяя въ народъ, съ идеею объ ученыхъ, уваженіе, любовь къ нимъ: ибо отъ этаго не далеко до уваженія, до любви къ самому ученію. Были примѣры, что театръ обращалъ многихъ къ числѣйшимъ наслажденіямъ въ любви, къ честолюбію, смягчалъ суровость характера и поступковъ; но кто разспрошитъ сладостную мечту, что театральній *Тассо*, *Камюенсъ*, *Вернеръ* зажгутъ иное сердце огнемъ науки или поэзіи?

Не говорю о зрителяхъ образованныхъ, которыхъ, не исключая и военныхъ нашего времени, жизнь и печали великаго поэта вѣрно сильнѣе займутъ, чѣмъ жизнь и печали сценическаго царя или героя. Мысль: я видѣлъ *Тасса*, *Монтаня*, *Ленору д'Эстъ*, столько знакомыхъ издавна, плѣнительнѣе мысли: я видѣлъ *Людвика XI*, *Валленштейна*! Отъ того ли это происходитъ, что намъ уже знакомъ, перезнакомъ театральній покровъ героевъ и властителей; или отъ того, что въ судьбѣ поетовъ всегда болѣе житейскаго, пакого, что и надъ нами сбывается; или въ самомъ дѣлѣ изящныя мысли, чувства и звуки лиры пѣсопѣвцевъ намъ любезнѣе, нежели характеры и происшествія царствъ и войны? Наконецъ, сами драматикки, въ чьи уста вольнѣе, безъ натяжки, могутъ вложить свѣтлую мысль, гармоническія рѣчи, какъ не въ уста поэта? Герои, объясняясь языкомъ поэта, говорятъ языкомъ чуждымъ; имъ свойственны развѣ высокія мысли, кои не могутъ наполнить трагедію: онѣ осілаваютъ душу чловѣка изрѣдка, только при великихъ случаяхъ, какъ не всегда молніи браздятъ небо. Напротивъ, поэтическій стихъ сочинителя, самая восторженность, память, гдѣ она прилична, для насъ вѣроупны, когда произноситъ сей стихъ передъ нами поэтъ же. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ изящнѣе будетъ сочиненіе по слогу и мыслямъ, тѣмъ полнѣе забываемся мы, думая, что слышимъ не сочинителя трагедіи, а дѣйствующаго на сценѣ поэта, его родныя мысли и рѣчи!

Сочинители трагедій: *Торквато Тассо*, писали въ одно время, безъ всякаго вліянія одинъ на другаго, и создали драмы совершенно несходныя въ планѣ, характерахъ дѣйствующихъ лицъ, по самому содержанію: какъ несходны артемидика и грамапика. Этимъ они избавились отъ соблазна подражать другому, если бы одинъ изъ нихъ издалъ прежде своего *Тасса*, и отъ усилій, часто плетоснѣйшихъ того соблазна, не встрѣтившись съ соперникомъ, который для истиннаго таланта тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ выше. Изъ иноземцевъ, огромный *Гётте*, съ своею историческою драмою: *Тассо*, загоро-

жаль дорогу одному г. *Неизвѣстному*, коего драма есть также историческая, а г. *К.* шель дорогою другою опъ *Гѣте*, *Неизвѣстнаго* и исторіи. Впрочемъ, между драмами *Гѣте* и *Неизвѣстнаго* одно сходство, что объ онѣ историческія, и можно увѣрять, что поэтъ нашъ дѣйствовалъ самоспопелельно: или, не зная *Гѣтева Тасса*, или самолюбиво разбиваясь съ Германскимъ поэтомъ. По существу драмъ, историческому и вымышленному, наши новики-аплены не нарушили правилъ изящнаго, и еще нельзя рѣшить, который изъ нихъ поступилъ лучше. Въ поэзіи одинъ грѣхъ, раздѣляющійся на виды: писать дурно, и одна безраздѣльная добродѣтель: писать прекрасно. Пиши что хочешь, какъ хочешь, только очаруй чипапеля, накинъ еѣпи и на его разумъ, чтобы эпа нянька не унимала играющаго сердца. Вотъ первая, вторая... до послѣдней заповѣди поэзіи. И такъ, будемъ думать, что и г. *К.*, невѣрный исторіи, и г. *Неизвѣстный*, во всемъ противоположный тому, могли создать прекрасное, или и топъ и другой посѣщали типографію, какъ чаще бываетъ въ литературномъ приходѣ, чтобы очистишь душу опъ грѣховъ поэзіи.

Разсмотримъ прежде драму г. *Неизвѣстнаго*.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

М О Д Е С.

L'arrivée de la reine des Belges a donné lieu à un grand bal au château des Tuileries. Les toilettes, quoique fort élégantes, étaient généralement assez simples; elles rappelaient l'été sans avancer vers l'hiver; presque toutes les femmes étaient en robes blanches, à l'exception d'un si petit nombre que l'on pouvait facilement les désigner.

La jeune reine avait choisi une toilette simple et fraîche. Une robe de crêpe blanc, traversée dans tou-

te la longueur par une ligne placée en biais, formée de bouquets de roses nymphes. Dans les cheveux une couronne des mêmes roses; des manches à sabots de blonde; peu de bijoux.

La princesse Clémentine avait une robe semblable, si ce n'est que les fleurs étaient roses. Dans ses cheveux en bandeaux *Ferrière* se retrouvaient des bouquets de roses; un petit bandeau-diadème sur le front.

Madame L. avait une robe blanche dont le corsage en chérusque était bordé à la gorge d'une ligne de diamans; la jupe de dessous, ouverte, se rattachait à celle de dessus par des nœuds et des agrafes de diamans; dans ses cheveux, au sommet de la tête, était une espèce de diadème en diamans qui se retrouvait à peu près semblable par derrière, encadrant la coiffure; des épis retombant de chaque côté. Point de collier.

М О Д Ы.

Прибытіе Бельгійской Королевы подало поводъ къ большому балу въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Наряды, хотя весьма щеголеватые, были вообще просты; почти всѣ дамы были въ бѣлыхъ платьяхъ, выключая споль немногихъ, что ихъ можно было переицпашать.

Молодая Королева выбрала простой и легкой нарядъ: бѣлое креповое платье, по которому вкось положена была полоска, составленная изъ букетовъ розъ нимфъ; въ волосахъ вѣнокъ изъ пакихъ же розъ; рукава съ блондовыми *sabots*; весьма мало вещей.

Принцесса *Клémentина* была въ такомъ же платьѣ, только цвѣты розовые; въ волосахъ, сдѣланныхъ повязкою *ferrière*, были букеты изъ розъ; на лбу небольшой *bandeau-diadème*.

Г-жа L. была въ бѣломъ платьѣ; лиць, сдѣланный *en chérusque*, обшитъ сверху нипкою бриланшовъ; верхняя юбка, открывшая, прихвачивалась къ нижней банпиками и бриланшовыми зашежками; на веру головы родъ бриланшовый діадемы, и пакая же сзади, окружали прическу; колосья висѣли съ обѣихъ споронъ. Ожерелья не было.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 99.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКЯБРЯ 13 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то ворнищкѣ бьютъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Юлій Цесарь имѣлъ паучую болѣзнь; *Магометъ* также; но оба были люди съ геніемъ. *Лютеръ* спрѣлялъ чернилицами въ нечистаго духа,—а *Невтонъ*, который названъ *Вольтеромъ* величайшимъ геніемъ, какой существовалъ когда либо на землѣ, въ одномъ сочиненіи доказывалъ, что папа есть Антихристъ, а Римъ Вавилонская блудница.—Кардиналъ *Ришелье*, не взирая на весь умъ свой, былъ часто подверженъ многимъ дурачествамъ. Иногда воображалось ему (такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ принцесса *Елисавета Шарлота* Баварская, свояченица *Лудовика XIV*, въ своихъ *Mélanges historiques*), что онъ лошадь; шупъ начиналъ господинъ кардиналъ галопировать вокругъ стола, или билліарда, лягался ногами въ право и въ лѣво, толкалъ слугъ, ржалъ,—и эпошъ ужасный шумъ часто продолжался по нѣскольку часовъ. Потомъ относили его въ постель, одѣвали тепло; онъ засыпалъ и потѣлъ чрезвычайно. Проснувшись, кардиналъ вовсе не помнилъ о своихъ галобахъ и курбехахъ, и не зналъ ничего о случившемся.

РАСПРАВА.

У одного пзвѣстнаго медика украли въ пезирѣ книжку съ ассигнаціями. Поутру рано позвали его къ больному. Пріѣхавъ къ нему на кварширу, онъ ошибся номеромъ и зашелъ въ другой. Тамъ крѣпко спалъ незнакомый ему человекъ, а на сполѣ передъ кроватью лежала его записная, накануне украденная книжка. Медикъ взялъ её, положилъ въ карманъ, разбудилъ незнакомца, влѣпилъ ему двѣ полновѣсныя пощѣчины—и весьма спокойно опсправился къ своему больному.

ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ.

Я имѣю свой отдѣльный, свой собственный словарь: *провожу время*, когда оно дурно и непріятно; *ловлю, удерживаю* его, если оно тихо и ясно. Пробѣгаю мимо худаго, оспанавливаюсь надъ хорошимъ. Пошлыя выраженія *препровождѣніе времени, проводить время* выдуманы людьми, которые, не умѣя наслаждаться жизнію, укорачиваютъ, сбываютъ её съ рукъ за бездѣлицу, даромъ, какъ вещь тяжелую и презрительную, убиваютъ её.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРТИНА РУССКАГО ХУДОЖНИКА *КАРЛА БРЮЛОВА*: ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

Всѣ Италіанскіе журналы наполнены описаніями выставки художественныхъ произведеній, происходившей недавно въ Миланѣ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, говоря о издательнѣ *Gazette de France*, сообщаетъ намъ, что пальму первенства предъ всѣми произведеніями, бывшими на выставкѣ, заслужила картина молодого Русскаго художника *Карла Брюлова*, изображающая послѣдній день Помпеи и писанная по заказу Анаполія Николаевича *Демидова*. Корреспондентъ прибавляетъ:

«Сія огромная и великолѣпная картина, въ 29 Римскихъ пальмъ длиною и 22 вышиною, заключаецъ въ себѣ 32 главные фигуры выше обыкновеннаго роста. Живописецъ избралъ предметомъ по достопамятное бѣдствіе, которое такъ прекрасно описано *Плиніемъ* младшимъ, и которое погребло въ потокахъ горящей лавы и пепла городъ Помпею и всѣ селенія, лежавшія на плодородной оплогоспи Везувія. Никогда болѣе драматическій и вмѣстѣ болѣе трудный предметъ не занималъ воображенія художника.

«Мѣстомъ дѣйствія служилъ главная улица Помпеи, нынѣ совершенно опрытая и извѣстная подъ именемъ улицы гробницъ, которой всѣ памятники представлены молодымъ живописцемъ почти съ историческою вѣрностію. Жители, выгнанные спрехомъ изъ домовъ, торопливо ищутъ убѣжища отъ смерти, имъ угрожающей. На заднемъ планѣ, Везувій изрыгаетъ потоки лавы, образующей на бокахъ его огненное море, и уже какъ-бы поглощающей ближайшіе городскіе дома. Живописецъ обыкновенный вѣроятно поспѣшилъ бы воспользоваться блескомъ изверженія, чтобы освѣтить свою картину, но г. *Брюловъ* пренебрегъ смѣлѣе общимъ и обвѣщальнымъ эффектомъ. По внушенію столь же смѣлой, сколько щастливой и неподражаемой мысли, онъ освѣтилъ весь передній планъ картины быстрымъ,

мгновеннымъ бѣловатымъ сіяніемъ молніи, разсѣкающей густую тучу пепла, облегающую городъ, между тѣмъ какъ свѣтъ отъ изверженія, съ трудомъ проникая глубокую тьму, оставляетъ весь задній планъ въ красноватомъ полуцвѣтѣ (*demi-teinte*). Не смотря на многочисленность фигуръ, всѣ онѣ группированы съ чрезвычайнымъ искусствомъ, и каждая группа составляетъ полный и занимательный эпизодъ, въ которомъ превосходно выражаются и волнуютъ душу зрителей дѣтская горячность, материнская любовь, ужасъ и всѣ спраси, которыя можетъ возбудить столь страшное бѣдствіе.

«По срединѣ картины распростерта молодая и прекрасная женщина, упавшая съ полу-изломанной колесницы, которую разъяренныя лошади мчатъ къ мѣсту пожара, и которой возница, угрожаемый тою же участью, колеблется и оставляетъ возжи. Лицо женщины, уже покрытое смертною бѣдностью, еще сохраняетъ всю свою прелесть; между тѣмъ дитя, находящійся близъ нея, спарается приподняться, опираясь на грудь матери. Подлѣ двое молодыхъ людей несутъ престарѣлаго отца своего; одинъ изъ нихъ, еще не вышедшій изъ юношескаго возраста, устремляетъ на отца взоръ, исполненный нѣжности, а другой, болѣе крѣпкій и одѣтый въ плащъ война, поддерживаетъ его на мощныхъ плечахъ своихъ, и исполняя сію священную обязанность, какъ будто позабываетъ объ ужасномъ явленіи, его окружающемъ. Старикъ, обращенный лицомъ къ тучѣ, изъ которой сверкаетъ молнія, закрываетъ рукою глаза отъ ея ослѣпительнаго свѣта. Особенно хвалятъ его голову и руку, такъ искусно освѣщенные, что онѣ какъ-бы отдѣляются отъ полотна и производятъ совершенное очарованіе. Далѣе, испуганная лошадь спановится на дыбы, и всадникъ съ ужасомъ смотритъ на памятникъ, обрушивающійся у него надъ головою.

«Закрытый тѣнью ближайшихъ фигуръ, юноша спарается приподнять мать свою, которал, изнемогая отъ скорби и смиренно

покоряясь своей участи, умоляетъ его заболѣть о собственномъ спасеніи. Намѣреніемъ живописца было, кажется, предсавить въ семь прогавельномъ эпизодъ положеніе *Плмнїа* младшаго, споль краснорѣчиво описанное имъ самимъ. Далѣе, другой молодой человекъ поддерживаешь изнемогающую дѣвушку, которой голова, украшенная брачнымъ вѣнкомъ, свидѣтельствуетъ, что общее несчастіе застигло её среди торжества и сладостныхъ мечтаній замужства.

«На лѣвой сторонѣ картины видѣнъ Христіанскій священникъ, который спасаетъ, унося съ собою священные символы богослуженія. Спокойные черты его, кажется, выражаютъ, что жизнь его не принадлежитъ здѣшнему міру. Въ правой рукѣ онъ держитъ факель, свѣтъ коего шеряется въ блескъ молніи. Подлѣ него мать съ двумя дочерьми, составляють группу, которой нельзя довольно надивиться.

«Мать, женщина замѣчательной и благородной красоты, преклонивъ колѣна, возводитъ на Небо взоръ, въ которомъ изображается соспраданіе, и кажется, менѣе спрашивая сама за себя, нежели за двухъ дочерей своихъ, сжимаемыхъ ею въ объятіяхъ. Старшая изъ нихъ удручена страхомъ опасности, а младшая, съ сложенными руками и неизяснимымъ выраженіемъ усердія и надежды, какъ будто не вѣритъ, чтобы Небо захопѣло такъ рано пресѣчь нить едва начатой жизни. На заднемъ планѣ представлена группа, ищущая въ безпорядкѣ убѣжища въ храмѣ, и останавливающаяся на порогѣ онаго, будучи поражена ужасомъ при видѣ обрушивающагося свода. Г. *Брюловъ* изобразилъ въ этой группѣ самаго себя въ видѣ молодаго живописца, несущаго принадлежності своего искусства и болѣе занятаго величественнымъ зрѣлищемъ, поражающимъ взоры его, нежели грозящею опасностію.

«Если представитъ самаго себя въ своей картинѣ, есть поступокъ самолюбивый, то кто можетъ упрекнуть за это г. *Брюлова*? Онъ изобразилъ избранное имъ явленіе па-

кими живыми красками, что ему можно сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: тѣ, которые видѣли тебя собственными глазами, видѣли тебя не лучше моего. Но разбираться по частямъ эту удивительную картину, значить упичожать эффектъ ея. Всего болѣе поражаетъ, изумляетъ, очаровываетъ цѣлое сего высокаго, величественнаго произведенія: пожаръ Везувія, пуча пепла, падающая на городъ и, такъ сказать, заживо его погребавшая; молнія, проникающая глубокой мракъ, наступившій среди дня; обрушивающіяся зданія, статуи, валляція съ своихъ подножіи, падающихъ съ высоты домовъ и чертоговъ, — все это производитъ неописанное дѣйствіе, и можно рѣшипельно сказать, что сямъ произведеніемъ г. *Брюлова* поспавилъ себя на первой степені между новѣйшими живописцами.

«Картина его произвела въ Миланѣ такое сильное впечатлѣніе, что цѣлыя толпы безпрерывно шѣснились предъ нею, оставляя почти совсѣмъ пустыми прочія залы выставки, также наполненныя замѣчательными произведеніями. На улицахъ, пародъ слѣдилъ молодаго художника съ любопытствомъ, съ которымъ соединилось удивленіе; въ театрѣ читали въ честь его стихи, и скромность принудила его скрыться въ глубинѣ своей ложи опъ единодушныхъ рукоплесканій, которыми вспрѣтили его при входѣ. Такой энтузіазмъ Италіанцевъ къ иностранному художнику, котораго по чувству зависти скорѣе могли бы унижать они, неоспоримо доказываетъ превосходный талантъ г. *Брюлова*.»

Желательнo, пишутъ далѣе въ *Gazette de France*, чтобы г. *Делидовъ*, прежде чѣмъ обогатитъ сею картиною свое отечество, привезъ её въ Парижъ, чтобы доставитъ намъ возможность судить, къ чему способны его соотечественники. Г. *Брюловъ* извѣстенъ уже многими замѣчательными произведеніями; между прочимъ, портретами князя *Лопухина* и А. Н. *Делидова*, представленнаго верхомъ, во весь ростъ, и особенно превосходною копіею съ Афинской школы *Рафаэля*, писанною для Его Императорскаго

Величества, опъ котораго молодой живописецъ удостоился получить орденъ св. *Владимира*. Художники всегда пользовались покровительствомъ при дворѣ С. Петербургскомъ, а г. *Брюловъ* вполне оное заслуживаетъ.

(Изъ *J. de S. Pétersbourg.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ.

Въ сей роцѣ, милая, напрасно
Клянешься въ вѣрности своей:
О, щаспія обманъ прекрасной
Лишь сонъ мигушный въ жизни сей!

Судьбой закону измѣненья
Въ природѣ все подчинено: —
Къ нещасію, и увѣренья,
Какъ зелень рощи сей, равно,

О другъ мой, могутъ измѣниться,
Какой надеждой бы ни льстились —
Все, все судьбѣ покорено,
А съ ней въ борьбу вспунашь — смѣшно!

В. Р.

1819.

ФІЯЛКА И БАБОЧКА.

(Басня.)

Фіялочка весной лишь только разцвѣла,
Скломила къ землѣ, помилась, увядала.
«Сосѣдка милая!» ей Бабочка сказала:
«Весна зефиръ принесла;
Ты-жъ юности часы печально коротаешь,
И въ Майской красотѣ живѣй не разцвѣтаешь.
Сберися съ силою, природѣ подражай,
Проснись, раскни цвѣтокъ, дубраву украшай,
И зрипелей своихъ печальныхъ упѣшай.»

— Я бышь полезною желаю,

Фіялочка сказала пакъ,

Но по неволѣ увядаю:

Мой корень гложетъ злой червякъ. —

Алипановъ.

О М О Н И М Ъ.

Главою, какъ колоссъ, я къ небу возношусь.

Хоть мерщвъ, а ниже все себя припаю.

Но, оживя, самъ ниже всѣхъ бываю.

Тогда ужъ на себя я не похожъ.

Какъ лещъ, у ногъ я пресмыкаюсь —

И какъ диня, ко всѣмъ ласкаюсь.

Я малъ — и самой малостью пригожъ.

Ногамъ людей дарю хоть часное лобзанье:

Но друга вѣрнаго опъ нихъ несущу названье.

Л.

Въ No 98, помѣщенная загадка значить:

Ici mon cher lecteur, du Papier il s'agit

De l'emploi qu'on en fait, des formes qu'il subit.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: Торквато Тассо, соч. г. *Неизвѣстнаго*, и драматической фантазіи того же названія, соч. г. *Н. К.*

(Продолженіе.)

Г. *Неизвѣстный* изложилъ въ драмѣ довольно вѣрно (*) біографію *Тассо*: опъ его щасливыхъ дней въ *Феррарь* до порожественной смерти; соблюлъ даже подробности, кои сохранила исторія. Онъ не вымыслилъ опъ себя ни одного положенія, распростирая данныя глубокими ощущеніями собственнаго сердца. Его драма кажется не сочинена, но съ чего-то скопирована, однакоже не съ какого либо писателя, а съ подлинника — природы. Эпа придержка къ историческому и замѣткамъ изъ жизни дало дыханіе, раз-

(*) Во II дѣйствіи есть измѣненіе, и не очень удачное, исторіи. Она повѣствуетъ, что самъ *Тассо* открылъ про любовь свою, до того никому неизвѣстную, *Феррарцу*, который разгласилъ по городу о томъ, что было до вѣрено ему дружбою, и пылкій *Тассо* вызвалъ его на поединокъ. Соблюденіе эпаго придадо бы вѣроятность гоненію на *Тассо* и вспѣльчивости самой *Леноры*. Но у нашего Сочинителя о любви *Леноры* и эпа носилась еще прежде общая молва, которая только до герцога дошла черезъ *Джюдоли*, и слѣд. по крайней мѣрѣ *Леноры* не за что было сердиться на *Тассо*.

нообразіе произведенію поэта, въ которое невольно вѣришь, будто въ повѣсть, во всѣхъ подробностяхъ несомнѣнную. Такъ природа и сердце человеческое въ созданіяхъ своихъ всегда очаровательнѣе, естественнѣе самыхъ геніальныхъ вымысловъ одинокаго ума! *Тассо* при дворѣ *Альфонса*, по щастливый любовію принцессы *Леноры* и милостями герцога, по уязвляемый завистью придворныхъ; *Тассо* узникъ и опять свободенъ на милой родинѣ; *Тассо* въ больницѣ сумасшедшихъ, изнуренный нещастіями и болѣзнію, и наконецъ *Тассо*, почши умирающій, влечется въ *Римъ* на поржесство—вопль картины, кои одна другую смѣняютъ въ драмѣ. Читая её, думается, что самъ живешь, и шѣмъ пріятнѣе, что живешь въ другомъ вѣкѣ, между другими людьми, хотя люди шѣ же, и жизнь та же, какъ наша, полная добра и зла, перемѣшанная горемъ и радостями, кипящая происшествіями!

Міръ въ драмѣ г. *Неизвѣстнаго* нашъ, и люди у него такіе же, какъ мы, созданные кистью исторіи, природы и сердца человеческого. *Тассо*, въ его годину нещастій, выраженъ превосходно, съ истиннымъ знаніемъ *Тассо*, съ нѣжнымъ чувствомъ, пощадившимъ великаго мужа въ бѣдствіи! Это не сумасшедшій *Тассо*: это больной спрдадецъ, о которомъ только другіе говорятъ, что онъ былъ достигнуть сумасшествіемъ. Зритель увидитъ только, что пѣвецъ *Иерусалима* потерпѣлъ безмѣрное горе, которое оставило слѣды въ свѣшлыхъ его мысляхъ. Рѣчь его не брюзглива, не слезна, но грустна и уныла. Онъ поэтъ, однакоже въ немъ больше человеческого, близкаго къ намъ; онъ любитъ созданія своего ума, но больше — *Ленору*, опца, сестру, родину, воздухъ и наше небо. Наконецъ, опъ спрдаданій пѣла онъ все прочее забываетъ; ему не до милыхъ воспоминаній! Это не идеальный *Тассо*, это человекъ *Тассо*, какимъ былъ онъ!— Другія лица драмы: *Ленора*, прелестная и гордая Римлянка; Маркиза *Скандіани*, спрдастная до безумія; добрая герцогиня *Урбино*; честлюбивый министръ *Чинероза*, и *Джіодоли*, дурной поэтъ, опшѣнены другъ опъ друга довольно рѣзко.

Правда, въ нихъ недостаетъ суроваго кипѣнія жизни, которое въ искаженномъ видѣ досталось *Итальянцамъ* опъ *Римляниъ*; нѣтъ въ нихъ полуденнаго жара; однакоже нельзя назвать ихъ Русскими: это — даже графъ *Чинероза*, *Джіодоли* — лучшіе люди, лучшіе злодѣи и глупцы *Италіи*!

Расположеніе драмы по мѣстамъ непріятно г. сочинителю: многія происшествія не опдѣланы, только набросаны. Художически оконченными можно назвать два первые акта, полные пою жизнью, которая сполько очаровываетъ читателя, случаями, связанными и бѣгущими въ дѣйствіи по историческимъ, естественнымъ причинамъ. Прекрасно и IV дѣйствіе, но болѣе за характеръ изнуреннаго *Тассо*, въ больницѣ св. *Анны*. III-е же дѣйствіе: по излишностямъ (*), заключающимся въ немъ, по безсвязности происшествій (**); и V-е: по пустотѣ содержанія, недостойны нашего поэта. Въ послѣднемъ актѣ не выражено ни поржесственности опдыха, которымъ судьба упѣшила *Тассо* предъ смертію, какъ она всегда упѣшаетъ человекъ еще разъ на одрѣ кончины; ни суены *Рима*, когда попомки *Виргиліевы* опомнились, чтобы воздать должное пѣвцу *Иерусалима*. При изображеніи же смерти *Тассо*, сочинитель какъ бы усталъ, и не кончивъ работы, опдалъ кисть актѣрамъ, чтобы они мимикюю дополнили неоконченное. Сверхъ того V дѣйствіе слышкомъ мало объемомъ, по сравненію съ другими (***) . Никто не требуетъ, чтобы дра-

(*) Лишняя вся сцена: *Тассо* въ окрестностяхъ *Неаполя*, гдѣ онъ съ спарообрядческою лириатурною набожносію поклоняется грѣбницѣ *Виргиліа*.—сцена болѣе еданпическая и ни сколько не прогапельная!

(**) Явленіе *Тассо* въ *Соренто* какъ бы не кончено. Между нимъ и слѣдующимъ надлежало вспавннть еще явленіе, гдѣ надобно было сказать, почему *Тассо* потѣлъ какъ снѣгъ на голову упать въ *Феррару*. Въ исторіи еспь прекрасная пою причина: *Тассо* не ушерпѣлъ не увидѣть *Ленору*, которая сама его призывала. Посланикъ *Гваленго*, привезшій *Тассо* въ *Феррару*, при *Альфонсово*мъ за это гнѣвъ, спановившися какимъ-по проснакомъ, сознаваясь, что онъ самъ не знаетъ, за чѣмъ привезъ *Торквато*!

(***) V дѣйствіе въ 8 стр., а напр. I въ 29.

манпикъ выкраивалъ дѣйствія именно въ сполько-то аршинъ и четвертей; но и неравныя произошли конечно не опъ искусства сочинителя. Дававъ одинаковую полноту частямъ драмы или томамъ романа, не есть занятое ремесленное, не проповно эстетическому чувству поэта, который любитъ приводить и спихи въ одномѣрныя строфы, какъ *Тассо* слагалъ свои октавы. Самые спихи, подчиненные правиламъ воинскаго парада, доказываютъ, что дисциплиною поэзія не презирается. Даже въ прозѣ опытный писатель спарается, чтобы его куплеты были возможно одномѣрны. И здѣсь, какъ въ поэзи, затрудненіе уравнивать колонны, полько маломыслящаго писателя приведетъ къ пустословію, а писатель гениальный, надѣвъ оковы, при распроспраненіи куплета перѣдко слышитъ подсказы гениа-хранителя, а при сокращеніи—очищаетъ мысли, какъ алмазы.

Ни въ общемъ составѣ драмы, ни въ отдѣльных ея частяхъ, ни въ мысляхъ нѣтъ красотъ необыкновенныхъ, рѣзкихъ; но много милого, поэпического, таково, что льется въ душу. Прелестна сцена во II дѣйствіи между *Ленорою* и *Тассо*, гдѣ пылкій поэтъ любитъ и скромень въ любви, гдѣ принцесса, еще болѣе гордая скромностию и родомъ, однакоже не можетъ скрыть своей спраспи, и такъ восточно даритъ пѣвца лилію:

«Вопъ мой цвѣпокъ! Дня любви небесной,
Свѣтъ солнца блещетъ на его листкахъ,
Онъ чистъ и бѣлъ, какъ крутъ луны сребристой!
Цвѣпокъ любви моей! ты такъ прекрасно
Разцвѣлъ въ моемъ пѣнишьельномъ саду!
Ахъ, ты достигъ возможнаго блаженства!
Ты, въ прелести и цвѣтѣ красоты,
Увянешь на груди *Торквато Тасса*!»

Такова у *Байрона* *Эюлеика*, когда сія дочь *Джиаффарова* срываетъ въ саду розу, не зная, чѣмъ упѣшитъ печальнаго *Селима*! Положение *Тасса* и *Леноры* спановившися еще прогательнѣе опъ пѣхъ случаевъ, коими сочинитель окружилъ оное: любовники были на верху блаженства—и тупъ же, однимъ разомъ, оно подкошено злыми людьми! Вѣр-

ная картина чедовѣческой жизни, непрерывно между нами сбывающаяся! *Тассо* изгнанъ; эшаго мало, сама *Ленора*, вспыхнувшая Римлянка, отвергла его! Но нѣжность сцены не прекращается: герцогиня *Урбино* упѣшаетъ изгнанника, даритъ ему на дорогу и драгоценности, и эти милья слова: «прощайте, другъ, прощайте нашъ поэтъ! Бѣгите изъ *Феррары*.»

Не менѣе прекрасны сцены IV дѣйствія, въ больницѣ св. *Анны*, гдѣ *Тассо* представленъ изнуреннымъ, измученнымъ жизнью, болѣзнію, скукою въ душномъ заключеніи. Съ какою жаждою, какъ чедовѣчески хотѣлось бы ему подышать свѣжимъ воздухомъ, взглянуть на небо; ему несносно сидѣть вѣчно въ одной комнатѣ: онъ рвется, силою бѣжитъ изъ неѣ! «Нѣтъ! не могу оспаваться здѣсь «болѣе! Выпустите меня на одну минуту!... «Я возвращусь сюда... Кавалеръ *Монтань*! «я пойду съ вами...десять шаговъ при васъ, «подъ открытымъ небомъ! За мной синьоры! Посмотримъ: ясно ли небо моей *Италіи*?» Не узника ли эти желанія и слова, и не ужели, чтобы написать ихъ, нуженъ былъ одинъ умъ, безъ поскующаго сердца?— Въ концѣ V же дѣйствія есть одно мѣсто, которое можно назвать истинно высокимъ. Маркиза *Скандіани*, бросающая безуміемъ своимъ длинную пѣнь опъ пихаго, кропкаго *Тасса*, припачила его во дворецъ *Альфонса*. Любимцу своему *Ленора* даруетъ свободу—и ни зора любви; герцогъ запрещаетъ ему входъ во дворецъ—и эпомъ ударъ былъ послѣднимъ для *Тасса* въ жизни! Онъ ни слова не отвѣчаетъ; его зовутъ въ *Римъ*: онъ молчитъ; его ведутъ: онъ покорень. Безмолвіе *Тасса*, среди такихъ мрачныхъ и суешныхъ окружностей, ужасно! Эша мысль сочинителя равна мысли того древняго живописца, который, изображая принесеніе въ жертву *Ифигеніи*, не могъ выразить чувствъ опца—*Агамеллона*, и покрылъ лицо его мантіей!

Расинъ говаривалъ: «составить бы планъ драмы, а спихи—дѣло послѣднее.» Здѣсь открывается совершеннѣйшая спорона драмы, видимъ прудъ оконченнымъ, неоспавляю-

щій почти ничего желать. Стихи г. *Неизвестнаго* почти ничего ему не стоили, какъ и *Расину*. По крайней мѣрѣ трудъ въ нихъ нисколько не замѣненъ: неровностей очень, очень мало (*), а прелесть ихъ такъ очаровательна, поэзія такъ блещетъ, улыбается, что г. *Неизвестнаго* никто не назоветъ поэтомъ только въ слѣдствіе ученія и цѣпикъ. Въ стихахъ стихахъ есть какая-то оригинальность, даже, которая находится въ мысляхъ г. сочинителя, и отличаетъ его отъ всѣхъ нашихъ поэтовъ. Она состоитъ въ нѣжномъ, томномъ шпиряхъ: чистая драма, будто слышишь унылый, жалующійся голосъ человека, столько приличный прагедіи! — Поэзія души г. *Неизвестнаго* перелилась и въ его прозу (**), которая по мѣстамъ превращается въ совершенные стихи, только написанные подъ рядъ, а не стихными спроваками (***). Думается, что или сочинитель начиналъ слагать стихи, но наскучивъ ими, обратился ихъ въ прозу; или, что вѣроятнѣе, они невольно, незнаемо изливались изъ души поэта. Такъ *Овидій* и подъ лозою маперіи кричалъ стихами, невиноватый по крайней мѣрѣ въ стихахъ! Проза

(*) Нельзя требовать, чтобы въ цѣлой книгѣ не было стиха ошибочнаго; такая выхощенность быть можетъ и не понравилась бы. Конечно въ эпосѣ стихъ съ трудомъ дощипывается и спойт: «Но иногда онъ импробируетъ» (стр. 10); однакоже такихъ стиховъ очень немного. Еще надобно замѣтить, что г. *Неизвестный* слѣшкомъ любитъ пшпуглы и особенно: синьоръ, синьоръ, пошпореніе конхъ доходитъ до комическаго. Есть цѣлые стихи, занятые пшпуглами и синьорами: «синьоръ поэтъ, синьоръ *Торквато Тассо!*» (стр. 35); | «Синьоръ поэтъ, *Октаво Джіодолі!*» (34); | «Синьоръ, синьоръ, напрасное сомнѣніе!» (39). Вообще учившись нашего поэта такъ велика, что онъ даже бранится весьма учившъ: «*Октаво Джіодолі!* | Вы клеветникъ, — я презираю васъ!» (стр. 35).

(**) Проза занимаетъ едвали не третью драмы. Всѣ IV дѣйствіе, кромѣ одного небольшого явленія, написано прозою.

(***) Развѣ это не анапестно-ямбы: «Такъ яркой звѣздѣю вѣдѣмый пловецъ, достигая опчизны, | спускаетъ свой парусъ, и взоръ устремляя на горнее небо, | онъ ищетъ свѣтила, но грѣзные пучи несутся по тѣмной лазури, | и вѣтеръ разнеситъ моленья егѣ...»? — А это развѣ не ямбы: «Сегодня я постигъ мою судьбу. | . . .» — «Съ закатомъ солнца кончатся | спраданія Торквато?» (стр. 90).

г. *Неизвестнаго* достоинствомъ не уступаетъ его стихамъ. — Это замѣнить пѣмъ пріятнѣе, что намъ бы такой прозаикъ пужнѣ былъ первостепеннаго поэта. У насъ стихи обогнали далеко прозу; мертвыхъ мы читаемъ рѣдко, живаго *Карамзина* болѣе нѣтъ у насъ — и объ изящной прозѣ на Русь кое-когда заносится вѣспи (*). Прислушиваясь чаще къ гармоніи прозы живаго *Карамзина*, мы бросили бы современную прозу, почти у всѣхъ какъ-то одинаково шероховатую, тяжелую, стали бы писать также плавно, какъ плавно пишутъ поэты наши, кои насстраиваютъ лиры свои подъ звуки лиръ *Жуковскаго* и *Пушкина*.

Вообще драма г. *Неизвестнаго* не блещетъ ничѣмъ необыкновеннымъ, ни собственными созданіями сочинителя, ни изображеніемъ даннаго испоріею или жизни въ геніальномъ видѣ; нѣтъ вулканическихъ красотъ ни въ мысляхъ, ни въ выраженіяхъ, предъ коими у первоклассныхъ поэтовъ мы оспанавливаемся въ изумленіи, какъ передъ раскрывающимся небомъ. Талантъ г. *Неизвестнаго* имѣетъ другую прекрасную сторону: изображаетъ земное, человѣческое, картины тихія, идиллическія, съ оригинальною нѣжностію, съ очарованіемъ. Видно, что сочинитель чувствовалъ, переспрадалъ по, о чемъ говорятъ, грустятъ у него *Тассо*, *Ленора*, *Урбино*, и отъ того все тепло въ драмѣ, все вызываетъ соучастіе читателя. Г. *Неизвестный* создалъ прагедію больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, сердцемъ добрымъ, благороднымъ, чувствующимъ отъ природы приличія красоты и нравовъ, которыми столько привлекаютъ насъ люди высшаго общества. Прочитавъ драму, невольно вспоминается стихъ *И. И. Длиторіева*: «Мать дочери великъ стихи его читаешь!» Вы не укажете ни одной двусмысленной выходки. Самая любовь у него до того скромна, что молчалива, по крайней мѣрѣ между любовниками: она обнаруживается только милымъ обхожденіемъ, большою довѣренностію, пѣми знаками, коими пылокъ сердце

(*) Мы не можемъ согласиться въ эпосѣ съ Сочинителемъ спать. — *Издатель*.

иногда невольно измѣняютъ приличію. На всемъ лежишь въ драмѣ печать эпохи скромности, числоты сердца сочинителя, которое, быть можетъ, потому и опускало разительныя положенія, какъ принадлежности сумасшествія *Tassa*, бесѣды съ духомъ, что оно чуждается картинъ зла, безобразія и ужасовъ.

Перейдемъ къ фантазии г. К.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

М О Д Е С.

On remarquait quelques robes de blonde; beaucoup de cheveux en bandeaux plats; des fleurs et point de plumes; des bandeaux d'or lisse enclâssant une pierre dans le milieu.

On a remarqué deux jolies toilettes pareilles, portées avec grâce, par deux jeunes femmes assez grandes; c'étaient des robes de pou de soie blanc brodé en soie plate; une guirlande de jasmin avec le feuillage formait une mathilde dans toute la hauteur de la jupe. Le corsage et les manches étaient brodés de même, fort légèrement; une mantille et des sabots de blonde; dans les cheveux une couronne de jasmin; pour bijoux, l'une d'elles avait une parure de turquoises gravées, enclâssées dans des plaques d'or uni; l'autre, une parure de rubis entourés d'or ciselé.

On fera cet hiver beaucoup de robes brodées pour le bal. Sur le tulle, noir ou blanc, des fleurs nuancées en soie plate; de la soie ronde, mêlée à l'or ou à l'argent.

Les gazes à raies satinées, quelquefois brochées dans la ligne claire sont destinées aux bals, et se portent en toilette de soirée ordinaire. Quelques femmes les ont essayées ainsi: en gaze cerise ou orange, sur un dessous en taffetas noir.

Ces gazes satinées doivent toujours être placées sur du taffetas ou du gros de Naples, afin que le mat de l'une fasse ressortir avec éclat le brillant de l'autre; les rubans qui les accompagnent sont en satin unis ou rayés.

Pl. No 35. Toilette ordinaire.

М О Д Ы.

Замѣтно было нѣсколько блондовыхъ перьевъ; много гладкихъ волосъ; цвѣтны, а перьевъ не было; гладкія золотыя повязки съ камнемъ въ срединѣ.

Замѣчено два подобныя красивые наряда, надѣтые съ ловкостью двумя довольно высокими дамами; платья были изъ бѣлаго pou de soie, вышитыя несученымъ шелкомъ; гирланда изъ жасминовъ съ листьями, составляла мапильду во всю длину юбки. Лишь и рукава были также вышиты, весьма легко; манжилья и sabots блондовыя; въ волосахъ вѣнокъ изъ жасминовъ. Вещи: на одной былъ приборъ изъ рѣзныхъ бирюзъ, вѣланныхъ въ гладкія золотыя бляхи, а на другой приборъ изъ рубиновъ, обдѣланныхъ въ чеканенное золото.

Нынѣшнею зимою для баловъ много будутъ дѣлать вышитыя платья. По черному или бѣлому тюлю цвѣтны въ шить несученымъ шелкомъ; сученымъ шелкомъ, перемѣшаннымъ съ золотомъ или серебромъ.

Газы съ апласными полосками, иногда зашканные по прозрачной полоскѣ, также назначены для баловъ; употребляются однакожь и для просныхъ вечеровъ. Нѣкоторыя дамы пробовали надѣвать ихъ такимъ образомъ: алый или оранжевый газъ на черное пафьяное платье.

Син апласистыя газы всегда должно дѣлать пафьяны или гроденапль, дабы масть одной матеріи больше выказывалъ блескъ другой; ленты, надѣваемые съ ними, должны быть апласныя, полосатыя или гладкія.

Карп. No 55. Костюмъ за-просто.

П о п р а в к а.

Въ No 49-мъ Литерат. Прибавл. къ Русскому Инвалиду, на 389-й стр. во 2-мъ столбцѣ, подъ повѣстью *Кадуры*, было напечатано, что она переведена извѣстнымъ литераторомъ нашимъ *В. Ш. Романовичемъ*, между тѣмъ, какъ настоящій переводчикъ ея г. *Шислевскій*. Издатель несподобаетъ самъ, какъ это случилось, однакожь долготомъ признаетъ исправить сію неумышленную ошибку: *Сunt qui que.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 100 и 101.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 16 дня 1853 года.

Поэма, говоритъ, гопова,
Плодъ новый умственныхъ зашѣй.
И такъ, рѣшите, жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Списки любимца Музъ и Грацій
Мы вмѣгъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши превратимъ.

(Изъ разговора книгопродавца съ поэтомъ.)

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

С В О Й.

«Кто это?» спросите вы о томъ, кто ежедневно обѣдаетъ въ какомъ либо домѣ, гдѣ хозяинъ равенъ нулю, а хозяйка значить единицу,—хотя иногда тысяча душъ принадлежатъ первому; гдѣ всегда открытый столъ, шумные, многолюдные вечера, частые праздники; гдѣ человекъ, обратившій ваше вниманіе, щипается за необходимую мебель, и гдѣ онъ распоряжается, какъ у себя. Въ извѣстный часъ приказываетъ подавать на столъ, или подождать носиль кушанье, потому что такой-то или такая-то обѣщались пріѣхать; составляетъ партіи въ вистъ; удерживаетъ гостей, намѣреющихся уѣзжать; шепчетъ при всѣхъ на ухо хозяйкѣ; ласкается съ родственною

нѣжностію ея дѣтей, и тому подобное.— Это *Свой*,—отвѣчаютъ вамъ.

Свой въ Петербургѣ и въ Москвѣ значитъ поже, что въ Парижѣ l'ami de la maison, съ маленькими вариціями. Этимъ Французскимъ словомъ ясно опредѣляются его достоинства, обязанность и значеніе. Держась же Русской пословицы: что городъ, то норось; что деревня, то обычай,—я намѣренъ объявить нѣкоторыя качества сего, въ большей части Петербургскихъ домовъ сдѣлавшагося такимъ существомъ, безъ котораго обойтись нельзя.

Для перваго и необходимаго условіа, чтобы называться въ богатомъ домѣ *Служивымъ*,—надобно быть холостнымъ, виднымъ собою, ловкимъ, и оппюдь не старикомъ. Впрочемъ, какъ нѣтъ правилъ безъ исключенія, то бывають примѣры, что въ домахъ у

спарушекъ, у которыхъ на чепчикахъ розовыя ленты, а на пергаментныхъ щѣчкахъ розовыя пятна, называются *Своими* молодые люди въ 60 лѣтъ (*les ci-devant jeunes gens*). Но это происходитъ, primo: отъ того что привычка вѣчная природа; secundo: что не находится уже охотниковъ на сию припятательную частницу; а двѣ народныя, родныя Русскія пословицы говорятъ: на безрыбьи и ракъ рыба; на безлюдьи и *Толма* дворянствъ.

Обязанность *Своего* пляска, многосложна и сопряжена съ поперею здоровья. *Avis aux jeunes gens*. Предостереженіе молодымъ людямъ, ищущимъ съ кѣмъ либо *освоиться*, къ кому нибудь *присвоиться*.

Свой естль не только покорный, покорнѣйшій, всепокорнѣйшій слуга, но всенижайшій рабъ. *Свой* бываетъ большею частію низокъ предъ госпожею и нагль предъ живущими въ домъ. Нѣтъ священной обязанности, которой бы онъ не оставилъ для исполненія прихоти той особы, которая именуется его *Своимъ*. Угодно ли ей ѣхать прогуливаясь—*Свой* заботится, чтобы экипажъ былъ готовъ во время; вздумается ли ей иппи пѣшкомъ—*Свой* обязанъ её сопровождать и заботиться, чтобы ливрея лакѣевъ была во всей исправности. Даютъ ли въ театръ новую пьесу, *Свой*, по мановенію своей повелительницы, встаетъ съ разсвѣтомъ дня и скачетъ за билетомъ: горе ему, если не доспаетъ!... Наканунъ бала его посылаютъ къ *Цихлеръ* за платьемъ, къ *Брюно* за башмаками, въ Италіанскій магазинъ за духами. Въ день именинаго объѣда—его командируютъ въ садокъ—за сперледами, въ Англійскій магазинъ—за винами, въ *La Répositée*—за конфетками. Никогда простой дворецкой не исполнитъ такъ скоро порученія госпожи, не купитъ такъ дешево, почти даромъ. Никто такъ не угодитъ на вкусъ, не попрашитъ на нравъ ея.

Иногда обязанъ онъ угождать и законному сожигелю своей повелительницы (*N.B.* если *Свой* не совсѣмъ глупъ). *Свой* чашаетъ ему *Съвертую Пеглу*; повторитъ извѣс-

пныя политическія новости и городскія сплетни; извѣщаетъ о хорошихъ продажныхъ лошадяхъ, о привезенныхъ усприцахъ и Спразбургскихъ пирогахъ; смѣется, когда шотъ улыбается, низко кланяется, когда шотъ чихаетъ, и даже, что всего рѣже въ Свѣтѣ, доспаетъ въ долгъ денегъ. Однимъ словомъ, онъ для лѣниваго барина—находка.

Всѣ купцы, торгующіе въ Миліонныхъ лавкахъ, погребщики, содержатели и содержательницы магазиновъ, конфектныхъ лавокъ и даже колбасники—знаютъ его; всѣ говорятъ: это *Свой* такой-то.

За объѣдомъ онъ разливаетъ супъ, смѣшиваетъ разсказами и подливаетъ гостямъ вина, ибо хозяинъ занимается единственно собою, по той важной причинѣ, что имъ никто не занимается. Является ли гость во время объѣда, *Свой* немедленно уступаетъ ему свое мѣсто, а самъ садится за особенный столикъ, и если хозяйка вѣрится, что нечѣтное число предвѣщаетъ несчастіе: то также приказываетъ снять поставленный ему приборъ и накрыть для себя столикъ гдѣ нибудь въ уголкѣ споловой.

Дается ли въ домъ балъ, *Свой* скачетъ въ суня языкъ за восковыми свѣчами, за кенкешами, за винами, которыхъ иногда не удается ему попробовать; опыскиваетъ рѣдкости къ десерту, которыхъ не опивѣдаетъ; опыскиваетъ лучшихъ музыкантовъ въ городѣ; заботится, чтобы паркетъ былъ наложенъ; набираетъ танцоровъ, которые дополъ ни разу не бывали въ домъ, которые не заставляютъ повторять себѣ приглашенія, и которые на призывный звукъ смычка лепятъ всюду, куда угодно. Приглашенныя дамы имѣютъ кавалеровъ и танцуютъ до упаду: ибо неупомимые рыцари чудно работаютъ; толпа ихъ увеличилась собраніе; шума много; назавтре скажутъ въ городѣ, что балъ былъ блестящій. И такъ, чего-жь еще?... Цѣль достигнута, *et c'est tout ce qu'il faut*. — Никого болѣе балъ такъ не упоминетъ, какъ *Своего*: онъ явился первый и уйдетъ послѣдній; онъ приказываетъ зажигать лампы; назначаетъ мѣ-

спа для карпочныхъ споловъ и музыканповъ; улаживаетъ кадрили и мазурки; подчиваетъ гостей; подводитъ къ хозяйкѣ приглашенныхъ имъ танцоровъ, а симъ послѣднимъ указываетъ пальцемъ на хозяина дома. Но что всего несноснѣе: *Свой* обязанъ быть непрѣмнымъ, неизмѣннымъ кавалеромъ перезрѣлыхъ дѣвъ, обреченныхъ судьбою въ вѣчныя *Весталки*, одаренныхъ ловкостію и непріятною наружностію; дѣвъ, которыя, хотя приглашены на балъ, не приглашаются танцовать: пбо въ нынѣшнемъ Свѣтѣ молодые люди чрезвычайные невѣжды: каждый изъ нихъ находитъ болѣе удовольствія танцовать съ прелестною, ловкою дамою, нежели съ какою нибудь спаркою каргою, тяжелою, какъ десяти-пудовая гиря и неповоротливою, какъ гранитная колонна.

Въ отношеніи къ *Своему*, все позволено: отъ него пребываютъ того, чего бы иногда совѣстно было попросить и отъ лакѣя; ему не поручаютъ; его не просятъ: ему приказываютъ; его не благодарятъ за исполненіе, полагая, что въ этомъ состоитъ его обязанность, его служба.

Это ярмо *Свой* волочитъ, какъ рабочій воль; онъ впрянулся въ него, какъ возовая лошадь; оно необходимо для него. Случается, что та, къ которой попалъ онъ въ *Свой*, не забываетъ его въ духовной; но нынѣ это бываетъ рѣдко; и потому господа *Свой* принимаютъ надежнѣйшія мѣры еще при жизни своихъ повелительницъ: они обезпечиваютъ себя или домикомъ въ нѣсколько этажей въ лучшей части города, или степною деревенькою въ нѣсколько сотъ душъ. Разумѣется, что все это дѣлается по купчей, которой ничто и никакъ опровергнуть не можетъ.

Впрочемъ, нельзя не признаться, что иногда *Своему* дорого достается его состояніе: нерѣдко оно покупается упрямю лучшихъ лѣтъ жизни, то есть упрямю лучшихъ ея наслажденій!...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА: ДУМАЮ Я САМЪ ПРО СЕБЯ. (*)

Перев. съ Англійскаго Аліюю Ситниковою.

Я родился отъ весьма честныхъ, достойныхъ и почтенныхъ родителей: по крайней мѣрѣ я такъ *думалъ*. Отецъ и мать моя ни въ чемъ не уступали своимъ сосѣдямъ: были достапчны, уважаемы въ обществѣ, платили долги, и даже часто покупали на чистыя деньги. Вообще, всѣ имѣли о нихъ хорошее мнѣніе (какъ водилось), за то, что слѣдуя свѣтскимъ обычаямъ, они имѣли привычку принимать и отдавать посѣщенія, угощать сосѣдей, возвращать привѣтствія, осыпать учтивостями гостей, и проч., и проч. Множество разныхъ лицъ посѣщали наше жилище: инныя въ каретахъ, инныя верхомъ; кто въ шлепкахъ, кто пѣшкомъ; инныя посѣщали насъ съ важнымъ видомъ, разговаривали чинно, припужденно; другія подружески, безъ застѣй; инныхъ приглашали, другія являлись совсѣмъ неожиданно.

Будучи слабого сложенія съ малолѣтства, я все находился при мапушкѣ; и потому былъ свидѣтелемъ всѣхъ встрѣчъ и привѣтствій; слышалъ, какъ готовились при-

(*) Въ №№ 290, 291 и 292 Русскаго Империала, въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ сей книги, сказано:

Думаю я самъ про себя. Романъ. Переводъ съ Англійскаго Аліюю Ситниковою. Часть I-я. С. П. б., въ типографіи Н. Грета. 1833.

Въ предисловіи Переводчица говоритъ:

Предпринимая переводъ сего романа, я предвидѣла, что большая часть моихъ читателей, (если сѣю надеяться, что буду въ у меня читатели), спашутъ упрекать меня въ недобромъ выборѣ сочиненія, которое, можетъ статься, покажется *слишкомъ старо* въ нашемъ вѣкѣ, зараженномъ новизною.—И потому принимаю смѣлость изложить здѣсь причины, побудившія меня къ сему выбору.

Сочиненіе, здѣсь предлагаемое, преисполнено шутиливыхъ, оспроумныхъ и весьма нравственныхъ замѣчаній; а такъ какъ *остроуміе* и *нравственность* не могутъ спариться, то почему намъ не согласиться познакомиться съ Авторомъ оспроумнымъ и нравственнымъ, и убѣгать его только потому, что онъ былъ такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ?—Припомъ, хотя сочиненіе сіе можетъ быть и *давно* писано въ Англій; но,

глашенія, и какимъ образомъ принимались зовы и записки сосѣдей; наконецъ, видѣлъ, какъ лордъ таковой-то и леди такая-то; сирь *Тимоти* и леди *Сплэйшъ*; миспръ и миспрись такия-то, во время и не во время, въ очередь и безъ очереди, съ охотою, или пропивъ воли, друзья и недруги, всѣ, въ печеніе года, были приглашаемы, или принимаемы въ Громбльшорпъ-Голмъ.

Домъ нашъ, хотя спаринной архитектуръ, былъ огромень, хорошо выстроень, и находился среди обширнаго парка; величественная алея изъ древнихъ, высокихъ вѣзовъ вела къ оному; фасадъ былъ украшенъ перасою, а изъ окна гостиной открывался видъ, который часто служилъ предметомъ къ разговору, когда бесѣдующіе не знали что начать. Сосѣдство было у насъ многочисленное, никто не чуждался общесства, такъ что, благодаря званымъ и незванымъ, чайнымъ и нечаяннымъ посѣщеніямъ, мы рѣдко бывали одни.

Не знаю навѣрное, подъ какою планетою я родился. Не имѣвъ случая спросить о томъ ученыхъ людей, и зная, что нахо-

будучи почти неизвѣстно въ Россіи, оно все таки *лово* для насъ. Наконецъ, пороки большаго Свѣта почти вездѣ одинаковы; осмѣивая оныя, съ Авшоромъ въ Англіи, мы встрѣтили здѣсь весьма много знакомыхъ лицъ, и не рѣдко забудемся до того, что вмѣстѣ съ нимъ *подумаемъ про себя*: «да это точно какъ и у насъ въ Россіи.»

Занимаясь переводомъ симъ, я часто шѣшлась необыкновенною веселостію сочинителя, и почти увѣрена, что никто не въ состояніи прочесть сего сочиненія безъ смѣха, или по крайней мѣрѣ весьма веселой улыбки,—такъ оно просподоушно и забавно!—Всѣ изъ друзей моихъ, конь я читала отрывки перевода сего, смѣялись отъ чистаго сердца, почти на каждой страницѣ, и потому я льщу себя надеждою, что чтеніе книги сей принесетъ болѣе удовольствія, нежели скуки, любезнымъ моимъ соотечественникамъ, и что благосклонный пріемъ сей первой частіи поощритъ меня вскорѣ издашь и вторую, которая не менѣе занимательна.

Если заглавіе романа: *Думало я самъ про себя*, покажется не довольно поэтическимъ, можетъ быть страннымъ, неяснымъ, то я припимаю смѣлость увѣрить, что заглавіе сіе будетъ совершенно оправдано чтеніемъ самой книги. Припомъ Переводчица не имѣла даже и

жусь не подъ вліяніемъ Меркурія, я не догадался поискать подалше; только въ томъ я увѣренъ, что ежели есть планета, внушающая охоту къ размышленію и замѣчаніямъ, то я конечно рожденъ подъ оную; ибо, съ малыхъ лѣтъ будучи молчаливъ и заспѣнчивъ, я никому не сообщалъ чувствъ моихъ, а разсуждалъ всегда самъ съ собою,—состояніе, которое не умѣлъ я выразить иначе, какъ проспыми, но значительными словами: *Думало я самъ про себя*.

Каждое слово, каждое дѣйствіе внушало мнѣ самыя странныя размышленія. Я только одного боялся—чтобъ не сказалъ вслухъ того, что думалъ; ибо наши сосѣди, какъ и многіе другіе жители сего обширнаго міра, переносили все, перпѣли все, и спукъ, и пылъ, и хлопоты, и усладость, наконецъ все, кромѣ правды.

Мать моя не имѣла въ нравѣ ни гордости, ни упрямства; она принимала всѣхъ ласково, нравился ли ей кто, или нѣтъ; а я только смолрълъ, да примѣчалъ.

Однажды, я сидѣлъ одинъ съ мапушкою въ гостиной; она писала письмо къ сестрѣ

права перемѣнили смыслъ онаго, ибо таково оное въ подлинникѣ.

Если кто читалъ сочиненіе сіе на Англійскомъ языкѣ, и найдеть, что Переводчица позволила себѣ нѣкоторыя небольшія опущенія отъ подлинника, пусть извиняетъ ей оныя, принимая въ уваженіе, что, желая сдѣлать чтеніе сіе сколь можно пріятнѣе и ближе къ настоящимъ нравамъ, она опустила, или сдѣлала весьма легкія измѣненія только въ нѣхъ мѣстахъ, которыя показались бы читателю слишкомъ длинны, или неумѣстны. Впрочемъ, она старалась переводить сколь можно ближе къ подлиннику, не теряя замысловатости, ни вѣрности цѣлаго разсказа.—Успѣла ли она въ предполагаемой цѣли, или нѣтъ, предоставляется сужденію читателя.

Издатели *Слов. Писль* опнеслись о сей книгѣ весьма благосклонно. Вошь ихъ мнѣніе: «Если судьба осудила васъ имѣть сношенія съ многими и различными людьми, съ умными глупцами, съ хитрыми и просподоушными, съ учеными и невѣждами; — если вамъ случилось путешествовать, безпрерывно мѣняя мѣсто, встрѣчаться на каждомъ шагу съ новыми лицами, осперегаться обмана и бояться минушнихъ вѣщательнѣй,—вы можете понять, до какой степени человекъ, нѣс-

моей, находившейся тогда въ опсущствіи. Замѣпивъ въ концѣ алей полпу пѣшеходовъ, медленно приближавшихся къ Громбльшорпъ-Голду, и, какъ казалось, наряженныхъ въ наилучшія свои праздничныя платья: «Вопъ, *подумалъ я про себя*: вопъ идущъ гости къ мапушкѣ; конечно, она будетъ имъ рада! Какъ это мило со стороны сосѣдей, навѣщать её такъ часто, и не оставляя въ *бездѣйствіи*!»

Дождавшись, пока они перешли дорогу, ведущую въ деревню, и удосповѣрясь, что ихъ направленіе почно слѣдовало къ нашему дому, я поспѣшно оборотился къ мапушкѣ, въ увѣренности, что приведу её въ восхищеніе.

«Сколько гостей къ намъ идущъ, мапушка!» сказалъ я.

— Гости? къ намъ? — вскричала она: — о! надѣюсь, что нѣтъ! —

«Точно, въ самомъ дѣлѣ,» повторилъ я: «одна, двѣ, при, четыре барыни, маленькій мальчикъ, и двѣ собаки; я васъ увѣряю!»

— О, Боже! — вскричала мапушка: какъ ужасно! Это конечно г-жа *Фицджеръ*, съ до-

черьми, и съ эшимъ балованнымъ мальчикомъ; мнѣ нельзя будетъ кончить письма къ дочери, прежде нежели почта опойдетъ! — Какъ бы я желала, чтобъ онѣ умѣли сидѣть дома, и другихъ оставлять въ покоѣ! —

«Моя добрая мапушка не очень-то рада эшимъ гостямъ, *подумалъ я про себя*: жаль мнѣ бѣдной г-жи *Фицджеръ* и ея дочерей: ихъ дурно примутъ!»

Не менѣ того, имъ не представлялось ни какихъ препятствій; онѣ подходили ближе и ближе; дорога была довольно грязна, а мапушка почивалась самою опрятною женщиною въ околдкѣ. «Вопъ, *подумалъ я*: компанья собачки замараютъ горницу, и мапушкѣ это не понравится.»

Наконецъ, онѣ прикапили; слуга ввелъ ихъ въ комнату, и, почно, это была г-жа *Фицджеръ*, съ дочерьми, съ балованнымъ мальчикомъ и съ собаками. Дюжая гостья подбѣжала къ мапушкѣ въ несказанномъ восхищеніи, и чуть было не обняла её опъ радости. Мапушка (не тѣмъ будь помилуй!) вспала съ своего мѣста и приняла гостей какъ нельзя въжливѣе.

нимый людьми, обстоятельствомъ, горькимъ опытомъ и несбывшеюся надеждою, можетъ сдѣлаться равнодушнымъ ко всякой новой въспрѣчи, недобѣрчивымъ къ обѣщаніямъ, и оспорожнымъ въ выборѣ не только друзей, но и пріятелей, знакомцевъ и спутниковъ. Теперь вообразите же себѣ, что эпомъ человекъ, спокрашъ обмануемый существованіемъ, вдругъ находитъ лице, котораго никогда не видалъ, но которае знакомо ему съ дѣтства; слышите рѣчи, которыя, кажутся, срываются съ собственныхъ его устъ; открываютъ въ незнакомцѣ чувствованія и мысли, которыя кажутся ему своими, родными, ибо принадлежатъ ему какъ человеку, какъ члену обществу. Въ такомъ положеніи быть пишущій сіи спроки, когда онѣ читалъ сей романъ. Мершвые ослы, гильошинированныя женщины, изувѣченные шагиновыя кожи, огнедышащія саламандры, эшафоты и пому подобныя ужасы, поселили въ немъ опрращеніе къ произведеніямъ новѣйшаго романизма. Ожгся на молоко, на воду дуешь. Онѣ съ препеномъ взялъ въ руки первую часть новаго романа, и что-жъ? Ему показалось, что какая-то благоговорная рука подаетъ ему чашу живой спуденой воды среди безплодной степи, палимой лучами пропитческаго солнца. Миръ пихій, человеческій, не сапанинскій, общество людей, какихъ мы видимъ ежедневно, съ добродѣтелями и по-

роками, съ слабостями и благородными подвигами, представлялся его взорамъ. Въ эпомъ романѣ изображается жизнь молодого, умнаго, чувствительнаго, образованнаго человека, который наипанъ будучи помыслами благородными, чувствованіями возвышенными, одаренъ умомъ проникательнымъ, наблюдаетъ Свѣтъ, сравниваетъ, *думаетъ самъ про себя*. Въ эпомъ романѣ нѣтъ произшествія, которае не могло бы случиться со мною, съ вами, со всякимъ вашимъ знакомымъ. Досдно одно — что вышла только *первая* часть; но, какъ мы слышали, осмальная немедленно за нею послѣдуетъ, если читающая публика вниманіемъ своимъ поощритъ сіе изданіе.

Русскій переводъ очень хорошъ. Совѣтуемъ всѣмъ любителямъ пріятнаго и полезнаго чтенія пріобрести эпомъ романъ; *полезнаго*, говоримъ, попому, что всѣ произшествія, мысли, чувствованія, излагаемыя Авторомъ, основаны на самой чистой нравственности, и книга сія можетъ быть читана людьми всякаго возраста и званія.“

Миліе Редактора Р. И.

Вопъ романъ сапирическій, нравоописательный; онѣ забавенъ, смѣшенъ, оспроуменъ. Въ немъ высокая, Христіанская нравственность; интересъ, чѣмъ далѣе читаемъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ. Снадо бытъ, можно обой-

— Какъ это мило съ вашей стороны, г-жа *Фиджетъ*,— сказала она. Въ самомъ дѣлѣ, я принимаю ваше посѣщеніе за большое доказательство дружбы. Я никогда не думала, чѣмъ вы могли прогуливаться такъ далеко, и чрезвычайно рада васъ видѣть!—

« Она бы васъ всѣхъ послала къ дѣдушкѣ домовому!!! » *подумала я про себя.*

Г-жа *Фиджетъ* утверждала, что почто можно было принять сіе посѣщеніе за особенное доказательство дружбы, ибо уже скоро шесть мѣсяцевъ, какъ она ни у кого не была, и въ наспоющую минуту ни къ кому бы не пошла такъ далеко, кромѣ мапушки.

« Ну, *подумала я про себя*: такъ вы потеряли свой прудъ, г-жа *Фиджетъ*! »

— И какъ дойду теперь домой,— продолжала она: я совсѣмъ эшаго не знаю; я такъ уснула!—

« Хорошо, *подумала я*: конечно мапушкѣ это не очень пріятно слышать! » Но не шупъ-по было: оборотясь къ г-жѣ *Фиджетъ*, она сказала съ величайшею привѣтливостію:

писи безъ инквизицій и гильюпинъ—и написать хороший романъ! Опъ чего же наши Переводчики приспирасились къ неблагоприспиройнымъ (чѣмбы не сказать больше!) сочиненіямъ *Поль-де-Кока*? Опъ чего такое слѣпое подобострастіе ко всему, написанному *Бальзакомъ*, когда онъ почини вездѣ (если не говорить) намекаетъ, что добродѣтели и глупость синонимы, что добрыми бывають только природные дураки, или сумасшедшіе?

Французамъ, только что вырвавшимся изъ когтей *Робертъера*, *Марата* и *Бонапарта*; Французамъ, послѣ Сенпирбской рѣзни, фюзильды и ноады, конечно нельзя возвратиться къ *Дезумерилямъ* овечкамъ и свирѣлкамъ *Доратовилъ*. Имъ нужны сильныя душевныя изображенія: оправденія, опщеубійства, дѣшубійства, описанія, какъ преступникамъ ломають кости, выплывають жиыты, сверлятъ черепы, какъ хоронятъ живыхъ. Но намъ, у которыхъ,—по благости нашего Правительсва,—девяносто при года, какъ опмѣнена смертная казнь, намъ, которые первые въ Европѣ увидѣли пышки, право, можно бы обойтись безъ энихъ литературныхъ гнусностей и варварсва, безъ эшаго нравственнаго безобразія.

Романъ, о выходѣ котораго здѣсь объявляется, служить пому разительнымъ примѣромъ!

— Какъ я этому рада! Такъ вы сдѣлаете намъ удовольствіе съ нами опкушашъ? Мой мужъ, возвращаясь домой, будетъ въ восхищеніи заспать васъ всѣхъ здѣсь.—

« О! вы слишкомъ добры, » возразила г-жа *Фиджетъ*: « но мнѣ надъ итти домой, хопъ черезъ силу; только я посижу подольше, чѣмбы опдохнуть. »

— Чѣмъ дольше, тѣмъ лучше,— сказала мапушка.

Между тѣмъ, какъ мапушка и г-жа *Фиджетъ* занимались симъ дружескимъ разговоромъ, дочери сей послѣдней спарались, наперерывъ, приподнявъ маленькаго своего брата, которому хопѣлось поиграшъ съ канарейкою, висѣвшею въ клѣшкѣ у окошка. Ребенокъ силмлся просунуть пальцы чрезъ рѣшетку, что несказанно пугало бѣдную пшичку.

« Мапушка конечно желала бы прогнать тебя, несносный шалунъ! » *подумала я*.— Но совсѣмъ нѣтъ: ибо, въ ту же самую минуту, оборотясь къ нему и замѣтивъ, чѣмъ онъ занимался, она спросила: не снялъ ли клѣшку, чѣмбы его позабавить?

— Какой милый мальчикъ!— прибавила она: который ему годъ?—

« Четыре года ровно; » опвѣчала г-жа *Фиджетъ*.

— Только четыре года!— подхватила мапушка: какъ онъ великъ и силенъ для своихъ лѣтъ! Какой прекрасный мальчикъ!—

« Онъ почто прекрасный ребенокъ, » сказала г-жа *Фиджетъ*. « Но, мой другъ, » прибавила она, оборотясь къ своему сыну: « не дѣлай эшаго; ты пугаешь бѣдную пшичку. »

— О, ничего; не безпокойтесь!— возразила мапушка: онъ не можетъ сдѣлать ей никакого вреда.— Милое дитя! прибавила она, смотря на него ласково. Оставьте его, пусть онъ забавляется.

Въ продолженіе сего времени, обѣ собачки бѣгали кругомъ по комнатамъ и дѣлали осмотръ всѣмъ угламъ и мебелимъ: по прыгали по дивану и спудьямъ съ грязными своими лапами, по обнюживали мои и ма-

пушкины ноги, по производили немилосердый лай при малѣйшемъ звукѣ; къ тому же, мапушка должна была безпрестанно любоваться ихъ необычайными понятіями, въ особенности, когда, *для ея забавы*, заспавляли ихъ принимая всевозможныя положенія и производить пѣлдвиженія самыя необыкновенныя.

Но эти собачьи представленія все еще ничего не значили въ сравненіи съ угрожавшимъ намъ новымъ удовольствіемъ; ибо, какъ только мапушка начала удивляться *милому четырехлѣтнему дитяти*, то сейчасъ сестры его предложили послушать, какъ онъ говоритъ стихи.

Тутъ всѣ начали упрашивать *милаго ребенка* ошаспливить слушающихъ и доставить имъ чрезмѣрное удовольствіе полюбоваться отличными его риторскими дарованіями; но, опъ застычивости ли, опъ упрямства ли, или опъ лѣни, или просто опъ того, что онъ былъ *не въ духѣ*, эпотъ милый ребенокъ не заботился ни мало объ удовлетвореніи просьбъ и моленій всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣ при сестры его попеременно спановились передъ нимъ на колѣни, ласкали и уговаривали упрямого мальчика, между тѣмъ, какъ г-жа *Фиджетъ*, по спрашала, по гладила по головкѣ, по препала по щекѣ, по спрашала опяшь—такъ, что всѣ устали, прежде нежели могли скольконибудь уговорить его. Мать попеременно общала ему, по множеству конфектъ, если онъ только начнетъ; по огромный пукъ розогъ, если не послушается въ ту-жъ минушу. Она, по цѣловала его, и обнимала, говорила ему: «Ну, мой милый другъ, начини же!—Ангель мой, голубчикъ, радость моя, будь человекомъ, скажи намъ свои стихи!»—по вдругъ прясла его изо всей силы, такъ, что голова могла бы слѣпъть съ плечъ, воряча припомъ: «Глухой, безполковый мальчикъ! какъ смѣешь ты такъ упрямиться при людяхъ!»

Наконецъ онъ согласился, когда мапушка, взявъ его за руку и ласково держа подъ подбородокъ, выразила *грезливое свое желаніе* слышать опытъ риторскаго его искусства.

Онъ выступилъ на средину горницы и готовъ былъ начать, какъ вдругъ г-жа *Фиджетъ*, вмѣшавшись весьма кспати, спала учинъ его, какъ, выставивъ немного впередъ правую ногу и вывернувъ носокъ, онъ долженъ былъ подымать и опускать правую руку во время произношенія стиховъ. Между тѣмъ, одна изъ его сестеръ съла возлѣ него, чтобъ подать ему скорую помощь, если-бъ, противъ чаянія всѣхъ, случилось ему сбиться, не смотря на чудесную его память.

Онъ началъ съ *Попе*, но къ несчастію, спупался на четвертомъ стихѣ, и повпоря безпрестанно одно слово, никакъ не могъ продолжать далѣе. И такъ, опложивъ элегію *Попе*, начали попеременно перабирать всѣ извѣстныя ему опрызги, пока, наконецъ, рѣшили, что онъ наиболѣе всего отличался въ *воззваніи короля Леара во время бури*, и что эти стихи онъ говорилъ точно мастерски.

Но и тутъ ребенку нельзя было начать безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ приготовленій. Надо было представить, напримѣръ, хоть нѣкоторое подобіе бури, и потому ему велѣли подождать, а насъ всѣхъ просили принять участіе въ произведеніи сего подражанія грому. Какимъ образомъ мы всѣ загремѣли, я не берусь рассказывать; но только, въ должное время, съ помощію различныхъ звуковъ, какіе только мы могли произвестъ, молодой ораторъ выступилъ впередъ, съ поднятою рукою и уставленными въ потолокъ глазами, и началъ такъ:

«Шумите вѣты, аступись земля!...»

— Не по! не по!—закричала, въ большемъ безпокойствѣ, сидѣвшая возлѣ него сестра. Надо сказать: «Шумите *вѣтры*, разступись земля!—Вопъ какъ, мой милый; что значить слово *вѣты*, или *аступись*? Это со всѣмъ непонятно; прошу располовать, что это такое?»

«Прошу покорно! что это значить?» вскричала г-жа *Фиджетъ*.—«Но,» примолвила она, обращаясь къ мапушкѣ: «я должна предупредить васъ, что онъ еще не можетъ

выговорить букву *р*. Что мы ни делаемъ, онъ, или совсѣмъ её не произноситъ, называя вѣпры *вѣтаны*, или выговариваетъ *р* какъ *с*. — И потому, продолжала она: мы нарочно выбираемъ для него такіе стихи, въ коихъ находится много *зровъ*, чтобъ приучить его хорошенько ихъ выговаривать. — Начни опять, моя душа,» прибавила она, обращаясь къ сыну: «но только помни, чтобъ не пропускать *зровъ*.» — И такъ, онъ началъ снова.

— Шумите вѣпры, васпупись земля!... —

«*Вѣтвы! вступись!*» вскричала г-жа *Фиджетъ*. «Помилуй, на что это похоже? — Начни еще разъ.» — Онъ опять началъ.

— Шумите вѣпры! васпупись земля! гво-зпте... —

«*Гвозите! возможно ли!*» вскричала г-жа *Фиджетъ*: «скажи, *зрозите*.»

— Гвозите,

«Бувные потони, топнипе, душпте,

«Доколѣ сов-вете вѣхушки пѣхъ говдыхъ спвоеній!... —

«Боже мой!» завизжала г-жа *Фиджетъ*: «тошно слушать! Ты бы лучше не начиналъ своихъ стиховъ, чѣмъ говоришь ихъ такимъ образомъ! Ну, кто можетъ тебя понять? Прошу покорно! что за *сов-вете, ствоеній?* Это нестерпимо! — Начни что нибудь другое; на примѣръ, дѣсьнъ *Барда*.» — Онъ началъ.

— Бевегись, недостойный супвугъ!... —

«Какъ это можно?» опять взвела г-жа *Фиджетъ* въ жестокомъ гнѣвѣ. «Ты рѣшился меня мучить, безполковый мальчикъ; — я это тебѣ оплачу! — Брось это, начинай другое; говори одну изъ своихъ басень.» — Онъ опять началъ.

— Далеко отъ людей жилъ паспухъ. —

И продолжалъ говорить нѣсколько минулъ, пока доспигъ десятаго стиха; шупъ сбился, — и ни мать, ни сестры, ниже которая изъ комнатныхъ собачекъ, не могли шепнуть ему продолженія. — «Я бы и могъ,» *подумалъ я про себя*: «если-бъ захотѣлъ; но кто мнѣ велишь помогать такимъ нелѣпостямъ?»

И такъ, видя, что ребенокъ не въ состояніи былъ продолжать, г-жа *Фиджетъ* вспала; по ея примѣру и дочери; и какъ онѣ уже порядочно отдохнули, (ибо всѣ эти хлопоты продолжались болѣе чепырехъ часовъ), то начали сбираться въ обратный путь.

«То-то,» *подумалъ я*: «мапушка будетъ рада отъ нихъ избавиться!» — Ни сколько; — казалось, чѣмъ болѣе онѣ сидѣли, тѣмъ менѣе мапушка могла съ ними разспаться. Она принялась уговаривать ихъ съ чєю опобѣдашь, приводя самыя убѣдительные доводы: увѣряя г-жу *Фиджетъ*, что она еще не довольно отдохнула, — что часы пробили только три, — что бапюшка будетъ въ опчаяніи, не заспавъ ихъ по своемъ возвращеніи, и такъ далѣе. — Но ничто не помогало, они все таки сбирались ипши.

«Такъ-то вы любите мою мапушку, г-жа *Фиджетъ*,» *подумалъ я*: «что не хопите съ нею оспаться, когда она васъ такъ усиленно о томъ проситъ!»

Но ничто не могло оспановить ихъ, ни мапушкины слова, ни мои мысли! — И такъ, онѣ ушли, обѣщая скоро повпорить свое ппгоспное посѣщеніе, а мапушка провожала ихъ до дверей, упрашивая не позабыть споль лестнаго обѣщанія.

Только что они насъ оспавили, бапюшка вошелъ въ комнату: — «Ушли ли они наконецъ?» спросилъ онъ: «я думалъ, что они рѣшились шупъ сидѣть до нашей смерпш. — Да кто это былъ у тебя, мой другъ?»

— О Боже! — отвѣчала мапушка: «неужели ты не догадался? Кто же, кромѣ г-жи *Фиджетъ* и ея причепу? — Сынъ, дочери, собаци, вся семья. —

«Благодарю судьбу мою, что она спасла меня отъ нихъ!» прибавилъ бапюшка.

«Точно,» *подумалъ я про себя*: «мапушка угадала, что бапюшка будетъ въ опчаяніи, не заспавъ ихъ здѣсь, когда возвращпшся!»

— Это ужасно! — присовокупила мапушка. Такъ нагло всѣмъ навязываться!... И я

должна была, одна, занимать всю эту полпу!—За то, пока я разговаривала съ г-жею *Фиджетъ*, ея молодежь и собаки не могли найти лучшаго занятія, какъ пугать мою ппичку и пачкать грязью диваны и стулья. Эта обезьяна, балованный сынъ ея, всегда что нибудь напроказничаетъ. — Я думала, что онъ убьетъ мою бѣдную канарейку!... И помѣшали мнѣ писать къ дочери! Я только что начала, а они и вкапили! Теперь уже почта отошла. Какая досада!... Я не понимаю, какъ г-жа *Фиджетъ* можетъ жить такимъ образомъ; все въ гостяхъ, или въ прогулкахъ! И еще увѣряетъ меня, что я должна принять ея посѣщеніе за особенный знакъ дружбы. Какъ будто я не знаю, что она никогда не сидитъ дома!... Она погубитъ эшаго мальчика!... Я въ жизни не видывала такого неспособнаго ребенка!—

«Бѣдная г-жа *Фиджетъ!*» *подумала я про себя:* «давно ли онъ былъ милый, прекрасный мальчикъ, такое чудо для своихъ лѣтъ!»

Отецъ мой былъ очень хорошо воспитанъ; но, какъ *мущина*, откровенно говорилъ, что думалъ, такъ, что едва мапушка кончила слова свои, бапюшка подхватилъ: «Скучная женщина! еѣ бы надо запереть;—она только и дѣлаетъ, что бродитъ по улицамъ, съ длиннымъ хвостомъ дѣшей и собакъ, которыя пянулись за нею по пятамъ.— Даже и г-жа *Кригмоусъ* совершенно больна отъ ея посѣщеній. Ты знаешь, какъ ея нервы слабы...»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗВѢЗДЪ ВЕНЕРѢ.

О соименница младой,
Возлюбленной подруги Феба,
Какъ ты красуешься средь неба,
На тверди сине-голубой!
Краса зари, краса полночи,
Ошнынъ ты любезна мнѣ,
Какъ ты плѣнительныя очи,
Которыя порой въ тебѣ
Глядѣлись съ шайною мечтою,
Полны любовью и тоскою!
О, памятно на вѣки мнѣ,
Когда—прелестная, младая,
Восторженна какъ дѣва рая,

Среди пировъ—наединѣ,
Она тобою любовалась;
Съ побой, блаженная звѣзда,
Завѣтнымъ думамъ предавалась,
Съ побой грустила.—Никогда,
Нѣтъ, никогда въ помнени спрасши,
Я не пылалъ такимъ огнемъ!
Когда-бъ въ моей то было власти,
Иль волшебствомъ, иль чуднымъ сномъ,
Перенесись въ тебя, свѣжило!
Я разгадаю бы дивный взглядъ,
И то, что сердцу милой мило;
Въ душѣ моей—и рай и адъ.
Я испыталъ бы въ мукѣ спрасшиной;
Я весь бы излился въ лучахъ
На взоръ привѣпливый, прекрасной,
И въ полныхъ влагою очахъ
Я упонумъ бы, сладоспрасшиный!

Но разлепаюся какъ сонъ
Мечпы прелестнѣйшей порывы;
Твой лучъ съ ней вспрѣпшится щаспливый,
А я тоскою испомленъ,
Разъ очарованъ—изнываю,
Далеко брошенный судьбой,
О ней въ унынии вспоминаю,
И лишь люблюся побой.
Придушь ли, сбудуся-ль мечпанья?
Уже-ль мнѣ жребій роковой,
Напрасны-ль сердца упованья?
Вошще ли на яву и въ снахъ,—
Въ шуму пировъ, въ раздумьи, въ горѣ,
Вездѣ одна въ моихъ мечтахъ?—
Засну-ль—и вижу: небо; море,
И легкій чѣлнъ на парусахъ;
И вошъ, склонившись надъ водою,
Полна очарованья, думъ,
Играетъ рѣзвою волною,
Или подъ ладный весель шумъ
Ведетъ рассказъ восторга полный;
Очами полными огня
Случайно смопритъ на меня;—
А я,—во мнѣ какъ бурны волны
Бушуешь кровь, душа горитъ,
И въ сердцѣ пламенномъ кипишь.
Звѣзда души, очей опрада!
У неба-ль, у земли-ль награда?
Какъ спрасши слѣпую уполишь!
Какъ знашь себя—и не любишь!

А.....

2 Октября 1833.
На берегу Чернаго моря.

L O G O G R I P H E.

De tous les arts qui charment notre vie,
 Je suis, avec sept pieds, l'art le plus enchanteur.
 Rayon pur et divin d'un sublime génie,
 J'exprime la mélancolie,
 L'effroi, l'amour, la joie ou la douleur.
 Sur quatre pieds, lecteur,
 Je domine au Parnasse,
 J'inspire de la verve à plus d'un nourrisson;
 Mais de mes soeurs, de moi, quoique l'on fasse,
 On n'obtient qu'une part de réputation.
 Sur quatre encor, chez la femme élégante,
 Je suis toujours soignée, et même très-brillante.
 Avec trois pieds, je figure un pronom;
 Avec deux, une note, une conjonction.
 Mais trop long est ce commentaire;
 Le lecteur, aisément, va percer tout mystère.

О М О Н И М Ъ.

Вы въ азбукѣ меня найдете;
 Когда-жъ меня произнесёте:
 То и себя вы назовёте.

Ш.

Въ № 99, помѣщенный логогрифъ значить: *Шпицъ*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: Торквато Тассо, соч. г. *Неизвѣстнаго*, и драматической фантазіи того же названія, соч. г. *Н. К.*

(Окончаніе.)

Въ фантазіи много частныхъ достоинствъ, полноны мысли, прекрасныхъ и возвышенныхъ, и нѣсколько опдѣльныхъ картинъ, показывающихъ высокій талантъ сочинителя. Это мы напередъ сказали, чтобы замѣчанія наши о прагедіи, какъ театральнѣйшей пьесѣ, не были располкованы въ худую сторону. Мы радуемся поэтическому рожденію г. *К.*, какъ радуемся г. *Неизвѣстному*. Произведеніе перваго представляетъ другія

существа, случаи, вовсе иной Свѣтъ, чѣмъ драма послѣдняго. *Лукреція*, сестра герцога Феррарскаго, влюбленная вѣщественно въ платоническаго *Тасса*, наговорила своему брату на новаго *Иосифа прекраснаго*, что онъ разстроилъ её съ мужемъ, герцогомъ *Урбино*, и *Альфонсъ* изгналъ, возненавидѣлъ бѣднаго пѣвца; бользни заставляють *Лукрецію* раскаяться, оправдать спрадальца; муки раскаянія прекращають жизнь ея, и *Тассо*, помирившійся съ герцогомъ, отправляется въ *Римъ*, гдѣ получаетъ вѣнецъ и умираеть. Сочинитель фантазіи именно фантазировалъ, не пощадилъ ни исторіи, ни сдѣлавшихся историческими поэтическихъ преданій о пѣвцѣ *Иерусалима*, даже не придерживался въ вымыслахъ вѣроятія. Они вовсе не основаны на ходѣ жипейскаго міра, кажущагося одною мечпою, и чинапель присамыхъ возвышенныхъ мѣстахъ съ неудовольствиемъ повторяеть: не такъ было, не такъ должно было быть! Опступленіе опъ исторіи могло бы быть достоинствомъ, если бы сочинитель вымыслилъ, вмѣсто бѣдной дѣйствительной исторіи, болѣе разнообразную, прекраснѣйшую, а не дымную мечпу, созданную въ припадкахъ лиризма.

Быть можетъ въ г. сочинитель всему виновно было чувствованіе высокости своего таланта. Молодой поэтъ не останавливалъ себя тамъ, гдѣ надобно, силясь быть непрерывно новымъ, необыкновеннымъ, и часто пѣтъ болѣе вредилъ драмѣ, чѣмъ болѣе выказывалъ талантъ свой. Направленіе красота къ одному необыкновенному, произвело однообразіе: повсюду страшная дикость, распянутыя *Шекспировскія* картины земнаго ада, кои *Стратфордскій* дикарь никогда не длилъ, помѣщая ихъ между картинами общежитія. *Тасса* бросаетъ и на родину, и въ полну нищихъ, и ко двору Феррарскаго герцога, и въ домъ сумасшедшихъ, и на площадь *Рима*. Казалось бы, что опъ такихъ различныхъ сценъ положеніе пѣвца *Иерусалима* должно перемежаться. Напротивъ, опъ начала до конца драмы онъ подвергается жесточайшимъ ударами судьбы. Съ нимъ и во дворцѣ *Альфонса*, и на роди-

нѣ поступають не лучше, какъ въ больницѣ св. *Анны*: вездѣ онѣ сумасшедшій, презираемый *Тассо*! Это не жизнь семействъ человеческихъ, не наша жизнь, въ которой радостей столько же, сколько печалей: это созданіе одинокаго ума, незнающаго жизни.

Впрочемъ, слишкомъ бѣдственное положеніе главнаго дѣйствующаго лица дало бы драмѣ только физиогномію преувеличенныхъ классическихъ трагедій. Пьеса могла бы имѣть свое достоинство, если бы характеръ спрадальца возбуждалъ къ себѣ уваженіе. Конечно, въ драмѣ *Неизвѣстнаго*, который столько пощадилъ великаго мужа, характеръ *Тасса* прекрасенъ; но нельзя претоваться онѣ поэтовъ одного и того же, опираясь у нихъ либературное самоволье, источникъ изящныхъ вымысловъ. Изображеніе безумнаго *Тасса*, сверхъ разительности для театральнаго сцены, и при чтеніи возродило бы рой смутныхъ, пріятныхъ думъ. Это доказывается многими театральными пьесами, въ коихъ на сцену выводятся безумные, нѣсколькими мѣстами самой фантазіи, гдѣ *Тассо* обнаруживаетъ дѣйствительное сумасшествіе. Оно не унижительно и въ существенности мы позволяемъ себѣ насмѣшки надъ глупостью ума, характера, но никогда надъ безуміемъ. Сумасшедшіе даже смѣшною своею спороною растворяютъ нашу улыбку рѣжущимъ чувствомъ жалости. Безумный *Тассо* казался бы пѣвѣмъ прогавельныѣ, что это его несчастіе подтверждается преданіями. Образованные зрители даже скорѣе бы забылись въ вѣрованіи, что передъ ними *Тассо*, видя его сумасшедшимъ: ибо одного безъ другаго они почти не вспоминаютъ, и заплатили бы таланту сочинителя богашую дань слезами и рукоплесканіями. Но пѣвецъ *Иерусалима* въ немногихъ, очень немногихъ мѣстахъ представленъ испинно безумнымъ (*).

Характеръ *Тасса* въ фантазіи есть воспорженный поэтъ, забывшій земной міръ для идеальнаго, живущій, питающійся только поэзіей. Изображая такимъ образомъ

великаго мужа, значить не знаешь людей. Въ человекѣ все перевѣшиваетъ человекъ: будь онѣ великій полководецъ, министръ, поэтъ, будь онѣ сколько угодно спрашенъ къ благородному своему занятію; но его, повѣрте, много занимаетъ житейскій міръ, судьба отца или матери, любовь или нелюбовь женщины, дѣти, знакомства. Если онѣ не уродъ, не опущеніе онѣ своего рода, то домашній разговоръ его даже чаще склоняется къ погодѣ, урожаю или неурожаю хлѣба, къ мыслямъ семейнымъ, чѣмъ къ мыслямъ исключительнаго своего занятія. *Люди все люди*. Посмотрите на *Байрона*, на этого поэта, въ которомъ мысль къ высокому владѣтельствувала, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ *Тассѣ*: а сколько думъ ему сполли жена, ссоры съ сосѣдами, родина, продажа милаго ему *Нью-Ститскаго* помѣстья и древніе его предки, за копорыхъ онѣ гонимъ былъ сполить и шпагой и кулаками? Таковъ въ самомъ дѣлѣ каждый мужъ, славный за горами! Создавая характеръ великаго писателя, надобно смотрѣть въ сердце наше, какъ при обрисовкѣ характера неписателя. Драма есть копия не съ сочиненій взятаго за предметъ ея поэта, а съ жизни. Сверхъ того разговоръ *Тасса* есть постоянный либературный анахронизмъ. Онѣ толкуетъ о ненависти къ людямъ, о чернотѣ дѣйствительнаго міра, обнимаетъ весь міръ (*). . . . Однимъ словомъ, *Тассо* г-на *К.* есть г. *К.*, или другой образованный молодой человекъ, напипанный мыслями знаменитыхъ поэтовъ новой романтической школы, поэтъ не XVI, а нашего вѣка. Онѣ этого прекраснѣйшаго мысли сочинителя, свѣжія романтическія подобія (**), кажутся малоцѣнны. Если даже

(*) «Весь міръ въ моихъ объятіяхъ объемлю.» (стр. 173). Радуйте всегда прекрасно, и наши поэты очень хорошо сдѣлали, что поправили забывчивость праотцевъ своихъ, обняли и солнце, и звѣзды, и міръ, и всѣхъ людей; но не время ли переспать, чпобы не наскучить, если не намъ чипашемъ, по солнцу, звѣздамъ и проч. Кроме того, вѣрно изъ нашихъ писателей уже не оспалось ни одного, который бы ихъ не обнималъ: обнялъ разъ—и довольно.

(**) Стр. 18, стихи 23 и 24; стр. 26, ст. 3, 9 и 10; стр. 46, ст. 2 и 3; стр. 72, ст. 21; стр. 85, ст. 7 и 8;

(*) Стр. 22 и 23, 25 и 26, 74—77, 141 и 142.

согласилъся, что поэзія *Петрарка*, *Данте*, *Тасса* была уже не классическая: по и въ пакомъ случаѣ, романпическая поэзія рыцарскихъ временъ разнипся опъшой, развѣ однимъ Христіанизмомъ, но совершенно отлична опъ современнаго намъ романпизма. Не думаю, чтообы въ *Освобожденномъ Іерусалимѣ* было меньше прекраснаго, чѣмъ въ новыхъ поэмахъ, и для созданія драматическаго *Тасса* слѣдовало сочинителю написать его мыслями, а конечно не мыслями поэмъ нашего времени.

Такой характеръ *Тасса* приводитъ его въ положенія самыя неприличныя великому мужу. Онъ не въ состояніи говорить ни о чемъ житейскомъ, семинарспвуетъ о поэзіи, славѣ, мірѣ... и съ сеспрою, и съ придворными, и съ нянею, и съ сумасшедшими, и съ Римскою чернью! Слушая эпощъ важный разговоръ, другія дѣйствующія лица въ трагедіи напрасно называютъ *Тасса* сумасшедшимъ: напрошивъ, онъ челоѣкъ высокаго таланта. Въ глазахъ простыхъ людей пѣмъ больше онъ долженъ былъ казаться мудрымъ, чѣмъ меньше былъ понятенъ; а умные, подслушавъ его бесѣду съ нянею, съ чернью, назвали бы его просто на просто—неучемъ, который не знаетъ, съ кѣмъ и какъ говорить! Римская чернь лучше поняла его и хотѣла сбросить съ крыльца эпаго на глаго челоѣка, который безсовѣстно смѣлся надъ простыми гражданами, въ своемъ кругу почтенными! Они только потому заслужили презрѣніе *Тасса*, что не понимали его оды къ Пантеону (*). Будь *Тассо* сумасшедшій, онъ въ черномъ народѣ нашель бы живое, радужное состраданіе: сумасшествіе еспъ нещастіе, а не порокъ. *Тасса* унижаетъ мелкость характера, педантизмъ, который спановится пѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ возвышеннѣйшими одѣмъ выраженіями.

Сестры герцога Феррарскаго не менѣ *Тасса* идеальны. *Лукреція* представлена съ чувспвоаніями, неприличными благородной

женщинѣ, а *Ленора*—съ спраспю, слишкомъ непорочною. Женщины пачинспвеннѣе въ наслажденіяхъ, чѣмъ *Лукреція*, и не пачъ непорочны, какъ *Ленора*: онѣ занимаютъ именно пу середину, съ различными оппѣнками, которую и здѣсь сочинитель не схватилъ съ природы. Г. К. писалъ не мистерию, какія писывались въ средніе вѣки, и конечно не разумѣлъ подѣ *Лукреціей* злаго духа, а подѣ *Ленорой* ангела, данныхъ челоѣку. Эпо же незнаніе челоѣка опразилось и въ изображеніи раздѣльной любви *Тасса* къ двумъ женщинамъ. Единственная любовь, невозможность любить въ одно время два существа—не еспъ мечта романа; а влюбленность во многихъ, еспъ волокипство, черпа безхарактерной молодости, неприличная *Тассу*, какъ и его педантизмъ. Другія дѣйствующія лица, особенно одинъ нищій, неуступающій въ высокопарности *Тассу*, поставлены паче на ходули, суть герои классическихъ трагедій, съ одною разностию, что пачъ выводили на театры мы полководцевъ и вельможъ, а здѣсь спихопворца, нищихъ и черный народъ! Романпики пребуютъ опъ драмы еще болѣе простопы и еспественности, чѣмъ пребывали классики: эпо главное, существениѣйшее оппичіе новой трагедіи. Если романпизмъ узаконилъ, чтообы во всемъ была народность, чтообы Русскій былъ Русскимъ, Испанецъ Испанцемъ: по конечно нищіе должны быть нищими, придворные придворными, и особенно челоѣкъ челоѣкомъ.

Сочинителю слѣдовало представить не символическихъ, а земляныхъ людей, и потому, что онъ свою трагедію голповилъ для театра (*), гдѣ возвышенныя оппвеченности, прекрасные монологи о поэзіи, нравспвенности и безнравспвенности не извлекутъ ни слезъ, ни соучастія. Слушая пачіе возгласы, постѣпшители райка, бросающіе высшіе взгляды на пьесу, ничего не поймутъ, а другая половина зрителей преспокійно уснетъ. Люди, не опъ злости, но опъ желанія дѣлать радость и горе другихъ, хо-

стр. 115, ст. 3 и 4; стр. 118, ст. 3 и 4; стр. 159, ст. 14 и 23, и проч.

(*) Стр. 150.

(*) Въ предисловіи примѣчаніе 4-е.

пятъ видѣть, что и другіе, и великіе міра спрадали также, какъ они спрадаютъ, что бы опирая слезы, упѣшительно сказать: не мы одни несчастливы! Возродитъ въ зрителяхъ мысль о *Тиссъ*: и онъ человекъ! несравненно пріятнѣе для нихъ, пруднѣе для сочинителя, чѣмъ возродитъ мысль: и онъ поэтъ! Кого пронесъ послѣднее, кого увидитъ, что *Тассо* поэтъ? Зрители въ театръ восхищаются не рѣдкими ощущеніями и мыслями, но пѣми, кои ихъ самихъ волнуютъ. Мы люди обыкновенные, не можемъ выразитъ всего, что чувствуемъ; но когда дѣйствующія на сценѣ лица скажутъ намъ въ насъ же павшіяся горести и радости, тогда мы хватаемся за нихъ, будто за находку, и собственное богатство бережемъ въ душѣ своей, какъ золото души сочинителя. Однимъ словомъ, драматика должны и въ царѣ, и въ полководцѣ, и въ поэтѣ выражать болѣе пѣ чувства, кои беспокоятъ или услаждаютъ всѣхъ зрителей, чувства, рождаемыя общежитіемъ, а не званіями.

Эстетическія несообразности фантазіи особенно выказываются въ ея лирическихъ мѣстахъ, въ коихъ дѣйствіе оспанавливается за словоохотностію дѣйствующихъ лицъ. Тамъ же (въ III, IV и въ концѣ V дѣйствія), гдѣ сочинитель излагаетъ дѣйствіе, собственно драму, онъ, не смотря на усиліе представлять только необыкновенное, не смотря и здѣсь на незнаніе міра дѣйствительнаго, производитъ на чипателя сильное, прагическое впечатлѣніе. Убіиство *Джюлія Гаскано* (не того Феррарца, который по исторіи разнесъ слухъ о любви *Тассо*, но вымышленнаго, не виновнаго передъ нимъ *Гаскано*), совершенное въ безумствѣ *Тассомъ*, дико оппѣняется шумомъ дворцовыхъ залъ. Здѣсь превосходны переходъ *Горквата* отъ горести къ опчаянію и потомъ къ безумію, когда его всѣ опвергли, даже *Ленора*, — и положеніе его надъ убитымъ *Джюліо*! *Тассо* съ нищими есть также прогательная сцена, особенно когда онъ входитъ съ ними на крыльцо дома *Константины*, когда проситъ у епаго вельможи милоспыню.

«Прошу васъ, доблестный вельможа,
Дать... эпитъ... нищитъ... подамъ...»

(*Константина даетъ ему деньги, но онъ въ ужасѣ отбрасываетъ ихъ.*)

... Не мнѣ... вопъ эпитъ... нищитъ!»

Это истинно высокое мѣсто, высокое выраженіе, которое можетъ быть сравнено съ таковыми же выраженіями славнѣйшихъ прагиковъ, опличаясь отъ всѣхъ другихъ красотъ въ драмѣ теплою чувствва, съ коимъ написано!

Безумные въ больницѣ св. *Анны* составляютъ оригинальное, вызывающее печаль зрѣлище. Только *Тассо* разрушаетъ очарованіе; онъ, по привычкѣ, паритъ разсужденіями, и не будучи безумецъ, очень жалокъ, но въ другомъ смыслѣ. Быть можетъ, представление на сценѣ больныхъ, въ халатахъ и колпакахъ, возбудитъ болѣе опвращенія, чѣмъ состраданія къ несчастію; при чтеніи же, это ни сколько не вредитъ эстетическому наслажденію.—Разумѣется, г. К. не пропустилъ *Тассова* духа: это какъ-бы по характеру сочинителя, и у него вышла новая прекрасная сцена, копорой, къ сожалѣнію, нѣтъ въ драмѣ г. *Неизвѣстнаго*. Въ самомъ дѣлѣ, для чего не воспользоваться можетъ бытъ единственнмъ вѣроянмъ случаемъ подражать *Шекспиру*, вывести на сцену духа? Этого духъ, копорого мы всѣ знаемъ, въ драмѣ *Тассо*, есть лицо историческое! Наконецъ, г. К. лучше г. *Неизвѣстнаго* воспользовался величіемъ смерти пѣвца *Иерусалима*. — Послѣднюю половину V дѣйствія фантазіи можно назвать образцовымъ произведеніемъ. Здѣсь уже приличны *Тассу* и лиризмъ, и октавы, и пророческій голосъ (*). Воспоргъ добродѣтельнаго, великаго пѣвца кажется естественнымъ, будучи подкрѣпляемъ общимъ повѣремъ, что предъ умирающими поднимается засьа будущаго. Рѣчи жильца уже не нашего міра торжественны, священны! Это *Софокловъ* умирающій *Эдипъ*, это истинно божественный *Тассо*!

(*). Только не о Россіи и Германіи, о копорыхъ и передъ смертью *Тассу* вѣрно также не мечталось, какъ *Гёте* и *Державину* о мыслѣ *Доброй Надежды*.

Но достоинство г. К. ни въ чемъ споль дучезарно не проявляется, какъ въ мысляхъ, кои ми роскошно исполнена фантазія. Правда, между ними встрѣчаются мысли ложныя (1), напыщенныя (2), одѣтыя Сумароковскими выраженіями (3), или такія, кои опъ неумѣспности кажутся смѣшными, тогда какъ сочинитель не думалъ смѣшныи (4). Но вообще въ фантазіи много мыслей истинно прекрасныхъ (5), собственныхъ или заимствованныхъ (6), но во всякомъ случаѣ, чпобы изливашъ мысли съ такимъ обиліемъ, надобно имѣть самоспопятельную, высокую душу. Поэтъ нашъ, выславляющій преребование на самобытную мыслительность, спарающійся отграничаться опъ многлюдства обыкновенныхъ писателей, бытъ колоссомъ въ либературѣ, по мѣстамъ оправдываетъ, что душа его точно паишь въ себѣ высокія способности. Опъ накопилъ много богатства въ душѣ: сполько не утерпѣлъ, чпобы не вылишь всего разомъ, думалъ удивить—и большая часть его богатства пошла на вѣтеръ. Замѣчая натяжки сочинителя, читатель не раздѣляетъ его восторговъ, и встрѣчая красоту тамъ, гдѣ она не у мѣста, опвергаетъ её, какъ безобразіе. Мысли г. К. суть тѣ, кои должно назвашъ мыслями вѣка, а не взя-

(1) Стр. 9, стп. 10—15; стр. 26, стп. 2; стр. 43, стп. 3; стр. 48, стп. 12—14; стр. 85, стп. 17—18; стр. 95, стп. 5—10; стр. 141, стп. 12 и 13 (И дѣйствующія лица не должны говорить лжи и вѣдора, если они представлены не лжецами и не безнравственными людьми); стр. 151, стп. 4—7.

(2) Стр. 21, стп. 12; стр. 58, стп. 5—7; стр. 87, стп. 12 и 13, 18 и 19 и проч.

(3) Стр. 73, стп. 1—14; стр. 134, стп. 5—14; стр. 150, стп. 7, 9 и 10.

(4) Стр. 3, стп. 2 и 3; стр. 8, стп. 8 и 9; стр. 52, стп. 7 и 8; стр. 56, стп. 6—8; стр. 90, стп. 11; стр. 135, стп. 3 и 4; стр. 154, стп. 2 и 3, и проч.

(5) Стр. 7, стп. 19 и 20; стр. 8, стп. 13—19; стр. 11, стп. 12 и 13; стр. 13, стп. 4; стр. 26, стп. 10; стр. 32, стп. 7 и 8; стр. 53, стп. 18 и 19; стр. 69, стп. 9—13; стр. 96, стп. 17; стр. 123, стп. 22—27; стр. 126, стп. 2—4; стр. 140, стп. 10—21; стр. 143, стп. 3—13, и проч. и проч.

(6) Вообще мысли модныя новыхъ поэтовъ, давно выраженыя другими досужими Русскими стихотворцами.

тыми изъ сердца, и потому могутъ нравиться, имѣть разительное дѣйствіе сполько на своемъ мѣстѣ. Мысли даже Байрона потерляютъ цѣну, если ими спанетъ изъясняться не по лицу, не по го времени, копорое взято споеправнымъ Британцемъ; напропивъ, мысли Шекспира, хотя бы были совершенно неумѣспны, невременны, произнесены какимъ нибудъ шупомъ, гробокопашелемъ, всегда раздерупъ сердце на части и въ устахъ мудреца и въ устахъ невѣжды: ибо опъ супъ мысли сердца, копорое равно есть и у мудреца, и у невѣжды, и одинаково во все вѣки. Мысли вѣка споставляютъ область поэмы, а прагедія поржествуетъ мыслями сердца.

Стихи г. К. заключаютъ въ себѣ несомнѣнную поэзію, хотя въ нихъ не скрыты пруды сочинителя. Часто возвышенная мысль не легко помѣщается въ слогъ, оставляя на немъ бугры своего зачатія; иногда стихи не такъ обширно, не свѣкло опливаютъ мысль, уменьшая ея полнопу и привлекательность. Опъ еще не находитъ по го выраженія, копорое всехъ приличіе для мысли; не обрѣзываетъ её, какъ бритвою, по-Державински, по-Пушкински. Его стихи подходятъ къ тѣмъ, какими у насъ пишутъ поэты, оставшіеся опъ прежняго поколѣнія, заслуживающіе полное уваженіе за глубокія, поэпическія мысли, но не переняшіе у новаго поколѣнія легкости стихотворнаго слога. Неправильныя ударенія (*), слова для наполненія стиха (**), и п. д. не рѣдко прерываютъ наслажденіе читателя. Опните бездну мыслей опъ этихъ стиховъ, и вы не спанете перечислявать и перечислявать ихъ: въ нихъ нѣтъ той сладости, за копору ю мы, не уча, выучиваемъ стихи. Впрочемъ, достоинство многихъ стиховъ умалывается и опъ по го, что они не на мѣстѣ; опдѣленные опъ драмы, они спостави-

(*) Стр. 8, стп. 11 (радъ меня. И выраженіе не поэпическое); стр. 12, стп. 7 (герцогу); стр. 96, стп. 1 (холодецъ); стр. 105, стп. 7 и 13 (знаменьемъ, босыми); стр. 139, стп. 2 (дивно), и проч.

(**) Стр. 43, стп. 7 (всехъ); стр. 74, стп. 14 (всю); стр. 157, стп. 3 и 4 (весь; нашъ), и проч.

ли бы прекрасныя мелкія лирическія стихотворенія (*): ибо дѣйствительно фантазія г. К. есть ничто иное какъ неискусно связанный сборъ всего, что накопилось въ душѣ сочинителя. Эта драма такова, какова была бы драма, если бы А. С. Пушкинъ къ своимъ *Цыганамъ* прибавилъ все прекрасное, что сказано имъ въ мелкхъ стихотвореніяхъ: и въ *Андрей Шенья*, и къ морю, и въ *Зимья*, и въ *Весня*, — вложилъ бы все это въ уста *Нерона*, *Агриппины*, *Поппеи*, *Сенеки*, нищихъ, вельможъ, сумасшедшихъ того времени, и назвалъ бы свою книгу трагедіей: *Сенека!*

Вообще о нашихъ новыхъ прагматическихъ поэтахъ должно сказать, что г. *Неизвестный* есть преимущественно поэтъ слога, а г. К. преимущественно поэтъ мысли. Нельзя пвердо надѣяться, что со временемъ первый будетъ обильнѣе въ мысляхъ, и послѣдній пріятнѣе въ слогѣ. Опыты предательски шепчуть, что кто въ первый разъ не издалъ сочиненія изящнаго слогомъ, того слогъ не будетъ изящнымъ; чье первое сочиненіе не обильно мыслями, оное того не разрознится онѣ ни въ лѣта мужества, ни подъ старость. Способности души нашей конечно растутъ, но только сильнѣйшія, а не тѣ, которыхъ почти нѣтъ въ насъ, и растутъ онѣ, какъ пѣло, до 20, до 25 лѣтъ. Первые печатные опыты сочинителя суть уже плоды зрѣлыхъ, развернувшихся дарованій. Исключенія изъ этаго рѣдки. Писатели въ лѣта мужества могутъ возмужать ученостію, опытами, а не умомъ и вкусомъ, кои суть цвѣтъ, а не плоды нашей жизни. Оне г. К. можно ожидать, что онъ устроитъ свои мысли и онѣ поднимутъ сочинителя на степенъ высокаго мыслителя, а оне г. *Неизвестнаго*, что онъ еще болѣе плѣнитъ насъ сладостію слога, изяществомъ вкуса и вѣрнѣе доидетъ до сердца читателей. Мы не споль охотно упиваемся наслажденіями ума, какъ наслажденіями вкуса, по крайней мѣрѣ въ области литературы. Вѣнецъ же первокласнаго поэта полу-

чаетъ поетъ, кто чаруетъ насъ и пѣмъ и другимъ нераздѣльно. Впрочемъ, я первый желаю, чтобы мое пророчество о судьбѣ молодыхъ пѣвцовъ оказалось ложнымъ, и чтобы наши Новики оба достигли степеней первокласныхъ поэтовъ.

По изданнымъ же сочиненіямъ гг. К. и *Неизвестнаго* рѣшительно нельзя сравнивать, нельзя сказать, кто изъ нихъ ниже, или выше другаго: они равовали, оплывались, падали оба, но на поляхъ разныхъ частей Свѣта. Талантъ перваго есть рѣдкое явленіе въ умственномъ мірѣ: только у него воображеніе еще впереди ума; онъ не ясно понимаетъ литературное поприще. Талантъ г. *Неизвестнаго* скромнѣе, не показалъ ни одного обыкновеннаго проблеска: за то уже довольно устроены разумомъ.—Топъ хотѣлъ быть постоянно высокимъ (sublime) и богато надѣленъ средствами къ тому оне природы: но его высокое теряется въ нестройности общаго сложенія и жесткости слога. Этаго плѣнительность выходитъ изъ предѣловъ обыкновеннаго до оригинально-прекраснаго (superbe); онъ пверже спалъ на землѣ своей.—Г. К. не по издалъ, что слѣдовало, образовалъ жизнь человеческую, будто живя въ безлюдствѣ, и Богъ знаетъ чѣмъ будетъ: драматикомъ, элегистомъ, или эпикомъ... только онъ будетъ высокимъ мыслителемъ-создателемъ. Г. *Неизвестный* стройнымъ сложеніемъ нѣсколькихъ дѣйствій, гдѣ жизнь людей отразилась какъ въ стеклѣ тихаго озера, созданіемъ характера *Тасса* съ такою прекрасною мыслию, художническою опдѣлкою милаго слога, далъ намъ почти оконченное произведеніе, не геніальную, но во всѣхъ частяхъ совершенную, однакоже драму, и опредѣлили свое назначеніе.—Оне не выводилъ насъ за грань нѣжнаго чувствва, но у него нигдѣ нѣтъ и безобразія; напротивъ, въ фантазіи столько недоспапковъ, что она щедро дастъ матеріалы для злѣйшей критики (*). Надобно желать, чтобы гг.

(*) Ихъ можно бы назвать: *Любовь*, стр. 113—118; *Изображеніе коварной женщины*, стр. 117—118; *Гискано надъ логилою сына*, стр. 86, ст. 5—18; *Тассо передъ Палатинами*, стр. 149, и проч. и проч.

(*) Въ одномъ журналѣ, подъ названіемъ Разборъ трагедій г. К.; былъ напечатанъ хвалебный дневрабъ, дневрабъ, миспически-пуманный и Шиллингерско-Германическій.

журналисты пощадили эпюпъ палантъ, которъй произвелъ много и прекраснаго. Если они спанутъ смопрѣтъ только на красопы, или только на недоспашки фанпазій, то она сдѣлается причиною спрашнхъ раздоровъ, предметомъ войны чернилопролипной! Оба наши поѣта заслуживаютъ полное извиненіе, какъ новики, и полное вниманіе: они сіяютъ высоко на небѣ нашей словесности, одинъ словно горящая комета, другой словно ясная звѣздочка.

Пн.

М О Д Е С.

Le ruban *Luxor*, de Mlle Latour, est une figure bizarre, rappelant les hiéroglyphes; il a un caractère d'originalité et beaucoup d'effet, mais nous nous arrêterons moins sur cette nouveauté de fantaisie que sur ses rubans pompadours. Sur fond vert, rose, lilas, une dentelle noire dans toute la largeur. Les plus élégant, frais et gracieux, est celui glacé bleu et blanc, à dessins brochés de fleurs roses. Il est impossible de décrire l'effet que produit l'alliance de ces deux nuances opposées. Le nom *Pompadour* lui convient merveilleusement; ce ruban est tout entier de l'autre siècle, somptueux et délicat.

On met beaucoup de nœuds de manches dans les robes habillées, des nœuds d'épaules aux ceintures croisées; tous ces rubans en satin.

Pour le soir, au spectacle, sans toilette, ou en négligé de visites, il est joli avec une robe de soie de mettre un pierrot de blonde blanche. La ruche du tour de cou est en tulle, un rang ou deux, étagés, retombent et froncent légèrement.

Ce même genre se fait en dentelle, avec une ruche en tulle de fil; quelques personnes en portent aussi le matin avec une ruche de tulle à petites mouches, et la garniture en mousseline de l'Inde brodée et festonnée.

Pour mettre dans une redingote croisée, en négligé du matin, on fait de longs cols, très-bas, en mousseline brodée, garnis d'une dentelle haute de trois doigts. Ces cols suivent le corsage en rabattant tout autour et croisant sur la poitrine.

— Une jolie disposition de tapis longs pour devant de cheminée ou descente de lit, est une division en

trois parties égales, de trois couleurs différentes, sur chacune desquelles se détache une grande palme cachemire, tout autour une petite bordure cachemire.

Pl. No 36. Habits d'enfans.

М О Д Ы.

Ленпа *Luxor*, г-жи *Latour*, спрапанная фигура, напоминающая іероглифы; она имѣетъ оригинальный видъ и весьма красива, но мы менѣе распространимся объ эпюй прихотливой новостп, нежели о ленпахъ *Pompadour*. По зелѣному, розовому, лиловому грунпу, чѣрное кружево во всю ширину. Самыя красивыя и щеголеватыя, двуличневыя голубыя съ бѣлымъ, съ зашканными узорами изъ розовыхъ цвѣтовъ. Невозможно описать вида, какой производитъ соединеніе сихъ двухъ пропивуположныхъ цвѣтовъ. Названіе *Pompadour* имѣ чудесно прилично; ленпы сіи совершенно принадлежатъ тому вѣку, пышны и нѣжны.

Въ большомъ употребленіи банпы у рукавовъ къ наряднымъ плащамъ, банпы на плечахъ съ крестообразными поясами; всѣ эпю ленпы апласныя.

Для вечера, въ спектакль, безъ наряда, или запросно съ визитами, красиво надѣвать съ шелковымъ плащемъ бѣлую блондовую кофточку. Рюшь около шеи изъ шюля; одинъ рядъ или два, одинъ пошире, лежатъ слегка собранные.

Въ шакомъ же родѣ дѣлаютъ изъ кружевовъ съ рюшемъ изъ нипянаго шюля; нѣкоторыя носятъ упрямъ съ рюшемъ изъ шюля съ мелкими мушками, а оборка изъ Индѣйской кисеи, вышитая и выметанная городками.

Къ капотамъ съ косыми полами, для упреняго неглиже, дѣлаютъ длинныя, весьма узкія воронники, вышитыя кисейные, обшитыя кружевомъ въ при пальца ширины. Эпю воронники слѣдуютъ за лифомъ, опкинупы вокругъ и перекрещены на груди.

— Красивое расположеніе для продолговатыхъ ковровъ передъ каминомъ или у кровати; они раздѣлены на при равныя часпи, прехъ разныхъ цвѣтовъ, на каждой отдѣляется большая Турецкая пальма, вокругъ узенькая Турецкая каѣмка.

Карп. No 36. Дѣтскія плащя.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 102.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 23 ДНЯ 1833 ГОДА.

Не вовсе же радости время возьмешь!
Пусть младость увянешь; но сердце цвѣтеть,
И сладко мнѣ помнишь, какъ пѣлъ соловей,
И розы и рощу у быспрыгъхъ ключей.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. НЕДОСТУПНЫЙ.

Старикки-опцы наши горько жаловались на швейцара покойнаго N. N. и еще горьче вопіяли противъ корысплюбія швейцара другаго вельможи; но брюзгливые эпи спаричишки не совсѣмъ были правы: у нихъ нервная система нектапи была раздражительно. Правда, что швейцаръ г. N. N. сдѣлалъ таксу—и не бралъ менѣе 10-ти рублей за допущеніе къ своему барину: но *та не бѣда, которая на деньги пошла*; говаривали пѣже спарикки. Правда и то, что у швейцара его превосходительства Г. дверь кабинета его господина опширалась золотымъ ключемъ, но всё таки въ случаѣ необходимости, въ случаѣ, неперпящемъ опсрочки, я могъ бытъ увѣренъ, что заплапя извѣстную сумму, буду допущенъ къ вельможѣ, могу объяснить ему свое дѣло—и спасти свою честь, свое имѣніе. Притомъ же, надлежитъ взять въ уваженіе и то, что сіи государственныя люди были обременены важными дѣлами и, по свойству самыхъ ихъ должностей, не могутъ для всякаго бросать

свои занятія, ко всякому выбѣгашъ въ переднюю и всякую минупу всякому бытъ видимы.

Нѣпгъ, старикки-опцы наши были неправы! Пусть бы эпи брюзгливцы, эпи ворчунны пожили въ наше время. Они бы узнали, что нынѣшнихъ швейцаровъ подкупать нельзя... не опъ того, что уллучшилась лакейская нравспвенность, что холопы сдѣлались честнѣе, безкорыспнѣе, а опъ того, что никто понапрасну денегъ своихъ трапиптъ не захочетъ. Вотъ таки недалеко ходиптъ за примѣромъ: въ нашемъ губернскомъ городѣ предсѣдатель X. X. не велика пшица, 7-го класса, а попробуйте-ка подкупиптъ его швейцара; положимъ даже, что онъ сжалился надъ вами и впустилъ васъ въ переднюю. Эпо вамъ нимало не пособиптъ! Вы можете простоятъ цѣлую вѣчность въ передней, и даже, при щастьѣ, вкрадчивости, низкопоклонности и деньгахъ, проникнуптъ въ самую пріемную, но опъ того ни сколько вы не выиграете. Ибо у господина предсѣдателя X. X. каждая комната естъ крѣпостъ, каждая дверь, какъ крѣпостныя ворота, тяжелымъ желѣзнымъ запоромъ задви-

гается и у каждой двери свой крѣпкій шлагбаумъ. Люди вдвое его спарѣе, чиновнѣе, шакіе, которые были уже въ шпабскихъ чинахъ, когда онъ опредѣлился въ службу писцомъ, по цѣлой недѣлѣ добиваются чести предстать предъ его гордые очи.

Для насъ, гражданъ эшаго губернскаго города, это еще не столь разорительно, а каково жителямъ опдаленныхъ уѣздовъ, изъ за нѣсколька сотъ вѣрспѣ сюда припахившимся, оспанавливающимся на посподыхъ дворахъ и послѣднюю, кровавымъ попомъ добышую копѣйку, здѣсь понапрасну проживающимъ. Да! хотя нашъ предсѣдатель поменьше вельможи; но не уступитъ ему ни въ обжорствѣ, ни въ лѣни, ни въ надмѣнноспи, ни въ высокомъ о себѣ мнѣніи. Къ нему можно примѣнитъ тѣ безсмертныя строфы пѣвца Фелицы, въ которыхъ онъ укоряетъ вельможу въ жестокосердіи.

Проснися, Сибаритъ! Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Нещасныхъ голосу не внемлешь.

*

А памъ, вдова спойтѣ въ сѣняхъ
И горьки слѣзы проливаешъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова швоего желаешъ.

*

А памъ, израненый герой
Какъ лунъ во браняхъ поздѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій швой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принялъ по службѣ швой приказъ:
Межъ челядью швоей злапою
Поникнувъ лавровой швавою
Сидишь и ждешъ тебя ужъ часъ.

*

А памъ—на лѣспвичный восходъ
Прибрелъ, на коспыляхъ согбенный,
Безспрашный, спарый воинъ шопъ,
Тремъ медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерши:
Онъ проситъ руку шу просперши
Для хлѣба отъ тебя куска.

Но къ чему послужитъ сіе примѣненіе?
Спихи не размячатъ черспвой души на-

шего предсѣдателя, поэзія не вынешъ изъ него желѣзнаго сердца и не вспавитъ въ грудь его другаго, человѣческаго, Христіанскаго.

А. Кораблинскій.

П I A В К И.

Во всеобщее свѣдѣніе всѣмъ полнокровнымъ, всѣмъ спраждающимъ приливомъ крови и головокруженіемъ спѣшимъ сообщить новое, прекрасное средство употреблять пѣавокъ, не сидя на стулѣ бипыхъ чепыре или пяты часовъ.

Его изобрѣлъ Французъ, живущій въ своей деревнѣ, подъ Валансьенемъ. Онъ напустилъ въ садовый прудъ многое множество пѣавокъ: почувспвовавъ приливъ крови, идепъ въ него купаться и, спуспя чепвершъ часа, выходитъ совсѣмъ здоровымъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРАСЛЕТЪ.

(*Повѣсть*).

I.

, . . . Пѣнникъ милый!
Развесели свой взоръ унымый!
Склонись челомъ ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь!

На другой день послѣ Гроховскаго сраженія, Францишекъ *Зембинскій*, эконокъ с. Новосѣлки, возвращался домой чрезъ славное поле бипвы изъ Муромскаго пѣавопнаго полка, куда ѣздилъ за реквизиціонными квишанціями. Сѣрный запахъ еще не разсѣялся въ воздухъ. Обезображенныя пѣла воиновъ, убитыя лошади, разбросанные куски одежды съ оппорванными членами, разсѣянное оружіе, оспатки взорванныхъ аршилдерійскихъ ящиковъ, все это не могло не дѣйствовапъ сильно на миролюбивое сердце эконома, привыкшаго видѣпъ на полѣ плугъ и борону, овесъ и пшеницу. Полный горестныхъ думъ и соспраданія къ падшимъ, *Зембинскій*, шворя

молибву Sventa Maria, спѣшилъ удалиться опять ужаснаго зрѣлища, какъ при вѣздѣ въ лѣсъ пораженъ былъ глухими спонами умирающаго. *Зембинскій* остановился. За опушкою лѣса лежалъ въ крови раненый Русскій офицеръ. Тяжелый вздохъ, два, при слова безъ связи и мысли, и болѣзненные движенія—вопъ всѣ признаки жизни. Въ правой рукѣ его сжатъ былъ эфесъ окровавленной сабли, лѣвая прижата къ груди; спраданія души и тѣла окаменѣли на лицѣ раненаго. Добрый экономъ не долго думалъ. Съ помощію фурмана, онъ положилъ его въ бричку, и со всею заботливостію перевезъ въ Новосёлки.

Еще больной не пришелъ въ чувство, а уже все семейство помѣщика суешилось около его постели. Черезъ нѣсколько минулъ онъ очнулся; но казалось, лежалъ еще въ какомъ-то смертномъ оцѣпенѣніи. Только въ припадкѣ лихорадочнаго жара, онъ громко бредилъ, по призывая своихъ поварихъ, по произнося командныя слова. Глаза его устремлены были на одинъ предметъ; слабая рука была въ безпрестанномъ движеніи, какъ бы владела еще оружіемъ и карама вѣроломныхъ Ляховъ.

Къ крайнему сожалѣнію, близко нельзя было найти медика. Помѣщикъ, который на поляхъ бывши сдружился не съ одною пулею, началъ употреблять средства, указанныя ему опытомъ. Теплая комната, чистая постель и перевязка ранъ пробудили жизнь раненаго—и онъ, послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ, предался глубокому сну.

Бржезинскій, помѣщикъ села Новосёлковъ, нѣкогда воевода Сендомирскій, былъ чловѣкъ преклонныхъ лѣтъ. Сподвижникъ *Костюшки*, въ молодости своей онъ все принесъ своему опечестиву—чувства, умъ, соспояніе и здоровье.—Но съ лѣтами проходили пылія спраспи; опытъ раскрывалъ ему предметы въ другомъ видѣ; легкомысленные соопечественники часто не умѣли цѣнить его заслугъ, и воевода не безъ горести удалился въ свое имѣніе, если не съ ненавистью, по съ сильнымъ, справедливымъ негодованіемъ на ихъ безразсудство. Было ли это въ немъ

чувство истинное или ложное, только онъ спарался поддерживать его въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ. Наконецъ, ослабѣвъ умомъ и здоровьемъ, отказался онъ вовсе отъ участія въ политическихъ дѣлахъ. *Бржезинскій* былъ вдовъ; единственныя его сокровища были дѣти: *Альфонсъ* и *Цецилія*. Первый оканчивалъ науки въ Краковской гимназіи. Съ возстанія Польши онъ пересталъ писать, и спарикъ не безъ основанія задумывался, особливо, когда узналъ о формирующихся полкахъ Кракусовъ. Говорить ли вамъ о дочери воеводы, милыя чипапельницы? Еспь ли-бъ вы видѣли *Цецилію*, съ ея большими голубыми глазами и роскошными пемпоруемыми кудрями! Если-бъ вы внимали гармоніи ея голоса, симъ опзывамъ небесной жизни! Если-бъ вы видѣли это прекрасное существо, копорого каждый взглядъ рождалъ вдохновеніе и превращалъ нашъ жалкій міръ въ міръ поэпическій! Припомните себѣ неизлѣсимый воспоргъ, копорый вы чувспвовали при звукахъ очаровательной музыки. Припомните сладостное оцѣпенѣніе чувствъ, копорое испытали вы въ мечпательный часъ, при видѣ роскошной природы—и вы поймете меня и *Цецилію*. Къ семейству *Бржезинскаго* принадлежала еще добрая панна *Доллиника*, двоюродная сестра его; она, какъ дѣвушка 48-ми лѣтъ, лицо довольно прозамчское, по я и замѣчу объ ней только мимоходомъ.

Къ вечеру нашъ больной очнулся. Передъ нимъ спояла *Цецилія*—и взоръ ея, полный кротости и нѣги, съ соспраданіемъ устремленъ былъ на спраждающаго. Больной спарался припомнить себѣ нипъ прошедшаго; одно только Гроховское сраженіе еще живо было въ его памяти. Еще онъ помнилъ поржественную минупу, когда полкъ его, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, подъ перекрестнымъ пушечнымъ огнемъ, ударилъ въ шпыки и выгналъ изъ лѣсу колонны непріпельскія; еще онъ видѣлъ падающихъ поварихъ и кровь текущую изъ его ранъ, еще онъ слышалъ визгъ ядра, повергшаго его на землю... На эпой почкѣ память его остановилась, и онъ напрасно

спарался сыскашь связь съ настоящимъ. Слишкомъ замѣтная разность въ предмѣпахъ не могла убѣдить его въ дѣйствительности видимаго. Если-бъ больной былъ поклонникъ *Магомета*, онъ бы щипалъ себя перенесеннымъ въ седьмое небо, а *Цецилия* одною изъ Гурій, объявляемыхъ лже-пророкомъ въ будущей жизни своимъ поклонникамъ, падшимъ со славою на полѣ чести.

Приходъ *Бржезинскаго* увѣрилъ больного въ его существованіи. «Гдѣ я?» спросилъ онъ, успокоенный доброю наружностью воеводы. — Въ семействѣ честнаго помѣщика, — отвѣчалъ спарець. — Будьте спокойны, молодой человекъ. Я самъ опецъ, — и кто знаетъ, что дѣлается теперь съ моимъ сыномъ. — Во взорахъ спарца изображалась глубокая горестъ, и онъ съ упованіемъ взглянулъ на небо. Больной разгадалъ чувствва опечаленнаго опца. Со слезами признательности пожалъ онъ руку спарца и, изнеможенный, опустившись на изголовье, опяшь заснулъ спокойнымъ сномъ.

Простыя медицинскія средства, спокойная жизнь и живое участіе и заботливость хозяевъ, возвратили къ жизни молодаго воина. Уже *Бржезинскому* было извѣстно, что больной былъ *Ипполитъ Рындинъ*, капитанъ ...скаго пѣхотнаго полка. Воевода не хотѣлъ знать ни родословной, ни сословія, ни опношеній его къ обществу. Съ возстановленіемъ силъ капитана, увеличивалась и нѣжная заботливость о немъ его хозяевъ: по спарикъ читалъ ему занимательную книгу; по рассказывалъ о военныхъ и политическихъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ молодости; по *Цецилия*, въ смѣжной компаніи, играла на фортепиано. Но болѣе всего онъ любилъ говорить съ нею. Сколько любопытнаго умѣлъ онъ рассказать ей о роскошной природѣ Крыма, о южномъ берегѣ, о Бахчи-Серая, о подъ-облачномъ Чапыдагѣ, о величественномъ Кавказѣ, гдѣ расцвѣла его первая молодость и гдѣ такъ часно мечталъ онъ о какомъ-то идеальномъ существѣ, незнакомомъ, но близкомъ его сердцу. Величественные предметы, разсвѣченные пылкимъ воображеніемъ юноши, по-

ражали еще болѣе дѣвцу силою и новостью словъ разсказчика. Разговоры его о Петербургѣ и Москвѣ были не менѣе занимательны. Съ какимъ искусствомъ умѣлъ онъ передать слушательницѣ своей увеселенія сполницъ, нашъ образъ жизни, наши нравы, обычаи—даже поэзію. Чтожь могла рассказать ему въ свою очередь о себѣ *Цецилия*? Роза тихо распускается на ясной лужайкѣ, гдѣ рука природы еѣ взлелѣяла. Она не знаетъ міра, еѣ окружающаго, и вся повѣсть ея жизни—упромъ развернувшійся цвѣпокъ.

Одни только вопросы капитана о военныхъ дѣйствіяхъ оставались безъ отвѣта. Воевода отвѣчалъ всегда одинаково: что опказавшись опъ дѣлъ и политики, онъ не получаетъ никакихъ извѣстій, чему много способствуетъ и мѣстоположеніе его деревни, удаленной опъ всего живаго.

Образованный умъ, просвѣщеніе и опкровенность *Рындина* скоро приобрѣли ему любовь и уваженіе хозяевъ и сердечное участіе *Цецилии*. Природа наградила еѣ здравымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и любовью къ изящному. Панна *Долишка* занималась ея свѣтскимъ воспитаніемъ, а совѣты опца и наставленія ксенза каноника поселили въ ней правила чистой религіи и обязанности ея къ Свѣту. При всемъ томъ она чувствовала въ себѣ недостатокъ моральнаго образованія, и вопъ почему, понимая возвышенный характеръ *Рындина*, какъ беззаботное дитя, увлекалась его разговорами и день опдня привязывалась къ нему болѣе и болѣе.

Съ каждымъ днемъ здоровье капитана примѣнно поправлялось. О, какъ благодарилъ онъ *Бржезинскаго* за спасеніе его жизни, и взоръ его, полный любви, оппанавливался на прекрасномъ лицѣ юной *Цецилии*! Когда же ручки покапались съ горъ и въ небесной лазури заплъ первый жаворонокъ, *Рындинъ* обновился весеннимъ благотворнымъ воздухомъ. *Цецилия*, радуясь его выздоровленію, проводила его въ Римско-Каполическую сельскую церковь. Онъ благоговѣнно преклонилъ колъна передъ алтаремъ Спасителя и поржественно благодарилъ Господа за выздоровленіе. *Цецилия* сподла возлъ юноши и, сло-

живъ нѣжныя руки, тихо за него молилась. По долгомъ молчаніи, они вспали. Глаза *Ипполита* наполнились слезами, *Цецилія* тихо плакала. Распроганные до глубины души, они возвратились домой.

По воспановленіи здоровья *Ипполита*, *Цецилія* съ пайнымъ удовольствіемъ спрѣла на его высокой, спройный спанъ и облагороженную наружность. Его безумная любовь къ музыкѣ, пріятный голосъ и прекрасная метода пѣнія не разъ испоргали ему въ обществѣхъ сѣверной Пальмиры воспорженныя похвалы любителей эпога божественнаго искусства. Сидя за фортепiano, *Рындинъ* по нѣскольку часовъ сряду забывался въ своихъ фанпазіяхъ. И пронупные дыханіемъ любви звуки его голоса, какъ струны небесной жизни, по спройно звучали, по умирали въ глубинѣ воспорженнаго сердца. Воспламеняло ли присупствіе *Цецилии* мелодическіе его звуки, умѣлъ ли онъ передипь въ нихъ тихую грусть и чувства очарованнаго любовію сердца—предоставляю рѣшипъ влюбленнымъ. Какъ прозаикъ и холодный наблюдатель, я скажу только, что *Рындинъ* давно уже переспавалъ играть, а *Цецилія* долго, долго еще сидѣла и слушала.

Среди общихъ бѣдспвій войны, семейство *Бржезинскаго*, къ которому по сердцу принадлежалъ и нашъ капитанъ, наслаждалось совершеннымъ спокойствіемъ. Одного только *Альфонса* недоставало къ довершенію ихъ земнаго благополучія. *Ипполитъ* неперпѣливо желалъ познакомиться съ братомъ *Цецилии*, и напередъ былъ увѣренъ его искренней дружбѣ. Частыя воспоминанія объ *Альфонсѣ* и неизвѣстность о судьбѣ его, наводили на все семейство глубокую горестъ, которую могли только уменьшить время и обспоятельство.

Въ одинъ день, эпо было въ Апрель мѣсяцѣ, *Ипполитъ* спокойно ходилъ по своей комнатѣ, какъ вдругъ услышалъ на дворѣ большую суматоху: онъ взглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ казаковъ. Сердце его чуть не выпрыгнуло опъ радости! Трудно передатъ словами по радостное чувство, копо-

рое испытываемъ мы въ военное время, прѣ видѣ послѣ долгой разлуки война-соотечественника. Спремглавъ бросился онъ къ дверямъ, какъ вдругъ оспановленъ былъ воеводою. Спарикъ ввелъ его въ комнату. «Извините, дорогой гость мой, сказалъ онъ: «если «я нѣсколько минутъ опсрочу свиданіе «ваше съ соотечественниками. То, что я пакъ «судачно умѣлъ скрывать опъ васъ, не мо- «жетъ быть болѣе пайною. Война между «нами не кончилась, и, судя по фальшивому «энпузіазму жалости dospойныхъ моихъ «согражданъ, пролетѣтъ еще много, много «крови.»—Тутъ *Бржезинскій* разсказалъ ему со всѣми подробностями ходъ военныхъ дѣйспвій опъ Гроховскаго сраженія до послѣдней переспрѣлки. «Право врача,»—присовокупилъ онъ въ заключеніи: «дозволяло мнѣ «до сихъ поръ скрывать опъ васъ эпо горь- «кую истину. Зная любовь вашу къ отечеству, я находилъ, что военный вѣспи «средны для вашего здоровья. Казаки при- «сланы сюда развѣдать о продовольствіи. «Увидя ихъ, вы бы узнали все—и попому «я рѣшился предупредить васъ. Я исполнилъ «долгъ госпепрѣимства.»

Пораженный словами воеводы, *Ипполитъ* спѣшилъ къ Донцамъ. Разказы ихъ подтвердили только истину словъ хозяина, и извѣспили его о скоромъ прибытіи въ селеніе опряда фуражировъ, посланнаго изъ корпуса генерала *P.*, который оставили они въ 8-ми верспахъ, по направленію къ с. Новосѣлкамъ.

Пробужденный какъ-бы послѣ глубокаго плѣнительнаго сна, *Ипполитъ* не могъ понять, какимъ образомъ до сихъ поръ такъ мало заботился опъ узнать о военныхъ дѣйспвіяхъ, полагаясь на пустыя опговорки воеводы—и въ эпой неизвѣспности могъ предатъ беззаботной жизни. Онъ не умѣлъ оправдатъ передъ собою своей безпечности, не могъ оправдатъ и воспорговъ любви въ по время, когда поварищи его проливали кровь и испытывали непогоду, лишенія бивачной жизни.

Въ одну минуту *Ипполитъ* рѣшился ѣхать съ опрядомъ фуражировъ, не смотря ни на болѣзненное еще состояніе, ни даже

на то, что надлежало расстаться съ *Цецилією*. Сдѣлавъ нужныя приготовления къ отъѣзду, онъ пошелъ прощаться съ *Бржезинскими*.

Случалось ли вамъ, милыя слушательницы мои, случалось ли вамъ говорить послѣднее *прости*, челоѣку, котораго умъ и сердце ваше, выбравъ изъ полны, назвали своимъ любимцемъ, и присутствіе котораго сдѣлалось потребностью жизни? О, какъ тяжело, какъ невыразимо тяжело сказать *прости*, можетъ быть навѣки, тому, отсутствіе котораго превращало въ темноту и скуку часы разлуки. Есть обязанности, священные обязанности чести, для которыхъ каждый Русскій офицеръ готовъ всѣмъ пожертвовать.

Когда капитанъ пошелъ прощаться, *Цецилія* сидѣла одна за рабочимъ столомъ. *Ипполитъ* подошелъ къ окну. День клонился къ западу. Вдали вѣхалъ опрядъ казакъ, и багряные лучи заходящаго свѣшила горѣли на ихъ пикахъ. Туть, какъ будто бы таинственный голосъ шепнулъ ему: ты сюда не возвратишься! И глубокая задумчивость овладѣла имъ. *Цецилія* скоро замѣтила его смущеніе и спросила съ участіемъ: что съ нимъ сдѣлалось? Онъ разсказалъ ей объ отъѣздѣ въ армію. «Посвященны ли вы памяти моей хотя одну слезку?» примолвилъ онъ, схвативъ ея руку. Она запрепечала, взглянула на него — и на прекрасныхъ глазахъ ея навернулись слезы. *Ипполитъ* не могъ болѣе преодоливъ себя, и бросившись къ ней, воскликнулъ: «*Цецилія!* люблю тебя!» Тронутая до глубины души, она склонилась на грудь его — и уста ихъ запечатлѣли первый священный поцѣлуй любви. Вечерній сумракъ нависъ надъ землею, въ груди же *Ипполита* воспламенялся вѣчный день, наспуhalo упрое его блаженства. Сама *Цецилія* представлялась ему въ другомъ видѣ: ибо выраженіе щастливой любви придавало ей какую-то неизъяснимую, священную прелесть. «Согласится ли отецъ (спивой) — спросилъ *Ипполитъ*: «соединить судьбу своей дочери съ судьбою Русскаго офицера?»

Разговоръ ихъ прерванъ приходомъ воеводы. *Ипполитъ* подошелъ къ нему и языкомъ сердца умолялъ его благословить союзъ ихъ. Взоры *Цециліи* повпоряли просьбу возлюбленнаго. Тронутый спарець возвелъ умиленный взоръ на небо, и отдавая *Цецилію Ипполиту*, сказалъ: «свѣряю тебѣ единственное мое щастіе. По окончаніи войны возвратись къ намъ и пейись о ея благополучіи. Она доброе дитя и давно тебя любили». Одно моленіе къ Всевышнему дожило до пвоего возвращенія!» *Ипполитъ* и *Цецилія* бросились обнимать спарца — и благодарныя слезы ихъ смѣшались на груди распротаннаго опца.

Бушылка спараго Венгерскаго была кончена, когда вахмиспръ вошелъ доложивъ начальнику фуражировъ, неожиданно бывшему свидѣтелемъ воспорговъ щастливаго семейства, что кони навьючены, квиванціи отданы и опрядъ выпянулся по дорогѣ.

Когда *Рындинъ* въ послѣдній разъ прижалъ къ груди опчаянную подругу, на руку *Цециліи* разстегнулся чугунный браслетъ. «Помни меня, *Ипполитъ!*» шепшала жалкая дѣвица, плача и надѣвая ему браслетъ: «*Цецилія* каждый день будетъ молиться о тебѣ Всевышнему! Люби меня! Люби меня!»

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

(Изъ Шиллера.)

Какъ весело кубокъ бѣжитъ по рукамъ,
Какъ взоры пирующихъ ясны!
Но входить пѣвецъ — и къ земнымъ ихъ дарамъ
Приносятъ даръ неба прекрасный:
Безъ лиры, безъ пѣсенъ, и въ горныхъ спранахъ
Не веселы боги на свѣшлыхъ пирахъ.

*

А въ духѣ пѣвца, какъ въ чистомъ стеклѣ,
Весь міръ опразился цвѣтущій:
Онъ зрѣлъ, что опъ вѣка сбилось на землѣ;

Что вѣкъ сокрываетъ грядущій;
Онъ въ древнемъ Совѣтѣ боговъ засѣдалъ,
И пайнымъ движеніемъ создающа внималъ.

*

Свѣшло и прекрасно умѣеть развишь
Каршину роскошную жизни,—
И силой искусства, во храмъ превращишь
Земное жилище опчизны;
Онъ въ хижину-ль входить, въ пущынный ли край:
Съ нимъ боги и цѣлый божеспивенный рай.

*

Какъ мощный сынъ Діа, онъ Діа избранъ,
Во щипъ круговидный и пѣсный
Вмѣщаетъ всю землю и весь океанъ
И небо и звѣзды небесны,
Такъ въ звукъ единомъ любимца Харипъ
Весь міръ опзывается, вѣчнось звучишь.

*

Младенчештво міра онъ юпый видалъ,
Какъ люди въ проспыхъ хоровахъ
Играючи жили; онъ всюду бывалъ —
Во всѣхъ временахъ и народахъ.
Четыре ужъ вѣка пѣвецъ проводилъ
И пямый вѣкъ міра при немъ наспушилъ

*

Вѣкъ первый—Самурновъ, по испны вѣкъ!
Вчера проходило какъ *пбгтъ*,
И, паспырь безпечный, живалъ человекъ,
Покорспвуя доброй судьбинѣ:
Онъ жилъ и любилъ, и къ нему на пиры
Природа обильно носила дары.

*

Но трудъ возникъ: вызывающъ на бой
Драконы,—гиганты полнощны,—
И—въ слѣдъ за героемъ спремитсѣ герой,
И съ слабымъ рапуеетъ мощный,
И кровь полилась, Скамандръ запылалъ:
Но міръ красопу и любовь обожалъ.

*

Побѣда возвысила радоспный взоръ:
На брани опгрянулъ опзывной
Звукъ пѣсенъ—и Музъ гармоническій хоръ
Міръ создалъ Поэзіи дивной.

О вѣкъ незабвенный небесной мечпы!
Исчезъ невозвратно, о вѣкъ красопы!

*

И свержены боги съ небесныхъ высотъ,
И пали сполны вѣковые:
Родился опъ Дѣвы Сынъ Божій—грядетъ
Пороки изгладить земные:
И воли нѣтъ чувспвамъ, вѣкъ спраспи пропекъ,
И думу замыслимъ въ себя человекъ.

*

Ужъ конченъ роскошный юности ширъ,—
И жажда вспыхнула къ бою,
И рыцари скачутъ на пышный пурниръ,
Одѣты желѣзной бронёю.
Но дикая жизнь спановилась мрачнѣй,
Хоть солнце любви свѣпило надъ ней.

*

И Музы пѣвали въ укромной пиши
Въ проспыхъ и священныхъ напѣвахъ;
И кропость чувспвъ и прелестъ души
Хранились и въ женахъ и дѣвахъ:
И пламя Поэзіи вспыхнуло вновь,
Зажгла его прелестъ души и любовь.

*

Поэты и дѣвы! въ дыханьи одномъ
Вы души свои сочетайте;
Вы правды и прелести свѣплымъ вѣнцомъ
Прекрасную жизнь увѣнчайте:
О пѣснь и любовь! вами жизнь лишь свѣпла
И силою вашей душа ожима.

С. Швейгевъ.

С H A R A D E.

Mon premier marche en tête
D'un petit bataillon;
Il n'est point d'enfant assez bête
Pour ignorer mon nom.
Dans mon second adore un Etre incomparable,
Qui venge l'innocence et punit le coupable. 3
Un jeune et tendre amant se sent le coeur navré
En disant mon entier à l'objet adoré.

Въ No 100 и 101, помѣщенныя значащъ: *логогрѣвъ*
Musique, (où l'on trouve: *Muse, mise, qui, mi et si*);
окопимъ Я.

M O D E S.

On revient à une charmante coiffure, oubliée pendant ces dernières années, satisfaisant en même temps aux nattes à la châtelaine, et au goût constant des touffes. Il y a des visages pour lesquels les nattes sont trop plates, et trop étroites à ceux-là, il convient de les accompagner de boucles légères surmontant et remplissant l'espèce d'anneau que forme la natte. Les papillottes ne doivent pas faire tir-bouchon, au contraire, les cheveux doivent être courts et simplement annelés. Nous rappellerons à cette occasion les tours naturels de M. Jouenne, rue Grange-Batelière, qui se posent avec tant de facilité, et se mélangent si admirablement aux cheveux; puis, on reste encore aux tire-bouchons de demi-longueur. Cette coiffure a infiniment d'élégance et de distinction quand elle n'est pas exagérée, mais il est très-nécessaire de garder une juste proportion. Rien n'est de mauvais goût comme les énormes tire-bouchons à l'anglaise, descendant plus bas que le menton; les *Sévigés*, modifiées, sont seules de bon goût. Les boucles se crèpent légèrement, et ne tombent qu'à la hauteur de la bouche, sans s'écarter jusque sur l'oreille.

Par-derrière, une natte doit entourer des cheveux lisses, en coques, qui sortent à peine en-dehors; c'est une coiffure peu élevée et simple, qui se place de manière à laisser l'espace d'une double couronne de fleurs, ou d'un double bandeau de pierreries, entre elle et les papillottes de devant.

Quelquefois la petite lame d'or qui se met sur le front comme Ferronière, se répète à la coiffure de derrière, entourant une natte qui renferme des boucles.

Les longs cols, dont notre dernier numéro a parlé, et que nous devons plutôt nommer collets, sont de grande nécessité en ce moment, où les redingotes demi-montantes sont fort élégantes. Le corsage de ces redingotes, à draperie croisée, monte au-dessus de l'épaule, et laisse le cou et une partie de la poitrine découverts. Il est assez joli, surtout quand ces redingotes sont en riche étoffe, d'indiquer le négligé en mettant à son cou une petite cravatte de satin ou de cachemire; on met aussi quelquefois une petite chaîne très-mince et délicate qui retient une montre.

Les poignets des manches, larges doivent être au moins hauts d'une grande main, pour dégager le bas du bras.

M O Д Ы.

Возвращаясь къ прелестной прическѣ, забытой въ сіи послѣдніе годы, соотвѣтствующей въ одно время косамъ à la châtelaine и постоянному употребленію кустиковъ. Есть лица, для которыхъ косы слишкомъ плоски, а къ инымъ слишкомъ узки, тогда прилично прибавлять къ нимъ легкія букли, возвышающіяся надъ кольцами, сопоставляемыми косами и наполняющими ихъ. Локоны не должны быть шпоторами, а напротивъ, волосы должны быть коротки и сдѣланы прорпо кольцами. Мы напомнимъ при семъ случаѣ о натуральныхъ гурахъ г. *Jouenne*, въ улицѣ *Grange-Batelière*, которые надѣваются такъ ловко и такъ хорошо смѣшиваются съ волосами; потомъ продолжаютъ еще носить полу-длинныя локоны. Эта прическа весьма щеголеватая и оплична, когда не преувеличена, но необходимо нужно сохранять настоящій размѣръ. Ничто такъ не безобразно, какъ огромныя Англійскія локоны, спущенныя ниже подбородка; уменьшенныя *Sévigés* одни щипаются въ хорошемъ вкусѣ. Букли слегка взбиты, и спущены не ниже рта, не опдаясь къ ушамъ.

Сзади, коса должна окружать гладкіе волосы, сдѣланныя пеплями, которые едва возвышаются; это не высокая прическа и прорсная, которая кладется такъ, чтобъ оставалось мѣсто для двойнаго вѣнка изъ цвѣтовъ или двойной повязки изъ каменьева, между ею и передними локонами.

Иногда узенькая золотая повязка, которая кладется по лбу какъ Ферроньеръ, повторяется въ задней прическѣ, окружая косу.

Длинные ворошники, о которыхъ мы говорили въ послѣднемъ номерѣ, весьма необходимы, когда полу-открытыя рединготы весьма щеголеваты. Лица сихъ рединготовъ крестообразно драпированы, надѣваются довольно высоко на плеча и шею, и часть груди оставляютъ не закрытыми. Довольно красиво, особливо когда рединготы сіи изъ богатыхъ ткапей, озпачатъ *négligé*, надѣвая на шею небольшой апласный или кашемировый галстучекъ; иногда надѣваютъ также весьма поменьшую и легкую цѣпочку, которая придерживаетъ часы.

Обшивки широкихъ рукавовъ должны быть шириною по крайшей мѣрѣ въ большую ладонь, чтобъ обозначать низъ руки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 103.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 27 дня, 1853 года.

Могучему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье.

Жуковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. НОВЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ СТОЛИЦѢ или XIX-е СТОЛѢТІЕ. (Отрывокъ первый).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...

А. Пушкинъ.

Не успѣвъ еще оглядѣться въ столицѣ и съ нею ознакомиться, *Ипполитъ* скучалъ по милымъ красавицамъ, съ которыми его раздѣляло обширное разстояніе, и переносился къ нимъ мыслию, перебирая подаренные ему *сomme souvenirs* перстенки съ волосами, ленточки и разныя другія вещицы, и перечисывая лоскутки бумаги, покрытые начертаніями милыхъ ручекъ, которыя онъ такъ часто цѣловалъ, украдкою опъ другихъ. Но скоро наскучивъ уединеніемъ, онъ захопѣлъ воспользоваться рекомендабельными письмами, которыя привезъ изъ провинціи и изъ своего университета, и поспѣшилъ, развезя ихъ, войти въ домъ, и пріобрѣсти знакомство. Онъ очень хорошо сдѣ-

лалъ, запасшись такими письмами: безъ нихъ ни дарованія его, усовершенствованныя воспитаніемъ и ученіемъ, ни пріятный умъ, украшенный познаніями, ни любезность характера, ни привлекательная наружность, не помогли бы ему тамъ, гдѣ никто не зналъ ни его, ни его родителей, гдѣ у него не было ни тѣтушекъ *femmes du grand monde*, ни сесприць замужемъ за извѣстными людьми, гдѣ не могъ онъ предъявить никакого богатства, кромѣ личныхъ своихъ достоинствъ. Фамилія его была не изъ извѣстныхъ. Званіе дворянина и образованность его были весьма недоставочны для домовъ хорошаго тона, чтобы удостоить его чести пріема. Желая пособить этому, въ рекомендабельныхъ его письмахъ одна княгиня величала его своимъ родственникомъ, другою покровитель называлъ его . . . скимъ помѣщикомъ, вѣдущимъ въ столицу на службу опъ скуки, и чтобы не жить празднымъ въ своей деревнѣ. Подобно имъ, и въ другихъ письмахъ спарались выставить его не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, хопя явившись въ собственномъ видѣ, онъ ни мало не менѣ имѣлъ бы права на пріемъ въ хоршее общество; но они знали столицу и,

благодаря взятымъ ими предосторожно-
стямъ, которыми нашъ неопытный юноша
почипалъ лишними и даже смѣшными, ему
позволили (я не могъ найти приличнѣйша-
го выраженія) въ двухъ-трехъ домахъ бы-
вать по вечерамъ; а въ одинъ пригласили
его даже ходить обѣдать за-просто. Что
значило это за-просто, *Ипполитъ* имѣлъ уже
случай узнать прежде, и потому симъ по-
слѣднимъ приглашеніемъ не имѣлъ располо-
женія воспользоваться. Такое начало зна-
комства не совсѣмъ понравилось нашему
сполицному госпю, сдѣлавшему въ своей
провинціи привычку къ устарѣлому Рус-
скому радушному гостепріимству и хлѣбо-
сольству. Онъ не предвидѣлъ большаго отъ
него удовольствія и пользы; но зналъ, что
ему непремѣнно надобно, хотя съ прину-
жденіемъ, бывать въ лучшихъ домахъ, что-
бы не смѣшались съ молодыми людьми, без-
надежно опроверженными отъ лица хороша-
го общества за то только, что они не удо-
влетворяютъ которому нибудь изъ его спи-
сходительныхъ прѣбowań, и осужденными
принадлежать въ его мнѣніи ни много, ни
мало къ черни. Новичокъ спрашлся такой
апаемы больше, нежели иной Каполикъ
XV-го столѣтія спрашлся бытъ оплу-
ченнымъ папою отъ церкви. Онъ привыкъ
жить въ обществѣ, что впрочемъ до тѣхъ
поръ не стоило ему никакого труда, и на
что онъ имѣлъ полное право.

Прежде всего *Ипполитъ* явился на вечеръ
въ домъ графини N. Замѣтивъ, какъ спроги
прѣбowanія общества хорошаго тона, сколь-
ко надобно оспорожности, опытности, ис-
кусства, чтобы въ немъ не уронить себя,
онъ посовѣтовался напередъ съ однимъ сво-
имъ совоснипанникомъ, который прежде его
поселился въ сполицѣ. Хотя *Ипполитъ* не
привыкъ отказывать себѣ въ обыкновенныхъ
жизненныхъ удовольствіяхъ, для того только,
чтобъ имѣть честь просидѣть часть дру-
гой на недѣль въ хорошо-меблированной ком-
натѣ, съ людьми, собирающимися вмѣстѣ,
для опличенія себѣ отъ такъ называемой
ими толпы; но, по совѣту своего товарища,
онъ долженъ былъ напередъ, какъ можно бо-

лѣе ограничить себя въ удовлетвореніи мѣ-
щанскихъ погрѣбностей, чтобы тѣмъ съ
большимъ приличіемъ явиться тамъ, гдѣ же-
лалъ. *Ипполитъ* нанялъ тѣсную кварширку,
пріучилъ себя ѣсть въ цѣлый день одинъ
разъ за обѣдомъ, состоявшимъ изъ двухъ
скудныхъ блюдъ, и опказался отъ всякаго
излишества. Однимъ словомъ, можетъ бытъ
самъ старикъ *Диогенъ* не постыдился бы
признать его въ домашней жизни достой-
нымъ своимъ послѣдователемъ. Но за то
заказалъ онъ себѣ платье первому портно-
му въ сполицѣ, запасся бѣльемъ и другими
принадлежностями туалета изъ извѣстнѣй-
шихъ магазиновъ моды, и опложилъ для пер-
ваго раза на игру въ виспъ пакую сумму
денегъ, которою могъ бы прожить у се-
бя на кварширѣ цѣлую прѣть года. Обез-
печивъ себя такимъ образомъ, онъ явил-
ся въ 9 часовъ вечера въ домъ, мною на-
званный.

Въ глубинѣ гостиной, около стола, сѣдѣ-
ло нѣсколько дамъ и дѣвиць. Мущины сѣдѣ-
ли въ полукругѣ, поодаль. Разговаривали не
громко; большая часть молчала. Въ тонѣ
общества замѣтно было спрояйшее соблю-
деніе свѣтскаго этикета и щипательная во
всемъ оспорожность. Никто не пускался въ
пекущій разговоръ, не позволялъ себѣ вы-
ражать свои мысли иначе, какъ съ совер-
шеннымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, а
еще менѣе обращать на себя вниманіе об-
щества какими нибудь выходками. Всякой
спокойно, съ видомъ какой-то увѣренности
въ себѣ и опытности, занималъ свое мѣсто,
и удаляясь отъ всякой замѣтной роли въ
обществѣ, довольствовался бытъ зрителемъ
или бесѣдовать съ тѣми, которые сѣдѣли
къ нему ближе. Чтобы по возможности оп-
нять отъ общества видъ принужденія, хо-
зяйка громче другихъ говорила объ одномъ
общемъ предметѣ, въ чемъ прочіе казались
принимающими участіе.

Ипполитъ, войдя, сдѣлалъ общій поклонъ,
и занявъ пустое мѣсто на стулѣ, присоеди-
нился къ обществу. Ему сперва показало-
сь, что чего-то дожидаются; иначе, сооб-
ражаясь съ видимымъ, онъ не находилъ цѣ-

ли, для которой бы могло собраться столько людей. Скоро поставили два ломберныхъ стола, и роздали карпочки нужному для игры числу посѣпипелей, которые заняли свои мѣста, а въ помѣ числѣ и хозяйка. *Ипполитъ* ожидалъ примѣра другихъ, чпобы знать, какъ вести себя. Ему, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, одна изъ молодыхъ дѣвиць учпиво, но съ нѣкоторою гордостію, предложила petit jeu; и такимъ образомъ молодежь усѣлась около круглаго стола—играли въ карпы. *Ипполитъ* привыкъ, находясь въ обществѣ прекраснаго пола, оказывать ему возможные услуги и внимание; но увидѣвъ, что роль дамскаго кавалера была бы здѣсь совсѣмъ не кспати. Сначала онъ обратился было съ вѣжливостями къ одной изъ дѣвиць, которая больше другихъ ему понравилась; но замѣпилъ, что ими обратился на себя внимание другихъ молодыхъ людей и дѣвиць, и возбудилъ улыбку пош, къ которой онъ отпосились. Не желая показаться спраннымъ, онъ долженъ былъ принять общій тонъ равнодушія, и былъ къ дѣвицамъ учпивымъ, и ничего больше. При томъ, онъ замѣпилъ, что и онѣ отпнюдь не требовали особеннаго вниманія, и играли только для того, чтобы провести время, сохраняя ту же холодность и важное благоразуміе въ обращеніи, какъ и мужчины. Казалось, и тѣ и другіе думали только о самихъ себѣ; мужчины не старались угождать дѣвицамъ; послѣднія, казалось, ни сколько не старались, какъ женщины, нравиться: напропивъ, онѣ, по видимому, добровольно отпказывались отъ преимущеспствъ своего пола, дарованныхъ имъ природою, отдавая предпочтеніе преимущеспствамъ мужчины. Различіе половъ, казалось, не имѣло вліянія на это общество. Разговаривали безъ принужденія; въ глазахъ дѣвиць не замѣпно было ни пѣни пош заспѣчивости и того невиннаго кокетства, который такъ нравились ему въ провинціальпыхъ красавицахъ; а въ глазахъ мужчинъ никакой шупливости и веселости, происходящихъ отъ желанія нравиться и отъ удовольствія быть въ кругу молодыхъ дѣвиць. Съ намѣреніемъ приняпый видъ живости одушевлялъ нѣсколь-

ко тонъ этаго маленькаго круга, безъ того сухой и холодный.

Часа два продолжалась такимъ образомъ игра, какъ офиціанты поставили предъ играющими приборы и подали кушанье. Когда все опять было убрано, молодые люди кончили маленькую игру (petit jeu), которая стоила *Ипполиту* 25 рублей.— Онъ лучше бы желалъ провести эту ночь вечеръ, по прежнему, въ танцахъ съ милыми красавицами, въ искренпихъ, неприпужденпыхъ удовольствіяхъ, послѣ которыхъ остается пріятное чувство въ душѣ и веселость въ расположеніи духа, который не вредитъ, а благопріятствуетъ здоровью и развертываетъ силы тѣлесныя и душевныя. Mens sana in corpore sano, думалъ онъ, вспоминая лекціи своихъ профессоровъ о гимнастическихъ упражненіяхъ Грековъ и Римлянъ, и чппанное имъ о рыцарскихъ турнирахъ и о препровожденіи времени у нѣкоторыхъ повѣйшихъ народовъ, какъ просвѣщенпыхъ, такъ и полуобразованныхъ. Или же, лучше было бы, полагалъ онъ, провести эту ночь вечеръ въ пріятной, образованной бесѣдѣ, въ разговорахъ, въ которыхъ развертываются умъ и дарованія, пламя милымъ дамамъ за ихъ сообщество любезностью и веселостью, или доставляя обществу удовольствіе своими пріятными палантами. Да простиатъ пачкой педантизмъ нашему герою! Еще не было года, какъ онъ распался съ своимъ университетомъ: идеально-изящное, отвлеченное, общее, чрезъ дѣйствіе опыта еще не замѣнилось для него существеннымъ, чувственнымъ и частнымъ. Онъ повѣрлялъ жизнь по тѣмъ понятіямъ, который составилъ о ней въ школѣ, изъ науки о истинѣ, добротѣ и пзящеспствѣ, и изъ повѣстовъ и романовъ. Прошу не поставитъ въ вину моему мечпательному философу, если онъ выводилъ ложныя умозаключенія изъ сужденій своихъ о Свѣтѣ, и смотрѣлъ на вещи не съ надлежащей почки зрѣнія. Я не осмѣливаюсь оправдывать образа его мыслей; но извиняю его молодостію и неопытностью.

А. Глбовъ.

ЛАСКОВЫЙ ОТВѢТЪ НА НЕЛАСКОВЫЯ СЛОВА.

Въ театрѣ, при представленіи новаго балета, случился слѣдующій анекдотъ.

Въ одномъ изъ заднихъ рядовъ кресель сидѣлъ молодой франтъ, а подлѣ него пожилой человѣкъ. Во время антракта сей послѣдній, возвращаясь изъ буфета на свое мѣсто, наступилъ нечаянно на ногу своему сосѣду. Сей вспылилъ и закричалъ съ гнѣвомъ: «вы, м. г., невѣжда и дуракъ.»—Я не дуракъ, отвѣчалъ попъ съ хладнокровіемъ, а ветеринарный докпоръ, если больно ушибъ васъ, по даромъ вылечу.—

БАБУШКА, ПРИНЯТАЯ ЗА ВНУЧКУ.

Въ одну изъ тѣхъ свѣплыхъ и морозныхъ ночей, копорыл наспали у насъ послѣ грязной Петербургской осени, — одна дама поропидась пѣшкомъ домой. Легкая походка, голубой вуаль, маленькая биби и маленькая ножка, весьма важные ашприбуны въ женщинѣ, особливо, если она идетъ одна въ 11-мъ часу ночи. Два молодые человѣка, замѣпивъ это прелестное существо, начинаютъ преслѣдованіе. Подошедъ на благородную дистанцію, они заводятъ атаку посредствомъ тѣхъ не совсѣмъ понятныхъ и не совсѣмъ непонятныхъ вопросовъ, копорые весьма хорошо извѣстны вамъ, молодой читатель.—Молчаніе (а молчаніе не худой отвѣтъ).—Одинъ изъ преслѣдователей просилъ позволенія проводить такую милую особу; другой прибавляетъ, что ничего не можетъ быть пріятнѣе прогулки въ такую ясную ночь съ такою прекрасною спутницею... Тогда только разверзлись уста молодой *Эвридики*: «Покорно благодарю васъ, только удивляюсь, что будучи еще молоды, вы ничего не видите въ такую свѣплую ночь: я повивальная бабка, ужъ двадцать лѣтъ занимаюсь своимъ ремесломъ, и сей часъ только изъ одного дома...»—Ахъ, сдѣлайте одолженіе, извините, что мы васъ обезпокоили; вамъ не надобно провожашыхъ, вы и безъ нихъ совершенно безопасны.—Сказавъ сіе, они бросились въ прошивную сторону.

ГЛУБОКІЯ И ПОВЕРХНОСТНЫЯ МЫСЛИ.

Глубокія мысли и чувства также тихо изливаются, какъ глубокія воды. Мелкія ручьи спруются и шумятъ въ своемъ теченіи: ибо всякой корень дерева, всякой камень затрудняетъ его и мупитъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРАСЛЕТЪ.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

II.

Гдѣ ты милый? Чшо съ тобою? —

Давно уже былъ вечеръ. Кофейный приборъ снятъ былъ со стола добраго воеводы. Панина *Доминика* чипала вслухъ Но Варшавскаго Курьера, *Цецилія* дополняла его своими остроумными замѣчаніями. «Опъ чего ты такъ весела сегодня, дочь моя?» спросилъ воевода, прижимая къ груди ласкающуюся *Цецилію*.

«Сегодняшній сонъ успокоилъ меня. Прекрасный, очаровательный сонъ! Я видѣла *Ипполита* съ его свѣплымъ лицомъ и прісвѣпливою улыбкою. Онъ былъ такъ добръ, такъ кропокъ, такъ нѣжно благодарилъ меня за любовь мою...»

Шумъ и бряканье сабли въ передней обрапали къ дверямъ общее вниманіе. Еще панина *Доминики* не успѣла подняться со стула, какъ офицеръ Калишской язды вошелъ въ комнапу и бросился на грудь воеводы.

—Сынъ мой! Братъ! Добрый, любезный *Альфонсъ*! Щастье, щастье!—Вопъ все, что произносило обрадованное семейство, прерывав слова объятіями и поцѣлуями.

«Увы!» сказалъ воевода: «ты также раздѣляешь ослѣпленіе своихъ соотечественниковъ. Жаль, что это безразсудное возстаніе ни къ чему не ведѣтъ, ничего не общаетъ, кромъ разоренія и уничтоженія. Охъ мнѣ эти Французы! Сколько

они зла надѣлали нашему прекрасному опечесству. Я никому на свѣтъ не уступлю въ спростной привязанности къ родинѣ; но омываю руки свои: я не причастенъ умоизступленію зачинщиковъ бунта. Все пошло было такъ хорошо; имя Польши воскресло; мы имѣли свои законы, свои права... Безумцы все погубили... Но да будетъ воля Господня!»

Снова возобновились безмолвные разговоры, радостныя восклицанія, замѣчанія о найденныхъ другъ въ другъ перемѣнахъ. Разумѣется, что послѣ первыхъ порывовъ радости, разговоръ обратился на политическія событія. Наконецъ, рѣчь перешла къ приключеніямъ самаго *Альфонса*.— Въ одной изъ кровавыхъ ошибокъ, сказалъ онъ, я сражался вмѣстѣ съ другомъ моимъ *Мицельскимъ*. Въ пылу боя я замѣнилъ, что онъ былъ тяжело раненъ однимъ офицеромъ, который дѣлалъ чудеса храбрости, я бросился на сего послѣдняго—и смертельный ударъ повергъ его на землю. Но *Мицельскій* уже палъ отъ его сабли. Битва кончилась.

— Не смотря на усталость, я не могъ зазнуть ни на минуточку. Смерть добраго *Мицельскаго* и впечатлѣнія перваго кроваваго боя, безпрестанно волновали мою душу. Я съ неперпѣніемъ ожидалъ разсвѣта, съѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать поле битвы. Между множествомъ труповъ, я скоро отыскалъ убитаго мною офицера, полубоюнаго, обезображеннаго. Спокойствіе, изображавшееся на лицѣ его, взбѣсило меня. Я хотѣлъ мстить еще его трупу. Мнѣ казалось, что тѣнь *Мицельскаго* умоляла меня объ этомъ. Я опустилъ по немъ нѣсколько ударовъ. Съ послѣднимъ упало съ руки его чугунное поручье. Я спряталъ его на память.— Тупъ *Альфонсъ* вынулъ окровавленный браслетъ *Цецилии*.

«*Альфонсъ!*» — вскричала она: «ты убилъ его!» и блѣдная, какъ смерть, упала къ ногамъ брата.

Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. *Цецилию* унесли. Нещастный отецъ послѣдовалъ за нею въ молчаніи. *Альфонсъ* остался одинъ въ глу-

бокой горести, не понимая ничего происходившаго. Наконецъ пришелъ старецъ и въ молчаніи подаль ему руку, и когда несчастный отецъ нѣсколько успокоился, рассказалъ онъ *Альфонсу* о своемъ плѣнникѣ. Тронутый до глубины души, *Альфонсъ* упалъ къ ногамъ великодушнаго отца и орошалъ руки его слезами. Спашное, но безвинное преступленіе раздирало его душу. Тронутый старецъ прижалъ его къ груди—и оба проливали слезы грубочайшей горести.

Цецилия пришла въ себя. Окровавленный браслетъ она крѣпко держала въ рукахъ. *Альфонсъ* въ безмолвіи спаялъ у ея постели. «Опойди! опойди!» сказала она, устремивъ дикій взоръ на брата: «твой руки дымятся еще его кровію! Не оскверняй здѣшнихъ смѣстъ, священныхъ его невинною душою. «Вотъ онъ! *Ипполитъ!* Какъ онъ похуздѣлъ! «Какая широкая рана! Вотъ капли черной крови!.. *Альфонсъ!* Чудовище!... Ты оляпъ «убиваешь его!...» И въ судорожныхъ движеніяхъ покапнулась безъ чувствъ.

Нещастная семья сидѣла вокругъ ея постели. Всѣ наблюдали глубокое, горестное молчаніе.

Цецилия снова очнулась; на нѣжную душу ея сильно подѣйствовало внезапное, ужасное приключеніе—и цвѣтущая молодость въ минуточку оплелѣла. Небесный взоръ ея уже не омрачался злобою. Природу побѣдила любовь—и умирающая, она пропаяла слабую руку брату. «*Альфонсъ!*» сказала она: «ты убилъ его. Прощаю тебя, мирюсь съ тобою. Скоро, скоро мы увидимся! Милый образъ его, озаренный небеснымъ блескомъ, носится надо мною! *Ипполитъ!*... *Ипполитъ!*...» сказала она слабымъ голосомъ, подыая руки. Ангельская улыбка мелькнула на лицѣ ея и—*Цецилии* не спало!

Повѣсть эту слышалъ я отъ самаго *Альфонса*. Ночью 26 Августа, въ незабвенный день взятія Варшавскихъ укрѣпленій, я лежалъ на батареѣ, вслушиваясь въ рассказы успалыхъ уланъ. Передо мной пылала

Баршава, величественно освѣщая окрестности. Трескъ разрушающихся зданій, ружейная перестрѣлка въ городѣ, изрѣдка визгъ старыхъ знакомцевъ нашихъ ядеръ и гранатъ, изрѣдка долетавшіе слоны раненыхъ, оставленныхъ въ темнотѣ ночной на полѣ битвы, не смотря на изнеможеніе и усталость — привели меня въ самое восхищительное-мечтательное расположеніе! Я былъ нѣмой поэтъ! Я радовался тогда, что я не мирный гражданинъ, которому невообразимы порожественныя минуты военнаго чело-вѣка! Я съ гордостью смотрѣлъ на свою саблю — на ней дымилась кровь мятежниковъ!

Но и тамъ я не могъ долго быть эгоистомъ. Я не могъ не вспомнить о ней, со-путницѣ всего величественно-прекраснаго! Мнѣ хотѣлось сдѣлать еѣ участницею моего восторга. Я воображалъ еѣ въ это время на балѣ, окруженною толпою восторжен-ныхъ поклонниковъ. Я хотѣлъ бы, чтобы она пожертвовала одною минутою волшеб-наго копильона и невѣдомой силой перене-слась на поля Варшавскія. Я бы спросилъ тогда, такъ ли еѣ любятъ ея безумные по-клонники? Больше ли достойны они внима-нія и уваженія женщины? Скоро перешелъ я къ дѣйствительности. Она была не со-всѣмъ оправда. Выигрываетъ ли солдатъ, думалъ я, въ расположеніи женщины, всту-пая въ сосязательство съ городскимъ жи-телемъ, котораго достоинства и заслуги ограничиваются, впрочемъ, смазливимъ ли-чикомъ, знаніемъ туалета, свѣтскихъ под-слащенныхъ разговоровъ и припорнаго об-ращенія съ женщинами? Разгадываютъ ли онѣ въ поже время и недоспапокъ чувствъ и недоспапокъ образованія и безхарактер-ность, замазанные безцвѣпнымъ свѣтскимъ воспитаніемъ? При этихъ мысляхъ самолю-біе закипѣло во мнѣ — и благословивъ порохо-вой запахъ, съ желаніемъ не разлучаться съ нимъ, я вздохнулъ, и смотря на зарево, за-думался!... «Кто идетъ?» раздалось по цѣпи.

Нѣсколько чело-вѣкъ плѣнныхъ, взятыхъ въ редушахъ, вели мимо насъ въ главную квартиру. Офицеръ Калишской язды, тяже-ло раненый, будучи не въ состояніи идти

далье, просилъ позволенія остановиться. Это былъ *Альфронсъ*, искавшій смерти на развалинахъ Варшавскихъ укрѣпленій. Трону-тый моимъ участіемъ, за спаканомъ чаю, онъ рассказалъ мнѣ повѣсть *Цыццилии*.

В. Владиславлевъ.

6 Декабря 1832.

Вознесенскъ.

О ЧТЕНІИ РОМАНОВЪ.

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравственности; всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную цѣль, или представляютъ моральное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ дѣтскими и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? Нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно, добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ — посред-ственно, или непосредственно.

Нравственная природа наша такова, что не угодить сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда любим-цами. Дурные люди и романовъ не читаютъ. Жесткая душа ихъ не принимаетъ крош-кихъ впечатлѣній любви и не можетъ зани-маться судьбою нѣжности. Гнусный ко-рысполюбець, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ героѣ? А что ему нужны до другихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце и воображеніе... *романически*: какая бѣда? пѣтъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣ-нія не романическія сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то естъ совсѣмъ имъ противоположныя! Романи-ческое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огор-ченія, и не опдастъ ихъ за самыя удоволь-ствія эгоистовъ.

Однимъ словомъ: хорошо, что наша Пу-блика и романы читаетъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ: КНЯЗЬ КУРБСКІЙ.

Псковъ.

Прикрытый цѣпью дикихъ горъ,
 Полѣтомъ времени хранимый,
 Оружьё хищниковъ въ укоръ
 Гордился Псковъ неодолимый!
 Возспавъ на прахъ вѣковомъ,
 Съ обвѣшымъ славою челомъ —
 Угрозъ Ливонцевъ не спрашивая,
 И бранный мечъ его и щипъ
 Попокомъ крови обогрився.
 Его ужъ нѣтъ; но намъ гласишь
 Преданье Русскаго народа:
 Что прахъ здѣсь Курбскаго лежишь,
 Что имъ искуплена свобода!
 И лавръ, во знаменье побѣдъ,
 Облекъ разрушенные своды...
 Еще замѣнешъ грозный слѣдъ —
 Его не стерли быспры годы!
 Здѣсь часто Русскіе Князья
 Дружину смѣлую водили:
 И взмахомъ Русскаго копья —
 Полки Ливонскіе громили!
 Но стихъ побѣдный звукъ громовъ,
 Ливонецъ мечъ не обнажаешь
 И знамя сѣверныхъ орловъ
 Рука побѣдъ не развѣваешь!
 Наложена печать вѣковъ
 Надъ мхомъ украшенныхъ обломкахъ,
 И прахъ, здѣсь шлѣющихъ сыновъ —
 Родишь величіе въ потомкахъ.
 Ихъ геній славы — спорожишь,
 Прикрывъ неплѣнными крылами,
 И Псковъ безмолвіе хранишь
 Надъ ихъ священными гробами!

Петръ Никифоровъ.

ЭЛЕГІЯ.

Ты пикогда меня, Алина, не любила.
 Не виновата ты — я самъ обманывалъ себя!
 Надежда тщешная мнѣ льстила,

Когда украдкою смотрѣлъ я на тебя!

Ты говорила — мнѣ казалось,

Что въ смыслѣ словъ твоихъ есть тайный смыслъ
 любви;

Я думалъ такъ, когда въ мечты твои

Моя случайно пришивалась;

Такъ, словомъ: каждый шагъ, и каждый звукъ рѣчей,
 Невинные въ винѣ моей,

Я обращалъ къ себѣ, ихъ ложно понимая:

Присвоивалъ себѣ все, было что чужимъ

И относилось къ другимъ,

Мнѣ только слабую надежду оставляя.

Не виновата ты! Нѣтъ, я одинъ виноватъ!

Но какъ жестоко наказанье!...

Смотри, что чувствую; вѣмоприся, что со мной,

Тогда, какъ я одинъ; тогда, какъ я съ тобой,

Въ разлукѣ-ль, или при свиданьи,

Всегда — ты; ты одна всѣхъ чувствъ моихъ душой!

Я мучусь ревностью, любовью,

Хочу забвеніемъ за невниманье мстить;

Хочу въ твоей крови свой страшный спыдъ
 омыть;

Хочу своей омыться кровью

И... О, какъ тяжело любить!...

Н. Стасюловъ.

D É S E S P É R A N C E.

Pourquoi des yeux sur moi s'arrêtent-ils encore?

Pourquoi me suivent-ils, et que veut-on de moi?

Ai-je montré l'espoir? et ce que l'on ignore

Quel époux a reçu ma foi?

Eh quoi! ne voit-on pas celui qui me réclame!

Je suis sa fiancée et porte sa couleur:

Non, je n'espère pas une âme pour mon âme,

Au tombeau seul reposera mon coeur.

Loin de moi, loin! o vous dont l'ardente jeunesse

Aspire le bonheur et prodigue l'amour:

Fuyez! autour de moi c'est en vain qu'on s'empresse.

J'aime sans espérance, on m'aime sans retour.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* соспоишь изъ буквы только гласной;

Второй же изъ согласной;

Опъ первой въ азбукѣ не слишкомъ далеки;

А *цѣлос*—название рѣки.

III.

Въ No 102, помѣщенная шарада значить: *Adieu*.

M O D E S.

Le soir, en toilette habillée, on porte beaucoup les mantelets de velours, dont nous avons déjà parlé. Pour mettre avec une robe blanche, il y a quelques femmes qui ont essayé les velours de couleur voyante une charmante nuance pour cet effet, est le velours *rose de Provins*, du magasin des deux Pages, garni de blonde noire. Ce rose vif, nuance toute particulière est d'une richesse et d'un éclat ravissant.

Les chapeaux seront sans doute, cette année, d'une seule couleur, à en juger du moins par ceux que nos grands magasins font cet automne. Il y a telle alliance de couleurs, qui est devenue tout-à-fait de mauvais goût; comme des rubans cerise ou mais sur du noir. Des couleurs qui sont toujours fort bien sur le velours, sont le *vert d'eau*, *bleu turquoise* ou *carotte*, pour des plumes surtout, plutôt que pour des rubans sur un chapeau négligé. Pour les chapeaux du matin, il n'y a rien de mieux que du velours noir, ayant pour seul ornement un ruban de satin en double rosette, et un demi-voile de dentelle noire.

On a fait récemment, pour le bal des Tuileries, des turbans en blonde noire ou blanche, doublés de satin; les plus élégans sont noirs, doublés de rose ou de carotte; généralement ils se font sur la tête, au moment de la toilette; mais nous pouvons enseigner ceux que nous avons vus tout desposés dans le magasin de madame Lepetit. Ils étaient d'une grâce et d'une légèreté qui les rapprochaient entièrement de ceux que l'on peut poser soi-même; ce qu'elle avait évité par-dessus tout, est la raideur des plis et la symétrie, qui mettent ordinairement tant de distance entre les turbans montés et celui auxquels préside la femme élégante qui se coiffe avec goût.

Il y a une immense différence entre un ruban de satin à petites mouches noires *brochées*, et un ruban de gaze à mouches noires *imprimées*; le premier est une fantaisie très-bien portée, le second se voit sur tous les bonnets ou les chapeaux de *passages*.

М О Д Ы.

Вечеромъ, въ нарядахъ, много носятъ бархатныхъ маншиль, о которыхъ мы уже говорили. Некоторые дамы пробовали, съ бѣлыми платьями, бархаты яркихъ цвѣтовъ; прелестный цвѣтъ для сего употребленія *rose de Provins*, изъ магазина *des deux Pages*, обшитый чѣрною блондою. Эпотъ ярко-розовый цвѣтъ, совсѣмъ опличной шѣни, чрезвычайно пышенъ и блестящъ.

Шляпки вѣрно будутъ одноцвѣшныя нынѣшній годъ, судя по шѣмъ, которыя дѣлаются въ большихъ нашихъ магазинахъ. Есть соединеніе цвѣшовъ, сдѣлавшееся совершенно не приличнымъ, какъ алыя или цвѣша маисъ ленты на чѣрномъ. Цвѣша, приличные всегда къ бархату, *vert-d'eau*, голубой, бирюзовой или морковный, для перьевъ особливо болѣе, нежели для лентъ на проспой шляпкѣ. Для упренныхъ шляпокъ ничего нѣтъ лучше чѣрнаго бархату, опдѣланныхъ только двойною розеткою изъ апласныхъ лентъ и чѣрнымъ кружевнымъ полу-вуалемъ.

Недавно сдѣлали для Тюльерійскаго бала шюрбаны изъ чѣрной или бѣлой блонды, подложенные апласомъ; самые щеголеватые чѣрные, подложенные розовымъ или морковнымъ цвѣтами; вообще они дѣлаются на голову, во время одѣванья; но мы можемъ указать на видѣнные нами совсѣмъ гошовой въ магазинѣ г-жи *Lepetit*. Они ловкостію и легкостію своею совершенно приближались къ шѣмъ, которыя накалываютъ сами; чего она избѣжала особенно, это приготоленности складокъ и симетриі, которыя дѣлаютъ всегда большую разницу между гошовымъ шюрбаномъ и дѣлаемымъ подъ надзоромъ щеголеватой женщины, убирающейя со вкусомъ.

Огромная разница между апласною лентою съ запканными чѣрными мушками, и газовою лентою съ печашными чѣрными мушками; первая, прихотъ въ большомъ употребленіи, вторая видна на всѣхъ *проходящихъ* чепцахъ и шляпкахъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 104.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 г.,
съ 56-ю картинками моды,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 30 ДНЯ 1853 ГОДА.

«Скажи мнѣ, Липочка, что такъ ты подурѣла?
Куда дѣвала ты всю красоту свою?»
— Ахъ! я при солнышкѣ росла и зеленѣла;
Теперь—въ тѣни спую.—
Легко къ сей баснѣ примѣненіе;
Таганшѣ липочка, а солнце одобреніе.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ СТОЛИЦѢ

или

ХІХ-е СТОЛѢТІЕ.

(Отрѣзокъ второй.)

Будучи обязанъ просиживать каждый день съ 9-ти до 3-хъ часовъ въ департаментѣ, въ которомъ служилъ *Ипполитъ* долго, по прїѣздѣ въ столицу, не могъ выбрать времени—развезти нѣсколько данныхъ ему изъ провинціи рекомендабельныхъ писемъ. Наконецъ испросилъ онъ у одного изъ своихъ начальниковъ позволеніе не прийти на другой день къ должности; но оно дано ему было съ видомъ неудовольствія и упрека.— «Боже мой!» подумалъ юноша: «не ужели опять меня потребуютъ, чтобы для обязанности переписчика бумагъ, я оставилъ въ свои дѣла и прервалъ связи со Свѣтомъ? Нѣтъ, я увѣренъ, что принося возможную пользу своему мѣсту, я не менѣе того мо-

гу вести себя, какъ прилично человѣку, приготовившемуся жить въ хорошемъ обществѣ.

Побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ,—«слава Богу!—подумалъ *Ипполитъ*: по крайней мѣрѣ я теперь обезпеченъ со стороны знакомства; вижу, что и здѣсь не такъ трудно находить его, какъ говорятъ.»—При первомъ удобномъ случаѣ ушелъ онъ изъ своего департамента, получасомъ раньше обыкновеннаго, домой переодѣвшись, съ намѣреніемъ обѣдать въ одномъ домѣ, гдѣ его приглашали приходиться къ обѣду, когда ему вздумается. Хотя онъ чувствовалъ себя нѣсколько упомянутымъ, занимавшимся слишкомъ пять часовъ сряду, и опять эпаго не очень расположеннымъ быть въ обществѣ, гдѣ нужны веселое расположеніе духа и непринужденность, а желалъ бы послѣ трудовъ отдохнуть дома; однако, въ половинѣ четвертаго отправился къ новымъ своимъ знакомымъ. Взойдя на лѣспницу, онъ нашелъ двери запертыми. «Видно нѣтъ дома;»

подумалъ онъ, и позволилъ въ колокольчикъ, чшобы приказать челоуьку доложитъ послѣ господамъ, что онъ былъ; но войдя въ переднюю, которую не вдругъ ему отперли, узналъ опъ явившагося не вдругъ лакея, что они дома. *Ипполитъ* пошелъ въ госпинуую, гдѣ никого не было; а челоуькъ пошелъ доложитъ о немъ хозяину, бывшему въ своемъ кабинетѣ. Стоя одинъ, и случайно взглянувъ въ зеркало, *Ипполитъ* увидѣлъ въ немъ хозяйку, чипавшую въ другой комнатѣ на диванѣ книгу. Въ это время прошла чрезъ госпинуую живущая въ домѣ дама, и какъ-бы едва замѣпя его, слегка поклонилась мимоходомъ. Скоро явился хозяинъ, и сказавъ привѣтствіе гостю, велѣлъ давать кушать. «Здоровы ли вы? Каково начало вашей службы?» продолжалъ онъ, допрогиваясь до руки *Ипполита*, и приглашая садиться. Молодой челоуькъ хотѣлъ отвѣчать, но почелъ это ненужнымъ, замѣпивъ, что спрашивавшій не пребовалъ отвѣта, думая совсѣмъ о другомъ, все еще занятый дѣломъ, оставленнымъ въ кабинетѣ. Когда доложили, что кушать готово, хозяйка оставила свою комнату, и учтиво поклонившись гостю, прошла чрезъ госпинуую въ обѣденную залу, а за нею, по приглашенію хозяина, *Ипполитъ*, и потомъ самъ хозяинъ. За столомъ были еще дѣти и двѣ гувернантки или компаньонки. Общій разговоръ ограничивался отрывистыми извѣстіями о нѣкоторыхъ новостяхъ городскихъ, политическихъ и литературныхъ. *Ипполитъ* старался завести болѣе оживленный, текущій разговоръ; но это ему не удалось: хозяинъ и хозяйка, по видимому, совсѣмъ не были расположены къ веселому бесѣдованію. За то дѣти безпре-спанно лепетали между собою, и обращались съ вопросами, то къ отцу и матери, то къ двумъ дамамъ. Впрочемъ, *Ипполиту* это опъ обѣдъ не имѣлъ времени показаться слишкомъ скучнымъ, состоя изъ прехъ умѣренныхъ блюдъ, и умѣренныхъ гораздо болѣе, нежели какъ ожидалъ онъ, хотя и слышанный о столичной экономіи. Въ продолженіе получаса, проведеннаго ими за столомъ, входилъ въ залу нѣкто посторонній, котораго приняли очень привѣтливо. *Ип-*

политъ, нѣсколько оподвинувшись, хотѣлъ дать ему за столомъ мѣсто, но поопъ сълъ поодаль, на поданномъ ему стулѣ. По размѣнѣ двухъ, прехъ обычныхъ вопросовъ и отвѣповъ, хозяинъ спросилъ поствпителя: не хочепъ ли онъ отвѣдать ихъ каши? — «Нѣпъ;» — отвѣчалъ онъ: «я иду обѣдать домой.»—Вспавъ изъ стола, хозяйка опять ушла въ другія комнаты, а хозяинъ и *Ипполитъ* съли въ госпиной на пѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали нѣсколько мнупъ передъ обѣдомъ. Подали кофе (безъ сливокъ). *Ипполитъ* замѣпилъ, что хозяинъ, упомя- ленный упренними дѣлами, имѣлъ нужду въ опдыхѣ, и слышавъ, что, по обыкнове- нію столицы, послѣ обѣда долго не оспаюп- ся, взявъ шляпу, опкланялся. Это опъ обѣдъ запросто, хотя и въ домѣ хорошаго тона, у людей, занимающихъ нѣкоторую степень въ обществѣ, немного доставилъ ему удо- вольствія. «Споило ли труда,» подумалъ онъ, сходя съ лѣспницы, когда за нимъ снова за- перли изнупри двери на крюкъ: «спити съ принужденіемъ въ чужой домѣ, безпокоитъ хозяевъ, опъ своего обѣда, для котораго все таки оспалось въ желудкѣ мѣсто? Правда, я шелъ, чшобы развлечься въ общество; од- накожъ ничего бы не потерялъ, еслибъ спо- койно расположился обѣдать дома.— Но за- чѣмъ меня приглашали?» —

А. Г—въ.

О ПРЕЖНЕЙ И НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Горько и смѣшно слышатъ слѣдующій оп- зывъ о нынѣшней Французской словесно- сти *Виктора Гюго*, котораго нельзя же об- винять въ приспраспіи къ классической поэ- зии, какъ у насъ въ Россіи обвиняютъ гра- фа *Хвостова* и *Катенина*.

«Нынѣшняя (?) наша литература,» пи- шепъ *Викторъ Гюго*: «какъ и все челоуьче- ское, имѣепъ въ самомъ своемъ единствѣ, свою мрачную и упѣшительную сторону. Двѣ школы образовались въ ея лонѣ; онъ изображаютъ двоякое положеніе, въ коемъ

наши политическія бѣдствія взаимно оспа-
вили умы: покорность Провидѣнію и оп-
чашіе. Обѣ признають по, что насмѣшли-
вый *философизмъ* опвергалъ: безсмертіе ду-
ши, истины первородныя; но одна (*) при-
знаётъ для обожація, другая для прокля-
тія. Одна все видитъ съ высоты небесъ,
другая изъ глубины ада. Первая у колыбе-
ли челоуѣка видитъ Ангела, котораго еще
обръшаетъ и у возглавія смертнаго одра
своего, а другая окружаетъ его повсюду де-
монами, призраками и зловѣщими привидѣ-
ніями!»

Ж И З Н Ъ.

Есть жизнь скопская, животная, звѣрская,
человѣческая, ангельская.

Есть жизнь, которая не сподитъ мѣднаго
гроша; есть жизнь драгоцѣнная. Богъ пода-
рилъ намъ её, украшенную такими благо-
пріятными обстоятельствоми, что мы са-
ми виноваты, если крикшимъ подъ нею и
зѣваемъ при ней.

П О К Л Ё П Ъ.

Живописца К*** упрекали въ томъ, что
онъ на картинѣ написалъ сову, какъ двѣ
капли воды похожую на господина N. N., и
приписывали это злему умыслу.

«Какъ нынѣ люди несправедливы въ сво-
ихъ сужденіяхъ;» возразилъ художникъ: «не
сова моя имѣетъ сходство съ господиномъ
N. N., а онъ на неё похожъ.»

ПРЕПОНА ТРЕБУЕТЪ ДУШЕВНОЙ СИЛЫ ДЛЯ ЕЯ ОДОЛѢНІЯ.

Препятствія необходимы: они образуютъ
перпѣніе, а съ нимъ всякая ноша легче, вся-
кой недугъ сноснѣе, всякая бѣда меньше.

(*) Школа *Воссюэта, Паскаля, Флешье, Брюффона, Монтезьё, Шатобриана, Расина, Ламартина, Де-
лиля, Томаза, Лигарна, Боинета.*—В.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВИДѢНІЕ *КАРЛА XI* (*), КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО.

(*Соч. Prosper Mérimée*).

There are more things in heav'n und eurth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.

Schakspeare, *Hamlet*.

Обыкновенно смѣются надъ всеми сверхъ-
естественными явленіями и привидѣніями;
однакожь истина нѣкоторыхъ изъ нихъ осно-
вана на такихъ свидѣтельствахъ, что если
бы не захотѣли имъ вѣрить, то должно бы
было опвергнуть вообще все историческія
доказательства.

Пропоколь, составленный съ соблюденіемъ
всѣхъ формъ и утверженный подписью
четырёхъ достойныхъ вѣроятія свидѣтелей;
ручается за истину описываемаго здѣсь слу-
чая. Прибавлю къ сему, что предсказаніе,
заключающееся въ семъ пропोकль, было
извѣстно и нѣрѣдко обращало на себя вни-
маніе задолго передъ тѣмъ, какъ событія
нашего времени, по видимому, оправдали оное.

Карль XI, отецъ воинственнаго *Карла XII*,
былъ одинъ изъ числа самыхъ само-
власныхъ, но вмѣстѣ и мудрѣйшихъ госу-
дарей Швеціи. Онъ ограничилъ несоразмѣр-
ныя преимущества дворянства, уничтожилъ
власть Сенапа, выдавалъ законы безъ уча-
стія народныхъ сословій; однимъ словомъ,
перемѣнилъ совершенно образъ правленія,
который до него былъ олигархическимъ; онъ
принудилъ государственныхъ чиновъ вру-
чить себѣ неограниченную власть. Впро-
чемъ, онъ былъ челоуѣкъ просвѣщенный,
храбрый, преданный Люперанской вѣрѣ, ха-
рактера непреклоннаго, хладнокровный, по-
споянный, совершенно чуждый фанатизма
и миспцизма.

Онъ лишился супруги своей *Ульрики Елео-
норы*. Хотя холодность его къ сей принцес-
сѣ ускорила, какъ говорили, кончину ея,
при всемъ томъ онъ уважалъ её, и казалось,

(*) Изъ *Mosaïque. Brux. 1835.*

былъ пронуть ея потерю гораздо болѣе, чѣмъ ожидали отъ такого безчувственнаго человѣка. Съ сего времени онъ сдѣлался еще мрачнѣе и молчаливѣе, и предался государственнымъ дѣламъ съ необыкновенною дѣлательностью. Казалось, что симъ онъ хотѣлъ разсѣять мысли, его превозвѣщавшія.

Поздно, осеннимъ вечеромъ, сидѣлъ онъ въ халатѣ и въ туфляхъ передъ каминомъ, въ кабинетѣ своего Штокгольмскаго дворца. У него находился камергеръ его графъ *Браге*, къ которому онъ весьма благоволилъ, и докторъ *Баулгартенъ*, который — мимоходомъ сказать — выдавалъ себя за безбожника и хоплѣль; чтобы не вѣрили ничему, кромѣ медицины. Въ этотъ вечеръ король призвалъ его, чтобы посовѣтоваться о своей болѣзни.

Время шло, а король, пропивъ обыкновенія, еще не прощался съ ними и не приказывалъ имъ удалиться. Съ поникшею головою и устремивъ взоръ на пылающія дрова, онъ сохранялъ глубокое молчаніе, наскучивъ своимъ обществомъ и боясь, самъ не зная почему, оспаться одинъ. Графъ *Браге* замѣчалъ, что присутствіе его было не слишкомъ пріятно, и неоднократно изъявлялъ свое безпокойство о томъ, что его величеству можетъ быть угодно уже опдохнуть; но король движениемъ руки приказывалъ ему оспаться. Съ своей стороны докторъ говорилъ о вредномъ вліяніи излишняго бѣнія на здоровье; но король отвѣчалъ ему сквозь зубы: «Останьшесь, мнѣ еще не хочется спать.»

Старались завести разговоръ о различныхъ предметахъ, но онъ рвался при первыхъ словахъ. Видно было, что его величество находился въ мрачномъ расположеніи духа, а въ подобныхъ случаяхъ положеніе придворнаго весьма щекотливо. Графъ *Браге*, полагая, что король груститъ о потерѣ супруги, устремилъ глаза на портретъ королевы, висѣвшій въ кабинетѣ, и потомъ произнесъ съ глубокимъ вздохомъ: «Какъ похожъ этотъ портретъ! Какъ вѣрно изображены по величію и по кротости...»

«Ба!» произнесъ грубымъ пономѣмъ король, которому въ имени королевы всегда слышался какой-то упрекъ.—«Въ этомъ портретѣ слишкомъ много лести! Королева была со всѣмъ нехороша.» Потомъ, самъ негодуя на свою суровость, онъ вспалъ и прошелъ по комнатамъ, дабы скрыть свое смущеніе.—Онъ остановился передъ окномъ, обращеннымъ на дворъ. Ночь была темная и луна въ первой чепверти.

Дворецъ, мѣстопребываніе нынѣшнихъ Шведскихъ королей, не былъ тогда оконченъ, и *Карлъ XI*, начавшій строить его, жилъ въ древнемъ замкѣ, сплощемъ на вершинѣ Риппергольма, близъ озера Мелара. Сіе огромное зданіе имѣетъ видъ подковы; кабинетъ короля былъ на одномъ концѣ, а почти насупротивъ его находилась большая зала, въ которой происходили засѣданія государственныхъ чиновъ.

Окна сей залы были тогда ярко освѣщены. Королю показалось это страннымъ. Сначала подумалъ онъ, что свѣтъ происходилъ отъ свѣчи какого нибудь прислужника. Но зачѣмъ ему иппи въ такое время въ залу, которая уже давно не отворялась? — Да и освѣщеніе было слишкомъ сильно. Можно бы было подумать, что пожаръ; но нигдѣ не видно было дыма, стекла были цѣлы и не слышно никакого шума; всего болѣе это походило на иллюминацію.

Карлъ, не говоря ни слова, глядѣлъ на освѣщенные окна. Между тѣмъ, графъ *Браге* пропаянулъ уже руку къ шурку, въ намѣреніи позвонить и послать пажа развѣдать о причинѣ столь страннаго освѣщенія; но король остановилъ его.—«Я самъ пойду въ эту залу,» сказалъ онъ.—Произнесши сіе, онъ поблѣднѣлъ, и фізіогномія его выразила какой-то благоговѣйный страхъ. Онъ пошелъ твердымъ шагомъ; камергеръ и докторъ слѣдовали за нимъ, держа по зажженной свѣчѣ.

Спорожъ, у котораго были ключи, спалъ уже. *Баулгартенъ* разбудилъ его и именемъ короля приказалъ топчасъ оппереть залу Чиновъ. Онъ чрезвычайно удивился этому неожиданному приказанію; одѣлся наскоро и побѣжалъ къ королю со связкою ключей.

Сперва онъ отперъ двери галереи, служившей переднею, или выходомъ для залы Чиновъ. Король вошелъ—и каково было изумленіе его, когда онъ увидѣлъ, что всѣ спѣсны обтянуты были чернымъ!

«Кпо велѣлъ обить чѣрнымъ сукномъ эту залу?» спросилъ онъ съ гнѣвомъ. — Никто, сколько мнѣ извѣстно, — отвѣчала смущенный спорожъ. — Въ послѣдній разъ, какъ мели, она была все по прежнему, спѣсны сполярной дубовой работы. . . Эта обивка, кажется, не изъ кладовой вашего величества. — Король, идучи скорымъ шагомъ, прошелъ уже почти двѣ препи галереи. — Графъ и спорожъ шли за нимъ по пятамъ; докторъ *Баумгартенъ* нѣсколько отсталъ, боясь и оспаться одинъ, и подвергнуться опасности споль чуднаго происшествія.

— Нейдите далѣе, государь, — закричалъ спорожъ: клянусь вамъ, шупъ что-то не доброе. . . Въ эту пору. . . по кончинѣ королевы, почтеннѣйшей супруги вашей. . . говорятъ, что она изволилъ прогуливатьсь по этой галереѣ. . . Богъ да сохранилъ насъ! —

«Остановившись, государь,» воскликнулъ также графъ. «Слышите, какой спрашный шумъ выходитъ изъ залы? Какой опасности, быть можетъ, подвергается ваше величество!»

— Государь, — сказалъ *Баумгартенъ*, у котораго въперъ вдругъ задулъ свѣчу: позволите, по крайней мѣрѣ, я позову человѣкъ двадцать вашихъ драбантовъ. —

«Войдемъ,» сказалъ король пвердымъ голосомъ, оспановившись передъ дверьми большой залы: «а ты, спорожъ, опонри намъ скортій.» Онъ толкнулъ въ дверь ногою: звукъ сего удара, опразившись въ сводахъ, раздавался по галереѣ пушечнымъ выспрѣломъ.

Спорожъ трясся такъ, что никакъ не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину. — «Спидно прусишь спарому служивому!» сказалъ король приподнявъ плечи. — «Ну, графъ, опонрите намъ эту дверь.»

«Государь,» сказалъ графъ, сдѣлавши шагъ назадъ: «пусъ, ваше величество, прикажетъ

мнѣ лезть прямо въ жерло Датской или Нѣмецкой пушки, и пойду не раздумывая; но здѣсь вѣдь надо сражаться съ адомъ.»

Король выхватилъ ключъ изъ рукъ спорожа. — «Вижу,» сказалъ онъ съ негодованіемъ: «что здѣсь дѣло касается до меня одного!» И прежде, чѣмъ могли-бъ удержать его, онъ отворилъ уже полетную дубовую дверь и вошелъ въ большую залу, произнеши: «Съ Божією помощію!» Три спушника его, каждый со свѣчею, побуждаемые любопытствомъ, которое было въ нихъ сильнѣе страха, и спидясь можетъ быть оставить короля одного, вошли вмѣстѣ съ нимъ.

Зала освѣщена была множествомъ свѣчь и, вмѣсто спаринныхъ обоевъ, обтянута праурнымъ сукномъ. По спѣснамъ висѣли по прежнему Нѣмецкія, Датскія и Московскія знамена, прочен *Густава Адольфа*, а посреди ихъ знамена Шведскія, обвитыя чернымъ крепомъ.

Многочисленное собраніе сидѣло на скамьяхъ. Четыре народныя сословія (*) занимали свои мѣста. Лица сихъ людей, коимъ чѣрный цвѣтъ комнапы придавалъ необыкновенный блескъ, такъ поражали зрѣніе, что изъ четырехъ свидѣтелей сего спраннаго зрѣлища ни одинъ не могъ никого узнать. Такъ актеръ, стоя передъ многочисленною публикою, видитъ только одинъ хаосъ лицъ и не можетъ опличить ни одного человѣка.

На возвышенномъ тронѣ, съ котораго король произносилъ во время засяданій рѣчи, лежалъ окровавленный прупъ въ королевскомъ одѣяніи. На право споль диня въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, а на лѣво пожилой человѣкъ или, лучше сказать, другое привидѣніе, опираясь на тронъ. — На немъ была поржественная мантія, въ какую облекались древніе администраторы Швеціи, до временъ *Вазы*, который усилилъ власть королевскую. Насупротивъ прона— нѣсколько человѣкъ важнаго вида, въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ; они походили на судей и сидѣли передъ споломъ, на которомъ

(*) Дворянство, духовенство, граждане и крестьяне.

лежало нѣсколько огромныхъ фоліантовъ и пергаментныхъ грамотъ. Между прономъ и скамьями лежала плаха, обвѣшанная чернымъ крепомъ, и подлѣ ней попоръ.

Никто въ семь чудномъ собраніи не замѣтилъ, казалось, короля и его спутниковъ. При входѣ въ залу имъ послышался какой-то глухой шопотъ, въ которомъ нельзя было отличить ни одного слова; потомъ слышнѣйшій изъ судей, занимавшій по видимому должность председателя, вспалъ и ударилъ три раза рукою по раскрытой передъ нимъ книгѣ. Тотчасъ воцарилась глубокая тишина.— Нѣсколько юношей пріятной наружности и богато одѣтые, со связанными за спиной руками, вошли въ двери, противоположныя тѣмъ, кои опіеръ *Карлъ*. Они шли съ возвышеннымъ челомъ и спокойнымъ взоромъ. За ними слѣдовалъ какой-то дюжій человекъ въ коричневомъ сюртукѣ, держа въ рукѣ концы веревокъ, коими связаны были ихъ руки. Тотъ изъ арестантовъ, который шелъ первый и былъ по видимому важнѣе другихъ, остановился посреди залы передъ плахою и взглянулъ на нее съ презрѣніемъ.

Въ это время прупъ пришелъ въ судорожное движеніе и затрясся, и алая кровь потекла изъ раны. Юноша спалъ на колѣни, пропаянулъ голову; попоръ сверкнулъ въ воздухъ и упалъ съ шумомъ.—Кровь брызнула на тронъ и смѣшалась съ кровію лежавшаго на немъ прупа, а голова, опскаканувъ нѣсколько разъ о кровавленномъ полѣ, докапилась къ ногамъ *Карла* и оспавила на нихъ кровавое пятно.

До сего мгновенія онъ былъ нѣмъ оупъ изумленія; но при такомъ ужасномъ зрѣлищѣ языкъ его разрѣшился; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ трону и, обратившись къ привидѣнію въ администраторской мантіи, произнесъ твердымъ голосомъ: «Если ты оупъ Бога, то оупѣчай; если-жъ не оупъ Бога, то оспавь насъ въ мирѣ.»

Привидѣніе оупѣчало ему медленно и торжественнымъ пономъ: «Король *Карлъ*! Эта кровь прольется не въ твое царствованіе... (здѣсь голосъ спалъ невнятенъ), но черезъ

пятъ царствованій. Горе, горе, горе попомъ спву *Вазы!*»

Тогда лица особъ, составившихъ сіе странное собраніе, начали тускнѣть и стали похожи на раскрашенныя тѣни, а вскорѣ и совсѣмъ исчезли; чудесныя свѣчи попухли, а бывшія въ рукахъ у *Карла* и у спутниковъ его, освѣщали одни старинныя обои, шевелившіеся оупъ въпра. Слышенъ былъ еще нѣсколько времени довольно мелодическій шумъ, который одинъ изъ свидѣтелей уподоблялъ шопоту въпра между густыхъ листвьевъ, а другой звуку спрунъ арфы, лопнувшихъ въ то время какъ ее наспираваютъ.—Всѣ они утверждали, что явленіе сіе продолжалось около десяти минутъ.

Черные обои, опрубленная голова, кровь на полу, все исчезло вмѣстѣ съ привидѣніями; только на туфлѣ *Карла* оспалось небольшое красное пятно, которое одно доспаточно бы припоминало ему все, случившееся въ сію ночь, еслибъ оно и безъ того не запечатлѣлось крѣпко въ его памяти.

Воропившись въ кабинетъ, король велѣлъ составить записку о всемъ видѣнномъ, приказалъ ее подписать своимъ спутникамъ, а попомъ подписалъ и самъ. Сколько ни спарались сохранить ее въ тайнѣ оупъ публики, но о ней узнали еще при жизни самага *Карла XI*; она и теперь существуетъ, и донынѣ никто не сомнѣвался въ ея подлинности. Замѣчательно окончаніе: «Если описанное здѣсь, говоритъ король, не есть суцная правда, то я опсказываюсь оупъ всякой надежды на блаженную жизнь, которой, можетъ быть, я буду достоинъ за нѣкопорья добрыя дѣла мои и особливо за искреннее желаніе сдѣлать щастіе моимъ подданнымъ и охранить неприкосновенность религіи моихъ предковъ.»

Теперь, если припомнимъ себѣ кончину *Густава III* и судъ надъ *Анкаритремоль*, его убійцею, то найдемъ большое сходство между симъ происшествіемъ и обстоятельствомъ сего чуднаго предсказанія.

Юноша, обезглавленный въ присупствіи чиновъ, долженъ былъ *Анкаритремль*.

Внучанный прупъ, есть прупъ *Густава III*. Дитя—сынъ и наследникъ его, *Густава Адольфа IV*.

Наконецъ, старецъ долженъ быть герцогъ *Зюдерманландскій*, дядя *Густава IV*, бывший регентомъ королевства и наконецъ королемъ, по сверженіи своего племянника.

Пер. *И. Д—ъ*.

ДВА ВОЗРАСТА.

Молодость и старость имѣютъ болѣе другихъ возрастовъ надобности въ обществѣ людей, но по противоположнымъ причинамъ. Молодость опъ избытка чувствъ, какъ переполненная чаша по споронамъ расплескивается. Старость, по недостатку живыхъ ощущеній, ищетъ чрезъ посредство другихъ раздуть угасающій огонь въ сердцѣ и воображеніи.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ О БЫЛОМЪ.

(*И. А. Н. ну.*)

Единый мигъ очарованья
Для насъ—надежда упованья!
Не знаемъ мы, что онъ сулилъ:
Или напаси, или счастье,
Иль за собой несетъ ненастье,
Иль къ лучшей радости манилъ!—
Но, всё забывъ, въ мигъ упоеній,
Мы, свѣжи, веселы душой;
Пусть мы не вкусимъ наслажденій,
Пусть чуждъ намъ сладостный покой:
Мы вспоманемъ что бывало,
Что насъ въ прошедшемъ обольцало,
Чѣмъ мы дышали здѣсь съ побой...
Мой другъ! вѣдь сладко жить мечтой!...

Съ невинной сердца простотой
Забавы дѣтскія, бывало,

Дѣлили вмѣстѣ мы Нимало
Ничто тогда насъ не смущало,

Ничто, ничто покой души
И въ грезахъ сна не нарушало;
Въ нѣмой, таинственной глуши
Мы жили весело; не знали
Докучной скуки никогда,
По волѣ шутки забывали,
По волѣ мыслили, мечтали...
Мы были счастливы тогда!—
И всё прошло, всё миновалось,
Что сердцу льстило—прошело,
Веселье дѣтское умчалось,
Души спокойствіе прошло
И въ сердце горе залегло.—

По лучъ надежный не погасъ...
Пусть къ счастью нѣтъ дороги близкой:
Услышимъ мы знакомый гласъ—
И онъ, какъ нектаръ Олимпійской,
Еще намъ сладокъ; въ скучный часъ
Еще порадуешь онъ насъ.

Л. Рѣкинъ.

18 Января 1853.

Омскъ.

ФІАЛКА И МАКЪ.

(*Басня.*)

Въ партеръ, не помню гдѣ и какъ,
Между садовыми, душистыми цвѣтами
Простой попался Макъ;
И вотъ занесся онъ мечтами:
«Ну право, говоритъ проспакъ,
Къ Фіалкѣ обращай: совсѣмъ не поспигаю,
«Какъ очутились мы въ горшкѣ одномъ?
«Смотри, какъ пурпуромъ блиспаю,
«И весь, какъ облитъ серебромъ!
«А ты?»—Я?—я благоухаю!—
Фіалки бѣшь отвѣтъ.

Поразсмотрише Свѣтъ:
Иной макъ пышно разодѣтъ,—
И мыслишь не иначе,
Что чѣмъ умнѣе, тѣмъ богачѣ.

П. Манасеинъ.

LOGOGRIPE.

J'ai six pieds, mon pouvoir s'étend sur toute chose;
Que de biens je produis, mais que de maux je cause.

Moteur universel, je suis utile aux Rois;
Et trop souvent aussi, l'interprète des lois;
Par moi tel écrivain ses louanges prodigue;
Je fais naître et la paix, et la guerre, et l'intrigue.

Je civilise encor les peuples, les états;
Bref, souvent on me mange au milieu d'un repas.
Sur cinq pieds on me voit dans la plaine azurée;
Proumener gravement d'une marche assurée;

Mais quand je suis trop gros, je chancelle, périss,
Et la terre reçoit mes humides débris.

Sur quatre ma demeure est bien loin de la terre;
Je n'habite, lecteur, sur aucun hémisphère.

Sur quatre encor, fleuve majestueux,
J'arrose deux pays en mon cours tortueux.
Sur trois pieds je préside aux œuvres du génie;
Enfin sur deux, lecteur, je compose ta vie.

Въ No 105, помѣщенная шарада значить: *О-ка*.

Въ семь же No 104, помѣщенный логогрифъ значить:
Langue; (où l'on trouve: *usage, ange, âge et an*.)

MODES.

Les bijoux d'or uni ont tout-à-fait remplacé les bijoux d'or émaillé ou guilloché; les bagues même sont d'une extrême simplicité, les unes sont une bande d'or lisse, au milieu de laquelle se trouve un Nicolo, ou un anneau à deux plaques unies, enclâssant un rubis et une émeraude ovales polies sans facettes. Quelquefois on met cinq ou six bagues au quatrième doigt; très-souvent, une au petit doigt.

De jolies montres de femme sont à fleurs d'émail d'or, sur fond d'émail bleu.

Celles des hommes sont petites, plates, à une seule boîte d'or guillochée, avec un entourage d'or ciselé; sur le cadran en or ou en platine sont les heures et les aiguilles en or brillant.

Les bonnets grecs sont devenus vieux; la coiffure des jeunes hommes, pour accompagner la robe de chambre, est une calotte en velours ou en satin Pompadour. Celles de velours doivent être très-simples, sans broderie ni or, avec des passe-poils de velours ou de satin; elles sont jolies en velours violet, noir,

ou cramoisi très-foncé; celles de satin Pompadour que nous avons vues dans le magasin de M. Blassier, passage Delorme, sont d'une forme très-élégante et toute nouvelle; elles peuvent se plier de plusieurs manières, selon l'aspect qu'on désire leur donner, et doublées à l'intérieur en satin de couleur, le bord se relève en dehors, et se détache en accompagnant le visage.

On a fait des pantoufles de femme en satin et en velours; on en voit maintenant de fort jolies en cachemire brodé.

МОДЫ.

Гладкія золотыя вещи совершенно замѣнили золотыя вещи съ эмалью или *guilloché*; кольца даже весьма просты, иныя: полоски изъ гладкаго золота, въ срединѣ вставленъ *Nicolo*, или кольцо съ двумя гладкими бляхами, въ которыя вставлены рубинъ и изумрудъ, овальные, вышлифованные безъ грани. Иногда надѣваютъ пять и шесть колецъ на четвертый палецъ, весьма часто одно на мизинецъ.

Красивыя дамскія часы съ цвѣтами изъ золотой эмали, по груншу изъ голубой эмали.

Мужскія часы малы, плоски, въ одной коробчкѣ, изъ золота *guilloché*, съ обручикомъ изъ золота съ насѣчкою; на золотомъ или платиновомъ цыферблатѣ означены часы и спирѣлка изъ блестящаго золота.

Греческія шапочки соспарѣлись; уборъ молодыхъ мужчинъ, съ халапомъ, состоить изъ шапочки, сдѣланной изъ бархата или изъ апласа *Pompadour*. Бархатныя должны быть весьма просты, безъ шипы и золота, съ бархатною или апласною выпушкою; онѣ красивы изъ фиолетоваго, чѣрнаго и шѣмно-малиноваго бархата; изъ апласа *Pompadour*, которыя мы видѣли въ магазинѣ г. *Blassier*, весьма щеголеватой формы; онѣ могутъ складываться разными манерами, смотря по виду, какой желаютъ имѣть придашь, и подложены цвѣтнымъ апласомъ, край заворачивается на верхъ, и опдѣляясь, прикрываетъ лицо.

Прежде шили дамскія пучки изъ апласа или бархата; теперь видны весьма красивыя вышитыя кашемировыя.

При семь номерѣ предлагается *Оглавленіе двѣнадцатой части, или четвертой 1833 года, Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*.

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ЧЕТВЕРТОЙ 1833 ГОДА.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печаташь позволяется: 25 Декабря 1833 года. — Цензоръ *Никитенко*.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ, ИЛИ ЧЕТВЕРТОЙ

н а

1833 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Одно слово; соч. <i>П—н—к—ова</i>	стрн.	625.
Объявленіе о продажѣ театра		633.
Дешвые часы		634.
Заболѣвала жена	—	
Поутру и ввечеру; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>		641.
Лучше поздно, нежели никогда; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>		649.
Лошадный романъ		651.
Знакомство, или Свѣтская философія	657 и	665.
Слова <i>Виктора Гюго</i>		659.
Поддѣльные прелести	—	
Пожертвованія	—	
Кокетка и тщеславный		667.
Жидъ, принесенный въ жертву волкамъ	—	
Мѣсто красоты человека		668.
Театръ очищаетъ нравы	—	
Проситель		673.
Рука руку моетъ		674.
Невыгодно одному, прибыльно другому	—	
Тьма лучше!	—	
Злоупотребленіе словъ		681.
Гиселъ		682.
Ходишь и ползаешь—два дѣла разныхъ	—	
Докушный		689.
Молчаливый пародецъ		690.
Шестиженецъ	—	
Индійскій пруженикъ		697.
Цѣломудріе Лудовика XVI-го		698.
Золотыя чернила	—	
Оригиналъ и копія	—	
О лакомствѣ прекраснаго пола		705.
Французы, самая спешная въ мірѣ нація		706.
На кошорой спороть?		707.

Расшертція; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	стрн.	711.
Чудакъ; соч. <i>Алексыя Кораблинскаго</i>		729.
Философъ-пушшесшвеникъ		730.
Плосунъ	—	
О бѣжавшемъ котѣ и пойманныхъ крысахъ; соч. <i>Э.</i>		737.
Добрый человекъ, добрыя люди		746.
О Молвъ	753 и	761.
И не наши свини подламываются		756.
Пѣвчо о кольцахъ	—	
О нынѣшнемъ приращеніи къ шапкамъ; соч. <i>Гавриила Кругликова</i>		769.
Литература объявленій и выѣсокъ		771.
Ложный землемеръ		777.
Вопросъ		778.
Взятки	—	
Сиротиности великихъ людей		785.
Расправа	—	
Проводить время	—	
Свой, соч. <i>П—с—н—к—ова</i>		793.
Отрывокъ изъ романа: Думаю я самъ про себя, переведеннаго съ Англійскаго <i>Анною Ситликовою</i>		795.
Недоступный; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>		809.
Павки		820.
Новый провинціалъ въ столицѣ; соч. <i>А. Г...ва</i>	817 и	825.
Ласковый отвѣтъ на неласковыя слова		819.
О прежней и нынѣшней Французской Литературѣ		826.
Жизнь		827.
Поклёпъ	—	
Препона требуетъ душевной силы для ся одолѣнія	—	

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Мысликъ Брасыльдъ; пер. <i>Ипполита Глбова</i>		626.
Золотое слово Русскаго купца		631.
Гибельная предосторожность; пер. <i>Ип. Глбова</i>		635.
Канарейки		642.
Цхени и Джамбулатъ	651 и	659.

Мысли	стрн. 654.
О новѣйшихъ романахъ	661.
Кокешка	668, 674 и 682.
Жуковский	670.
Мысли	671.
Краткій обзоръ нынѣшней (1833) выставки Императорской Академіи Художествъ	677, 685, 692, 699, 711 и 724.
Башня Неслипская; пер. <i>Иль. Глѣбова</i>	690.
Похороны Индѣйца въ Петербургѣ; соч. <i>Иль. Д—га</i>	698.
Воспитанникъ старой гвардіи; пер. <i>А. С—аго</i>	707.
Похищеніе; соч. <i>П—с—н—к—ова</i>	709.
Ужасное свиданіе; соч. <i>Н. К—та</i>	725.
Черная роза; соч. <i>Влад. Владиславлева</i>	730.
Заколдованное ружье; пер. <i>И. Д.</i>	740.
Флорентиницъ	746.
Отрывки изъ воспоминаній о Неаполѣ	757.
Умирающій гайдукъ; пер. <i>Иль. Д—га</i>	758.
Чтеніе; пер. <i>Бр.</i>	771.
И то хорошо	773.
Самостоятельность	—
Зло	774.
Наполеоновскій гренадеръ	779.
О картинѣ Русскаго Художника <i>Карла Брюлова</i> : Послѣдній день Помпеи; пер. <i>Иль. Глѣбова</i>	786.
Браслетъ; соч. <i>В. Владиславлева</i>	810 и 820.
Видѣнія <i>Карла XI</i> , Короля Шведскаго; пер. <i>И. Д—га</i>	827.
Два возраста	831.

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Молодость; соч. <i>А. Хомякова</i>	631.
Жомера; соч. <i>Ө. Слѣпушкина</i>	639.
М. И. Ле.....вой; соч. <i>С. Степанова</i>	643.
Два жребія; соч. <i>А. К.</i>	655.
Италіанская застольная пѣсня	—
Журналы; соч. <i>А. Писарева</i>	663.
Горькая истина; соч. <i>В. Карлгофа</i>	671.
L'ogacle	—
Ратный конь; соч. <i>А. Быстроглазова</i>	679.
Отвѣтъ; соч. <i>Павла Узарова</i>	687.
Малороссійская пѣсня; соч. <i>В. Р—га</i>	—
Молитва; соч. <i>А. Грена</i>	695.
Элегія; соч. <i>Н. Ставелова</i>	—
Къ женщинамъ; соч. <i>А. Быстроглазова</i>	703.
Кольцо; соч. <i>Вл. Бриллиера</i>	713.
Заповѣдная долина; соч. <i>А. Глѣбова</i>	726.

И я любилъ!	стрн. 736.
Друзьямъ - товарищамъ; соч. <i>А. Быстроглазова</i>	743.
Романсъ; соч. <i>Л. Рѣжкина</i>	751.
Пѣсня рыбаковъ; соч. <i>Петра Никифорова</i>	—
Влюбленному поэту	759.
Безпредѣльность; соч. <i>С. Шевырева</i>	767.
Гроза; соч. <i>М. Дѣларю</i>	774.
Пріютъ спарца; соч. <i>Ө. Слѣпушкина</i>	—
Старость; соч. <i>А. Хомякова</i>	780.
Болѣзнь меланхолика	—
Подражаніе Парни; соч. <i>В. Романовича</i>	788.
Фіалка и бабочка, басня; соч. <i>Алипанова</i>	—
Звѣздъ Венерѣ	801.
Четыре вѣка; соч. <i>С. Шевырева</i>	814.
Отрывокъ изъ повѣсти: Князь Курбскій	823.

IV. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О беневисѣ актѣра г. <i>Каратыгина</i> младшаго; соч. <i>Пл.</i>	645.
О беневисѣ актѣра г. <i>Величкина</i> ; соч. <i>Пл.</i>	715.
О беневисѣ актрисы госпожи <i>Самойловой</i>	775.
О драмѣ Торквато Тассо; соч. <i>К—ва</i> , и о драматической пантомимѣ того же имени; соч. <i>К—ка</i>	781, 788 и 802.

V. ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, ОМОНИМЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія.—*Шарады*: 1) Сашури-алій; 2) Ми-нерв-а; 3) Иск-усъ; 4) Раз-боръ; 5) Вино-градъ; 6) Бу-лавка; 7) О-ка. *Логогрифы*: 8) Жмѣль; 9) Шпиць. *Омонимы*: 10) Сулпанъ; 11) Коса; 12) Рукавъ; 13) Я.

Французскія.—*Шарады*: 1) Vulage; 2) Corniche; 3) Adieu. *Логогрифы*: 4) Mode; 5) Comédie; 6) Flamme; 7) Baiser; 8) Averse; 9) Musique; 10) Langue. *Загадки*: 11) Clef; 12) Epigramme; 13) Papier.

VI. МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ и сверхъ того *дѣтъ прибавочныхъ*, изображающихъ модныя мебли.